NIION 2007-0083
MOSURED 77/27-005

ISSN 2687-0185 (Print)
ISSN 2782-571X (Online)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1
2026

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 • 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
ПРАВО

Ю. М. Антонян,
ученый секретарь секции юридических наук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России

Е. А. Антонян,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Л.А. Букалерова
доктор юридических наук, профессор

М. Д. Давитадзе,
доктор юридических наук, профессор

Ю. Н. Дмитриенко,
доктор юридических наук, профессор

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры России, академик РАЕН

Н. Г. Иванов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования России

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор

М. П. Киреев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

С. И. Кириллов,
доктор юридических наук, профессор

А. Ю. Кирсанов,
кандидат юридических наук

Н. Ш. Козаев,
доктор юридических наук, доцент

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

М. В. Костенников
доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник ОВД России

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России, заслуженный деятель науки России

EDITORIAL BOARD

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES
LAW SCIENCES

Yu. M. Antonyan,
Scientific Secretary of the Section of Legal Sciences,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

E. A. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of RANS

L.A. Bukalerova
Doctor of Legal Sciences, Professor

M. D. Davitadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

Yu. N. Dmitrienko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Prosecutor of Russian, Academician of RANS

N. G. Ivanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor

M. P. Kireev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russian

S. I. Kirillov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. Yu. Kirsanov,
Candidate of Legal Sciences

N. Sh. Kozaev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

M. V. Kostennikov
Doctor of Legal Sciences, Professor Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russia

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Scientist of Russia

S. Ya. Lebedev,

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

Н. П. Маюров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России, заслуженный деятель
науки России

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД

А. С. Прудников
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
юрист России

Т. А. Прудникова
доктор юридических наук, доцент

Б. В. Сангаджиев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Калмыкия

М. Н. Толчеев,
доктор юридических наук

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

С.А. Шаронов
доктор юридических наук, доцент, почетный работник
сферы образования РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки России, заслуженный юрист России,
судья Конституционного суда (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства России
в области науки и техники

В. Ю. Бельский,
ученый секретарь секции философских наук,
доктор философских наук, профессор

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

Ф. Ю. Албакова,
доктор философских наук

О. Е. Баксанский,
доктор философских наук

В. К. Батурин,
доктор философских наук, профессор

В. Н. Белов,
доктор философских наук, профессор

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Mayurov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of
Russian Federation, Honored Scientist of Russia

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored officer of the Ministry of Internal Affairs

A. S. Prudnikov
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

T. A. Prudnikova
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

B. V. Sangadzhiev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Kalmykia

M. N. Tolcheev,
Doctor of Legal Sciences

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russia

S.A. Sharonov
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary
Worker of the Education Sphere of the Russian Federation

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science
of Russia, Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of Russia
in the field of Science and Technics

V. Yu. Belsky,
Scientific Secretary of the Section of Philosophical Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

F. Yu. Albakova,
Doctor of Philosophical Sciences

O. E. Baksanskiy,
Doctor of Philosophical Sciences

V. K. Baturin,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. N. Belov,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

D. N. Borovinskaya,
Doctor of Philosophical Sciences

Д. Н. Боровинская,
доктор философских наук

В. И. Букреев,
доктор философских наук
А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

В. Н. Иванов,
доктор философских наук,
член-корреспондент РАН

В. Ю. Ивлев,
доктор философских наук, профессор

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

И. И. Кальной,
доктор философских наук, профессор

Н. С. Кирабаев,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки России

Е. А. Когай,
доктор философских наук, профессор

В. В. Колотуша,
доктор философских наук, профессор,
Член президиума РФО

И. А. Кушнеренко,
доктор философских наук, профессор

С. А. Нижников,
доктор философских наук, профессор

Н. В. Попкова,
доктор философских наук,
кандидат технических наук, профессор

В. А. Цвык,
доктор философских наук, профессор

О. В. Чистякова,
доктор философских наук, профессор

Р. В. Шурупова,
доктор социологических наук,
кандидат педагогических наук, профессор,
академик РАЕН, академик ИНАРН

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
ЭКОНОМИКА

И. А. Майбуров,
руководитель секции, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки России

Е. И. Кузнецова,
ученый секретарь секции экономических наук,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

А. А. Бакулина
доктор экономических наук, доцент,
член-корреспондент РАЕН

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

V. I. Bukreev,
Doctor of Philosophical Sciences
A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. N. Ivanov,
Doctor of Philosophical Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

V. Yu. Ivlev,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

I. I. Kal'noy,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

N. S. Kirabaev,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

E. A. Kogay,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. V. Kolotusha,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Member of the Presidium of the Russian Philosophical Society

I. A. Kushnerenko,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

S. A. Nizhnikov,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

N. V. Popkova,
Doctor of Philosophical Sciences,
Candidate of Technical Sciences, Professor

V. A. Tsvyk,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. V. Chistyakova,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

R. V. Shurupova,
Doctor of Sociological Sciences,
Candidate of Pedagogical Sciences, Professor,
Academician of RANS, Academician of the INARN

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES
ECONOMIC SCIENCES

I. A. Mayburov,
Section Head, Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

E. I. Kuznetsova,
Scientific Secretary of the Section of Economic Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. A. Bakulina
doctor of economic sciences, associate professor,
corresponding member of the RANS

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. V. Kashirskaya,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Л. В. Каширская,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист России

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

Л. Н. Тепман,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, академик ИНАРН

К. С. Хачатурян
доктор экономических наук, профессор

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
КОМПЬЮТЕРНЫЕ НАУКИ И ИНФОРМАТИКА

И. В. Атласов,
доктор физико-математических наук, профессор

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

М. Б. Брук,
доктор физики, академик ИНАРН (Израиль)

М. Козлов,
кандидат технических наук, профессор, академик ИНАРН

С. И. Козьминых,
доктор технических наук, доцент

И. А. Кубасов,
доктор технических наук, доцент

В. А. Минаев,
доктор технических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России,
академик РАЕН

А. С. Овчинский,
доктор технических наук, профессор,
академик РАЕН

А. М. Попов,
доктор технических наук, профессор

Л. М. Прейгерман,
доктор физики, профессор,
академик ИНАРН (Израиль)

В. А. Прорвич,
доктор технических наук, доктор юридических наук,
профессор

Д. А. Шаповалов,
доктор технических наук, профессор

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G.B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Academician of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. N. Tepman,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Academician of INARN

K. S. Khachaturian
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

NATURAL SCIENCES
COMPUTER SCIENCE AND INFORMATICS

I. V. Atlasov,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

M. B. Bruk,
Doctor of Physical Sciences, Academician of INARN (Israel)

M. Kozlov,
Candidate of Technical Sciences, Professor, Academician of INARN

S. I. Kozminykh,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

I. A. Kubasov,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

V. A. Minaev,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

A. S. Ovchinsky,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

A. M. Popov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

L. M. Preygerman,
Doctor of Physical Sciences, Professor,
Academician of INARN (Israel)

V. A. Prorvich,
Doctor of Technical Sciences, Doctor of Legal Sciences,
Professor

D. A. Shapovalov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29301 от 20 августа 2007 г.

Научный редактор, ответственный за издание, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Лауреат премии Правительства РФ в области образования **Н. Д. Эриашвили**
E-mail: nodari@unity-dana.ru Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

При участии:
М. И. Никитин
Д. Э. Каллагова
М. А. Пыженкова

Дизайн и верстка
А. П. Яковлев

УЧРЕДИТЕЛЬ:
«Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
тел. 8 (499) 789-67-35

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Содержание № 1 • 2026

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
ПРАВО

Акименко П. А. Пробелы и коллизии уголовного законодательства в сфере противодействия незаконной миграции 9
Богданов А. В., Волосевич И. Н., Хазов Е. Н. Особенности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 14
Василенко Г. Н. Субъекты административно-декларационных правоотношений 22
Вашаев М. А. Проблемные вопросы нормативного регулирования административного задержания в деятельности органов внутренних дел (полиции) 31
Голубоцких П. В. Организационно-правовые меры предупреждения преступного поведения мигрантов в сфере безопасности дорожного движения 35
Гринько С. Д. Современное состояние, тенденции и перспективы совершенствования системы предупреждения преступности несовершеннолетних в Российской Федерации 41
Гусаим И. В. Проблемы определения и разграничения понятий «Экстремизм» и «Терроризм» в уголовно-правовой науке 45
Давитадзе М. Д. Социальные сети как фактор девиантного поведения: вызовы для современной криминологии 54
Данилкин И. А., Данилкина В. М. Современные возможности и перспективы использования цифровых технологий в правоохранительной деятельности органов внутренних дел города Москвы 63
Дмитриев А. И. К вопросу о детерминантах публичных действий, побуждающих к совершению преступлений, посягающих на территориальную целостность Российской Федерации 70
Епифанов А. Е. Национальный суверенитет и безопасность в условиях транснациональной организованной преступности 76
Журавлев В. В. Дисциплинарно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса 83
Зарина А. М., Бессонова Т. С. Предупреждение и профилактика терроризма сотрудниками органов внутренних дел в России 90
Калашников И. В. Сравнительно-правовой анализ уголовно-исполнительного законодательства России и республики Узбекистана 97
Камалян А. В. Муниципальные механизмы обеспечения доступности первичной медико-санитарной помощи: правовой анализ 103
Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Свобода выбора поведения и генезис ее ограничения в правовом государстве 108
Лангнер Т. С. Правовой анализ статуса Центрального банка Российской Федерации: исследование юридической природы и полномочий 115
Мархолия Р. Г. Феномен лидерства в преступной иерархии и стратегия «инфильтрационной анестезии» в контексте противодействия организованной преступности 121
Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия 125
Михлина Э. Б. Правовое регулирование противодействия мошенничеству с цифровыми активами 130

Заказ № 16
Подписано в печать 19.03.2026 г.

Индекс по каталогу
Агентства «Урал-Пресс Округ»

013885

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.
• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.
• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
(1-й завод – 300).

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Мякишев А. С. Технические средства надзора как инструмент обеспечения непенитенциарного режима: теоретико-прикладные аспекты 137
Осокин Р. Б. Признание несовершеннолетних потерпевшими при насилии в семейно-бытовой сфере, совершаемом в их присутствии 143
Пауков О. В. К вопросу об основных элементах оперативно-розыскной характеристики насильственно-агрессивных преступлений против личности в условиях современных реалий 148
Прудников А. С. Особенности правового регулирования прав трудящихся-мигрантов в современной России 155
Прудникова Т. А. О некоторых аспектах дополнительного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации 159
Пухова Н. В. Адаптация и интеграция русскоязычных мигрантов в России: социально-экономические аспекты 163
Серпионова А. И. Социальное обеспечение иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации на современном этапе 174
Сосновская Ю. Н., Рязанцева М. Н. Цифровой профиль мигранта как инструмент управления миграционными процессами в современной России 178
Ступникова А. И. Специфика нормативного регулирования и практического применения мер пресечения, требующих судебного решения по законодательству Российской Федерации 183
Тепленко А. Н. Уголовно-процессуальные аспекты участия представителя иностранного гражданина на этапе обращения в уполномоченный государственный орган с сообщением о преступлении 191
Титор С. Е. Соотношение профессиональных стандартов и профессиональных компетенций с федеральными государственными образовательными стандартами 200
Токолов А. В. Юридическая ответственность за распространение фейков: границы допустимого регулирования в демократическом обществе 208
Ушаков М. А., Золотухин Д. В., Силуянова П. П. Совершенствование уголовно-правового регулирования противодействия незаконной миграции сотрудниками органов внутренних дел 212
Цветков А. А. Отдельные вопросы криминологической типологизации лиц, совершающих преступления, связанные с диверсионной деятельностью 216
Шарипов П. М. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении профилактических мероприятий по противодействию незаконной миграции 220

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
ЭКОНОМИКА

Михеев Д. А. Совершенствование участия банковского сектора в государственных программах кредитования малого и среднего предпринимательства 224
Остаев Г. Я., Хосиев Б. Н., Хосиев Э. Б. Особенности судебно-экономической экспертизы начисления амортизации на основные средства 232

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
КОМПЬЮТЕРНЫЕ НАУКИ И ИНФОРМАТИКА

Минаев В. А., Бондарь К. М. Противодействие киберпреступности на основе применения технологий искусственного интеллекта 241

The journal is registered
by Federal Surveillance Service
for Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-29301
dated 20.08.2007

Scientific Editor,
responsible for the publication,
Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of a Science and
Technics,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, Laureate of the Russian
Government Prize in the field of
education
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive Secretary
A. V. Petrushina

With participation of:
M. I. Nikitin
D. E. Kallagova
M. A. Pyzhenkova

Design and layout
A. P. Yakovlev

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff adress:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
tel. 8 (499) 789-67-35

CRIMINOLOGICAL JOURNAL

Contents № 1 • 2026

SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES
LEGAL SCIENCES

Akimenko P. A. Gaps and conflicts in criminal legislation in the field of combating illegal migration....9
Bogdanov A. V., Volosevich I. N., Khazov E. N. Features of detection and disclosure of crimes committed using information and telecommunication technologies....14
Vasilenko G. N. Subjects of administrative-declarative legal relations....22
Vashaev M. A. Problematic issues of regulatory regulation of administrative detention in the activities of law enforcement agencies (police)....31
Golubotskikh P. V. Organizational and legal measures to prevent criminal behavior of migrants in the field of road safety....35
Grinko S. D. Modern status, trends and prospects for improving the juvenile delinquency prevention system in the Russian Federation....41
Gusaim I. V. Problems of defining and distinguishing the concepts of «Extremism» and «Terrorism» in criminal law science....45
Davitadze M. D. Social networks as a factor of deviant behavior: challenges for modern criminology....54
Danilkin I. A., Danilkina V. M. Modern opportunities and prospects for the use of digital technologies in law enforcement activities of law enforcement agencies of the city of Moscow....63
Dmitriev A. I. On the issue of determinants of public actions that encourage the commission of crimes that infringe on the territorial integrity of the Russian Federation 70
Epifanov A. E. National sovereignty and security in the context of transnational organized crime....76
Zhuravlev V. V. Disciplinary and jurisdictional process as a type of legal process....83
Zarina A. M., Bessonova T. S. Prevention and prevention of terrorism by law enforcement officers in Russia....90
Kalashnikov I. V. Comparative legal analysis of the criminal executive legislation of Russia and the Republic of Uzbekistan....97
Kamalyan A. V. Municipal mechanisms for ensuring accessibility of primary health care: a legal analysis....103
Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Freedom of choice of behavior and the genesis of its limitations in a State governed by the rule of law....108
Langner T. S. Legal analysis of the status of the Central Bank of the Russian Federation: a study of the legal nature and powers....115
Markholia R. G. The phenomenon of leadership in the criminal hierarchy and the strategy of «infiltration anesthesia» in the context of countering organized crime....121
Mikhailova E. V. Criminological characteristics of crimes related to illegal arms trafficking....125
Mikhlina E. B. Legal regulation of countering digital asset fraud....130

Order № 16
Date of issue:
19.03.2026

Distributed by subscription index in the catalog of «Ural-Press Okrug» agency

013885

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their considaeration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.
- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing Circulation 500 copies
(1st release – 300)

Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'

117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Myakishev A. S. Technical means of supervision as a tool for ensuring a non-emergency regime: theoretical and applied aspects 137
Osokin R. B. Recognition of minors as victims of domestic violence committed in their presence 143
Paukov O. V. On the issue of the main elements of the operational-investigative characteristics of violent and aggressive crimes against the individual in modern realities 148
Prudnikov A. S. Features of legal regulation of the rights of migrant workers in modern Russia 155
Prudnikova T. A. On some aspects of additional registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation 159
Pukhova N. V. Adaptation and integration of Russian-speaking migrants in Russia: socio-economic aspects 163
Serpionova A. I. Social security of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation at the present stage 174
Sosnovskaya Yu. N., Ryazantseva M. N. The digital profile of a migrant as a tool for managing migration processes in modern Russia 178
Stupnikova A. I. The specifics of regulatory regulation and practical application of preventive measures requiring a court decision under the legislation of the Russian Federation 183
Teplenko A. N. Criminal procedural aspects of the participation of a representative of a foreign citizen at the stage of filing a criminal complaint 191
Titor S. E. The ratio of professional standards and professional competencies with federal state educational standards 200
Tokolov A. V. Legal responsibility for spreading fakes: the limits of acceptable regulation in a democratic society 208
Ushakov M. A., Zolotukhin D. V., Siluyanova P. P. Improving the criminal law regulation of countering illegal migration by law enforcement officers. 212
Tsvetkov A. A. Certain issues of criminological typology of persons committing crimes related to sabotage activities 216
Sharipov P. M. Observance of human and civil rights and freedoms during preventive measures to combat illegal migration 220

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES
ECONOMIC SCIENCES

Miheev D. A. Improving the participation of the banking sector in government lending programs for small and medium-sized enterprises 224
Ostaev G. Ya., Khosiev B. N., Khosiev E. B. Features of forensic economic expertise of depreciation of fixed assets 232

NATURAL SCIENCES
COMPUTER SCIENCE AND INFORMATICS

Minaev V. A., Bondar K. M. Countering cybercrime through the use of artificial intelligence technologies 241

Научная статья
УДК 343
EDN: https://elibrary.ru/UPGUCH
NIION: 2007-0083-1/26-757
MOSURED: 77/27-005-2026-01-957

Пробелы и коллизии уголовного законодательства в сфере противодействия незаконной миграции

Павел Александрович Акименко
Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, nochnoy_patrul@mail.ru

Аннотация. Проанализированы актуальные проблемы уголовно-правового противодействия незаконной миграции в Российской Федерации, выявлены пробелы и коллизии в действующем уголовном законодательстве. Приведены статистические данные последних лет: несмотря на ужесточение уголовной ответственности, масштабы преступлений, связанных с незаконной миграцией, остаются значительными. На основе анализа судебной практики и научных источников показано, что недостаточная полнота и определенность норм приводят к отсутствию единообразия их применения. Сделан вывод о необходимости комплексного совершенствования законодательства и правоприменения. В качестве основных направлений предлагается уточнение терминологии, обеспечение межотраслевой согласованности и успешной работы принципа неотвратимости наказания.

Ключевые слова: незаконная миграция, миграционные преступления, фиктивная регистрация, противодействие миграции, межотраслевая согласованность

Для цитирования: Акименко П. А. Пробелы и коллизии уголовного законодательства в сфере противодействия незаконной миграции // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 9–13. EDN: UPGUCH.

Original article

Gaps and conflicts in criminal legislation in the field of combating illegal migration

Pavel A. Akimenko
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, nochnoy_patrul@mail.ru

Abstract. The current problems of criminal law counteraction to illegal migration in the Russian Federation are analyzed, gaps and conflicts in the current criminal legislation are identified. The statistical data of recent years are given: despite the tightening of criminal liability, the scale of crimes related to illegal migration remains significant. Based on the analysis of judicial practice and scientific sources, it is shown that the lack of completeness and certainty of the norms lead to a lack of uniformity in their application. The conclusion is made about the need for comprehensive improvement of legislation and law enforcement. The main directions proposed are the clarification of terminology, ensuring cross-industry consistency and the successful operation of the principle of the inevitability of punishment.

Keywords: illegal migration, migration crimes, fictitious registration, anti-migration, inter-sectoral coordination

For citation: Akimenko P. A. Gaps and conflicts in criminal legislation in the field of combating illegal migration. Criminological Journal. 2026;(1):9–13. (In Russ.). EDN: UPGUCH.

Незаконная миграция в современном мире признана одной из наиболее значимых угроз безопасности государства [12, с. 16]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации противодействие незаконной миграции указано, как одна из задач обеспечения государственной и общественной безопасности (подп. 16 п. 47). По оценкам МВД, по состоянию на ноябрь 2024 г. в Российской Федерации более 10 % приезжих находится незаконно [13].

На 1 октября 2024 г. [2] в стране насчитывалось свыше 740 тыс. иностранных граждан, не имеющих законных оснований пребывания (рост около 40 % с начала 2024 г.), а к марту 2025 г. число мигрантов, включенных в Реестр контролируемых лиц, составило 685 тыс. [3]. Эти лица в силу того, что они находятся внутри страны незаконно, нередко выпадают из поля зрения властей и часто вовлечены в преступную деятельность. По итогам 2024 г. принято 190,2 тыс. решений об удалении иностранных граждан с территории Российской Федерации (об административном

© Акименко П. А., 2026

выдворении, депортации и реадмисии), что на 31,1 % больше, чем за 2023 г. [2]. Органами внутренних дел усилена работа по противодействию преступлениям, связанным с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), в результате которой на 45,6 % увеличилось число выявленных (с 1,7 тыс. до 2,5 тыс.), на 81,4 % — предварительно расследованных таких преступлений (с 1,2 тыс. до 2,1 тыс.) [3].

Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, незаконные мигранты зачастую бывают втянуты в криминальный бизнес, а каналами незаконной миграции пользуются в том числе экстремисты и террористы [10]. Таким образом, проблематика противодействия незаконной миграции имеет не только криминологическое, но и общегосударственное значение.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) предусматривает ответственность за наиболее опасные деяния, связанные с незаконной миграцией, в ст. 322, 322.1, 322.2 и 322.3. Эти нормы призваны охранять установленный порядок въезда, пребывания и регистрационного учета иностранных граждан. Однако с момента их введения (ст. 322.1 УК РФ — в 2004 г., ст. 322.2–322.3 — в 2013 г.) российское законодательство испытывает трудности в правоприменении данных положений. Законодательные конструкции неоднократно совершенствовались, но ожидаемого снижения уровня незаконной миграции и связанных правонарушений не произошло. Напротив, статистика свидетельствует об их устойчивой латентности и росте: с 2014 по 2019 г. число лиц, осужденных по миграционным составам УК РФ, возросло с 5,5 тыс. до 15,9 тыс. Даже последние меры по ужесточению наказаний не устранили все проблемы. В 2023 г. за организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) в Российской Федерации были осуждены 917 человек — на 27 % больше, чем годом ранее. За 9 месяцев 2025 г. органами внутренних дел усилена работа по противодействию преступлениям, связанным с организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), в результате которой на 45,6 % увеличилось число выявленных (с 1,7 тыс. до 2,5 тыс.), на 81,4 % — предварительно расследованных таких преступлений (с 1,2 тыс. до 2,1 тыс.) [3]. По аналогии с указанным, по ст. 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет иностранных граждан) суды ежегодно выносят тысячи приговоров (так, в 2023 г. осуждено 7,6 тыс. лиц) [11]. Эти цифры подтверждают, что проблема остается актуальной, и борьба с ней осложняется несовершенством нормативной базы.

На современном этапе в УК РФ сформирована целая подсистема норм, направленных на охрану миграционного порядка. Однако их реализация на практике выявила ряд недостатков нормативного характера.

Прежде всего, отсутствует законодательное определение термина «незаконная миграция». Это понятие широко используется в официальных документах и научной литературе, охватывая различные формы нарушения миграционных правил (незаконный въезд, проживание без регистрации, нарушений правил труда и т. д.), но в законодательстве оно прямо не раскрыто. Отсутствие дефиниции порождает неоднозначность трактовки пределов криминализации [5, с. 136; 9, с. 53]. Например, не вполне ясно, какие конкретно действия составляют «организацию незаконного пребывания» мигрантов: только ли целенаправленное противоправное содействие, либо любое нарушение установленных процедур? В результате на практике возникли разночтения. Фактически термин «организация» в диспозиции ч. 1 ст. 322.1 УК РФ имеет размытое содержание, что приводит к отсутствию единства в квалификации соответствующих преступлений [1, с. 279–280].

Также обращает на себя внимание терминологическая несогласованность: в юридической литературе и подзаконных актах используется как термин «нелегальная миграция», так и «незаконная миграция». По сути они синонимичны, но для единообразия законодательства и правоприменения следует остановиться на одном варианте. В названиях уголовно-правовых норм (ст. 322.1 УК РФ) применяется слово «незаконный», тогда как в общественно-политическом дискурсе чаще говорят «нелегальный мигрант». Законодатель мог бы дать определение и тем самым унифицировать терминологию.

Кроме того, не до конца разрешенными остаются коллизии норм УК РФ между собой в рассматриваемой сфере. Так, составы ст. 322.1 УК РФ и 322.2–322.3 УК РФ имеют пересекающиеся признаки. Фиктивная регистрация мигрантов по месту жительства или пребывания сама по себе является способом содействия их незаконному пребыванию. Возникает вопрос: квалифицировать ли такие действия одновременно по общей норме (организация незаконной миграции) и специальной норме (фиктивная регистрация), либо только по специальной? Закон этого прямо не разъяснял, что на начальном этапе приводило к разночтениям. Аналогичная проблема — пересечение ст. 322.1 УК РФ с составом незаконного пересечения границы (ст. 322 УК РФ), когда организатор лично перевозит мигрантов через границу. Здесь потенциально усматривается совокупность преступлений (сам организатор как соисполнитель пересекает границу незаконно, при этом параллельно совершая действия по организации такого пересечения в отношении других лиц).

Для обеспечения единообразия практики высшая судебная инстанция дала некоторые разъяснения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 9 июля 2020 г. [8] специально посвящено делам о незаконной миграции. В нем указано, что если действия виновного лица заключались исключительно в фиктивной регистрации (постановке на учет) иностранца, они должны квалифицироваться только по ст. 322.2 или 322.3 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 322.1 УК. Тем самым подтвержден приоритет специальной нормы и устранена конкуренция: организация незаконной миграции охватывает создание условий в широком смысле, но когда эти условия со-

стоят в более узком и предусмотренном специальной нормой деянии — нужно применять специальную норму (например, о фиктивной регистрации). Аналогично, Пленум разъяснил, что не требуется вменять отдельно ст. 322 УК РФ тому, кто организовал незаконную миграцию и при этом сам незаконно пересек границу в качестве сопровождающего: в таких случаях содеянное полностью охватывается составом организации незаконной миграции.

В то же время, неразрешенной остается иная коллизия — дублирование уголовной ответственности за использование подложных документов мигрантами (ст. 322.1 УК РФ упоминает использование поддельных документов как квалифицирующий признак, а общая ст. 327 УК РФ также карает подлог документов). Такие пересечения порождают риск двойного вменения либо, наоборот, ухода от более строгой ответственности при неправильной квалификации.

Стоит также упомянуть коллизию с международно-правовыми нормами. Российское уголовное законодательство в целом соответствует обязательствам по противодействию незаконному перевозу мигрантов (Протокол ООН о противодействии незаконному ввозу мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 г. [9], имплементирован посредством ст. 322.1 УК РФ). Вместе с тем, важно соблюдать гарантии прав человека. Примечание к ст. 322 УК о непривлечении ищущих убежище лиц отражает требования Конвенции о статусе беженцев 1951 г. [7]. Однако на практике возможны случаи, когда иностранцы, заявляющие о намерении получить убежище, по ошибке привлекаются за незаконный въезд. Это указывает на пробелы в правоприменении и необходимости лучшего информирования правоохранителей о международных стандартах.

Так, например, гражданин А. в Московской области предоставил своему знакомому, гражданину Б. (иностранцу без регистрации и разрешения на работу), временное жилье — оборудованный для проживания бытовой вагончик на своем участке. Зная об отсутствии у иностранца документов и легальных оснований пребывания в Российской Федерации, он снабдил вагончик кроватями, постельными принадлежностями, бытовой техникой. И хотя на первый взгляд речь идет об единичном эпизоде нарушения порядка пребывания, который мог бы повлечь административный штраф принимающей стороне. Однако действия гражданина А. были квалифицированы по ч. 1 ст. 322.1 УК РФ — как организация незаконного пребывания иностранца [1, с. 281]. Обозначенный и сходные случаи иллюстрируют проблему: разовые и не особо общественно опасные нарушения могут повлечь уголовное наказание, если их усмотреть через призму широкой формулировки «создания условий для незаконного пребывания». С другой стороны, даже в случае организованного нелегального перемещения людей через границу гипотетически могут возникнуть споры о том, подпадает ли это деяние под «организацию незаконной миграции» либо оно должно трактоваться как соучастие самих мигрантов в незаконном пересечении границы (например, если преступная группа перевезла через границу несколько мигрантов, но безвозмездно).

До недавнего времени указанные пробелы в регулировании объективно способствовали выборочному правоприменению. Требования принципа равенства перед законом оказывались под угрозой, когда судьба нарушителя зависела от усмотрения конкретного должностного лица — привлечь ли его к уголовной ответственности или ограничиться административной. Как справедливо отмечал М. А. Кауфман, пробельность уголовного закона приводит к ошибкам и произволу в правоприменении [6, с. 3]. Неопределенность критериев преступности деяния чревата ущемлением прав граждан и подрывает профилактическую функцию наказания. В итоге снижается эффективность уголовно-правового запрета, ослабляется принцип неотвратимости ответственности. Еще Чезаре Беккариа писал: «Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступления» [4, с. 117]. Если же наказание наступает выборочно, значительная часть нарушителей избегает ответственности, что подогревает теневой «миграционный бизнес».

В целом, в миграционной сфере законодатель реагировал на выявленные проблемы точечными мерами. В 2021–2022 гг. обсуждалось введение административной преюдиции для ст. 322.1 УК РФ — т. е. признание преступлением организацию незаконной миграции лишь в случае, если лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичные деяния. Такой механизм позволил бы отсеивать малозначительные случаи, однако соответствующая норма пока не принята. Вместо этого законодательство пошло по пути ужесточения санкций: Федеральным законом № 383-ФЗ от 9 ноября 2024 г. увеличены размеры наказаний по ст. 322.1–322.3 УК РФ, что свидетельствует об усилении репрессивного подхода.

Хотя ужесточение наказаний и процессуальные поощрения (освобождение от уголовной ответственности за сотрудничество) призваны повысить эффективность правоохранительных мер, сами по себе они не устраняют первопричины пробелов и коллизий. Стремительное наращивание санкций без устранения дефектов нормотворчества несет риск криминализации малозначительных деяний и перегрузки следственных органов мелкими делами, не затрагивающими крупные организованные схемы. Кроме того, усиление санкций не гарантирует неотвратимости наказания. Например, в 2023 г. по основному составу ст. 322.1 УК РФ 78 % осужденных были осуждены с условным отбыванием наказания, а по ст. 322.2–322.3 УК РФ 80 % осужденных были приговорены к уплате штрафа [14]. Это может свидетельствовать, что суды зачастую сталкиваются с преступлениями небольшой общественной опасности либо с формальными нарушениями.

Еще одним пробелом законодательства является отсутствие в УК РФ нормы, прямо устанавливающей наказание за повторное незаконное пребывание в стране после выдворения. В настоящее время иностранец, нарушивший режим после депортации, привлекается либо к административной ответственности (если он вновь просрочил выезд), либо к уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы по ст. 322 УК РФ (если он тайно вернулся в Российскую Федерацию). Специального состава, корелирующего обозначенной ситуации, нет, хотя с точки зрения профилактики целесообразно выделить рецидив нелегального пребывания как отягчающий фактор.

Таким образом, противодействие незаконной миграции требует сбалансированного сочетания карательных мер и предупреждения. Уголовное законодательство должно действовать как острый инструмент, нацеленный на организованную преступность, извлекающую выгоду из незаконной миграции, и коррупционные связи, ей потворствующие. При этом закон должен быть точным и определенным, без излишней криминализации социальных явлений, которые эффективнее регулировать в административном порядке.

Только устранив пробелы и противоречия, можно достигнуть главной цели — обеспечить неотвратимость ответственности для организаторов незаконной миграции и тем самым снизить масштабы этого явления. Закон, лишенный внутренних противоречий и неопределенностей, будет понятен гражданам и правоприменителям, что повысит его превентивное воздействие. В перспективе это послужит укреплению законности и безопасности в миграционной сфере.

Список источников

1. Акименко П. А., Осокин Р. Б. Проблемы разграничения уголовной и административной ответственности за противоправные деяния в сфере миграционных правоотношений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1 (24). С. 277–285.
2. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–декабрь 2024 г. // URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/
3. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–сентябрь 2025 г. // URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с ит. Ю. М. Юмашева. М. : Международные отношения, 2000.
5. Иванов П. И. О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 135–141.
6. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
7. Конвенция о статусе беженцев (принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 (ред. от 23 декабря 2025 г.) «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 9.
9. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml
10. Путин призвал Совбез пресекать попытки втянуть нелегалов в криминал // URL: https://nazaccent.ru/content/20075-putin-prizval-sovbez-presekat-popytki-vtyanut
11. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики // URL: https://cdep.ru/?id=79
12. Уторова Т. Н. Компаративный анализ уголовной ответственности за преступления в сфере миграции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2019.
13. Число находящихся в России нелегальных мигрантов увеличилось на 40 % с начала года, заявил министр внутренних дел РФ Владимир Колокольцев на заседании коллегии министерства по миграции // URL: https://expert.ru/news/chislo-nelegalnykh-migrantov-v-rf-s-nachala-goda-vozroslo-na-40/
14. Число осужденных за легализацию мигрантов в РФ в 2023 году выросло на 27 % // URL: https://tass.ru/obschestvo/20611511

References

1. Akimenko P. A., Osokin R. B. Problems of differentiation of criminal and administrative responsibility for illegal acts in the sphere of migration legal relations // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2016. No. 1 (24). P. 277–285.

2. Analytical report on the results of the activities of the migration units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for January–December 2024 // URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/
3. Analytical report on the results of the activities of the migration units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for January–September 2025 // URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/
4. Beccaria C. About crimes and punishments / translated from it by Yu. M. Yumashev. M. : International Relations, 2000.
5. Ivanov P. I. On illegal migration (concept, essence and content) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (43). P. 135–141.
6. Kaufman M. A. Gaps in criminal law and ways to overcome them: abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. M., 2009.
7. Convention on the Status of Refugees (adopted on July 28, 1951 by the Conference of Plenipotentiaries on the Status of Refugees and Stateless Persons, convened in accordance with General Assembly resolution 429 (V) of December 14, 1950) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2020 No. 18 (as amended on December 23, 2025) «On judicial practice in cases of illegal crossing of the State Border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. No. 9.
9. Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (adopted by General Assembly resolution 55/25 of November 15, 2000) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml
10. Putin called on the Security Council to stop attempts to involve illegal immigrants in crime // URL: https://nazaccent.ru/content/20075-putin-prizval-sovbez-presekat-popytki-vtyanut
11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: judicial statistics // URL: https://cdep.ru/?id=79
12. Utorova T. N. Comparative analysis of criminal liability for crimes in the field of migration: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences. M., 2019.
13. The number of illegal migrants in Russia has increased by 40 % since the beginning of the year, Russian Interior Minister Vladimir Kolokoltsev said at a meeting of the Board of the Ministry of Migration // URL: https://expert.ru/news/chislo-nelegalnykh-migrantov-v-rf-s-nachala-goda-vozroslo-na-40/
14. The number of people convicted of legalizing migrants in the Russian Federation increased by 27 % in 2023 // URL: https://tass.ru/obschestvo/20611511

Библиографический список

1. В реестр контролируемых лиц включены в РФ 685 тыс. иностранцев // URL: https://www.interfax.ru/russia/1012685
2. Глава МВД назвал число нелегальных мигрантов в России // URL: https://www.rbc.ru/politics/30/10/2024/672234fc9a79479f03e4c419
3. Смашникова Т. Б. Понятия незаконной миграции и нелегальной миграции в нормативных правовых актах Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 19. С. 50–53.

Bibliographic list

1. 685,000 foreigners in the Russian Federation are included in the register of controlled persons // URL: https://www.interfax.ru/russia/1012685
2. The Interior Minister named the number of illegal migrants in Russia // URL: https://www.rbc.ru/politics/30/10/2024/672234fc9a79479f03e4c419
3. Smashnikova T. B. The concepts of illegal migration and illegal migration in the normative legal acts of the Russian Federation // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2011. No. 19. P. 50–53.

Информация об авторе

П. А. Акименко — ведущий научный сотрудник, старший советник юстиции Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

P. A. Akimenko — Senior Researcher, Senior Advisor of Justice at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 343.9.01
EDN: https://elibrary.ru/VBUOHM
NIION: 2007-0083-1/26-758
MOSURED: 77/27-005-2026-01-958

Особенности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Анатолий Васильевич Богданов[1], Игорь Николаевич Волосевич[2], Евгений Николаевич Хазов[3]
[1,2,3] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[2] 89151333377in@gmail.com
[3] evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. Проведен детальный анализ и рассмотрены особенности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Актуальность заключается в том, что в современной России с каждым годом возрастает количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Особое внимание уделено причинам, условиям и особенностям выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологии, организованные преступные группы, особенности выявления и раскрытия преступлений, совершенных организованными преступными группами

Для цитирования: Богданов А. В., Волосевич И. Н., Хазов Е. Н. Особенности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 14–21. EDN: VBUOHM.

Original article

Features of detection and disclosure of crimes committed using information and telecommunication technologies

Anatoly V. Bogdanov[1], Igor N. Volosevich[2], Evgeny N. Khazov[3]
[1,2,3] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[2] 89151333377in@gmail.com
[3] evg.hazow@yandex.ru.

Abstract. A detailed analysis has been carried out and the features of the detection and disclosure of crimes committed using information and telecommunication technologies have been considered. The relevance lies in the fact that in modern Russia the number of crimes committed using information and telecommunication technologies is increasing every year. Special attention is paid to the causes, conditions and features of the detection and disclosure of crimes committed using information and telecommunication technologies.

Keywords: operational investigative activities, crimes in the field of information and telecommunication technology, organized criminal groups, features of detection and disclosure of crimes committed by organized criminal groups

For citation: Bogdanov A. V., Volosevich I. N., Khazov E. N. Features of detection and disclosure of crimes committed using information and telecommunication technologies. Criminological Journal. 2026;(1):14–21. (In Russ.). EDN: VBUOHM.

Главным вызовом для органов внутренних дел стали преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ). Всеобщая цифровизация, информационные технологии и искусственный интеллект обнаружили очень опасные и уязвимые точки, связанные с безопасностью граждан и государства. Не было бы интернета, не было бы информационной безопасности как индустрии. Не было бы Интернета, не было бы и информационной безопасности как индустрии [1].

© Богданов А. В., Волосевич И. Н., Хазов Е. Н., 2026

До 1992 г. в СССР и России не обучали защите информации в гражданских вузах. Эта система была уделом ограниченного количества «закрытых вузов» и негражданских государственных организаций. С появлением Интернета в России появились новые классы угроз. А самое главное, если раньше существовала изолированная компьютерная сеть в рамках одного здания, какого-нибудь оборонного предприятия или министерства, то подключение к Интернету автоматически сделало сети компаний и организаций доступными всему миру. Чем больше Интернет-сервисов, тем больше различных угроз [2].

В настоящее время цифровое пространство превратилось в способ зарабатывания денег. Невозможно сохранить всемирную паутину от кибервторжений. Киберпреступность в сети Интернет непобедима. Внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в различные области общественной жизни, появление новых технических средств, формирование цифрового пространства в качестве платформы, обеспечивающей гармоничное взаимодействие между различными субъектами юридических отношений, а также развитие искусственного интеллекта (ИИ) — это реалии современного информационного (цифрового) общества [3].

С каждым годом расширяется сфера применения искусственного интеллекта в системе МВД РФ. Внедрение ИИ поможет снизить нагрузку на оперативные подразделения. ИИ никогда не сможет полностью заменить оперативного сотрудника — это еще и индивидуальный подход, умение принимать решения в сложных и нестандартных ситуациях: в выявлении и раскрытии преступлений.

Способов, которыми кибермошенники стараются изъять деньги у населения, сегодня великое множество. Даже эксперты и правоохранительные органы сбились со счета. Едва раскроют одну схему, тут же появляется следующая, еще более хитроумная. Однако и старые методы мошенничества продолжают работать. Кибермошенники применяют все новые и новые формы социальной инженерии, которые подвергаются систематической трансформации в следствии, изменяющихся внутренних и внешних социально-экономических и политических обстоятельств и проведении специальной военной операции (СВО).

Обозначенные выше процессы диктуют обязательную потребность по переосмыслению возникших угроз в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), а также обусловленных ею возникших проблем, не только с теоретических и правовых позиций, но и с уголовной и правовой защиты граждан и организаций, но также и с точки зрения и позиции оперативно-розыскной деятельности. Один из безусловных приоритетов органов внутренних дел это борьба с преступлениями с использованием ИТТ [4].

Используя методы социальной инженерии и искусственного интеллекта (ИИ), киберпреступники легко завоевывают доверие тех, кто совсем не привык жить в мире цифровых угроз. В 2024 г. в России, зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше чем в 2023 г. [5].

По данным Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России (УБК МВД России) только по итогам 2024 г. общая сумма составила 203 млрд руб. Жертвами стали 132,4 тыс. пенсионеров (23,4 % от общего количества потерпевших); 6,9 тыс. несовершеннолетних (1,2 %) [6].

Использование локальных решений и проверенных облачных платформ снижает уровень безопасности утечки персональных данных. Утечки персональных данных ИИ-сервисов могут происходить из-за кибератак или ошибок на этапе разработки сервиса. Злоумышленники могут похитить учетные данные пользователей от аккаунтов в ИИ-сервисах и получить доступ к конфиденциальным данным, которыми те обмениваются с нейросетью. Программы-шифровальщики остаются одной из самых опасных киберугроз. Злоумышленники продолжают активно использовать социальную инженерию — набор методик манипулирования людьми с целью получения конфиденциальной информации и несанкционированного доступа к серверам и персональным компьютером [7].

В 2023 г. общий объем прибыли хакеров, действующих в России странах СНГ превысил 1 млрд долларов. Ежегодно на территории Российской Федерации помимо сохранения тенденции увеличения количества регистрируемых преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, фиксируется растущий уровень сложности документирования данных преступлений в связи с постоянным развитием информационных технологий, что в свою очередь совершенствует и инструменты совершения данных преступлений, увеличивая их количество. В настоящее время в Перечне № 25 статей УК РФ IT-преступлений (действующего в редакции совместного указания Генеральной прокуратуры России и МВД России от 27 декабря 2024 г. № 952/11/3) — 83 состава, из них к компетенции оперативных подразделений органов внутренних дел относится 78 составов, из них к латентным (скрытым) составам, которые подлежат выявлению, относятся более 60 %. Наибольшей латентностью обладают преступления, отнесенные к Главе 28 УК РФ, из них 80–85 % преступлений, связанных с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации, а факты обнаружения незаконного доступа к информационным ресурсам на 90 % носят случайный характер. При этом треть IT-преступлений, отнесенных к компетенции подразделений по борьбе с киберпреступлениями квалифицируются по совокупности со ст. 272 и (или)

273 УК РФ, а именно: ст. 137, 146, 158, 159, 159.3, 163, 165, 183, 187 УК РФ [8].

Увеличение количества регистрируемых IT-преступлений, в том числе по тяжким и особо тяжким составам обусловлено постоянным ростом использования сети Интернет в качестве средства коммуникации и ведения хозяйственной деятельности, а также приспосабливаемостью преступников к принимаемым правоохранительными органами мерам по противодействию. Современные информационные технологии позволяют многим преступникам успешно скрывать свою личность, а высокая латентность не позволяет получить достоверные статистические данные о масштабе проблемы, что в свою очередь не дает возможности реализовать принцип неотвратимости наказания, безнаказанности, и порождает рост рецидива [9].

Оперативная обстановка свидетельствует о том, что ранее имущественные IT-преступления совершались преимущественно из «мест лишения свободы» под предлогами «сын попал в беду» или «путем направления смс-сообщения от имени родственника», а в последние годы распространение получили дистанционные хищения, совершаемые от имени сотрудников правоохранительных органов, служб безопасности банков, медицинских или социальных работников.

Типичными предлогами мошенников для совершения противоправных деяний являются: проведение операции по задержанию преступников; защита денежных средств от кражи путем перевода на «безопасный» счет; попытка злоумышленниками завладения правами на квартиру (дом); необходимость получения кредитов для предотвращения их оформления мошенниками; получение компенсаций за ранее приобретенные товары, медикаменты; получение социальных выплат; необходимость проведения дорогостоящей медицинской операции; сообщить код из SMS-сообщения для блокировки карты.

В настоящее время чаще всего хищения совершается лицами, находящимся за пределами Российской Федерации. Все сервисы находятся за пределами нашей страны. Немалое влияние оказывают события, связанные с проведением специальной военной операции. Огромные кол-центры по мошенническому хищению денег у россиян посредством Интернета сосредоточены сегодня на Украине. В 2022–2024 гг. мошенники перешли от количества совершаемых преступлений к «качеству», а именно: конечной целью преступников является завладение денежными средствами в особо крупном размере. Преступники стали склонять потерпевших к реализации имущества посредством заключения договоров купли-продажи в риэлтерских агентствах и получению кредита или займа в кредитно-финансовых организациях [10].

Кроме того, массовость совершения имущественных IT-преступлений обуславливается высоким уровнем организации участников преступных групп и преступных сообществ. Их деятельность в настоящее время носит «сервисный» характер и характеризуется устойчивыми связями участников групп, организованностью действий, созданием условий для совершения преступлений, разделом сфер преступного влияния с общей целью извлечения преступного дохода. В настоящее время большинство имущественных IT-преступлений совершаются международными организованными группами [11].

Структура участников ОГиПС составляет: организаторы, которые имеют один или несколько колл-центров; лица, работающие в колл-центре, которые непосредственно вступают в контакт с потерпевшими путем телефонного разговора. Данные лица получают четкие указания, т. е. методические рекомендации, как совершать преступления данного характера, а также обладают психологическими навыками; лица, входящие в структуру сервиса по обналичиванию денежных средств, добытых преступным путем. Если колл-центры в большинстве случаев находятся за рубежом, то лица, входящие в систему сервиса по обналичиванию денежных средств, осуществляют свою преступную деятельность на территории Российской Федерации.

Пример: дистанционные хищения, совершаемые от имени сотрудников банка — группа преступников путем аренды серверов создает инфраструктуру для «обзвона» граждан, в которую входит удаленный доступ к личному кабинету мошенника с базой клиентов банков, заготовленными спичами. Данная инфраструктура продается в виде франшизы лицу, которое готово организовать работу колл-центра (арендовать здание, купить компьютеры и обеспечить их соединение с интернетом, набрать персонал). Далее, в ходе обмана работники колл-центра должны куда-то переводить денежные средства, добытые преступным путем. Данные услуги предлагает, так называемый, «обнал сервис», работа которого организована на территории Российской Федерации. Главный доход указанного сервиса — процент от суммы за перевод денежных средств. Мошенники-обнальщики конвертируют похищенные денежные средства в криптовалюту, затем переводят их на различные электронные кошельки или биржи, чтобы скрыть их источник. В настоящее время денежные средства, проведенные через криптобиржи либо электронные кошельки, невозможно вернуть через процедуру «чарджбэк».

Существует несколько проблем с обнаружением незаконных криптовалютных транзакций, включая анонимный характер криптовалютных операций: использование сложных криптовалютных сетей и методов запутывания, а также отсутствие в настоящее время в Российской Федерации полного и исчерпывающего законодательного регулирования оборота криптовалют. Лишь отдельные элементы содержатся в Федеральных законах «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12] и «О цифровых финансовых активах» [13].

В последнее время имущественные IT-преступления в большей степени стали совершаться с использованием кроссплатформенных мессенджеров («WhatsApp», «Viber», «Telegram» и т. д.), подключенных на «виртуальные номера». Так, в 2024 г., примерно, в 70 % имущественных IT-преступлений совершены с использованием указанных интернет-ресурсов.

IT-преступления с использованием кроссплатформенных мессенджеров совершаются участниками организованных групп и преступных сообществ. Доступ к указанным мессенджерам приобретается удаленно, через специализированные платные интернет-сервисы (сайты) с использованием SIM-банков (SIM-бокс / GSM-шлюзов) путем приобретения или аренды виртуальных абонентских номеров для SMS-активации.

Лица, предоставляющие услуги по аренде или приобретению виртуальных номеров, зачастую, используют SIM-банки (SIM-боксы). SIM-банк представляет собой устройство-репозиторий SIM-карт и используется для незаконного подключения к телефонным сетям. Устройство конвертирует международные звонки в локальные звонки домашнего региона (соединяющее сети VoIP и GSM / UMTS). Обычно они используются для совершения звонков через несколько SIM-карт, установленных в устройстве. Мошенники используют его для незаконной терминации международного голосового трафика через местные SIM-карты в сети, тем самым, это сетевое устройство с возможностью считывать данные банка для SIM-карт, а затем обмениваться данными с устройствами GSM для установления виртуальных соединений между SIM-картами и устройствами GSM. Это позволяет устанавливать SIM-банки в одном месте, тогда как устройства GSM устанавливаются в разных местах.

Основным поставщиком на территорию Российской Федерации SIM-банков является Китайская Народная Республика. Данные технические средства ввозятся уже заранее модифицированными («перепрошитыми»), а именно, дополненными различными функциями, облегчающими использование SIM-банков в преступных целях, такими как способность генерировать различные омерные емкости IMEI («динамический IMEI»), что затрудняет их идентификацию.

Лица, предоставляющие услуги доступа к данным ресурсам, находятся на территории Российской Федерации и их местонахождение возможно установить путем получения сведений об используемых для активации мессенджеров.

В целях выработки законодательных предложений по регулированию данной деятельности, а также по внесению изменений и (или) дополнений в нормативные правовые акты, целесообразно на площадках различных межведомственных рабочих групп и координационных совещаниях:

рассмотреть вопрос и дать правовую оценку деятельности лиц, администрирующих площадки по предоставлению удаленного доступа к мессенджерам и сервисам и лиц, использующих SIM-боксы в преступных целях, для выработки соответствующих предложений о внесении законодательной инициативы о регулировании данной деятельности, в том числе по привлечению к уголовной ответственности по ст. 33 УК РФ, как соучастие в совершении преступлений;

рассмотреть вопрос об обязательной регистрации и сертификации SIM-банков (SIM-бокс/GSM-шлюзов), вести учет лиц, которые осуществляют ввоз данных технических средств из-за рубежа.

Также в настоящее время основными проблемами при расследовании уголовных дел по IT-преступлениям являются: широкое использование злоумышленниками средств анонимизации в сети «Интернет» (прокси-сервера, VPN-сервисы, TOR-сети); межрегиональный характер, требующий значительных временных затрат на подготовку и проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на документирование и раскрытие преступлений указанной категории; отсутствие контроля операторов сотовой связи за юридическими лицами, осуществляющими реализацию «SIM-карт» в больших количествах, а также отсутствие реальной идентификации лиц, на которых они зарегистрированы; низкая оперативность при получении информации в иностранных организациях, находящихся вне юрисдикции правоохранительных органов Российской Федерации, предоставляющих услуги связи (операторы связи и провайдеры), регистрации и хостинга доменных имен; установление конечного Интернет-пользователя при использовании злоумышленниками промежуточных виртуальных серверов, в том числе российских хостинг-провайдеров; невозможность возмещения ущерба и наложения ареста в случае преобразования похищенных денежных средств в криптовалюту, отсутствие действенных норм законодательства Российской Федерации по регулированию данного вопроса; несвоевременное проведение следственных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на закрепление доказательственной базы (осмотры мест происшествий, изъятие сотовых телефонов и иной оргтехники; получение скриншотов сообщений, переписки с неустановленными лицами); несвоевременное заполнение базы данных ПТК «ИБД-Ф», в связи с чем невозможно проверить факты совпадений по реквизитному составу, либо внесение неполных сведений в базу данных.

В целях повышения эффективности своевременного установления лиц, участвующих в схеме совершения хищений («обнальщики», «дропы», «дроповоды»), необходимо налаживать механизм оперативного получения из территориальных подразделений ГУ МВД информации по всем фактам мошеннических действий, связанных с переводом денежных средств посредством банкоматов (токены) для последующего получения в течении суток от оператора платежных систем АО «Национальная система платежных карт»

и банковских организаций (ПАО «СберБанк России», ПАО «ВТБ») информации о полных номерах банковских карт, на которые потерпевшими переводились денежные средства [14].

С 15 мая вступил в силу закон, ограничивающий возможность дропперов (людей, через чьи банковские карты за определенную комиссию мошенники прогоняют деньги: именно реквизиты дроппера получает жертва обмана) для вывода и обналичивания денег. Теперь они не смогут переводить сами себе и другим людям более 100 тыс. руб. в месяц. Новая мера против дропперов — это часть закона о периоде охлаждения по кредитам и займам принятого в феврале. Данные по данной дропперам попадают в базу Банка России о мошеннических операциях, эти сведения недоступны всем банкам и правоохранительным органам. Сама база формируется на основе сведений банков о случаях и попытках мошенничества (это финансовые операции, по которым клиенты банка заявили о своем несогласии). Если сведения о клиенте попадают в базу данных ЦБ, то банк может приостановить ему действие карты или услуги онлайн-банкинга.

В основном дропперы — это молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, но в настоящее время ими становятся несовершеннолетние. Несовершеннолетние воспринимают такие услуги как легкий способ заработать финансовые средства. В подростковой среде информация распространяется очень быстро. Несовершеннолетний получает предложение легко заработать, соглашается, получив деньги, а потом рассказывают об этом своим одноклассникам, как он их легко заработал [15].

С 1 июля 2025 г. у Росфинмониторинга появятся полномочия самостоятельно блокировать карты дропперов. Можно останавливать операции до 10 дней при наличии подозрений в отмывании денег. Внесены поправки в ст. 187 УК РФ, которая предусматривает наказания за передачу карты третьим лицам (штраф от 100 до 300 тыс. руб., исправительные работы, лишение свободы до двух лет).

Дело и в том, что не всегда люди становятся дропперами осознанно. Иногда дропперами становятся случайно. Мошенники придумывают разные уловки и люди просто не знают, что становятся соучастниками преступной схемы. Чтобы не попасть в такую ситуацию, ни в коем случае не передавать свою банковскую карту посторонним, не использовать ее для переводов (в том числе в банкомате) по просьбе чужих людей, не предоставлять никому доступ к своему онлайн-банкингу, а также не переводить никому ошибочно поступившие на ваш счет деньги. В этом последнем случае нужно обратиться в свой банк и сообщить ему о таком переводе. Попадание в базу данных ЦБ и последующую блокировку карты можно обжаловать. Для этого существует два способа. Первый — нужно обратиться с заявлением в любой из банков, клиентом которого вы являетесь. Заявление должны перенаправить ЦБ максимум на следующий рабочий день. Второе — направить заявление в банк России через интернет-приемную выбрав в качестве темы обращения «Информационная безопасность».

Также в целях совершенствования проводимой работы необходимо налаживать взаимодействие с иными правоохранительными и контролирующими органами, с кредитно-финансовыми организациями и операторами связи [16]. Так, в целях снижения количества правонарушений связанных с незаконной деятельности по реализации идентификационных модулей абонентов (SIM-карт) от имени операторов связи лицами, не имеющими соответствующих полномочий на заключение договора об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи и без включения в договор на услуги указанного вида связи сведений об абоненте, совместно с органами Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций необходимо разработать разъяснения по организации и проведению мероприятий, направленных на пресечение фактов реализации юридическими и физическими лицами SIM-карт с нарушением действующего законодательства с учетом Правил оказания услуг телефонной связи, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 января 2024 г. № 59 [17].

В целях снижения количества IT-преступлений, совершаемых с использованием специального оборудования «SIM-боксы» необходимо налаживать взаимодействие и обмен информацией с руководством «OZON» и «Wildberries» по получению информации о лицах, осуществляющих сбыт и оптовую покупку «SIM-карт».

В рамках взаимодействия с представителями ООО «Коинкит» (сервис для проверки криптовалютных транзакций и кошельков), на постоянной основе получать точки удаленного доступа для использования возможностей сервиса.

Наладить взаимодействие с представителями ООО «Ф.А.К.К.Т.» (российский разработчик технологий для борьбы с киберпреступлениями) для проведения мероприятия по сбору и обработке цифровых доказательств.

Для обмена оперативной информацией и выработки плана совместных мероприятий по повышению эффективности борьбы с преступностью в IT-сфере на постоянной основе проводить рабочие встречи с представителями различных кредитно-финансовых организаций и операторов связи (ПАО «СберБанк России», ПАО «Теле2», ПАО «Почта России», АО «АльфаБанк», ПАО Банк «ФК Открытие», АО «Т-Банк», ПАО «ВТБ»), в том числе в рамках участия в межбанковских рабочих группах.

В целях повышения уровня информированности населения о наиболее распространенных способах совершения IT-преступлений, в том числе о рисках хищений с применением инструментов социальной инженерии и методов защиты от них проводить ком-

плекс соответствующих агитационно-профилактических мероприятий. Размещать материалы на официальных сайтах государственных учреждений и в средствах массовой информации. В местах массового пребывания граждан размещать информационно-профилактические материалы (памятки, информационные листовки).

Организовывать проведение оперативно-профилактических мероприятий (ОПМ): ОПМ направленных на пресечение незаконной деятельности по реализации идентификационных модулей абонентов («SIM-карт») от имени операторов связи лицами, не имеющими соответствующих полномочий на заключение договора об оказании услуг подвижной радиотелефонной связи и без включения в договор на услуги подвижной радиотелефонной связи сведений об абоненте, в нарушение Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» [18]; ОПМ направленных на снижение мошенничеств, совершаемых с использованием IT-технологий, в том числе фактов повторных мошеннических действий в отношении граждан («мошенничеств двойного круга») путем соответствующей профилактической работы с гражданами, пострадавшими от мошеннических действий в 2023–2024 гг.

Налаживать взаимодействие с различными молодежно-добровольческими и волонтерскими организациями, институтами гражданского общества и иными организациями в IT-сфере для организации и проведения профилактических мероприятия (лекции, беседы) в различных образовательных и иных государственных учреждениях.

Для устранения причини и условий совершения киберпреступлений был принят Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ [19]. Данный закон направлен на то, чтобы дать людям инструменты для самозащиты. Он также призван лишить кибермошенников возможности использовать их методы обмана. В законе порядка 30 мер, которые были разработаны Правительством РФ, совместно с правоохранительными органами, бизнесом и депутатами. Важно понимать, что все эти меры направлены на одно: защиту человека и его безопасность в цифровом пространстве [20].

Важнейшую роль в борьбе с преступлениями в сфере информационно-коммуникационных технологий играет профилактика. Во исполнение поручения Президента Российской Федерации УБК МВД России разработана и Правительством Российской Федерации утверждена концепция государственной системы противодействия противоправным деянием в сфере информационно-коммуникационных технологий [21].

Таким образом, в условиях увеличения числа киберпреступлений и колоссального объема пострадавших большую роль в выявлении и раскрытии преступлений играют оперативные подразделений органов внутренних дел. Что позволяет обеспечить защиту прав и законных интересах граждан, пострадавших от преступлений в сфере ИТТ.

Список источников

1. Гасанов К. К., Гуреев В. А., Егоров С. А. и др. Национальная безопасность: учебник для студентов высших учебных заведений. М., 2025.
2. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Информационно-телекоммуникационные технологии и их роль обеспечение безопасности личности, общества и государства // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2021. № 1. С. 17–23.
3. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Артамонов И. В. Киберпреступность как угроза национальной безопасности России // Международный журнал гражданского и торгового права. 2023. № 2. С. 39–43.
4. Кузьмин Н. А., Тузов Л. Л., Богданов А. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов. М., 2024.
5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года // URL: https://мвд.рф/reports/item/12167987
6. Глебов М. Преступность уходит в цифру // Газета МВД России. 24 апреля 2025. № 15 (1943). С. 8
7. Богданов А. В., Завьялов И. А., Ильинский И. И., Михайлов Б. П. и др. Особенности противодействия киберпреступности подразделениями уголовного розыска. М., 2016.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 15–20.
10. Михайлова Е. В., Хазов Е. Н. Роль средств массовой информации в обеспечении национальной безопасности России: сборник мат. Всероссийской науч.-практ. конф. (Старотеряево, 12 апреля 2024 г.). Старотеряево, 2024. С. 403–409.
11. Лобзов К. М., Богданов А. В., Ильинский И. И. и др. Экстремистские организации: сущность, идеология, тактика их деятельности. Новосибирск, 2021.
12. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31 июля 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.
13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 25 октября 2024 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законода-

тельные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 3 августа 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5018.
14. Папазова Ю. В., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Обеспечение информационной безопасности правоохранительными органами России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 3 (52). С. 45–52.
15. Богданов А. В., Папазова Ю. В., Хазов Е. Н. Роль и значение информационных систем и банков данных в деятельности правоохранительных органов // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 27–33.
16. Богданов А. В., Бражников Д. А., Бычков В. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность. М., 2023.
17. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 1994 «Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи и перечня организаций, имеющих право осуществлять подтверждение сведений об абоненте — физическом лице» // Собрание законодательства Российской Федерации. 6 января 2025. № 1. Ст. 42.
18. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 апреля 2025 г.) «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14 июля 2003. № 28. Ст. 2895.
19. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 апреля 2025. № 14. Ст. 1574.
20. Богданов А. В., Виноградов Е. А., Хазов Е. Н. Телекоммуникационные технологии и компьютерная грамотность как средство профилактики киберпреступлений // Образование и право. 2021. № 8. С. 231–236.
21. Проект Постановления Правительства РФ «О реализации пилотного проекта по оперативному взаимодействию и информационному обмену уполномоченных государственных органов и организаций при противодействии правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» // URL: https://regulation.gov.ru

References

1. Hasanov K. K., Gureev V. A., Egorov S. A. et al. National security: a textbook for students of higher educational institutions. M., 2025.
2. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Information and telecommunication technologies and their role in ensuring the security of individuals, society and the state // World Economy: security problems. 2021. No. 1. P. 17–23.
3. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Artamonov I. V. Cybercrime as a threat to Russia's national security // International Journal of Civil and Commercial Law. 2023. No. 2. P. 39–43.
4. Kuzmin N. A., Tuzov L. L., Bogdanov A. V. et al. Operational investigative activity: a textbook for university students. M., 2024.
5. The state of crime in Russia in January–December 2024 // URL: https://мвд.рф/reports/item/12167987
6. Glebov M. Crime goes into numbers // Newspaper of the Ministry of Internal Affairs of Russia. April 24, 2025. No. 15 (1943). P. 8
7. Bogdanov A. V., Zavyalov I. A., Ilyinsky I. I., Mikhailov B. P. et al. Features of countering cybercrime by criminal investigation units. M., 2016.
8. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on April 21, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. No. 25. Art. 2954.
9. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Cybercrime and remote fraud as one of the threats to modern society // Criminological Journal. 2020. No. 1. P. 15–20.
10. Mikhailova E. V., Khazov E. N. The role of mass media in ensuring Russia's national security: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (Staroteryaevo, April 12, 2024). Staroteryaevo, 2024. P. 403–409.
11. Lobzov K. M., Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I. et al. Extremist organizations: the essence, ideology, tactics of their activities. Novosibirsk, 2021.
12. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on November 23, 2024) (as amended and supplemented, intro. effective January 1, 2025) «On Information, information technologies and information Protection» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 31, 2006. No. 31. P. 1. Art. 3448.
13. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on October 25, 2024) «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. August 3, 2020. No. 31. P. 1. Art. 5018.
14. Papazova Yu. V., Bogdanov A. V., Khazov E. N. Ensuring information security by law enforcement agencies of Russia // Right. Safety. Emergency situations. 2021. No. 3 (52). P. 45–52.
15. Bogdanov A. V., Papazova Yu. V., Khazov E. N. The role and importance of information systems

and data banks in the activities of law enforcement agencies // Criminal justice: problems of theory and practice. 2021. No. 2. P. 27–33.
16. Bogdanov A. V., Brazhnikov D. A., Bychkov V. V. et al. Operational search activity. M., 2023.
17. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2024 No. 1994 «On Approval of the Rules for the Provision of Telephone Services and the List of organizations authorized to confirm information about an Individual Subscriber» // Collection of Legislation of the Russian Federation. January 6, 2025. No. 1. Art. 42.
18. Federal Law No. 126-FZ of July 7, 2003 (as amended on December 26, 2024) (as amended and supplemented, intro. effective from April 1, 2025) «On Communications» // Collection of legislation of the Russian Federation. July 14, 2003. No. 28. Art. 2895.
19. Federal Law No. 41-FZ of April 1, 2025 «On the Creation of a State information system for Countering Offenses Committed using Information and Communication Technologies and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. April 7, 2025. No. 14. Art. 1574.
20. Bogdanov A. V., Vinogradov E. A., Khazov E. N. Telecommunication technologies and computer literacy as a means of preventing cybercrime // Education and Law. 2021. No. 8. P. 231–236.
21. Draft Decree of the Government of the Russian Federation «On the implementation of a pilot project on operational interaction and information exchange of authorized state bodies and organizations in countering offenses committed using information and telecommunication technologies» // URL: https://regulation.gov.ru

Информация об авторах

А. В. Богданов — доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

И. Н. Волосевич — доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Н. Хазов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Bogdanov — Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

I. N. Volosevich — Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. N. Khazov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342.951
EDN: https://elibrary.ru/VEIDOC
NIION: 2007-0083-1/26-759
MOSURED: 77/27-005-2026-01-959

Субъекты административно-декларационных правоотношений

Глеб Николаевич Василенко[1,2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, svara1945@gmail.com
[2] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Рецензент: Диана Николаевна Шурухнова — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Аннотация. На основе анализа нормативных правовых положений и доктринальных подходов исследуется круг субъектов административно-декларационных правоотношений. Определяется понятие субъекта данных отношений, выявляются его специфические признаки, приводится классификация субъектов. Особое внимание уделено дифференциации субъектов декларирования от субъектов контрольно-надзорных и разрешительных правоотношений, что подчеркивает качественную новизну и превентивно-уведомительный характер регулирующего воздействия административно-правового института декларирования. Автором обосновывается идея о том, что субъектный состав административно-декларационных правоотношений представляет собой особую, процессуально-ориентированную систему, функционирование которой основано на приоритете презумпции добросовестности декларанта. Эта система, в отличие от классических контрольно-надзорной и разрешительной моделей, характеризуется распределением функций между тремя типами субъектов, эволюционирует в сторону цифровизации и профессионализации, направлена на создание баланса между эффективностью государственного контроля и минимизацией императивного вмешательства в правомерную деятельность хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: административное право, декларирование, субъект, декларационный агент, декларационный орган, декларант, правоотношения, контроль, регулирование, субъект правоотношения, контроль, презумпция добросовестности

Для цитирования: Василенко Г. Н. Субъекты административно-декларационных правоотношений // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 22–30. EDN: VEIDOC.

Original article

Subjects of administrative-declarative legal relations

Gleb N. Vasilenko[1,2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, svara1945@gmail.com
[2] Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

Reviewer: Diana Nikolaevna Shurukhnova — Professor of the Department of Administrative Law Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Abstract. The range of subjects involved in administrative-declaratory legal relations based on an analysis of regulatory legal provisions and doctrinal approaches. The concept of a subject in these relations is defined, its specific characteristics are identified, and a classification of subjects is provided. Particular attention is paid to differentiating the subjects of declaration from those involved in control, supervisory, and permitting legal relations, emphasizing the qualitative novelty and preventive-notification nature of the regulatory impact of the administrative-legal institution of

© Василенко Г. Н., 2026

declaration. The author substantiates the idea that the composition of subjects involved in administrative-declaratory legal relations represents a special, process-oriented system, the functioning of which is based on the priority of the presumption of good faith of the declarant. This system, unlike the classic regulatory and permitting models, is characterized by the distribution of functions among three types of entities. It is evolving toward digitalization and professionalization, and is aimed at creating a balance between the effectiveness of state control and the minimization of mandatory interference in the legitimate activities of economic entities.

Keywords: administrative law, declaration, entity, declaration agent, declaration authority, declarant, legal relations, control, regulation, subject of legal relations, control, presumption of good faith

For citation: Vasilenko G. N. Subjects of administrative-declarative legal relations. Criminological Journal. 2026;(1):22–30. (In Russ.). EDN: VEIDOC.

Административно-правовые декларационные отношения являются разновидностью публично-правовых отношений и выражают основные признаки административного правоотношения: регулируются нормами административного права, складываются в сфере государственного управления, их стороны выступают в качестве носителей взаимных прав и обязанностей.

Административно-правовые декларационные отношения имеют широкую сферу возникновения. Они охватывают все основные направления социально-экономической, культурной и административно-политической сфер жизни общества.

Следует подчеркнуть, что особенность большинства отношений, регулируемых нормами позитивных институтов административного права[1], таких как, лицензирование, контроль, аккредитация, аттестация, стандартизация и других, заключается в том, что их обязательные субъекты — органы исполнительной власти, реализуя свои полномочия в пределах установленной компетенции, занимают, как правило, доминирующую позицию — «позицию власти» и проецируют полномочия на физических и юридических лиц.

Однако практика показывает, что не всегда активное участие государства в регулировании общественных отношений с позиций «власть-подчинение» приносит устойчивый положительный эффект. Гармония общественной жизни, являясь залогом успешного государства, может и должна демонстрировать позитивное развитие и без тотального государственного контроля.

Нынешнее законодательство постепенно открывает возможности саморегулирования, а значит самостоятельного поддержания правопорядка, отдельным категориям субъектов права, не обладающих властной компетенцией.

Качественная новизна административно-декларационных правоотношений объясняется одной из их ключевых особенностей — при декларировании декларант изначально воспринимается органом государственной власти как действующий добросовестно и подлежит защите с использованием всех механизмов, предусмотренных действующим законодательством, если только контролирующим органом не доказана его недобросовестность.

Декларационные отношения могут быть определены как урегулированные нормами административного права общественные отношения, возникающие в связи с уведомлением в нормативно установленном порядке физическими и юридическими лицами, их представителями, уполномоченных органов государственной власти о своих установочных данных, доходах (расходах), доходах (расходах) третьих лиц, о соответствии принадлежащих им денежных средств, вещей, иных материальных (нематериальных) объектов или производимых ими товаров, работ либо оказываемых услуг, нормативно допустимым качественным и (или) количественным показателям, в целях осуществления государственного контроля (надзора) в определенных административным законодательством сферах деятельности.

Цели административно-правого декларирования находятся в орбите интересов публично-правового института контроля, однако не тождественны им. Следует согласиться с тем, что контроль есть стадия регуляторного цикла [1, с. 4], при этом декларирование, с одной стороны, средство обеспечения контроля, а с другой — возможный этап в контрольной стадии регуляторного цикла.

Структура декларационных отношений классическая, однако, содержание структурных элементов имеет определенные особенности — в числе обязательных субъектов таких отношений следует выделить декларантов и декларационные органы, а в качестве дополнительных — декларационных агентов. Данные участники отношений обладают уникальным административно-правовым статусом, в том числе в его компетенционной части.

При этом следует особо отметить то обстоятельство, что декларационное отношение возникает по инициативе декларанта, а не декларационного органа,

[1] Институты, нормы которых регулируют отношения, не обремененные спором о праве.

что в свою очередь подчеркивает их отличие от иных видов административных правоотношений, в частности контрольно-надзорных или разрешительных.

Регулирование общественных отношений по средством декларирования фактически позволяет государству стимулировать механизм внутрихозяйственного контроля, создавая предпосылки развития конкуренции на основе стремления хозяйствующих субъектов к повышению качества и безопасности своих товаров, работ и услуг.

Содержание декларационного правоотношения формируют корреспондирующие друг другу публичные обязанности и права его участников [2, с. 68–81; 3, с. 382] — органов исполнительной власти (их представителей), наделенных специальной для сферы декларирования компетенцией, либо граждан и организаций, обладающих соответствующим административно-правовым статусом.

Как отмечает Ю. Н. Старилов: «Важнейшим признаком субъектов административно-правовых отношений является наличие у них материального или процессуального статуса, то есть прав, обязанностей, запретов, ответственности» [4, с. 408]. Исходя из этого допустимо констатировать наличие у субъекта декларационной правоспособности — способности иметь установленные в декларационных нормах права и обязанности; декларационной дееспособности — способности лица приобретать и осуществлять права, исполнять обязанности, соблюдать ограничения и запреты, установленные декларационными нормами, а также нести ответственность за нарушение правил декларирования (обязанность лица подавать достоверную декларацию, соблюдать установленные декларационные условия и требования и т. д.). Деятельность субъектов декларирования определяется материальными и процессуальными административно-правовыми нормами.

Ключевыми признаками субъекта административно-декларационного правоотношения являются:

- специальная правосубъектность, возникающая в связи с необходимостью совершения действий в определенной нормами права сфере деятельности (налогообложение, таможенное дело, государственные закупки, противодействие коррупции и т. д.);
- наличие публично-правового интереса в рамках правоотношений. Для декларанта интерес заключается в демонстрации своей добросовестности, для декларационного органа — в получении декларационных сведений в целях последующего анализа и принятия управленческих (в том числе контрольных) решений;
- функциональная направленность, при которой каждый субъект декларационного правоотношения выполняет отведенную ему роль: подготовка, представление, обработка или проверка декларационных сведений;
- презумпция добросовестности декларанта как фундаментальный признак, определяющий содержание и смысл декларационных правоотношений.

Таким образом, субъект административно-декларационного правоотношения — это государственный орган исполнительной власти, физическое, юридическое или должностное лицо, наделенное специальной административной правосубъектностью, позволяющей ему выступать носителем конкретных прав и обязанностей в связи с подготовкой, представлением, обработкой и проверкой декларационных сведений.

Субъектов административно-правового декларирования по их функциональному назначению условно можно разделить на три группы: декларанты, декларационные агенты, декларационные органы.

Декларант — физическое или юридическое лицо (уполномоченный представитель такого лица), уведомляющее в нормативно установленных порядке и форме органы исполнительной власти о своих установочных данных, доходах (расходах), доходах (расходах) третьих лиц, о соответствии принадлежащих им денежных средств, вещей, иных материальных (нематериальных) объектов или производимых ими товаров, работ либо оказываемых услуг, нормативно допустимым качественным и (или) количественным показателям, в целях осуществления государственного контроля (надзора) в определенных административным законодательством сферах деятельности.

Декларанты — это субъекты, инициирующие декларационные правоотношение путем подачи декларации, к их числу допустимо относить налогоплательщиков, подающих налоговые декларации [5, ст. 80]; участников внешнеэкономической деятельности, подающих таможенные декларации [6]; государственных служащих, представляющий сведения (антикоррупционную декларацию) о доходах и расходах [7, ст. 8]; юридических лиц, уведомляющих Роспотребнадзор о начале осуществления предпринимательской деятельности по определенному перечню [8, ст. 8] и многих др.

Декларационный агент — физическое (юридическое, должностное) лицо, уполномоченное в нормативно установленном порядке разрабатывать, регистрировать, учитывать, хранить декларацию либо обрабатывать и пересылать сведения, содержащиеся в ней.

Декларационные агенты обеспечивают технико-юридический, процедурный аспект декларирования. Их правомочия в основном ограничены осуществлением операционных действий с декларацией как документарной формой декларационных сведений.

В качестве декларационных агентов могут высту-

пать многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), принимающие декларации; операторы специализированных электронных площадок, обеспечивающие подачу деклараций в цифровой форме; должностные лица таможенных органов по регистрации таможенных деклараций — таможенных постов (центров декларирования); организации — разработчики деклараций; экспертные комиссии по декларациям безопасности, например, при декларировании безопасности гидротехнического сооружения; аккредитованные испытательные лаборатории (центр) и многие другие.

Декларационный орган — это орган исполнительной власти, уполномоченный в нормативно установленном порядке принимать декларацию и осуществлять проверку достоверности сведений, изложенных в ней, в целях осуществления государственного контроля (надзора) в определенных административным законодательством сферах деятельности.

Декларационные органы — это субъекты публичной власти, завершающие цикл декларационного правоотношения фиксацией поступивших декларационных сведений с последующей возможной проверкой их достоверности. При определенных обстоятельствах на данном этапе декларационное правоотношение может получить развитие в рамках контрольно-надзорной деятельности органа исполнительной власти. При этом должностные лица декларационного органа, выступают не в качестве декларационных агентов, а исполняя обязанности по проверке достоверности декларационных сведений уже зарегистрированных деклараций, руководствуются нормами административно-правового института контроля.

Декларационными полномочиями обладают федеральные органы исполнительной власти, созданные в организационно-правовых формах федеральных министерств и федеральных служб, например, Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, Федеральная налоговая служба Российской Федерации, Федеральная таможенная служба Российской Федерации, Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования Российской Федерации и др.

В рамках инвестиционного декларирования декларационным органом выступает Банк России. При кадастровом декларировании функции декларационного органа выполняет бюджетное учреждение, созданное субъектом Российской Федерации и наделенное полномочиями, связанными с определением кадастровой стоимости. В рамках лесного декларирования и декларирования сделок с древесиной к декларационным органам относятся органы государственной власти, органы местного самоуправления в пределах их полномочий, определенных в соответствии со ст. 81–84 Лесного кодекса Российской Федерации. Это лишь некоторые из предусмотренных законодательством декларационных органов.

Исходя из конфигурации набора субъектов административно-правового декларирования и их правового статуса в рамках регулятивного воздействия и реализации статусов возникают административно-правовые декларационные отношения, развивающиеся в трех направлениях:

- декларант — декларационный агент. Содержание таких отношений сводится к взаимообмену данными субъектами нормативно установленными правами и обязанностями, в связи с необходимостью разработки, регистрации, учета, хранения декларации либо обработки и пересылки сведений, содержащиеся в ней, в адрес декларационного органа;
- декларационный агент — декларационный орган. Отношения такого типа следует дифференцировать исходя из особенностей правового статуса того или иного декларационного агента. В первом случае указанные отношения могут быть опосредованы внутрисистемной связью декларационного агента и декларационного органа, тогда, когда декларационный агент является должностным лицом такого органа власти и исполняет соответствующие должностные обязанности в сфере декларирования. С другой стороны, декларационный агент может выступать стороной договора об оказании декларанту определенных услуг в сфере декларирования, не обладая статусом должностного лица в декларационном органе. Целью таких отношений является обеспечение передачи декларантом и получения декларационным органом сведений об объекте декларирования в установленном порядке, в нормативно определенной форме и в предусмотренный срок;
- декларант — декларационный орган. Такая конфигурация декларационных отношений не исключается, однако, носит сугубо теоретический характер, в связи с тем, что в на практике прямые отношения между декларантом и декларационным органом практически не встречаются в силу объективных причин, вызванных сложностями оформления тех или иных деклараций и процессов их передачи в декларационный орган. Практически всегда между декларантом и декларационным органом присутствует один или чаще несколько декларационных агентов. Исключение составляют разве что прямые декларационные отно-

шения, связанные с выяснением декларантом актуального статуса своей декларации либо персональным информированием декларанта со стороны декларационного органа по вопросам декларирования.

Указанные типы правоотношений наполнены соответствующим целенаправленным юридическим содержанием и в совокупности формируют своеобразный декларационный контур.

Каждому виду декларирования соответствует определенный декларационный орган, ответственный за сбор и обработку декларационных сведений. Декларационные органы наделены контрольными, надзорными, правоприменительными полномочиями, а также обладают нормотворческой компетенцией.

В интересах отражения специфики и уникальности субъектов административно-правовых декларационных отношений сравним их с субъектами традиционно известных и подробно исследованных контрольно-надзорных и разрешительных административно-правовых отношений. Результаты сравнения для наглядности представим в виде таблицы.

Таблица 1

Критерий сравнения	Субъекты административно-декларационных правоотношений	Субъекты контрольно-надзорных правоотношений	Субъекты разрешительных административно-правовых отношений
Инициатива возникновения отношений	Исходит, как правило, от декларанта в силу прямой законодательной обязанности (подача декларации, уведомления).	Исходит от контрольно-надзорного органа в форме решения о проведении контрольно-надзорного мероприятия.	Исходит от соискателя разрешения (лицензии, сертификата) —лица, обращающегося к публичной власти за разрешением на реализацию права.
Исходная позиция сторон в правоотношении	Презумпция добросовестности декларанта. Бремя доказывания несоответствия декларационных сведений фактическому состоянию объекта или недобросовестности декларанта лежит на органе власти. Отношения строятся на доверии.	Нейтральная или проверочная позиция. Добросовестность не предполагается априори, а устанавливается в ходе контрольно- надзорных мероприятий.	Основа — недоверие, требующее систематической верификации. Позиция просителя (ходатая). Добросовестность и соответствие требованиям должны быть доказаны самим соискателем до получения разрешения.
Основная функция и содержание действий субъектов	Формирование, предоставление и получение достоверных декларационных сведений.	Активное наблюдение, обследование, документальная и фактическая проверка текущей или осуществленной деятельности на предмет ее соответствия обязательным требованиям.	Предварительная оценка соответствия требованиям и предоставление специального разрешения на реализацию права. Орган власти оценивает потенциальную возможность и условия будущей деятельности на стадии до ее начала и принимает императивное решение.
Момент возникновения основных обязанностей у субъекта, не обладающего властными полномочиями	Обязанности (сообщить сведения) возникают до, в момент или после начала соответствующей деятельности, в установленные законом сроки, их реализация не требует предварительного разрешения органа власти.	Обязанности (допустить, представить документы, обеспечить доступ) возникают в процессе уже осуществляемой или завершенной деятельности, в момент инициирования контрольно-надзорного мероприятия.	Обязанности (соблюсти требования) возникают после получения разрешительного документа, но до начала самой разрешаемой деятельности. Без разрешения деятельность запрещена.
Юридический результат взаимодействия	Фиксация подтверждения декларируемого соответствия.	Установление факта соответствия или нарушения с последующим применением мер принуждения.	Приобретение разрешения на реализацию специального права по осуществлению определенной деятельности, которой в ином случае заниматься запрещено. Отказ органа блокирует саму возможность деятельности.
Целевой характер отношений	Превентивно-уведомительный, регистрационный. Направлен на минимизацию барьеров для добросовестных субъектов права.	Проверочный, надзирающий, обеспечительный. Направлен на выявление и пресечение отклонений от установленного порядка.	Легализующий, распределительный, селективный. Направлен на фильтрацию субъектов, допускаемых к занятию определенными, социально значимыми видами деятельности.

Представленное сравнение, на наш взгляд, наглядно демонстрирует, что административно-декларационные правоотношения занимают промежуточное, но качественно самостоятельное место в системе государственного управления. В отличие от разрешительных отношений, в процессе их появления и развития не создаются предварительные барьеры для начала деятельности, такие отношения ориентированы на последующий контроль достоверности декларационных сведений. В отличие от контрольно-надзорных отношений, декларационные отношения основаны на презумпции добросовестности и инициативе субъекта предоставления информации. Таким образом, декларационная модель административно-правовых отно-

шений представляет собой более гибкий и доверительный инструмент управления, смещающий акцент с предварительного запрета и постоянного контроля на ответственность декларанта и проверку предоставленных им данных.

В целях обобщения представлений о природе и сущности административно-декларационных правоотношений, роли и значении их субъектов, а также выявления общих закономерностей развития административно-правового института декларирования, считаем целесообразным привести результаты краткого сравнительно-правового анализа регламентации статуса субъектов декларационных правоотношений в некоторых зарубежных юрисдикциях.

В зарубежных правовых системах обязанность декларирования возлагается не только на физических и юридических лиц, но и на их структурные подразделения, трасты, фонды, а также на иностранных субъектов, ведущих деятельность на территории страны. Ключевая особенность — детальная дифференциация статуса декларанта в зависимости от сферы его деятельности.

В рамках Единого административного документа (ЕАД) Европейского Союза (таможенной декларации) статус декларанта (declarant) определен в соответствии с п. 15 ст. 5 Таможенного кодекса Европейского Союза (UCC) [9], где указано, что им может быть лицо, подающее декларацию от собственного имени, либо таможенный представитель. В США статус налогоплательщика (Taxpayer) как декларанта детально регулируется Налоговым кодексом (Internal Revenue Code), при этом процедуры и формы декларирования установлены для резидентов и нерезидентов отдельно, что выделяет категории декларантов с разным объемом прав, обязанностей и ответственности. Кроме того, статус декларанта зависит от его семейного положения: single — для одиноких налогоплательщиков; married filing jointly — для супружеских пар, подающих совместную декларацию; married filing separately — для супругов, подающих отдельные декларации; head of household — для одиноких людей, содержащих иждивенцев [10].

Зарубежный опыт характеризуется высокой степенью специализации декларационных агентов, которые зачастую выступают как самостоятельные профессиональные субъекты, несущие юридическую ответственность.

Таможенные представители (брокеры) в ЕС и США — это лицензированные субъекты (лица или организации), чей статус, права и обязанности, включая профессиональные квалификационные стандарты и финансовые гарантии, строго регламентированы на уровне законодательных актов (например, Title 19 of the Code of Federal Regulations [11] в США). Их деятельность является обязательным условием для совершения таможенных операций от имени декларанта.

Сертифицированные бухгалтеры и налоговые консультанты в Германии, Великобритании, Франции выступают агентами в налоговом декларировании. Их правовой статус установлен не только законом (например, немецким Steuerberatungsgesetz — Законом о налоговом консультировании [12]), но и строгими внутренними корпоративными нормами профессиональных объединений, что делает их активными участниками правоотношений, фактически разделяющими с декларантом бремя обеспечения достоверности декларационных сведений.

Глобальной тенденцией «западных юрисдикций» является создание централизованных органов с широкими декларационными полномочиями, часто сочетающих функции приема, проверки и анализа декларируемых данных из самых разных источников.

Налоговые и таможенные службы, такие как Her Majesty's Revenue and Customs (HMRC) в Великобритании или Internal Revenue Service (IRS) в США, являются мега-регуляторами. Они уполномочены принимать разного рода декларации (налоговые, таможенные, антикоррупционные), их ключевой особенностью является глубокая аналитическая работа с декларационными сведениями большого объема (data mining) в целях риск-ориентированного отбора объектов для последующего декларационного контроля.

Межведомственные электронные платформы выступают в роли «технического» декларационного органа. Например, система «OneStopShop» в Европейском Союзе для декларирования НДС при трансграничной электронной торговле или портал GOV.UK в Великобритании аккумулируют декларационные сведения, которые затем распределяются между уполномоченными органами, что свидетельствует о развитии цифровой среды, опосредующей отношения между декларантом и государством. В Российской Федерации подобным цифровым агрегатором в сфере антикоррупционного декларирования является государственная информационная система «Посейдон» [13].

Краткий сравнительный анализ подтверждает универсальность трехзвенной модели субъектного состава административно-декларационных правоотношений (декларант — декларационный агент — декларационный орган), выделенной в российской доктрине, при этом раскрывает ряд особенностей ее наполнения в условиях правовой регламентации в зарубежных юрисдикциях:

- профессионализация и формализация статуса декларационных агентов является общей тенденцией, которая трансформирует их из технических посредников в ответственных субъектов, чья деятельность обеспечивает эффективность всей системы декларирования;
- принцип презумпции добросовестности де-

кларанта, присутствующий в зарубежных декларационных процедурах, чаще всего реализуется через регламентацию гарантий прав декларанта и риск-ориентированный подход со стороны декларационных органов, что минимизирует вмешательство в деятельность добросовестных субъектов;

- централизация декларационных органов и цифровизация их деятельности ведут к трансформации их из получателей декларационных сведений в аналитические центры, что в свою очередь меняет характер их взаимодействия с декларантами в сторону непрерывного мониторинга, опосредованного алгоритмами анализа больших данных.

Таким образом, подводя итог исследования отметим, что субъектный состав административно-декларационных правоотношений представляет собой трехзвенную систему, функционирование которой основано на принципе презумпции добросовестности декларанта. Данная конструкция существенно отличает административно-декларационные правоотношения от классических контрольно-надзорных или разрешительных отношений, где доминирует императивное начало. Выделение и детальное регулирование статуса каждого субъекта административно-декларационных правоотношений, отражает современную тенденцию к повышению эффективности государственного управления при снижении дискреционного вмешательства в законопослушную деятельность широкого круга субъектов публичного права.

Проведенные комплексный и структурированный анализ субъектного состава административно-декларационных правоотношений как целостной трехзвенной системы позволил, на наш взгляд, преодолеть фрагментарность рассмотрения субъектов декларирования в рамках научных исследований. Декларационные правоотношения представлены как полноценный вид административных правоотношений.

Выявление и обоснование качественного отличия субъектов декларирования от субъектов контрольно-надзорных и разрешительных правоотношений через систему сопоставительных признаков не просто констатирует их различия, но доказывает достоверность тезиса о том, что принцип презумпции добросовестности декларанта меняет правовое положение участников административно-правовых отношений, смещая фокус регламентации с императивного воздействия на уведомительное взаимодействие.

Синтез догматического анализа отечественных правовых конструкций и сравнительно-правового исследования зарубежных аналогов применительно к субъектам декларационных правоотношений позволил выявить не только национальную специфику, но и универсальные тренды: формализацию статуса декларационных агентов, трансформацию декларационных органов в аналитические центры обработки декларационных сведений, возрастание роли цифровых платформ как квази-субъектов административно-декларационных правоотношений.

Научной новизной, на наш взгляд, обладает обоснование тезиса о концептуализации правового положения декларационного агента как самостоятельного, обязательного субъекта административно-декларационных правоотношений, а не просто технического посредника. Деятельность декларационных агентов обеспечивает снижение рисков дестабилизации для всей системы административно-правового декларирования. Такой подход расширяет традиционное представление о круге субъектов административных процедур.

В заключении отметим, что методология исследования субъектов административно-декларационных правоотношений основывалась на комплексе общенаучных и частнонаучных методов познания, характерных для административно-правовой науки:

- формально-юридический метод заключался в анализе профильных нормативных правовых актов и юридических дефиниций, выступавших в качестве первичных источников. Метод использовался для вычленения и систематизации ключевых понятий, были сформулированы авторские научно обоснованные определения — «субъект административно-декларационного правоотношения», «декларант», «декларационный агент», «декларационный орган», выделены существенные признаки каждого субъекта правоотношений и дана их детальная характеристика;
- сравнительно-правовой метод был применен на двух уровнях — внутринациональном — для сопоставления правового положения различных видов субъектов декларационных отношений между собой и международном — для анализа особенностей регламентации статуса аналогичных субъектов в зарубежных юрисдикциях (Европейский Союз, США, Великобритания, Германия), а также для выявления общих тенденций и национальной специфики;
- структурно-функциональный метод использовался для исследования системы субъектов административно-декларационных правоотношений в их взаимосвязи, где каждый вид субъекта выполняет строго определенную функцию, а их взаимодействие обеспечивает достижение общей цели декларирования;
- метод системного анализа позволил рассмотреть институт административно-правового декларирования не изолированно, а как эле-

мент в системе особенной части административного права, выявить его взаимосвязи и отличия от смежных позитивных институтов. Проведено системное сравнение трех типов правоотношений, показывающее их место в общей структуре административно-правового регулирования;

- метод синтеза позволил обобщить исследовательские данные, выявить тенденции развития административно-правового декларирования, интегрировать ключевые тезисы в целостные выводы, наполненные качественной научной новизной.

Список источников

1. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор): монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2023.
2. Елистратов А. И. Основные начала административного права. 2-е изд. М., 1917.
3. Старилов Ю. Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 1: История. Наука. Предмет. Нормы. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1998.
4. Старилов Ю. Н. Курс общего административного права: в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М. : НОРМА-ИНФРА, 2002.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 6 авг. 1998. № 148–149.
6. Решение Комиссии Таможенного союза от 20 мая 2010 г. № 257 «О форме декларации на товары и порядке ее заполнения» (вместе с «Порядком заполнения декларации на товары») // URL: http://www.tsouz.ru/
7. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. № 266. 30 дек. 2008.
8. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Российская газета. № 266. 30 дек. 2008.
9. Таможенный кодекс Европейского Союза // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02013R0952-20221212
10. Налоговый кодекс США // URL: https://www.irs.gov/ru/individual-tax-filing
11. Кодекс федеральных правил США // URL: https://www.ecfr.gov/current/title-19/chapter-I
12. Закон о налоговом консультировании // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stberg/index.html
13. Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон»») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2 мая 2022. № 18. Ст. 3053.

References

1. Zyryanov S. M. State control (supervision): monograph. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, «KONTRAKT LAW FIRM», 2023.
2. Elistratov A. I. Basic principles of administrative law. 2nd ed. M., 1917.
3. Starilov Yu. N. Administrative law: In 2 p. Part 1: History. Science. Subject. Norms. Voronezh : Voronezh State University Press, 1998.
4. Starilov Yu. N. Course of general administrative law: In 3 volumes. Vol. I: History. Science. Subject. Norms. Subjects. M. : NORMA-INFRA, 2002.
5. The Tax Code of the Russian Federation (P. 1) of July 31, 1998, No. 146-FZ // Rossiyskaya Gazeta. August 6, 1998. No. 148–149.
6. Decision of the Customs Union Commission of May 20, 2010 No. 257 «On the form of the goods declaration and the procedure for filling it out» (together with the «Procedure for filling out the goods declaration») // URL: http://www.tsouz.ru/
7. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 «On Combating Corruption» // Rossiyskaya Gazeta. No. 266. December 30, 2008.
8. Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control» // Rossiyskaya Gazeta. No. 266. December 30, 2008.
9. Customs Code of the European Union // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02013R0952-20221212
10. US Tax Code // URL: https://www.irs.gov/ru/individual-tax-filing
11. The US Code of Federal Regulations // URL: https://www.ecfr.gov/current/title-19/chapter-I
12. The Law on Tax Consulting // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stberg/index.html
13. Decree of the President of the Russian Federation dated April 25, 2022 No. 232 «On the State

Information system in the field of anti-corruption Poseidon and Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation» (together with the «Regulation on the State Information System in the field of anti-corruption Poseidon») // Collection of Legislation of the Russian Federation. May 2, 2022. No. 18. Art. 3053.

Библиографический список

1. Василенко Г. Н. Понятийный аппарат административно-правового института декларирования // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: V Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко (Новороссийск, 3 июня 2016 г.). Новороссийск : Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016.

Bibliographic list

1. Vasilenko G. N. Conceptual framework of the Administrative and Legal Institute of Declaration // Administrative and legal regulation of law enforcement activities: theory and practice: V All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of Doctor of Law, Professor Viktor Vasilyevich Denisenko (Novorossiysk, June 3, 2016). Novorossiysk : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Federation, 2016.

Информация об авторе

Г. Н. Василенко — заместитель начальника кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

G. N. Vasilenko — Deputy Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 27.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 347.1
EDN: https://elibrary.ru/WKCYJO
NIION: 2007-0083-1/26-760
MOSURED: 77/27-005-2026-01-960

Проблемные вопросы нормативного регулирования административного задержания в деятельности органов внутренних дел (полиции)

Максим Александрович Вашаев
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия, vashaev_m@rfmumvd.ru

Аннотация. Исследуется юридическая природа административного задержания как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, анализируются дискуссионные вопросы правового регулирования, обозначаются проблемы в реализации данной меры на практике, формулируются предложения о возможных изменениях отдельных норм законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: административное задержание, мотив административного задержания, права и обязанности, должностное лицо, сотрудник полиции

Для цитирования: Вашаев М. А. Проблемные вопросы нормативного регулирования административного задержания в деятельности органов внутренних дел (полиции) // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 31–34. EDN: WKCYJO.

Original article

Problematic issues of regulatory regulation of administrative detention in the activities of law enforcement agencies (police)

Maxim A. Vashaev
Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan', Russia, vashaev_m@rfmumvd.ru

Abstract. The legal nature of administrative detention as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offenses is examined, controversial issues of legal regulation are analyzed, problems in the implementation of this measure in practice are identified, and proposals are formulated on possible changes to individual legislative norms in the area under consideration.

Keywords: administrative detention, reason for administrative detention, rights and obligations, official, police officer

For citation: Vashaev M. A. Problematic issues of regulatory regulation of administrative detention in the activities of law enforcement agencies (police). Criminological Journal. 2026;(1):31–34. (In Russ.). EDN: WKCYJO.

Анализ правоприменительной практики в деятельности органов внутренних дел позволяет сделать вывод, что сотрудники полиции в своей профессиональной деятельности наиболее часто применяют административное задержание как меру обеспечения производства по административным правонарушениям.

Законодателем указаны первыми именно должностные лица органов внутренних дел (полиции) в перечне лиц, уполномоченных производить данную меру. Обращаем внимание, что законодатель, по нашему мнению, слишком широко именует эту категорию лиц. Как известно, в целях выполнения функций, возложенных на органы системы МВД России, осуществляют профессиональную деятельность не только сотрудники органов внутренних дел, но и федеральные государственные гражданские служащие, а также вольнонаемные работники. Вместе с тем только сотрудники уполномочены применять меры обеспе-

© Вашаев М. А., 2026

чения производства по делам об административном правонарушении.

Стоит заметить, что приказом МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» установлен соответствующий перечень таких должностных лиц. Это, как правило, должностные лица, имеющие специальные звания сотрудников полиции: участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений ГИБДД, дежурных частей, подразделений дознания, применения административного законодательства, оперативных и других подразделений [1]. При этом вышеуказанный правовой источник определяет, на наш взгляд, чрезмерно широкий перечень должностных категорий сотрудников органов внутренних дел, функциональное предназначение которых напрямую не связанно с обеспечение правопорядка[1].

Однако, как нам представляется, статистика применения названным федеральным государственным гражданским служащим административного задержания сведена к нулю. Полагаем, что аналогичное можно сказать, к примеру, и об эффективности применения рассматриваемой меры главным государственным санитарным врачом МВД России Министра внутренних дел и др.

Не каждый сотрудник органов внутренних дел вправе реализовывать меры государственного принуждения. Так, сотрудники внутренней службы, например, тылового подразделения, штаба, или сотрудники органов предварительного следствия не исполняют полномочия, возложенные на полицию. В частности, ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливают, что только сотрудники полиции наделяются полномочиями, определенными Федеральным законом «О полиции» [2].

Получается, что законодательное установление в ч. 1 ст. 27.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) [3] должностных лиц органов внутренних дел (полиции), которые уполномочены осуществлять административное задержание, сводится к должностным лицам центрального аппарата МВД России и сотрудникам полиции.

Таким образом, объективно административное задержание вправе осуществлять только сотрудники полиции. А действующее правовое регулирование на практике приводит к тому, что административное задержание производят и неуполномоченные лица, что априори ведет к незаконности его производства. Поэтому считаем, что в п. 1 ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ категорию «должностные лица органов внутренних дел (полиции)» надлежит заменить на «сотрудники полиции».

Положениями ст. 27.4 КоАП РФ, ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4] установлено правило, согласно которому каждый случай административного задержания физического лица сотрудник полиции обязательно должен зафиксировать в соответствующем протоколе.

В соответствии со ст. 27.4 КоАП РФ в протоколе об административном задержании обязательно в числе прочего должны быть указаны мотивы задержания. Между тем законодатель нигде не оговаривает, что входит в перечень таких мотивов. Этот момент также отдан на откуп правоприменителям, что, как демонстрирует судебная практика, служит практическим показателем незаконности применения административного задержания и нарушения прав и свобод граждан.

К примеру, Санкт-Петербургский городской суд в решении от 10 ноября 2017 г. по делу № 5-1272/2017 посчитал доводы о том, что в протоколе административного задержания не указаны мотивы задержания, не являющимися основанием к его отмене, поскольку из протокола усматриваются дата и время задержания В. и доставления его в 64 отдел полиции УМВД России по Кировскому району [5].

Между тем Московский городской суд, установив, что 5 февраля 2014 г. в 20 час. в г. Москве Ж. был задержан сотрудниками полиции, поскольку тот не имел при себе миграционной карты, уведомления о месте пребывания, а при составлении протокола у Ж. выяснялись иные обстоятельства, связанные с проживанием не по месту регистрации, пришел к выводу, что протокол не соответствует требованиям ч. 1 ст. 27.4 КоАП РФ, так как в нем зафиксированы взаимоисключающие мотивы задержания лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении [6].

Приведенные примеры, как представляется, демонстрируют корреляцию между недостаточным правовым регулированием процедуры применения обеспечительной меры в виде административного задержания и его проецированием на правоприменительную сферу.

Следует отметить, что, среди ученых, занимающихся данной проблематикой, также нет единой точки зрения по вопросу сущности и содержания мотива в рамках административного задержания. Например, коллектив авторов комментария к Федеральному закону «О животном мире» во главе с С. А. Боголюбовым мотивом административного задержания называет его причину [7], С. В. Яркова — фактическое обоснование применения данной меры в сложившейся юри-

[1] Например, должностные лица центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации.

дико-фактической ситуации [8], Е. М. Клюков отождествляет мотивы и цели задержания [9].

На наш взгляд, более логичная точка зрения прослеживается в трудах ученых [10, с. 11; 11], по мнению которых в протоколе административного задержания должны быть не мотивы задержания, а объективные данные. Так, Д. Е. Любишкин, под объективными данными, понимает доказательства, на которых основано признание факта правонарушения (сообщения очевидцев, документы и тому подобное), обстоятельства, которые уже установлены (обстоятельства совершения правонарушения, характер правонарушения, личность нарушителя, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и др.), а также соображения, которыми руководствовалось должностное лицо при производстве задержания. Развивая данную концепцию, важно отметить, что административное задержание должно как минимум соответствовать целям этой исключительной меры обеспечения дела об административном правонарушении.

Кроме того, надо понимать, что мотив у должностного лица формируется постепенно, поскольку оно должно учесть, дать оценку, установить и отразить в соответствующем протоколе мотивы применения задержания, взвесить все необходимые обстоятельства для применения данной обеспечительной меры по делу и осознать необходимость и обоснованность ее применения. Тогда как на практике должностное лицо оказывается один на один с принятием решения в очень короткий промежуток времени. И неверно принятое решение влечет его незаконность и нарушение прав и свобод гражданина.

Поэтому считаем, что сегодня назрела практическая потребность в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, какие обстоятельства следует относить к мотивам административного задержания.

Далее отметим, что согласно ч. 3 ст. 14 Федерального закона от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» сотрудник полиции должен соблюсти четкую последовательность действий. Указанный законодателем алгоритм действий полицейского при задержании физического лица показывает, что лицо, подлежащее фактическому задержанию, должно понимать, что государство в лице своих правоохранительных органов уже начало официальное публичное разбирательство в отношении него. Этот момент неизбежно связан с возникновением особых процессуальных прав задержанного.

Стоит отметить, что фактическое задержание в рамках административно-деликатных правоотношений имеет иную правовую природу и отлично от задержания, предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством. Поскольку фактическое уголовно-процессуальное задержание в литературе справедливо именуют захватом лица, что, конечно, оправдывает его сущность и цели [12, с. 50].

Вместе с тем законодатель не указывает на обязанность обеспечить разъясненные задерживаемому права, а равно и порядок ее осуществления. Очевидно, что в момент фактического задержания произвести алгоритм действий сотрудника полиции, включая разъяснение прав задерживаемого, а тем более, их обеспечение, практически невозможно.

В соответствии с ч. 5 ст. 27.3 КоАП РФ о разъяснении задержанному прав и обязанностей лицу делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании. Вероятно, законодателю не так важно, когда комплекс прав и обязанностей будет разъяснен физическому лицу: в момент ли фактического задержания или в момент составления протокола. Анализ положений ч. 3 ст. 14 в совокупности с ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» говорит об обратном. Игнорирование законодателем такого важного момента на практике влечет нарушение прав и свобод граждан.

Таким образом, характеристика особенностей реализации административного задержания сотрудниками полиции обнажает пробелы правового регулирования реализации такой процедуры. В частности, законодатель, требуя в каждом случае административного задержания в соответствующем протоколе указывать мотивы задержания, нигде не оговаривает, что входит в перечень таких мотивов, отдавая их определение на откуп правоприменителю, что служит практическим показателем незаконности применения административного задержания и нарушения прав и свобод граждан.

Более того, в каждом случае задержания физического лица сотрудник полиции должен разъяснить ему возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина, однако законодатель не указывает на обязанность обеспечить разъясненные задерживаемому права, а равно и порядок ее осуществления. Причем законодателем проигнорирована необходимость указания момента не только обеспечения сотрудниками полиции комплекса правомочий, но и их разъяснения, что на практике также влечет нарушение прав и свобод граждан.

Также следует ограничить должностные категории сотрудников органов внутренних дел, в компетенцию которых входит применение административного задержания, и в целях эффективности реализации данной обеспечительной меры надлежит уточнить это правило в вышеуказанном законодательном источнике.

Список источников

1. Приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы

об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 10 ноября 2017 г. № 12-2377/2017 по делу № 5-1272/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Московского городского суда от 14 марта 2014 г. по делу № 7-1350 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Комментарий к Федеральному закону «О животном мире» (постатейный) / под ред. С. А. Боголюбова. М. : Юстицинформ, 2002.
8. Ярковой С. В. Требования законности административных правоприменительных актов и административных действий // Административное право и процесс. 2017. № 2. С. 67–71.
9. Клюков Е. М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974. С. 21–22.
10. Любишкин Д. Е. Нужны ли мотивы задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2013. № 5. С. 12–16.
11. Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002.
12. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М. : ЮрИнфоР, 1999.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 685 dated August 30, 2017 «On Officials of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Authorized to Draw up Protocols on Administrative offenses and carry out administrative detention» // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law No. 342-FZ dated November 30, 2011 «On Service in Internal Affairs Bodies the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 // LRS «ConsultantPlus».
4. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 «On Police» // LRS «ConsultantPlus».
5. Decision of the St. Petersburg City Court of November 10, 2017 No. 12-2377/2017 in case No. 5-1272/2017 // LRS «ConsultantPlus».
6. Decision of the Moscow City Court of March 14, 2014 in case No. 7-1350 // LRS «ConsultantPlus».
7. Commentary to the Federal Law «On the Animal World» (article-by-article) / edited by S. A. Bogolyubov. M. : Justicinform, 2002.
8. Yarkova S. V. Requirements of legality of administrative law enforcement acts and administrative actions // Administrative law and process. 2017. No. 2. P. 67–71.
9. Klyukov E. M. Measure of procedural coercion. Kazan, 1974. P. 21–22.
10. Lyubishkin D. E. Do we need motives for detaining a suspect? // The Russian investigator. 2013. No. 5. P. 12–16.
11. Vasilyeva E. G. Problems of limitation of personal inviolability in criminal proceedings: diss. ... candidate of legal sciences. Ufa, 2002.
12. Grigoriev V. N. Detention of a suspect. M. : Yurinfor, 1999.

Информация об авторе

М. А. Вашаев — заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. A. Vashaev — Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 10.06.2025; accepted for publication 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.9
EDN: https://elibrary.ru/HWKNSC
NIION: 2007-0083-1/26-761
MOSURED: 77/27-005-2026-01-961

Организационно-правовые меры предупреждения преступного поведения мигрантов в сфере безопасности дорожного движения

Павел Владимирович Голубоцких
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, peshauto@mail.ru

Аннотация. Детерминация преступного поведения мигрантов в сфере безопасности дорожного движения непосредственно связана со спецификой такой сферы общественных отношений, как обеспечение безопасности дорожного движения, а также с миграционными процессами. Одним из ключевых факторов детерминации преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами, являются недостатки правового регулирования в сфере дорожного движения, касающиеся допуска данной категории лиц к управлению транспортных средств на территории Российской Федерации. С учетом указанного одной из первостепенных задач по обеспечению безопасности дорожного движения от преступного поведения мигрантов является разработка и реализация адекватных организационно-правовых мер предупреждения их преступного поведения в данной сфере.

Ключевые слова: мигрант, преступное поведение, преступность мигрантов, детерминация, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортные преступления, предупреждение

Для цитирования: Голубоцких П. В. Организационно-правовые меры предупреждения преступного поведения мигрантов в сфере безопасности дорожного движения // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 35–40. EDN: HWKNSC.

Organizational and legal measures to prevent criminal behavior of migrants in the field of road safety

Pavel V. Golubotskikh
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, peshauto@mail.ru

Abstract. The determination of criminal behavior of migrants in the field of road safety is directly related to the specifics of the field of road safety, as well as to migration processes. One of the key factors in the determination of crimes in the field of road safety committed by migrants is the lack of legal regulation in the field of road safety regarding the admission of this category of individuals to driving vehicles on the territory of the Russian Federation. Taking this into account, one of the primary tasks in ensuring road safety from the criminal behavior of migrants is to develop and implement adequate organizational and legal measures to prevent their criminal behavior in this area.

Keywords: migrant, criminal behavior, migrant crime, determination, road safety, traffic crimes, prevention

For citation: Golubotskikh P. V. Organizational and legal measures to prevent criminal behavior of migrants in the field of road safety. Criminological Journal. 2026;(1):35–40. (In Russ.). EDN: HWKNSC.

Согласно п. 12 ст. 25 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее — ФЗ «О безопасности дорожного движения») «лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации, допускаются к управлению транспортными средствами на территории Российской Федерации на основании российских национальных водительских удостоверений, а при отсутствии таковых - на основании иностранных национальных водительских удостоверений или международных во-

© Голубоцких П. В., 2026

дительских удостоверений при соблюдении условий и ограничений, указанных в пунктах 12.1–17 настоящей статьи». Иностранные национальные и международные водительские удостоверения признаются недействительными для управления транспортными средствами на территории Российской Федерации по истечении одного года с даты получения либо приобретения лицом, являющимся (являвшимся) иностранным гражданином или лицом без гражданства, вида на жительство либо гражданства Российской Федерации или по истечении одного года с даты первого после получения иностранного национального водительского удостоверения въезда в Российскую Федерацию их владельца, являющегося гражданином Российской Федерации (за исключением национальных водительских удостоверений, выданных в Республике Беларусь, имеющихся у граждан Российской Федерации и граждан Республики Беларусь, получивших вид на жительство в Российской Федерации)» [1].

В 2024 г. количество иностранных водительских удостоверений, обмененных на российские после сдачи экзамена, составило 16,7 тыс. (- 76,7 %) [2]. Кроме того, на законодательном уровне предусмотрена возможность обмена иностранных водительских удостоверений в упрощенном порядке, без проведения экзамена [3]. Отдельно регламентируются ограничения для иностранцев, касающиеся осуществления предпринимательской и трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением ТС.

Так, «не допускается управление транспортными средствами на основании иностранных национальных или международных водительских удостоверений при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением транспортными средствами. Положение настоящего пункта не распространяется на граждан Кыргызской Республики, а также граждан государств, законодательство которых закрепляет использование русского языка в качестве официального, осуществляющих предпринимательскую и трудовую деятельность на территории Российской Федерации, непосредственно связанную с управлением транспортными средствами, на основании иностранных национальных или международных водительских удостоверений, выданных в государствах, гражданами которых они являются» [1].

Также следует учитывать, что в соответствии с Постановлением Совета Министров Союзного государства от 16 июня 2017 г. № 29 «О признании национальных водительских удостоверений на территории Союзного государства» в целях обеспечения гражданам Республики Беларусь и Российской Федерации равных прав на трудоустройство, установлено, что «национальные водительские удостоверения, выданные компетентными органами государств — участников Договора о создании Союзного государства, признаются без их дополнительной легализации при осуществлении гражданами государств — участников Договора о создании Союзного государства предпринимательской и трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением транспортными средствами» [4].

Таким образом, с учетом внесенных в 2023 г. изменений в ФЗ «О безопасности дорожного движения», устанавливающих новые правила для водителей, не являющихся гражданами РФ, управлять ТС можно при наличии одного из документов: 1) российского национального водительского удостоверения; 2) международного или 3) иностранного национального водительского удостоверения (в случае отсутствия российского национального удостоверения) при соблюдении соответствующих условий и ограничений.

В литературе относительно случаев получения российского национального водительского удостоверения на основании иностранного национального водительского удостоверения обсуждалось применение механизма допуска иностранных граждан к управлению ТС в результате сдачи теоретических основ ПДД, а для получения водительского удостоверения с категориями C, D, CE, DE и подкатегориями C1, D1, C1E, D1E — прохождение обучения в российской автошколе и сдачи практического экзамена [5].

Преступления в сфере безопасности дорожного движения (далее — БДД) совершаются в большинстве случаев мигрантами из числа граждан СНГ. При этом доля мигрантов, осужденных за данные преступления из числа граждан СНГ, увеличилась с 72,8 % в 2017 г. до 94,6 % в 2024 г. [6]. Большинство выявленных мигрантов, совершивших преступления против БДД, являются гражданами Узбекистана (23,3 %), Кыргызстана (14,1 %), Таджикистана (12,4 %), Армении (10,0 %), Азербайджана (8,9 %), Беларуси (6,6 %), Казахстана (4,9 %) [7].

Как можем видеть, факт принадлежности мигранта к гражданам государств, законодательство которых закрепляет использование русского языка в качестве официального, не является антикриминогенным фактором.

Также в ходе изучения судебной практики нами было установлено, что большинство преступлений совершается мигрантами, имеющими стаж управления ТС от 1 года до 3 лет — 33 %. Лицами со стажем менее 1 года совершается 11,2 % преступлений. Таким образом, практически половина (44,2 %) всех преступлений в сфере БДД совершается мигрантами со стажем управления ТС менее трех лет. Кроме того, установлено, что одним их факторов детерминации преступлений, совершаемых мигрантами в сфере БДД, является низкий уровень их подготовки в качестве водителей ТС.

Стаж управления ТС непосредственно связан с приобретением соответствующего опыта и автоматизацией навыков вождения, способностью верно оценить дорожную ситуацию и адекватно реагировать на ее изменение и в конечном итоге избежать аварийных ситуаций.

Современные исследования подтверждают, что типичный портрет личности преступника, совершающего нарушение ПДД и эксплуатации ТС, характеризуется тем, что это лицо мужского пола 30 лет и старше, со стажем вождения более 10 лет [8, с. 46, 190]. Как можем видеть, имеет место существенная разница в стаже управления ТС при совершении преступлений мигрантами и иными категориями лиц.

На основании изложенного считаем необходимым установить на законодательном уровне для лиц, не являющихся гражданами РФ, запрет на допуск к управлению ТС на территории РФ на основании иностранных национальных водительских удостоверений или международных водительских удостоверений при наличии стажа управления ТС менее трех лет, если иное не предусмотрено международными договорами РФ, нормативными правовыми актами Президента РФ или Правительства РФ.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует, что именно сроком на три года (или более) устанавливаются различные ограничения по управлению ТС для начинающих водителей, что связано с отсутствием у них достаточного опыта безаварийного управления ТС (например, Австралия, Бельгия, Италия, Нидерланды, Франция).

Следует отчасти согласиться с замечанием Д. В. Иванькович о том, что «единственным критерием, который подтверждает стаж вождения у лица, управляющего ТС, это дата выдачи водительского удостоверения на право управления ТС. ... Однако в реальности складываются следующая картина ... лицо, получившее водительское удостоверение на право управления ТС, не управляло ТС, например, по причине отсутствия у него во владении либо пользовании ТС» [8, с. 152]. Действительно формально стаж управления подтверждается лишь наличием водительского удостоверения на право управления ТС и исчисляется с даты его выдачи. Тем не менее, предлагаемая нами мера позволит существенно ограничить допуск к управлению ТС мигрантов, не имеющих опыта управления ТС. В частности, тех, кто легально и тем более нелегально получает водительское удостоверение непосредственно перед въездом на территорию РФ.

Отдельного внимания заслуживает предупреждение преступлений, совершаемых мигрантами в сфере БДД при осуществлении трудовой деятельности, связанной с перевозкой пассажиров.

Как уже отмечалось, наибольшей общественной опасностью обладают преступления, совершаемые такой категорией мигрантов-водителей ТС, как водители, управляющие общественным транспортом, а также такси, поскольку ДТП с их участием вызывают широкий общественный резонанс. Так, с января 2024 г. в некоторых российских регионах введен запрет о приеме на работу мигрантов в общественном транспорте и такси (Калининградской, Калужской, Магаданской, Тюменской, Тульской, Челябинской областях, в Краснодарском крае, в Ханты-Мансийском автономном округе). С января 2025 г. ограничения работы мигрантов в сфере транспорта вводятся в Ленинградской, Курской, Костромской и Нижегородской областях, Хабаровского края.

Целью принятия таких ограничительных мер является экономическое благополучие и приоритет в трудоустройстве российских граждан, атак же превентивное воздействие, обеспечивающее профилактику ДТП с участием иностранных граждан.

В соответствии с действующим законодательством, водителем легкового такси может быть лицо, которое имеет право на управление ТС категории «В» в соответствии с требованиями ФЗ «О безопасности дорожного движения» в течение трех и более лет; не имеет медицинских противопоказаний к управлению ТС категории «В» или медицинских ограничений к управлению такими ТС; заключило трудовой договор с перевозчиком либо является индивидуальным предпринимателем, которому предоставлено разрешение и который осуществляет перевозки легковым такси самостоятельно, или физическим лицом, которому предоставлено разрешение» [9].

На индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществляющих эксплуатацию ТС, в соответствии со ч. 1 ст. 20 ФЗ «О безопасности дорожного движения», возложена обязанность не допускать при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности к управлению ТС лиц на основании иностранных национальных или международных водительских удостоверений [1]. Исключение могут составлять случаи в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций [10].

В соответствии со ст. 12.32.1 КоАП РФ, за допуск к управлению ТС водителя, не имеющего российского национального водительского удостоверения при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением ТС, должностное лицо, ответственное за техническое состояние и эксплуатацию ТС, будет привлечено к административной ответственности, которая предусматривает наложение штрафа в размере 50 тысяч рублей, а водитель ТС будет привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ в виде административного штрафа от 5 до 15 тыс. руб. [11].

Учитывая повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых мигрантами при осуществлении предпринимательской и трудовой дея-

тельности, непосредственно связанной с перевозкой пассажиров, а также характеристики личности преступника и связанные с ними субъективные факторы детерминации данных преступлений (склонность мигрантов к осознанному, умышленному нарушению установленных в нашей стране правил и запретов, культурный эгоцентризм, низкий уровень самоконтроля, безответственность, неадаптированность, отсутствие устойчивых морально-нравственных ориентаций, низкий уровень правосознания, искаженная оценка дорожных рисков) считаем необходимым ужесточить требования по допуску данной категории лиц к осуществлению указанной деятельности.

В 2024 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о внесении изменений в ФЗ «О безопасности дорожного движения», а также ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», который предусматривает выдачу лицам, планирующим осуществлять деятельность по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, российских национальных водительских удостоверений на основании иностранных национальных водительских удостоверений, подтверждающих право на управление ТС категории «В», после успешной сдачи теоретического и практического экзаменов, без прохождения профессионального обучения [12].

Необходимость принятия данных изменений обосновывается проблематикой подтверждения фактической квалификации иностранных граждан, которые являются водителями легковых такси и получили российские национальные водительские удостоверения на основании иностранных национальных водительских удостоверений по итогам сдачи только теоретического экзамена без прохождения профессионального обучения. Однако, согласно официальному отзыву Правительства РФ «соответствующие правоотношения в достаточной степени урегулированы» и согласно заключению профильного комитета Государственной Думы РФ «предъявление к таким водителям требования о дополнительной сдаче практического экзамена представляется избыточным» [12].

Мы в целом поддерживаем позицию, что принятие данного закона могло бы оказать значительное влияние на состояние ДТП, совершаемых в сфере пассажирских перевозок мигрантами [8]. Однако, на наш взгляд, проблему допуска мигрантов к осуществлению деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси и их фактической квалификации целесообразнее решать путем установления требований к стажу управления ими ТС на основании российского национального водительского удостоверения.

В связи с изложенным считаем необходимым установить на законодательном уровне требование, что водителем легкового такси может быть лицо, не являющееся гражданином РФ, которое имеет право на управление ТС категории «В» в соответствии с требованиями ФЗ «О безопасности дорожного движения» в течение трех и более лет на основании российского национального водительского удостоверения.

Данное предложение в полной мере соответствует такому основному направлению повышения безопасности участников дорожного движения, определенному Стратегией повышения безопасности дорожного движения в РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., как «рассмотрение перспектив внедрения дифференцированного подхода к допуску к управлению транспортными средствами, предполагающего в том числе поэтапный допуск к управлению транспортными средствами и установление дополнительных, прежде всего квалификационных, требований к водителям, трудовая деятельность которых непосредственно связана с управлением транспортными средствами» [13].

Кроме того, указанная мера соответствует мировой практике установления требований к стажу управления ТС мигрантами на основании водительского удостоверения, выданного в стране пребывания при приему на работу водителем такси (Англия, Канада, Франция — 3 года, Германия, Норвегия, Швеция, Япония — 2 года, Испания — 1 год).

При этом при трудоустройстве на работу водителем легкового такси фактический стаж управления ТС должен подтверждаться документами о соответствующей трудовой деятельности или иными документами, подтверждающими факт наличия практического опыта управления мигрантом ТС в течении данного периода времени.

Таким образом, влияние миграционных процессов на обеспечение безопасности в сфере дорожного движения определяет необходимость реализации, прежде всего, следующих организационно-правовых мер, направленных на минимизацию проявлений преступного поведения мигрантов: установление для мигрантов запрета на допуск к управлению ТС на территории РФ на основании иностранных национальных водительских удостоверений или международных водительских удостоверений при наличии стажа управления ТС менее трех лет; установления запрета осуществление мигрантами деятельности по перевозке пассажиров в общественном транспорте; установление требования, что водителем легкового такси может быть лицо, не являющееся гражданином РФ, которое имеет право на управление ТС категории «В» в течение трех и более лет на основании российского национального водительского удостоверения.

Список источников

1. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О безопасности дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 апреля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4873.
2. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025.
3. Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в статьи 25 и 26 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 29. Ст. 5331.
4. Постановление Совета Министров Союзного государства от 16 июня 2017 г. № 29 «О признании национальных водительских удостоверений на территории Союзного государства» // URL: https://base.garant.ru/71707278/
5. Лапов И. Н. Реализация иностранными гражданами и лицами без гражданства специального права на управление транспортными средствами // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 1 (162). С. 120–126.
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // URL: http://www.cdep.ru/?id=79
7. Статистические сведения о состоянии преступности в России / Генеральная прокуратура РФ. Главное организационно-аналитическое управление, Управление правовой статистики // URL: http://crimestat.ru/analytics
8. Иванькович Д. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: криминологическая характеристика и предупреждение в Российской Федерации и Республике Беларусь: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2025.
9. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 27.
10. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.
11. Кодекс об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
12. Проект федерального закона № 708890-8 «О внесении изменений в статью 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» и статью 12 Федерального закона «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации)» (об особенностях получения российского водительского удостоверения на основании иностранного для управления легковым такси)» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/708890-8
13. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal Law No. 196-FZ of December 10, 1995 (as amended on December 25, 2023) «On Road Safety» (as amended and supplemented, intro. effective from April 1, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 50. Art. 4873.
2. Bakanov K. S., Lyakhov P. V., Isaev M. M. and others. Law enforcement activities in the field of road safety in 2024: an information and analytical review. M. : Federal State Institution «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2025.
3. Federal Law No. 313-FZ of July 10, 2023 «On Amendments to Articles 25 and 26 of the Federal Law «On Road Safety» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 29. Art. 5331.
4. Resolution of the Council of Ministers of the Union State of June 16, 2017 No. 29 «On the recognition of national driving licenses in the territory of the Union State» // URL: https://base.garant.ru/71707278/
5. Lapov I. N. Realization by foreign citizens and stateless persons of a special right to drive vehicles // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 1 (162). P. 120–126.
6. Summary statistical information on the state of

criminal record in Russia // URL: http://www.cdep.ru/?id=79
7. Statistical information on the state of crime in Russia / Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Main Organizational and Analytical Department, Department of Legal Statistics // URL: http://crimestat.ru/analytics
8. Ivankovich D. V. Violation of traffic rules and operation of vehicles: criminological characteristics and prevention in the Russian Federation and the Republic of Belarus: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2025.
9. Federal Law No. 580-FZ of December 29, 2022 «On the Organization of Passenger and Baggage Transportation by Passenger Taxi in the Russian Federation, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 1 (part I). Art. 27.
10. Federal Law No. 258-FZ dated July 31, 2020 «On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (P. I). Art. 5017.
11. Code of Administrative Offences of December 30, 2001, No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (P. I). Art. 1.
12. Draft Federal Law No. 708890-8 «On Amendments to Article 25 of the Federal Law «On Road Safety» and Article 12 of the Federal Law «On the Organization of Passenger and Baggage Transportation by Passenger Taxi in the Russian Federation, on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation)» (on the specifics of obtaining a Russian driver's license based on a foreign one for driving a passenger taxi)» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/708890-8
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 841 dated November 14, 2025 «On Approval of the Strategy for Improving Road Safety in the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

П. В. Голубоцких — соискатель факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

P. V. Golubotskikh — Applicant of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 25.12.2025.

The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 25.12.2025.

Научная статья
УДК 343
EDN: https://elibrary.ru/WKDMIS
NIION: 2007-0083-1/26-762
MOSURED: 77/27-005-2026-01-962

Современное состояние, тенденции и перспективы совершенствования системы предупреждения преступности несовершеннолетних в Российской Федерации

Сергей Дмитриевич Гринько
Мелитопольский государственный университет, Мелитополь, Россия, grinko-skags@yandex.ru

Аннотация. Осуществляется комплексный криминологический анализ актуального состояния и ключевых векторов развития преступности несовершеннолетних в Российской Федерации. На основе данных официальной статистики и результатов научных исследований выявляются и детально рассматриваются устойчивые количественные и качественные трансформации в структуре и характере противоправной деятельности лиц, не достигших возраста совершеннолетия. Систематизируются детерминанты, обуславливающие данные негативные тенденции, среди которых ключевыми выступают социально-экономические проблемы, распространение деструктивного контента в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», высокий уровень латентности подростковой преступности и омоложение контингента правонарушителей. В заключительной части формулируется комплексный, многоуровневый подход к совершенствованию системы профилактики, включающий меры социально-экономического, правового, воспитательного и организационного характера. Особый акцент делается на необходимости раннего выявления семейного неблагополучия, усиления роли правового просвещения, нейтрализации влияния криминальной субкультуры и консолидации усилий всех субъектов профилактической деятельности.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, криминологический анализ, детерминанты преступности, латентная преступность, профилактика преступлений, предупреждение преступности, уголовная политика

Для цитирования: Гринько С. Д. Современное состояние, тенденции и перспективы совершенствования системы предупреждения преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 41–44. EDN: WKDMIS.

Original article

Modern status, trends and prospects for improving the juvenile delinquency prevention system in the Russian Federation

Sergei D. Grinko
Melitopol State University, Melitopol, Russia, grinko-skags@yandex.ru

Abstract. A comprehensive criminological analysis of the current state and key vectors of juvenile delinquency in the Russian Federation is being carried out. Based on official statistics and the results of scientific research, stable quantitative and qualitative transformations in the structure and nature of illegal activities of persons under the age of majority are identified and examined in detail. The determinants of these negative trends are systematized, among which socio-economic problems, the spread of destructive content in the Internet information and telecommunications network, a high level of latency in juvenile delinquency and the rejuvenation of the delinquent population are the key ones. In the final part, a comprehensive, multi-level approach to improving the prevention system is formulated, including socio-economic, legal, educational and organizational measures. Special emphasis is placed on the need for early detection of family problems, strengthening the role of legal education, neutralizing the influence of criminal subculture and consolidating the efforts of all subjects of preventive activities.

Keywords: juvenile delinquency, criminological analysis, determinants of crime, latent crime, crime prevention, delinquency prevention, criminal policy

© Гринько С. Д., 2026

For citation: Grinko S. D. Modern status, trends and prospects for improving the juvenile delinquency prevention system in the Russian Federation. Criminological Journal. 2026;(1):41–44. (In Russ.). EDN: WKDMIS.

Преступность несовершеннолетних традиционно занимает особое место в структуре общей преступности, выступая не только индикатором текущей криминогенной обстановки в стране, но и прогностическим ориентиром ее развития в будущем. Молодежь представляет собой стратегический резерв общества и ее вовлеченность в противоправную деятельность свидетельствует о системных проблемах в сфере социализации, воспитания и социальной защиты. Изучение количественных и качественных параметров преступности несовершеннолетних является необходимым условием для разработки адекватных и эффективных мер уголовной политики, совершенствования законодательства и корректировки существующих программ профилактики [4, с. 5].

Актуальность темы обусловлена наличием ряда противоречивых тенденций. С одной стороны, официальная статистика фиксирует устойчивое снижение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними. С другой стороны, качественный анализ нарастания таких негативных явлений, как увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, рост организованности и жестокости в подростковой среде, а также активное распространение криминальной идеологии. Данное противоречие указывает на недостаточную эффективность отдельных существующих профилактических мер и требует глубокого научного осмысления.

1. Количественные и структурные характеристики преступности несовершеннолетних.

По данным официальной статистики, за последние годы наблюдается положительная динамика снижения абсолютного количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их соучастии. В общей структуре зарегистрированной преступности доля таких деяний стабилизировалась на уровне примерно 2,1 %, что означает, что каждое двадцать пятое расследованное преступление совершается несовершеннолетним.

Структура преступности несовершеннолетних на протяжении длительного времени остается относительно неизменной с ярко выраженной корыстной направленностью. Значительный удельный вес продолжают занимать преступления против собственности. Лидирующие позиции среди них принадлежат краже (62,81 %), что обусловлено, в том числе, относительно низким уровнем раскрываемости и легкостью совершения. За ней следуют грабеж (8,06 %) и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон) (6,63 %). Значительно реже несовершеннолетними совершаются мошенничество (1,66 %), разбой (1,64 %) и вымогательство (1,03 %).

Среди преступлений против личности наибольшую распространенность имеют умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (2,96 %) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (1,44 %). Совершение же таких особо тяжких преступлений, как убийство (0,45 %) и изнасилование (0,41 %), в среде несовершеннолетних остается относительно редким явлением, однако именно по этим составам наблюдается один из наиболее тревожных темпов прироста.

2. Качественные трансформации и негативные тенденции.

Несмотря на общее снижение количественных показателей, качественный анализ вызывает ряд тревожных тенденций, свидетельствующих об обострении проблемы.

Рост тяжести преступлений. Наблюдается увеличение количества тяжких (+ 3,4 %) и особо тяжких (+ 6,9 %) преступлений, совершенных несовершеннолетними. Особую озабоченность вызывает значительный рост числа насильственных преступлений: убийств (+ 17,0 %) и изнасилований (+ 16,5 %). Почти на четверть (+ 23,7 %) возросло число несовершеннолетних, совершивших мошенничество, что может свидетельствовать об усложнении способов совершения преступлений и их «интеллектуализации».

Усиление организованности и группового характера. При общем сокращении числа несовершеннолетних, участвующих в преступных группах, отмечается тенденция к качественному изменению самих групп. Фиксируется рост количества групп с признаками организованности (+ 4,7 %), для которых характерны устойчивость связей, внутренняя иерархия, подчинение определенным нормам поведения и выраженная криминальная направленность. Групповое поведение подростков становится более агрессивным и жестоким [1, с. 32]. Важно отметить, что чем моложе преступник, тем выше вероятность совершения им преступления в группе, что подчеркивает значимость механизмов групповой динамики в генезисе подростковой преступности.

Изменение социального портрета несовершеннолетнего преступника. Продолжается рост числа несовершеннолетних правонарушителей, не имеющих постоянного источника дохода (работа) (+ 45,5 %), а также не имеющих определенного места жительства (+ 16,0 %). Данная категория подростков является наиболее социально уязвимой и криминально опасной, так как они выпадают из сферы социального контроля и испытывают острую материальную нужду.

Криминализация подростковой среды. Преступное поведение современных несовершеннолетних все чаще приобретает демонстративный, вызывающий характер, сопровождается пренебрежением к социальным нормам и проявлениями враждебности к сверстникам, отличающимся законопослушным поведением [6, с. 77].

3. Детерминанты современной преступности несовершеннолетних.

Выявленные негативные качественные изменения обусловлены комплексом взаимосвязанных причин и условий.

- *Социально-экономические факторы*. Сохраняющееся социальное неравенство, бедность отдельных слоев населения, проблемы с трудоустройством молодежи создают питательную среду для криминализации. Семейное неблагополучие остается одним из ключевых факторов риска.
- *Информационно-идеологическое воздействие.* Широкое распространение в сети «Интернет» контента, пропагандирующего антиобщественные формы поведения, культ насилия, суицидальные настроения, наркоманию и порнографию, оказывает мощное деструктивное влияние на неокрепшую психику подростков [3, с. 27]. Особую опасность представляет целенаправленная популяризация криминальной субкультуры.
- *Распространение идеологии АУЕ*[1]. Сформировавшаяся субкультура АУЕ («Арестантский уклад един» или «Арестантское уркаганское единство»), пропагандирующая тюремные «понятия», ценности и стиль жизни, представляет собой серьезную угрозу. Романтизируя криминальный мир, она активно вовлекает молодежь в орбиту преступной деятельности, формируя у них искаженную систему ценностей.
- *Высокий уровень латентности.* Значительная часть преступлений несовершеннолетних остается не выявленной в силу нежелания родителей, педагогов и администраций учебных заведений предавать их огласке. Это приводит к безнаказанности правонарушителей, отсутствию должного осуждения и, как следствие, к эскалации криминального поведения.
- *Декриминализация отдельных деяний.* Введение административной ответственности для ряда преступлений, характерных для несовершеннолетних (например, мелкие кражи, побои), привело к их переходу в разряд административных правонарушений. С одной стороны, это гуманная мера, с другой — она может создавать у подростков ощущение безнаказанности за совершение подобных действий.
- *Омоложение возраста правонарушителей*. Все чаще общественно опасные деяния совершаются лицами, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности [2, с. 71–72]. Это требует смещения акцентов профилактической работы на более ранние возрастные группы.

4. Основные направления совершенствования системы профилактики.

Для противодействия вызовам, связанным с преступностью несовершеннолетних, необходим комплексный, межведомственный и многоуровневый подход.

Совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

- Разработка и внедрение эффективных механизмов воздействия на несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности.
- Дифференциация мер уголовно-правового воздействия с акцентом на воспитательные и реабилитационные программы, а не на карательные санкции.
- Ужесточение ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Усиление социальной и воспитательной работы.

- Раннее выявление семейного неблагополучия. Создание эффективной системы межведомственного взаимодействия органов образования, здравоохранения, социальной защиты и комиссий по делам несовершеннолетних для организации комплексной реабилитационной работы с семьей [5, с. 271–272].
- Поддержка и укрепление института семьи. Реализация программ материальной, психологической и педагогической поддержки семей, создание условий для улучшения их качества жизни.
- Развитие системы дополнительного образования, досуговой и спортивной инфраструктуры, обеспечивающей занятость подростков в свободное от учебы время (проекты типа «Самбо в школу», молодежные форумы).

Информационно-пропагандистские и воспитательные меры.

- Активное правовое просвещение несовершеннолетних и их родителей, разъяснение последствий противоправного поведения.
- Нейтрализация влияния криминальной субкультуры АУЕ. Проведение не только разоблачительных кампаний (проект «АнтиАУЕ»), но и создание позитивных молодежных альтернатив, героев и ценностных ориентиров.
- Повышение медиаграмотности подростков для формирования у них критического восприятия деструктивного контента.

Оптимизация деятельности правоохранительных органов и иных субъектов профилактики:

- Совершенствование методов выявления и пресечения деятельности организованных подростковых групп.
- Повышение эффективности профилактической работы сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, внедрение ин-

[1] Международное общественное движение «АУЕ» признано экстремистским и его деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

дивидуальных программ профилактики для «трудных» подростков.
- Консолидация усилий всех субъектов профилактики (школы, органы опеки, социальные службы, общественные организации) в рамках единой координационной стратегии.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что, несмотря на позитивную динамику снижения общего числа преступлений несовершеннолетних, криминогенная ситуация в данной сфере остается сложной и характеризуется рядом негативных качественных изменений. Рост тяжести и организованности преступлений, усиление влияния криминальной субкультуры и омоложение правонарушителей свидетельствуют о необходимости пересмотра и совершенствования существующих подходов к профилактике.

Ключ к решению проблемы лежит в плоскости комплексного воздействия на весь спектр детерминант преступности несовершеннолетних. Приоритет должен быть отдан не карательным, а превентивным, социально-ориентированным мерам, направленным на укрепление института семьи, создание условий для успешной социализации и личностного развития каждого подростка, формирование у него устойчивых правосознательных и просоциальных установок. Только скоординированные усилия государства, общества и семьи позволят переломить текущие негативные тенденции и обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов как несовершеннолетних, так и общества в целом.

Список источников

1. Вашакидзе Н. А. Современные тенденции несовершеннолетней преступности // Защити меня. 2019. № 1. С. 32–36.
2. Гончарова М. В. Преступность несовершеннолетних в Российской Федерации: статистический анализ состояния и тенденций // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения. М., 2020. С. 67–73.
3. Ережипалиев Д. И. Защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, мерами прокурорского надзора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 27–32.
4. Крюкова Н. И. Преступность несовершеннолетних в России, ее причины и пути преодоления: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
5. Рекомендации Всероссийской научно-практической конференции «Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения» // Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения. М., 2020. С. 267–274.
6. Хаджимурадова Т. Х. Особенности преступной деятельности несовершеннолетних // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 50. Ч. 6. С. 77–82.

References

1. Vashakidze N. A. Modern tendencies juvenile delinguency // Protect me. 2019. No. 1. P. 32–36.
2. Goncharova M. V. Juvenile delinguency in Russian Federation: statistical analysis of status and trends // Criminological problems behavior minors and youth, ways to solve them. M., 2020. P. 67–73.
3. Erezhipaliev D. I. Protecting children from information, harmful their health and development, measures of public prosecutor s supervision // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1. P. 27–32.
4. Kryukova N. I. Juvenile delinguency in Russia, its causes and ways to overcome it: diss. ... doctor of legal sciences. M., 1997.
5. Recommendations All-Russian Scientific and Practical Conference «Criminological problems behavior minors and youth, ways to solve them» // Criminological problems behavior minors and youth, ways to solve them. M., 2020. P. 267–274.
6. Khadzhimuradova T. W. Features of criminal activity of minors // Development trends science and education. 2019. No. 50. Part. 6. P. 77–82.

Информация об авторе

С. Д. Гринько — заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Мелитопольского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. D. Grinko — Head of the Department of Criminal Law Disciplines of Melitopol State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 27.10.2025.
The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication 27.10.2025.

Научная статья
УДК 342
EDN: https://elibrary.ru/WDNEHI
NIION: 2007-0083-1/26-763
MOSURED: 77/27-005-2026-01-963

Проблемы определения и разграничения понятий «Экстремизм» и «Терроризм» в уголовно-правовой науке

Иван Вячеславович Гусаим[1,2]
[1] Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия, GusaimIvan1997@yandex.ru
[2] Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Конец XX в. продемонстрировал, что научно-технический и культурный прогресс не обеспечил ни устойчивости, ни глобальной безопасности. Контроль над стратегическими вооружениями не смог сдержать разработку новых видов оружия и распространение ядерных технологий, равно как и других средств массового поражения. Идеологический крах советской системы не устранил ключевых социально-экономических противоречий, а напротив, способствовал росту деструктивных процессов в обществе — от усиления сепаратизма и национализма до экстремистских проявлений радикального характера.

Феномен экстремизма (лат. «extremus» — предельный, крайний) заслуживает особого внимания в контексте современных угроз. Интегрируясь с проявлениями сепаратизма, национализма и религиозного фундаментализма, экстремистская идеология катализирует радикализацию общественных процессов, создавая прямую угрозу безопасности на индивидуальном, социальном и государственном уровнях.

Эволюционная динамика экстремизма в двадцать первом веке демонстрирует существенное расширение сфер влияния данного явления на различные аспекты функционирования мирового сообщества. Дестабилизирующее воздействие экстремизма подрывает основы социальной стабильности и перспективы устойчивого развития. Приоритетной научной задачей становится комплексное исследование природы экстремизма, формирование системного понятийного аппарата для анализа исторических, социологических, политических, психологических, информационных и силовых компонентов противодействия данной угрозе.

Ключевые слова: уголовно-правовая наука, разграничение понятий, экстремизм, терроризм, национальная безопасность, общественная безопасность, преступная идеология, правовые определения, радикализация, правоприменительная практика, безопасность государства

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

Для цитирования: Гусаим И. В. Проблемы определения и разграничения понятий «Экстремизм» и «Терроризм» в уголовно-правовой науке // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 45–53. EDN: WDNEHI.

Original article

Problems of defining and distinguishing the concepts of «Extremism» and «Terrorism» in criminal law science

Ivan V. Gusaim[1,2]
[1] Security Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, GusaimIvan1997@yandex.ru
[2] Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

© Гусаим И. В., 2026

Abstract. The end of the 20th century demonstrated that scientific, technological and cultural progress did not ensure either sustainability or global security. Strategic arms control has failed to deter the development of new types of weapons and the proliferation of nuclear technologies, as well as other means of mass destruction. The ideological collapse of the Soviet system did not eliminate key socio-economic contradictions, but, on the contrary, contributed to the growth of destructive processes in society — from the strengthening of separatism and nationalism to extremist manifestations of a radical nature.

The phenomenon of extremism (Latin «extremus» — extreme) deserves special attention in the context of modern threats. Integrating with manifestations of separatism, nationalism and religious fundamentalism, extremist ideology catalyzes the radicalization of social processes, creating a direct threat to security at the individual, social and state levels.

The evolutionary dynamics of extremism in the twenty-first century demonstrates a significant expansion of the spheres of influence of this phenomenon on various aspects of the functioning of the world community. The destabilizing impact of extremism undermines the foundations of social stability and the prospects for sustainable development. A priority scientific task is a comprehensive study of the nature of extremism, the formation of a systematic conceptual framework for the analysis of historical, sociological, political, psychological, informational and power components of countering this threat.

Keywords: criminal law science, differentiation of concepts, extremism, terrorism, national security, public safety, criminal ideology, legal definitions, radicalization, law enforcement practice, state security

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of the state task «Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of the national security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)».

For citation: Gusaim I. V. Problems of defining and distinguishing the concepts of «Extremism» and «Terrorism» in criminal law science. Criminological Journal. 2026;(1):45–53. (In Russ.). EDN: WDNEHI.

Введение

Исторические корни экстремизма и наиболее радикального проявления — террористических актов — прослеживаются на протяжении многовековой истории человечества, пронизывая различные области социального бытия. Зарождение экстремистских тенденций исследователи связывают с периодом формирования властных отношений, когда возможность управления людьми начала ассоциироваться с получением материальных благ, превратившись в предмет притязаний определенных индивидов, группировок и организованных движений.

Стремление к достижению власти любой ценой характеризовалось полным игнорированием этических норм, устоявшихся традиций, общественных правил и законных интересов населения. Радикально настроенные субъекты, руководствуясь принципом «цель оправдывает средства», практиковали методы запугивания, прямого насилия и преднамеренных убийств для реализации собственных амбиций.

Историческая трансформация экстремистской деятельности неразрывно связана с общественной эволюцией, научно-техническим прогрессом и сменой идеологических парадигм. Многообразие проявлений экстремизма — от религиозного фанатизма до политического радикализма и националистического шовинизма — приводило к масштабным вооруженным столкновениям, системным репрессиям и разрушительным военным кампаниям. Деструктивное влияние экстремизма на социальные институты разрушает межличностное доверие, препятствуя поступательному развитию мировой цивилизации.

Современная эпоха характеризуется качественной трансформацией экстремистской деятельности, обретающей принципиально новые формы реализации. Цифровые платформы, включая интернет-пространство и социальные медиа, превратились в эффективный инструмент экстремистских группировок, позволяющий осуществлять масштабную пропагандистскую деятельность, рекрутировать сторонников и синхронизировать противоправные акции на международном уровне. Виртуальная среда становится благоприятной почвой для культивирования межнациональной розни, ксенофобских настроений и подстрекательства к насильственным действиям.

Противодействие экстремистским проявлениям предполагает разработку комплексной юридической стратегии, интегрирующей правоохранительные меры с образовательными программами, превентивными механизмами и идеологической работой. Первостепенное значение приобретает развитие критического мышления населения, культивирование принципов толерантности, формирование уважительного отношения к религиозному и культурному многообразию. Особую актуальность представляет нейтрализация распространения экстремистской идеологии в цифровом пространстве и масс-медиа. Минимизация экстремистских угроз и предотвращение разрушительных последствий террористической деятельности возможны исключительно при консолидации усилий гражданского общества и государственных институтов.

Понятие экстремизма (экстремистской деятельности)

Исторический опыт показывает универсальность экстремистских явлений, проявлявшихся в разных странах, независимо от эпохи и социально-экономического контекста. Суть экстремизма раскрывается через два противоположных направления: радикальное разрушение существующей государственно-правовой системы или фанатичное сохранение статус-кво вопреки общественному развитию.

В I в. Римская империя столкнулась с экстремистской сектой сикариев в Иудее. Название группы происходило от слова «сика» (кинжал). Сектанты планомерно уничтожали представителей еврейской знати, сотрудничавших с римской властью. Имперский аппарат временно утратил контроль над ситуацией.

Движение ассошафинов в средние века специализировалось на убийствах высокопоставленных чиновников, префектов и халифов. Исмаилитская секта, действовавшая на территории современных Ирана, Афганистана и соседних стран, практиковала сложные методы устранения оппонентов из суннитской верхушки.

Средневековая инквизиция олицетворяет государственный экстремизм, когда европейские правители использовали религиозные гонения для политического контроля. Репрессии против еретиков иллюстрируют слияние политического и религиозного экстремизма под эгидой власти.

В исторической ретроспективе теоретические основы экстремизма впервые обрели системное воплощение в научных работах XIX в., принадлежащих немецкому мыслителю-радикалу Карлу Гейнцгену. Разработанная философом доктрина представляла собой попытку легитимизации насильственных методов в политической сфере. Обосновывая свою позицию декларируемыми интересами всего человечества, Гейнцген рассматривал массовое уничтожение людей как допустимый инструмент борьбы. Согласно выдвинутой концепции, небольшое сообщество единомышленников путем экстремистских действий способно подорвать устойчивость даже мощного государственного аппарата [1, с. 91].

Последующее концептуальное развитие экстремистская идеология получила в трудах Михаила Бакунина, сформулировавшего «теорию разрушения» на базе гейнцгеновской «философии бомбы». Бакунинская доктрина провозглашала полное отрицание сострадания революционеров к пострадавшим от насилия, категорически исключая любые формы компромиссных подходов в революционной деятельности.

Анархистское движение семидесятых годов девятнадцатого века дополнило существующие радикальные концепции доктриной «пропаганды действием». Фундаментальным положением данной теории становится принципиальный отказ от традиционных форм агитационной работы в пользу непосредственного террористического насилия. Идеологи анархизма полагали, что систематическое применение террористических методов способно спровоцировать массовое давление на правительственные структуры, вынуждая власти идти на уступки экстремистским группировкам [2].

Анархистская философия базировалась на парадоксальном постулате, согласно которому подлинный социальный порядок возможен исключительно через предварительное погружение общества в состояние хаоса. Достижение хаотического состояния, апологеты анархизма считали невозможным при сохранении государственных институтов, потому провозглашали необходимость тотального разрушения государственности.

За последние десятилетия российское общество, претерпевая существенные изменения в политическом и социальном устройстве, регулярно сталкивается с проявлениями экстремизма, выражающимися в немотивированных актах агрессии и жестокости.

Современный политический экстремизм характеризуется агрессивной пропагандой, максималистскими методами достижения политических целей и синтезом уголовных преступлений с радикальными политическими идеями. Руководители различных движений — политических, конфессиональных, националистических — все активнее применяют криминальные террористические методы, а преступные сообщества маскируют незаконные действия политическими декларациями.

Текущая практика выявляет факты использования крупных производственных объединений политическими радикалами и криминальными группами для усиления своего влияния. Подобные действия реализуются через захваты промышленных объектов с последующим выдвижением неправомерных требований государственным органам. Слияние политического радикализма с криминальной средой формирует беспрецедентные риски проникновения преступных поведенческих моделей в систему государственного управления и политическую сферу.

Критическую угрозу представляет историческая преемственность экстремистских практик. Базовым признаком служит безусловное предпочтение силовых способов политической борьбы, направленных на подрыв государственного устройства. Радикальная деятельность создает непосредственную опасность независимости страны и целостности ее территорий, сопровождаясь публичными воззваниями к противоправным акциям под политическими знаменами.

Противодействие экстремизму и терроризму становится ключевой задачей правоохранительных органов и разведывательных служб. Термин «экстремизм», несмотря на существование феномена с античных

времен, обрел официальное определение только в новейшее время. Примечательно, что дефиниция отсутствует в фундаментальных изданиях царской России — словаре Даля и энциклопедии Брокгауза-Ефрона, тогда как понятие «терроризм» упоминается в обоих источниках.

Исследователь С. Н. Фридинский датирует активное внедрение термина «экстремизм» началом двадцатого века. Первоначально понятие применялось для характеристики радикального крыла партии «Индийский национальный конгресс», участники которого отстаивали идею полной независимости Индии.

Отечественная наука демонстрирует многообразие подходов к пониманию экстремизма, однако недостаточность интегрального междисциплинарного анализа ограничивает возможности раскрытия фундаментальных свойств явления. Отсутствие единой методологической базы препятствует совершенствованию социальных механизмов и формированию действенного исследовательского аппарата. Дефицит концептуальных разработок затрудняет создание научно аргументированных предложений по идентификации причин экстремистской активности, снижая эффективность превентивных мер.

Анализ авторитетных лексикографических источников демонстрирует эволюцию научного осмысления понятия «экстремизм». Словарь Ожегова-Шведовой предлагает лаконичную формулировку, определяя экстремизм как склонность к радикальным воззрениям и методам, преимущественно в политической сфере. Аналогичную трактовку предоставляет Советский энциклопедический словарь.

Большая советская энциклопедия расширяет семантическое поле термина, акцентируя внимание на субъектах экстремистской деятельности — радикально ориентированных социальных институтах, малых группах и отдельных индивидах, стремящихся к достижению целей посредством крайних мер.

Политологическая наука фокусируется на дуализме экстремистских проявлений, подчеркивая единство радикальных идейных установок и экстремальных действий. Краткий политический словарь предлагает развернутую дефиницию, характеризующую экстремизм как стратегию достижения политических целей посредством радикальных методов, включающих различные формы насилия и террористической деятельности.

Согласно религиоведческой концепции Э. Г. Филимонова, экстремизм представляет собой всеобъемлющий феномен, возникающий в различных областях социума при конфликте мировоззрений. Спектр экстремистской активности распространяется на политическую, расовую, национальную, конфессиональную, сепаратистскую и криминальную области.

В трактовке В. Ю. Верещагина и М. И. Лабунца ключевым признаком экстремизма выступает идеологический компонент, выражающийся в принудительном навязывании радикальных установок и силовом подавлении инакомыслия.

Концептуальный анализ Н. Н. Афанасьева раскрывает экстремизм как радикальную интерпретацию действительности, отвергающую компромиссные решения. Исследователь подчеркивает искаженное восприятие реальности экстремистскими группами при реализации краткосрочных и стратегических целей. Лингвистическое выражение экстремизма проявляется в категоричности формулировок и безапелляционности суждений. Практическая реализация экстремистской идеологии неизбежно сопряжена с применением насильственных методов.

Анализ существующих дефиниций демонстрирует преобладающее понимание экстремизма как идеологической системы, базирующейся на принудительном распространении радикальных принципов, категорическом неприятии альтернативных позиций и легитимации насильственного подавления оппонентов.

Концептуальное основание экстремизма строится на догматах полного отрицания плюрализма мнений и самопровозглашенной монополии на абсолютную правду вопреки законодательным нормам. Мировоззренческая система радикализма предполагает обязательное конструирование антагонистического образа, воплощенного в оппонентах. Идеологическая база неминуемо обуславливает противоправный характер экстремистских проявлений.

Существенный недостаток рассмотренных научных подходов состоит в ограниченности анализа политическим аспектом без учета юридической специфики феномена. Учитывая имманентную конфронтационную природу экстремистской активности, теоретическая дефиниция явления требует обязательного отражения противозаконной составляющей.

С. Н. Фридинский разработал всеобъемлющую дефиницию экстремизма, учитывающую разнообразные проявления противоправной активности множественных участников — от общественных движений и политических структур до религиозных организаций, средств массовой информации и отдельных граждан. Научный труд автора содержит развернутую классификацию способов поддержки экстремистской деятельности, охватывающую финансовые вложения, обеспечение материальными ресурсами, медийное сопровождение и организационную помощь.

По мнению Фридинского, экстремистская деятельность проявляется в принуждении к единой государственной идеологии, провоцировании социальных конфликтов, дискриминационных практиках по имущественным, расовым, национальным и религиозным основаниям, попрании базовых прав человека, попытках силового изменения конституционного устройства и нарушении целостности РФ.

Комплексное определение экстремизма охватывает практическую деятельность, публичную идеологию и декларируемые угрозы, нарушающие законные права граждан, устоявшиеся межнациональные и межконфессиональные нормы, легитимное функционирование власти.

В. Ю. Верещагин указывает на важность мировоззренческого фактора при юридической квалификации экстремистских деяний, связывая правовую базу с правосознанием сотрудников правоохранительных структур в контексте традиционной и новой правоприменительной практики.

Анализ правовых определений экстремизма обнаруживает недостаточное внимание к идеологической компоненте, что методологически неверно, поскольку противозаконная экстремистская активность закономерно вытекает из радикальной идеологической платформы.

«Доклад о целях и средствах противодействия политическому экстремизму в России» предлагает синтетическое определение, объединяющее теоретические установки и практические проявления. В документе феномен экстремизма анализируется через призму идеологических доктрин, стремящихся ликвидировать легитимный плюрализм мнений, утвердить монополию единственной идеологии, внедрить дискриминационные практики по множеству признаков и отвергнуть фундаментальную значимость прав человека.

Комплексная интерпретация определяет экстремизм как фундаментальную приверженность радикальным идеологическим постулатам, характерную для политических объединений, религиозных сообществ и индивидуумов. Подобные идеологические установки, нарушая законодательно закрепленные права граждан и принятые общественные стандарты, стимулируют противозаконные действия, наносящие ущерб интересам отдельных людей, социальных групп и государственных институтов.

Распространенное отождествление экстремизма с радикализмом требует концептуального уточнения. Политологическое понятие «радикализм», согласно определению Ожегова-Шведовой, имеет двойственную природу: демократическое политическое течение, ориентированное на реформирование существующего строя, и решительный способ действий.

Принципиальное различие заключается в том, что радикализм допускает ненасильственные методы достижения целей, в то время как экстремизм неизменно характеризуется использованием насильственных, бесчеловечных и незаконных средств. Экстремизм можно с полным основанием рассматривать как крайнюю форму радикализма, направленную на реализацию радикальных идей с помощью силы.

Научная трактовка экстремизма базируется на концепции предельности, выражающейся в радикальных воззрениях, поступках и способах воздействия. Лингвистический разбор понятия «крайний» в словаре В. И. Даля указывает на максимальную интенсивность проявления признаков изучаемого феномена. Применительно к рассматриваемой проблеме классификация деяний как экстремальных определяется преодолением нормативных границ социального поведения и нарушением законодательных запретов. Представленное толкование обосновывает значимость юридического анализа экстремистских проявлений.

Исследование правовой истории России выявляет неоднородность законодательного определения экстремизма. В нормативных документах советской эпохи, включая Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. и 1967 г., понятие экстремизма отсутствовало, как и специальные законы по борьбе с экстремистской деятельностью.

Советский период отличался минимальной потребностью в противодействии экстремизму. Господствующая идеология рассматривала любое социальное, политическое или экономическое недовольство через призму враждебных западных влияний. Несогласные с действующим порядком автоматически зачислялись в противники социализма. Правоохранительные органы квалифицировали выражение альтернативных взглядов по статьям УК РСФСР об антисоветской деятельности и распространении порочащих советский строй материалов.

Строгий идеологический контроль государства, ограничивая гражданские свободы и право на собственные убеждения, парадоксальным образом служил действенным инструментом предупреждения экстремизма. Превентивная система пресекала возможность масштабных экстремистских выступлений посредством оперативного идеологического и правового реагирования на зарождающиеся конфликты.

Механизм государственного реагирования на политическую агрессию объединял административные меры пресечения с профилактическими мероприятиями. Инструментарий противодействия включал предупреждения от силовых ведомств, публичные разборы антиобщественных поступков оппозиционеров на производстве, распространение обличительных публикаций в газетах и стенной печати.

Реформирование российского общества кардинально изменило установившийся порядок функционирования политической, хозяйственной, юридической, конфессиональной и социальной сфер. Дезинтеграция устоявшихся регуляторов взаимоотношений между властью, социумом и гражданами привела к обесцениванию базовых общественных идеалов — любви к родине, чувства ответственности, этических норм. Упразднение превентивных механизмов борьбы с преступностью усилило деструктивные процессы.

Поспешная реорганизация силового блока, в первую очередь служб государственной безопасности, сформировала питательную почву для усиления экстремистской активности.

Усиление политизированного насилия обуславливалось комплексом системных факторов. Непоследовательные реформы в сферах экономики и государственного управления спровоцировали критическую дифференциацию населения, подорвав общественное равновесие. Конфликтное взаимодействие партийных структур, гражданских объединений и финансово-промышленных групп породило практику применения экстремальных способов достижения групповых целей.

Проникновение криминальных элементов во властные структуры сопровождалось внедрением противоправных экстремистских практик. Приоритет целесообразности над правом в деятельности органов власти способствовал распространению правового нигилизма среди населения.

Информационное пространство наполнилось материалами, пропагандирующими насилие и экстремистские способы разрешения конфликтов. Показательно предоставление федерального телеэфира лицам, совершившим попытки покушения на высших руководителей государства — младшему лейтенанту Ильину, организовавшему 22 января 1969 г. обстрел правительственного кортежа у Боровицких ворот Кремля с целью убийства Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева, Шмонову, покушавшемуся на М. Горбачева.

Возрастающие масштабы экстремистских угроз парадоксальным образом не стимулировали разработку федерального законодательства, призванного обеспечить правовую базу для определения сущности экстремизма и организации противодействия данному явлению. Отсутствие необходимой нормативной регламентации существенно осложняло юридическую квалификацию экстремистских деяний, снижая результативность государственных мер защиты законных интересов граждан, социума и государственных институтов.

Принятие Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в июне 2002 г. ознаменовало качественно новый этап развития антиэкстремистского законодательства. Впервые на государственном уровне было сформулировано полноценное определение экстремизма, создавшее базис для дальнейшего совершенствования правового регулирования [3, с. 720].

Закон установил тождественность понятий экстремизма и экстремистской деятельности, обозначив обширный круг противозаконных действий. К экстремизму отнесены силовые попытки изменения конституционного устройства РФ, оправдание терроризма, провоцирование межгрупповых конфликтов, пропаганда превосходства по социальным, расовым, национальным, религиозным и языковым критериям.

Правовая дефиниция включает дискриминационные нарушения гражданских прав, насильственное препятствование избирательному процессу, помехи работе государственных структур и общественных организаций. Уголовно наказуемыми признаны преступления на почве ненависти, демонстрация нацистских символов, распространение экстремистских материалов.

Законодательство причисляет к экстремизму намеренно ложное обвинение госслужащих в экстремистских преступлениях, организацию противоправных акций, подстрекательство и финансовую поддержку. Особо выделяется пособничество экстремизму через предоставление технических ресурсов, коммуникационных каналов и информационное обеспечение.

Представленная законодательная дефиниция создала комплексную правовую основу для противодействия различным формам экстремистской активности, затрагивающим фундаментальные основы конституционного строя, права граждан и общественную безопасность.

Нормативное определение экстремизма раскрывает сущностные характеристики деструктивного социального явления. Принципиальным элементом считается распространение мировоззренческой системы, несовместимой с действующими принципами государственного строя и общественного порядка. Радикальная идеология основывается на полном отрицании альтернативных позиций в политике, хозяйственной жизни, межнациональных и религиозных отношениях.

Специфика экстремистской деятельности проявляется через противоправные способы реализации намеченных целей. Пропаганда радикализма неизменно включает идеологическое оправдание насильственного подавления оппозиционных взглядов, сопровождаясь аффективными проявлениями и демонстративным пренебрежением социальными нормами.

Природа экстремизма коренится в системе противоречий между личностью, обществом и государством. Результативная профилактика экстремистских тенденций предполагает глубинное осмысление феномена для раннего обнаружения и устранения причин, способствующих мирному урегулированию назревающих конфликтов.

Понятие терроризма

Борьба с экстремизмом и его крайней формой — терроризмом становится ключевой задачей в российском и международном контексте. Террористическая активность превратилась в глобальный вызов, несущий беспрецедентные риски для мирового сообщества [4, с. 23].

Террористическая угроза национальной безопасности РФ демонстрирует негативную динамику. Территориальный охват террористических актов вышел за рамки Кавказа, распространившись на центральные регионы. Террористы используют взрывы, поджоги, самодельные бомбы, захваты заложников, уничтожение транспортных объектов.

Разрушительное воздействие терроризма охватывает фундаментальные области социальной жизни. Силовые атаки на граждан и инфраструктуру причиняют значительный вред общественной безопасности и экономике страны. Террористические действия расшатывают политическую систему, разрушают доверие к государству, ослабляют властные позиции, нарушают управленческие процессы.

Уголовное законодательство определяет террористическую деятельность как совокупность насильственных деяний посредством организации взрывов, поджогов и сопутствующих преступных действий, представляющих опасность для жизнедеятельности граждан, сохранности имущества и стабильности общества. Ключевыми элементами криминального состава выступают намерения дестабилизировать социальный порядок, спровоцировать панические настроения среди населения и принудить властные структуры к определенным решениям. Законом устанавливается наказуемость угроз совершения террористических преступлений.

Принятый 29 июня 2002 г. Федеральный закон [5–9] классифицирует как экстремистскую деятельность открытую поддержку терроризма, террористические действия и насильственные попытки трансформации конституционных основ РФ. Законодательное объединение понятий терроризма и экстремизма в общую правовую категорию отражает их фундаментальное сущностное единство.

Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. [10] формулирует базовые дефиниции в сфере противодействия терроризму. Феномен терроризма раскрывается как единство агрессивной идеологической платформы и насильственных методов воздействия на органы власти разных уровней путем создания атмосферы страха в обществе.

В спектр террористической активности входят планирование, материальное обеспечение и реализация атак. Уголовно наказуемыми признаются агитация, создание вооруженных формирований и преступных объединений террористической направленности.

Законодательство криминализует широкий круг действий: привлечение новых членов, обеспечение оружием, обучение террористов и медийную поддержку. Акцентируется противозаконность распространения террористической идеологии и материалов, стимулирующих экстремистскую деятельность.

Террористический акт законодательно определяется как организация взрывов, поджогов и сходных действий, направленных на запугивание граждан. Основными характеристиками выступают риск гибели людей и масштабных разрушений.

Целевая направленность терактов включает нарушение функционирования государственных структур и международных институтов, принуждение к принятию конкретных властных решений. Угрозы осуществления аналогичных действий юридически приравнены к самому теракту.

Законодательное определение формирует юридическую базу для привлечения к ответственности участников террористической деятельности, устанавливая однозначные параметры идентификации противоправных действий террористического характера [11, с. 106].

Уголовный кодекс РФ подробно регламентирует квалификацию террористических преступлений. Примечание к ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности» содержит полный список противоправных действий, квалифицируемых в рамках террористической деятельности.

Законодательство предусматривает уголовное преследование за организацию терактов, поддержку террористов, распространение и обоснование террористической идеологии. Наказание применяется за обучение в террористических лагерях, организацию экстремистских групп и членство в них.

К террористическим деяниям относятся захваты заложников, организация незаконных военных формирований, угоны транспортных средств. Отдельную категорию составляют преступления, связанные с незаконными операциями с ядерными и радиоактивными веществами.

Террористическими признаются атаки на представителей власти, попытки государственного переворота, организация вооруженных восстаний, нападения на лиц, находящихся под международной защитой. Данная систематизация создает комплексный инструментарий уголовно-правовой борьбы с терроризмом [12, с. 511].

В правовой интерпретации терроризма наблюдаются различия между положениями Федерального закона «О противодействии терроризму» и Уголовным кодексом РФ. Ст. 24 Федерального закона, регламентирующая ответственность организаций, и примечание к ст. 205.1 УК РФ содержат несовпадающие перечни преступлений террористического характера.

Выявленные противоречия в квалификации террористических деяний между профильным законом и уголовным кодексом порождают правовую неопределенность. Отсутствие унифицированного подхода к составам террористических преступлений осложняет правоприменение и снижает результативность антитеррористических мер.

Выявленная коллизия правовых норм указывает на необходимость гармонизации федерального законодательства в сфере противодействия терроризму путем унификации перечня террористических преступлений [13].

Заключение

Первоначальная законодательная концепция рассматривала терроризм и террористическую деятельность как составные элементы экстремизма. Последующий отказ от развития данного подхода привел к правовой неопределенности в соотношении указанных понятий.

Отсутствие единообразия в национальном законодательстве осложняет аналитическую оценку и статистический учет противоправных деяний. Несогласованность нормативной базы способствует росту латентности преступлений террористического характера.

Документы Организации Объединенных Наций определяют терроризм через триаду компонентов: акты, методы и практику [14]. Современный терроризм выходит за рамки единичных актов, трансформируясь в систему методов достижения преступных целей. Российская действительность демонстрирует интеграцию террористических методов в различные формы организованной преступности [15, с. 8].

Практика терроризма эволюционировала от отдельных актов к масштабной террористической деятельности, включающей комплекс преступлений террористической направленности. Данная трансформация требует адекватного отражения в правовом регулировании антитеррористической деятельности [16, с. 66–67].

Экстремизм и терроризм представляют собой взаимосвязанные политические феномены повышенной общественной опасности. Обладая общими сущностными характеристиками и специфическими особенностями, данные явления формируют прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Масштаб и характер деструктивного воздействия экстремистской и террористической деятельности на государственные и общественные институты требуют формирования комплексной системы противодействия. Эффективное предупреждение и пресечение проявлений экстремизма и терроризма возможно исключительно при консолидации усилий государственных структур и гражданского общества.

Успешное противостояние указанным угрозам предполагает совершенствование нормативно-правовой базы, устранение существующих коллизий законодательства, унификацию понятийного аппарата и создание действенных механизмов профилактики экстремистских и террористических проявлений.

Список источников

1. Иванцов С. В., Борисов С. В. Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. № 2.
2. Воронцов С. А. Понятие экстремизма и его существенные признаки // Философия права. 2007. № 4. С. 65–71.
3. Комиссаров В. С. Российское уголовное право. Особенная часть. СПб. : Питер, 2012.
4. Комиссаров В. С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общества по новому УК РФ. М. : Кросна-Лекс, 1997.
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
7. Федеральный закон от 10 мая 2007 г. № 71-ФЗ «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
8. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
9. Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере государственной регистрации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 июля 2002. № 30.
10. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Меркурьев В. В., Богачевская Е. А. Пенитенциарные горизонты борьбы с международными террористическими и экстремистскими организациями // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 3 (24).
12. Чаннов С. Е. Вновь к вопросу о служебном праве // Государство и право. 2015. № 3.
13. Гирько С. И. Реальные шаги к институализации общественной безопасности Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2025. № 1 (69). С. 33–40.

14. Резолюция Совета Безопасности ООН 1566 от 8 октября 2004 г. // URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n04/542/84/pdf/n0454284.pdf
15. Комментированный сборник международных и российских правовых актов о борьбе с терроризмом / под ред. А. И. Долговой, В. В. Милинчук. М., 2007.
16. Шуйский А. С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2012.

References

1. Ivantsov S. V., Borisov S. V. Organized forms of terrorist and extremist activity: regulation and implementation of responsibility // Society and Law. 2016. No. 2.
2. Vorontsov S. A. The concept of extremism and its essential features // Philosophy of Law. 2007. No. 4. P. 65–71.
3. Komissarov V. S. Russian criminal law. The special part. St. Petersburg : Peter, 2012.
4. Komissarov V. S. Terrorism, banditry, hostage-taking and other serious crimes against society under the new Criminal Code of the Russian Federation. M. : Krosna-Lex, 1997.
5. Federal Law No. 148-FZ of July 27, 2006 «On Amendments to Articles 1 and 15 of the Federal Law «On Countering Extremist Activity» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
6. Federal Law No. 153-FZ of July 27, 2006 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of Federal Law «On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism» and the Federal Law «On Combating Terrorism» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
7. Federal Law No. 71-FZ of May 10, 2007 «On Amendments to Article 13 of the Federal Law «On Countering Extremist Activity» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
8. Federal Law No. 211-FZ of July 24, 2007 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of Public Administration in the field of countering extremism» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
9. Federal Law No. 54-FZ of April 29, 2008 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the Improvement of Public Administration in the field of State Registration» // Collection of Legislation of the Russian Federation. July 29, 2002. No. 30.
10. Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 «On Countering Terrorism» // LRS «ConsultantPlus».
11. Merkuryev V. V., Bogachevskaya E. A. Penitentiary horizons of the fight against international terrorist and extremist organizations // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2012. No. 3 (24).
12. Channov S. E. Revisiting the issue of official law // State and Law. 2015. No. 3.
13. Girko S. I. Real steps towards the institutionalization of public security in the Russian Federation // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (69). P. 33–40.
14. UN Security Council Resolution 1566 of October 8, 2004 // URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n04/542/84/pdf/n0454284.pdf
15. The commented collection of international and Russian legal acts on combating terrorism / edited by A. I. Dolgova, V. V. Milinchuk. M., 2007.
16. Shuisky A. S. Countering terrorist acts through criminal law norms with double prevention: diss. ... candidate of legal sciences. M., 2012.

Информация об авторе

И. В. Гусаим — научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, аспирант кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

I. V. Gusaim — Researcher of the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Postgraduate student of the Department of Legal Support of National Security, Law and Order of the M.M. Speransky Law Faculty of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 10.09.2025.
The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 10.09.2025.

Научная статья
УДК 343
EDN: https://elibrary.ru/WEMJVC
NIION: 2007-0083-1/26-764
MOSURED: 77/27-005-2026-01-964

Социальные сети как фактор девиантного поведения: вызовы для современной криминологии

Мевлуд Демуралович Давитадзе[1,2]
[1] Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, md2063@mail.ru
[2] Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

Аннотация. Проводится комплексный анализ влияния социальных сетей на формирование и распространение девиантного поведения в современном обществе. На основании анализа эмпирических данных и теоретических исследований подтверждается статистически значимая взаимосвязь между активным использованием онлайн-платформ и различными формами девиаций, находящих отражение в действующем уголовном законодательстве РФ.

Ключевые слова: онлайн-платформы, информационные системы, информационно-телекоммуникационные технологии, Интернет, девиантное поведение, преступление, причины, профилактика

Для цитирования: Давитадзе М. Д. Социальные сети как фактор девиантного поведения: вызовы для современной криминологии // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 54–62. EDN: WEMJVC.

Original article

Social networks as a factor of deviant behavior: challenges for modern criminology

Mevlud D. Davitadze[1,2]
[1] Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, md2063@mail.ru
[2] Moscow S.Y. Witte University, Moscow, Russia

Abstract. Provides a comprehensive analysis of the influence of social networks on the formation and spread of deviant behavior in modern society. Based on the analysis of empirical data and theoretical studies, a statistically significant relationship is confirmed between the active use of online platforms and various forms of deviance, which are reflected in the current criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: online platforms, information systems, information and telecommunication technologies, Internet, deviant behavior, crime, causes, prevention

For citation: Davitadze M. D. Social networks as a factor of deviant behavior: challenges for modern criminology. Criminological Journal. 2026;(1):54–62. (In Russ.). EDN: WEMJVC.

Социальные сети, эволюционировав из технологических новинок во всеобъемлюще распространенные платформы, оказали значительное влияние на различные аспекты общественной жизни. Одной из первых известных социальных сетей была SixDegrees.com, запущенная в 1997 г.

Социальные сети определяются как онлайн-платформы, включающие веб-сайты, интернет-страницы, информационные системы или приложения, предназначенные для создания пользователями персональных профилей и распространения информации посредством этих профилей.

Глобальная сетевая структура, сформированная информационными системами и технологиями, предоставила беспрецедентные возможности для взаимодействия и обмена информацией между пользователями, стирая географические и временные границы.

Будучи важным достижением современной циви-

© Давитадзе М. Д., 2026

лизации, социальные сети оказывают положительное влияние на образование, науку, культуру, здравоохранение, безопасность, социальные отношения и другие сферы.

Наряду с позитивным влиянием, социальные сети могут выступать катализатором девиантного поведения — индивидуального или группового характера, отклоняющегося от общепринятых социальных норм. При этом важно отметить, что не все девиантные действия являются преступлениями, хотя все преступления, по сути, девиантны.

Примерами девиантного поведения, не квалифицируемого как преступления, являются алкоголизм, бродяжничество, несоблюдение этикета, добровольное безбрачие, отшельничество, игнорирование личных границ, интернет-зависимость, суицидальное поведение, попрошайничество, излишняя эмоциональность или неэмоциональность, членовредительство (кроме случаев, предусмотренных ст. 339 УК РФ), чрезмерный татуаж и пирсинг и др.

Социальные сети, являясь одним из важных факторов современности, оказывают существенное влияние на девиантное поведение и усугубляют криминогенную обстановку транснационального, национального или регионального характера, представляя собой серьезную угрозу различным сферам общественных отношений, включая национальную безопасность различных государств.

В Российской Федерации, по данным МВД РФ, в январе–декабре 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 13,1 % больше, чем в предыдущем году, и составляет 40,0 % от общей структуры зарегистрированных преступлений (34,8 % в 2023 г.). Почти половина (48,2 %) относятся к категориям тяжких и особо тяжких (369,3 тыс.; + 7,8 %), при этом 84,8 % совершаются с использованием Интернета (649,1 тыс.; + 23,2%), 45,2 % — с использованием мобильной связи (346,0 тыс.; + 14,3 %). 63,5 % указанных преступлений совершаются путем кражи или мошенничества: 486,3 тыс. (+ 2,3 %), а каждое восьмое (12,4 %) — с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 94,6 тыс. (+ 16,1 %)[1].

За период январь–июль 2025 г. наблюдается снижение количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на 2,3 %. При этом количество дистанционных краж сократилось на 15,8 %, а количество преступлений в сфере компьютерной информации — на 29 %.

В Уголовном кодексе Российской Федерации выделяются составы преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее ИТС), в том числе сети Интернет, что многократно повышает степень общественной опасности подобных деяний.

Учитывая степень опасности подобных преступлений в уголовном законодательстве была включена норма, согласно которой «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)», рассматривается как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ)[2].

В настоящее время наблюдается рост числа указанных преступлений, что обусловлено широкой доступностью информационных технологий и возможностью сохранения анонимности в онлайн-среде.

Учитывая значимость объектов уголовно-правовой охраны, целесообразно в данной статье последовательно представить составы преступлений, содержащиеся в Особенной части УК РФ, которые прямо или косвенно связаны с использованием ИТС, включая сеть «Интернет».

Среди преступления против жизни совершенные с использованием социальной сети выделяются:

- *убийство*, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или ИТС (включая сеть «Интернет») (п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Публичная демонстрация актов насилия, таких как сожжение заживо, обезглавливание или нанесение смертельных травм, посредством распространения видеоматериалов в сети Интернет, обладает потенциалом нанесения более глубокой психологической травмы обществу по сравнению с традиционными способами совершения подобных преступлений.

Эффект «вирусного» распространения контента в интернет-среде усиливает воздействие данных материалов на психику зрителей. Примерами таких актов являются публичные казни, осуществлявшиеся представителями террористической организации ИГИЛ (запрещена в РФ), движения ХАМАС в секторе Газа, суданскими боевиками и силами быстрого реагирования (RSF) в Судане, а также видеозаписи, поступающие из зон вооруженных конфликтов в различных регионах мира. Подобные материалы могут также использоваться в контексте криминальных разборок с целью запугивания конкурентов и достижения других преступных целей:

- доведение до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ);
- склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ);
- организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.2 УК РФ).

[1] URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf

[2] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/31577810105ef97a75f2f49154b1a1d3803ffe52/

В качестве способов к склонению или принуждения к самоубийству виновными лицами как правило используются угроза, предложения, подкуп, обмана, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

Квалифицирующими признаками (составом по ст. 110.2 УК РФ) указанных преступлений выступают совершения, рассматриваемых преступлении с использованием публичного выступления, публично демонстрирующего произведения, средств массовой информации или ИТС (включая сеть Интернет).

При совершении указанных преступлений нередко имеет место деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства посредством использования средств массовой информации или МТС (включая сеть «Интернет»).

К разновидностям данного преступления можно отнести и суицидальные квест-игры типа «Синий кит», «Группа смерти», «Красная сова» и «Беги или умри», получившие в свое время широкое распространение в социальных сетях Интернета среди детей, подростков и молодежи, основная цель которых заключалась в доведении так называемого игрока до самоубийства посредством психологического манипулирования и личного воздействия, что представляет особую опасность для детей, подростков и молодежи.

Преступления против здоровья, совершенные с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или ИТС (включая сеть «Интернет») имеет место при: умышленном причинении тяжкого, среднего и легкого вреда здоровью (п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст.115 УК РФ), побоях (ст. 116 УК РФ), истязании (п. «и» ч. 2 ст. 117 УК РФ), угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ).

Преступления против здоровья любой степени тяжести, совершенные вышеуказанным способом, несут повышенную опасность прежде всего потому, что:

- публичная демонстрация насилия, жестокости, причинения вреда здоровью оказывает негативное психоэмоциональное влияние на широкую аудиторию, особенно на подростков и молодежь, который может вызывать психологическую травму, тревожность, страх и депрессивные состояния у очевидцев;
- при совершении преступлений против здоровья особенно опасен эффект подражания, в первую очередь среди детей, подростков, молодежи и лиц с неустойчивой психикой, которые, видя сцены насилия, могут воспринимать их как допустимые или даже желательные модели поведения;
- регулярное столкновение с контентом, содержащим демонстрацию насилия, может приводить не только к снижению чувствительности к нему, формированию терпимого отношения к насилию в обществе, но и затрудняет их выявление, расследование и пресечение в связи с анонимностью пользователей и возможностью распространения информации за пределы национальных границ.

В целом, преступления против здоровья, совершенные с публичной демонстрацией, повышают уровень общественной опасности, наносят ущерб психическому и физическому здоровью населения и создают угрозу для социальной стабильности.

Из преступлений против свободы, чести и достоинства личности, совершенные с публичной демонстрацией, выделяются: похищение человека (п. «и» ч. 2 ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (п. «з» ч. 2 ст. 127 УК РФ), использование рабского труда (п. «е» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ), клевета (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ).

Как правило, социальные сети и интернет создают благоприятную среду для совершения различных преступлений, что обусловлено анонимностью, высокой скоростью распространения информации и возможностью манипулирования. В частности, при совершении похищения и незаконного лишения свободы социальные сети облегчают выслеживание потенциальных жертв и установление с ними контакта под ложным предлогом, что упрощает организацию похищения или удержания. Это представляет серьезную угрозу личной свободе, физической и психологической безопасности человека. А при использовании рабского труда соцсети используются для вербовки людей, часто под видом перспективного трудоустройства, которые впоследствии подвергаются эксплуатации, удержанию в долговой зависимости или принудительному труду.

Весьма деструктивную роль играют соцсети и при совершении клеветы, так как посредством нее происходит быстрое распространение ложных и порочащих сведений в интернете, что наносит непоправимый ущерб репутации, чести и достоинству человека. Огромный охват аудитории и скорость распространения информации значительно усиливают негативные последствия клеветы.

К преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности и преступления против частной жизни, совершенные посредством использования социальных сетей и сети Интернет относятся: понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ); нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); развратные действия (ст. 135 УК РФ).

Как было сказана выше социальные сети, будучи важной частью современной коммуникации, к сожалению, все чаще выступают платформой для совершения ряда преступлений. В частности, отмечается использование социальных сетей в качестве инструмента для шантажа, угроз и обмана с целью понуждения потерпевших к действиям сексуального характера

(ст. 133 УК РФ). Кроме того, социальные сети упрощают несанкционированный сбор и распространение персональных данных, фото- и видеоматериалов, что является прямым нарушением неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). Данная информация также может быть использована в целях шантажа, унижения, а также для деструктивного воздействия на психическое состояние жертвы.

Как свидетельствует анализ правоприменительной практики, социальные сети все чаще используются преступниками для совершения развратных действий (ст. 135 УК РФ). С этой целью преступники целенаправленно выявляют несовершеннолетних пользователей, вступают с ними в доверительную переписку, применяют методы психологической манипуляции и склоняют к совершению развратных действий, эксплуатируя свойственное данному возрасту доверие и психологическую уязвимость.

Следует отметить, что к развратным действиям в ст. 135 УК РФ относятся любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных ИТС [1].

Существенным фактором, способствующим совершению указанных преступлений, является анонимность, которую предоставляет интернет, и оказываемое психологическое воздействие со стороны виновных лиц на своих жертв.

Среди преступлении против семьи и несовершеннолетних совершенных посредством использования социальной сети в уголовном законодательстве предусматриваются: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ).

Следует отметить, что интернет и социальные сети создают среду, в которой несовершеннолетние особенно уязвимы перед преступным воздействием. Этому способствует их склонность к подражанию, стремление к поиску авторитетов. Как правило, злоумышленники часто используют онлайн-общение для манипулирования подростками, склоняя их к совершению преступлений, таких как кражи, вандализм, распространение наркотиков, употреблению алкоголя и наркотиков, а также других антиобщественных действий, таких как бродяжничество и попрошайничество и др. Несовершеннолетние, испытывающие потребность в признании и находящиеся в процессе поиска себя, легко поддаются влиянию подобных групп, что чревато деградацией личности в последующем негативно сказывающейся на их будущем.

Как было указано выше, в сети могут распространяться опасные контенты, склоняющие несовершеннолетних путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз к участию в деструктивных «играх» и челленджах, которые могут повлечь за собой травмы, увечья и даже смерть.

Совершение данной группы преступлений против личности с публичной демонстрацией в ИТС (включая сеть «Интернет») свидетельствует о повышенной степени цинизма и направлено на запугивание широкой аудитории, что, естественно, усиливает негативное воздействие на потерпевших и на общество в целом.

Из группы преступлений *против собственности и в сфере экономической деятельности* совершенные с использованием социальной сети относятся: мошенничество с использованием электронных средств платежа или в сфере компьютерной информации (ч. 1 ст. 159.3 УК РФ и ч. 1 ст. 159.6 УК РФ). Нужно подчеркнуть, что развитие электронных платежных систем и онлайн-торговли через социальные сети создало новые возможности не только для мошеннических действий указанного вида, но и для других разновидностей преступлений против собственности, таких как присвоение, растрата или вымогательство.

Как известно, социальные сети и интернет значительно облегчают присвоение, растрату и вымогательство, предоставляя злоумышленникам инструменты для поиска информации о жертвах, распространения мошеннических схем и шантажа, а также для отмывания незаконных доходов и уклонения от ответственности. Они создают платформу для анонимности, быстрого распространения угроз и затрудняют отслеживание преступной деятельности.

Среди преступлений рассматриваемого характера *в сфере экономики выделяются*: незаконные организация и проведение азартных игр (ч. 1 ст. 171.2 УК РФ); манипулирование рынком (ч. 1 ст. 185.3 УК РФ).

Опасность большинства преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых с использованием ИТС, включая интернет, обусловлена их массовым, трансграничным и латентным характером. Это предоставляет возможность легко обманывать неограниченное число людей, применяя разнообразные схемы: от примитивных финансовых пирамид до сложных махинаций с отмыванием денег и мошенничеством с криптовалютами. Крупномасштабные экономические преступления в сети способны негативно повлиять на финансовую стабильность отдельных граждан, компаний и даже государств.

Таким образом, экономические преступления в интернете, в силу своей масштабности, анонимности

и многообразия, представляют серьезную угрозу как для граждан, так и для экономики страны в целом.

Преступления против общественной безопасности, совершенные посредством использования соцсети и ИТС включает: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ), представляют собой серьезную угрозу.

ИТС, в частности интернет, являются значимой платформой не только для вышеуказанных преступлений, но и для террористических организаций, облегчающей распространение их идеологии, финансирование, вербовку и склонение к участию в террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), прохождению обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ). Данные сети способствуют организации и участию в террористических сообществах (ст. 205.4 УК РФ), включая организацию деятельности террористической организации и участие в ее деятельности (ст. 205.5 УК РФ), а также совершению иных преступлений террористической направленности.

К преступлениям данной группы, совершаемым с использованием ИТС, в том числе сети «Интернет», также относятся: незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (п. «б» ч.3 и п. «б» ч. 5 ст. 222 УК РФ); незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств (п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222.1 УК); незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (п. «в» ч.3 и п. «в» ч. 5 ст. 222.2 УК).

Совершение преступлений указанной категории через социальные сети представляет исключительную опасность, поскольку приводит к: более широкому распространению террористической идеологии, облегчению поиска новых сторонников, вербовке и сбору средств на террористическую деятельность, созданию условий для организации и координации действий террористических групп, облегчению незаконной торговли оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами.

Таким образом, использование социальных сетей в указанных целях многократно усиливает разрушительный потенциал террористической деятельности и связанных с ней преступлений.

Из группы преступлений *против основ конституционного строя и безопасности государства*, совершаемых посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», содержащих такой способ совершения преступления, как «публичные призывы», выделяются:

- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ч. 2 ст. 280 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ч. 2 ст. 280.1 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (п. «в» ч. 2 ст. 280.4 УК РФ).

К преступлениям данной категории можно отнести и «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ч. 1 и 2 ст. 282 УК РФ), которое нередко совершается посредством социальных сетей.

Публичные призывы к экстремизму, нарушению территориальной целостности, деятельности против безопасности государства и разжиганию ненависти, распространяемые через социальные сети и интернет, крайне опасны, поскольку быстро распространяются, охватывая широкую аудиторию и оказывая мгновенное воздействие на умы людей, в особенности молодежи, формируя деструктивные взгляды.

Подобные проявления подрывают государственные устои, создают угрозу конституционному строю, территориальной целостности и безопасности страны. Они также провоцируют дестабилизацию общества, приводят к конфликтам и насилию, разжигают межнациональную и социальную рознь, создают атмосферу страха, недоверия и напряженности, подрывая общественное согласие, что может повлечь за собой массовые беспорядки и иные противоправные действия.

В целом, распространение указанных призывов в сети представляет серьезную угрозу стабильности и безопасности общества и государства.

Следует также отметить, что в случаях, когда составы преступлений содержат такой термин, как «публичное распространение информации», но при этом прямо не упоминают использование ИТС, включая сеть «Интернет», такое использование подразумевается по умолчанию. Это обусловлено тем, что в современных условиях под публичным распространением информации в первую очередь понимается ее распространение через электронные или ИТС, включая сеть «Интернет».

Исходя из вышеуказанного, к преступлениям, совершаемым с использованием сети Интернет, можно отнести группы преступлений против общественной безопасности и *преступления против мира и безопасности человечества:*

- публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ);
- публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ);
- публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных

Сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ (ст. 207.3 УК РФ);
- призывы к введению мер ограничительного характера в отношении РФ, граждан РФ или российских юридических лиц (ст. 284.2 УК РФ);
- публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ).

К девиантным поведениям, совершенным с использованием ИТС, включая сеть «Интернет», могут относиться и такие составы преступления, как:
- жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ);
- внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285.3 УК РФ);
- клевета в отношении судьи, присяжных заседателей, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ст. 298.1 УК РФ).

Среди *преступлений против здоровья населения и общественной нравственности* (гл. 25 УК РФ), совершенных посредством ИТС, в том числе сети Интернет, относятся:
- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «б» ст. 228.1 УК РФ);
- склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ);
- обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (п.п. 1.1 ч. 1 ст. 238.1 УК РФ).

Применительно к *преступлениям против нравственности* следует отметить, что такие составы, как:
- незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ);
- изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ);
- использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ), чаще всего совершаются именно посредством телекоммуникационных сетей и сети интернет.

Как отмечает профессор Ю. М. Антонян, «В современном мире для порнографии чаще всего используется киберпространство, причем не только посредством открытых каналов» [3].

Известно, что телекоммуникационные сети и интернет играют значительную роль в совершении преступлений против нравственности, предоставляя беспрецедентные возможности для анонимности, широкой аудитории, удаленного доступа и виртуального взаимодействия. Это позволяет преступникам мгновенного распространять порнографию, склонять к развратным действиям, осуществлять сексуальную эксплуатацию и другие деяния, подрывающие общественную нравственность, зачастую оставаясь невидимыми и избегая ответственности.

Подобные материалы и информация, доступные для огромной аудитории, включая детей и подростков, оказывают крайне негативное влияние на их психику и моральное развитие.

Согласно постановления Пленум ВС РФ в постановлении от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или ИТС, включая сеть «Интернет» под распространением порнографических материалов в ст. 242 и 242.1 УК РФ понимается незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования. Оно может совершаться путем направления в личном сообщении конкретному лицу (по электронной почте либо с использованием социальных сетей, мессенджеров или иных приложений), рассылки определенному или неопределенному кругу лиц (например, в чат в мессенджере), размещения на личных страницах и на страницах групп пользователей, в том числе в социальных сетях и мессенджерах, ссылки для загрузки (скачивания) файлов порнографического содержания» [2].

«Публичная демонстрация с использованием электронных или ИТС, включая сеть «Интернет», заключается в открытом показе порнографических материалов либо в предоставлении неограниченному числу лиц возможности просмотра таких материалов, однако без возможности самостоятельного их использования (путем сохранения на своем компьютерном устройстве, размещения на интернет-страницах от своего имени и т. п.)» [2].

Из *группы экологических преступлений* посредством телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, совершаются такие преступления, как:
- незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ (п.п. 1.1 ч. 1 и п. «б» ч. 2 ст. 258.1 УК РФ);

- умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконные добыча, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ (ч. 2 и п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ).

Применительно к преступлениям в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) необходимо отметить, что они могут быть совершены только посредством неправомерного доступа к компьютерной информации с использованием ИТС, в том числе сети «Интернет».

В отличие от ранее рассмотренных составов преступлений, деяния, посягающие на *основы конституционного строя и безопасность государства*, такие как государственная измена (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ) и диверсия (ст. 281 УК РФ), могут быть совершены с использованием электронных или ИТС «Интернет», даже при отсутствии прямого указания на это в диспозициях соответствующих норм.

Как правило использование электронных или ИТС для совершения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства значительно повышает их общественную опасность, поскольку позволяет злоумышленникам действовать более эффективно, скрытно и с большим охватом аудитории. Это требует от государства принятия комплексных мер по противодействию таким преступлениям, включая совершенствование законодательства, укрепление кибербезопасности, развитие технологий отслеживания и борьбы с дезинформацией, а также повышение осведомленности граждан об угрозах в цифровом пространстве.

Рассмотренные составы преступлений, совершаемые с использованием ИТС и сети «Интернет», существенно осложняют криминогенную ситуацию и требуют принятия мер противодействия со стороны общества и государства. А для выработки эффективных мер предупреждения и профилактики, рассматриваемых девиантных проявлений прежде всего необходимо выявить порождающие их детерминанты.

На наш взгляд, основные причины девиантного поведения в социальных сетях заключаются в следующем:

- анонимность, которая позволяет нарушителям совершать девиантные действия, затрудняя установление их личности и привлечение к ответственности;
- вербовка в девиантные группы, особенно молодежи, со стороны экстремистских и террористических организаций с целью дальнейшего использования в преступной деятельности;
- стремительное распространение девиантных идей, включая экстремистские идеологии, риторику ненависти, вражды, создание образа врага и пропаганду насилия;
- трансграничность, т. е. глобальный охват информации в интернете, что позволяет девиантным идеям быстро преодолевать географические барьеры и охватывать широкую аудиторию, особенно молодежь. Это также позволяет совершать девиантные действия из любой точки мира;
- кибербуллинг и онлайн-харассмент, оказывающие крайне негативное психологическое воздействие на жертв, особенно на подростков, приводящие к чувству беспомощности, изоляции, депрессии, уклонению от учебы, употреблению алкоголя, наркотиков и другим формам девиантного поведения, включая членовредительство и суицидальные действия (как, например, в случае с «Синим китом», «Группами смерти» и «Красной совой»);
- легкость доступа к девиантному контенту, распространяющему материалы, пропагандирующие радикализацию, насилие, ненависть и жестокость;
- отсутствие эффективного контроля над контентом в социальных сетях.

Формирование девиантных субкультур, особенно среди подростков и молодежи, которые создают платформу для объединения индивидов с общими девиантными интересами и наклонностями.

А условия, способствующие развитию девиантного поведения в социальных сетях, включают:

- анонимность и отсутствие ответственности, позволяющие создавать анонимные профили под вымышленными именами, что снижает чувство ответственности за действия и высказывания;
- легкость распространения информации: социальные сети обеспечивают быстрое и широкое распространение любого контента, включая девиантный;
- отсутствие непосредственного контакта: отсутствие физического контакта с другими пользователями может снижать эмпатию и приводить к более агрессивному и жестокому поведению;
- формирование групп по интересам: социальные сети создают возможности для объединения людей. Если группа поддерживает девиантное поведение, ее члены с большей вероятностью будут ему следовать;
- уязвимость несовершеннолетних для девиантного поведения в социальных сетях, обусловленная их незрелостью, склонностью к подражанию и потребностью в признании;
- бесконтрольный и неограниченный доступ к информации любого содержания, что может приводить к формированию искаженного представления о моральных нормах и ценностях у пользователей, особенно у несовершеннолетних;
- пропаганда и героизация девиантного поведе-

ния в социальных сетях, способствующие его распространению;
- отсутствие должного контроля над контентом деструктивного характера.

Важно учитывать, что социальные сети не являются единственной причиной девиантного поведения. Наряду с ними ключевую роль играют семейные обстоятельства, особенности воспитания, социально-экономические условия и индивидуальные характеристики личности.

Опасность прежде всего заключается в сочетании таких факторов, как доступность, анонимность, масштабируемость и психологическое воздействие. Эти факторы усиливаются трансграничным характером использования ИТС и сети «Интернет», что делает борьбу с подобного рода правонарушениями особенно сложной и требующей комплексного подхода посредством применения соответствующих мер.

С учетом вышеизложенного, меры предупреждения и профилактики девиантного поведения, совершаемого посредством социальных сетей и интернета, можно разделить на следующие категории: *индивидуальные, образовательные, социального контроля, психологические, семейные, специальные, общие и государственные.*

К мерам индивидуальной профилактики относятся: проверка, то есть мониторинг активности использования ИТС, в том числе сети Интернет, для выявления деструктивного контента и групп, оказывающих деструктивное влияние, особенно у подростков и несовершеннолетних, с целью выявления признаков депрессии, суицидальных мыслей и буллинга; индивидуальные консультации и поддержка, в том числе, в случае необходимости, посредством онлайн-консультирования; консультации у психолога, установление приоритетов посредством участия в культурно-массовых мероприятиях, а также снижение зависимости от социальных сетей и др.

К образовательным мерам следует отнести: повышение цифровой грамотности посредством обучения детей, подростков и взрослых безопасному и грамотному использованию социальных сетей; информирование об ошибках и рисках, связанных с девиантным, то есть противоправным, поведением в сети Интернет (кибербуллинге, онлайн-груминге, экстремизме, терроризме и т. д.); проведение консультаций среди детей, подростков, студентов и педагогов в образовательных учреждениях, а также среди родителей по месту работы по вопросам правомерного использования ИТС и сети Интернет, кибербезопасности, предупреждения и профилактики девиантного поведения, обучению уважительному и правомерному, в рамках правового поля, общению в онлайн-среде с целью избегания конфликтных ситуаций.

К мерам социального контроля относятся: отслеживание социальных сетей, связанный с выявлением и пресечением девиантного контента, экстремистских материалов религиозного, националистического и иного противоправного характера; создание и поддержка онлайн-консультаций и горячих линий для предоставления в случае необходимости помощи и поддержки жертвам кибербуллинга столкнувшимся с проблемами в социальные сети; взаимодействие с интернет-провайдерами социальных сетей по блокировке сайтов и аккаунтов, распространяющих девиантный контент и нарушающих правила пользования; ужесточение ответственности за девиантное поведение в сети.

Психологические меры должны включать: наблюдение и общение с детьми и подростками с целью раннего выявления признаков девиантного поведения в процессе общения в социальных сетях, выявление круга общения, их интересов и увлечений в социальных сетях; оказание психологической помощи и консультаций, особенно детям и подросткам, ставшим жертвами девиантного поведения; обучение детей и подростков правилам распознавания девиантного контента и управлению своими эмоциями, формирование навыков справляться со стрессом; создание условий для конструктивного общения и взаимодействия в социальной среде сети Интернет, семье, школе и обществе.

В качестве семейных мер предупреждения и профилактики девиантного поведения целесообразно рассматривать: установление доверительных отношений и создание в семье атмосферы открытости и доверия, чтобы дети и подростки могли со своими родителями свободно делиться проблемами и переживаниями связанными с использованием социальных сетей; контроль использования интернета (с кем общаются дети и подростки, какие сайты посещают); стимулирование занятий спортом, творчеством, чтением и другими видами деятельности, не связанными с интернетом.

Специальные меры профилактики должны предусмотреть: блокировку и удаление деструктивного контента, пропагандирующего насилие, экстремизм, терроризм, распространение и потребление наркотиков, суицид, распространение порнографии и другие формы девиантного поведения; разработку программ для коррекции поведения людей, совершающих акты кибербуллинга или участвующих в распространении деструктивного контента; а также обеспечение эффективных механизмов для сообщения о случаях кибербуллинга, разжигания ненависти, распространения противоправного и деструктивного контента и др.

К мерам общей профилактики следует отнести: правовое образование и просвещение о рисках и последствиях девиантного поведения в социальных сетях; разработку и внедрение этических норм (кодексов) поведения в социальных сетях, привитие навыков правомерного поведения и уважительного отношения к собеседникам в социальных сетях; развитие позитивного контента, направленного на продвижение позитивных ценностей, эмпатии, толерантности, взаимопомощи, здорового образа жизни; защиту персо-

нальных данных от несанкционированного доступа; разработку более эффективных алгоритмов для выявления и удаления деструктивного контента; предоставление необходимой оперативно-технической помощи пользователям, столкнувшимся с проблемами безопасности в социальных сетях и др.

Государственные меры по предупреждению и профилактике девиантного поведения в социальных сетях должны включать: разработку и реализацию национальных программ и концепций по всестороннему развитию цифровой грамотности с целью предупреждения и профилактики девиантного поведения в процессе использования ИТС, в том числе сети Интернет; совершенствование законодательства, регулирующего онлайн-деятельность и устанавливающего ответственность за нарушения в социальных сетях; международное сотрудничество с целью профилактики и предупреждения девиантного поведения в социальных сетях транснационального характера и др.

Таким образом, социальные сети, играя значимую роль в развитии современного общества, оказывают двойственное влияние. С одной стороны, они предоставляют широкие возможности для коммуникации и обмена информацией. С другой — становятся платформой для распространения девиантного поведения, что обусловлено рядом факторов, включая анонимность, быстроту распространения информации и снижение социального контроля.

Эффективное противодействие распространению девиантного поведения в социальных сетях требует комплексного подхода, включающего в себя не только применение криминологических мер профилактики, но и активное, своевременное участие государства и институтов гражданского общества в формировании безопасной социальной среды в ИТС, включая сеть «Интернет». Минимизация негативного влияния социальных сетей и создание условий для их конструктивного использования достижимы лишь посредством консолидированных усилий.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-15122022-n-37/
3. Антонян Ю. М., Преступная секс индустрия (проституция, порнография, преступность). М., 2024 .

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2014 No. 16 «On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual» // LRS «ConsultantPlus».
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2022 No. 37 «On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet» // URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-15122022-n-37/
3. Antonyan Yu. M., Criminal sex industry (prostitution, pornography, crime). M., 2024.

Информация об авторе

М. Д. Давитадзе — профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В. Е. Эминова Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. D. Davitadze — Professor at the V. E. Eminov Department of Criminology and Penal Enforcement Law at the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow S.Y. Witte University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 11.02.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 11.02.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/VZVOFR
NIION: 2007-0083-1/26-765
MOSURED: 77/27-005-2026-01-965

Современные возможности и перспективы использования цифровых технологий в правоохранительной деятельности органов внутренних дел города Москвы

Игорь Анатольевич Данилкин[1], Виталия Михайловна Данилкина[2]
[1] Главное управление МВД России по городу Москве, Москва, Россия, i-danilkin@mail.ru
[2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v-danilkina@mail.ru

Аннотация. На примере повседневной правоохранительной деятельности полиции г. Москвы проанализированы возможности применения современных цифровых технологий, существенно оптимизирующих деятельность отдельных подразделений и служб, а также, обобщая международный опыт, рассмотрены перспективные пути внедрения динамично развивающихся цифровых решений в процессы раскрытия, расследования преступлений и обеспечения общественной безопасности.

Ключевые слова: цифровые технологии, правоохранительная деятельность, системы видеоаналитики, искусственный интеллект, специальное программное обеспечение, аппаратно-программный комплекс, «большие данные» (Big Data)

Для цитирования: Данилкин И. А., Данилкина В. М. Современные возможности и перспективы использования цифровых технологий в правоохранительной деятельности органов внутренних дел города Москвы // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 63–69. EDN: VZVOFR.

Original article

Modern opportunities and prospects for the use of digital technologies in law enforcement activities of law enforcement agencies of the city of Moscow

Igor A. Danilkin[1], Vitaliya M. Danilkina[2]
[1] The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Moscow, Moscow, Russia, i-danilkin@mail.ru
[2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, v-danilkina@mail.ru

Abstract. Using the example of the daily law enforcement activities of the Moscow police, the possibilities of using modern digital technologies that significantly optimize the activities of individual departments and services are analyzed, and, summarizing international experience, promising ways of introducing dynamically developing digital solutions into the processes of crime detection, investigation and ensuring public safety are considered.

Kewords: digital technologies, law enforcement, video analytics systems, artificial intelligence, special software, hardware and software complex, «big data» (Big Data)

For citation: Danilkin I. A., Danilkina V. M. Modern opportunities and prospects for the use of digital technologies in law enforcement activities of law enforcement agencies of the city of Moscow. Criminological Journal. 2026;(1):63–69. (In Russ.). EDN: VZVOFR.

© Данилкин И. А., Данилкина В. М., 2026

Динамичное развитие научно-технического прогресса неизбежно проникает и трансформирует различные сферы общественной жизни, а отказ от использования современных технологий существенно снижает эффективность и результативность любых процессов. Не является исключением и правоохранительная деятельность: вызовы и угрозы, с которыми сталкивается общество в последние десятилетия, требуют модернизации, прежде всего, подходов к поддержанию правопорядка и обеспечению общественной безопасности.

Ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» определяет одним из принципов деятельности полиции использование достижений науки и техники, информационных систем, сетей связи, а также современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. Электронные формы приема и регистрации документов, организация цифрового взаимодействия с гражданами, юридическими лицами, государственными и муниципальными органами, применение технических средств и автоматизированных комплексов в процессе раскрытия и расследования преступлений, розыска преступников, а также обеспечения охраны общественного порядка зарекомендовали себя как эффективный инструмент практической реализации нормативно закрепленного принципа.

Безусловно, наиболее востребованными цифровые технологии становятся в столицах и крупных мегаполисах, которые первыми испытывают изменения в структуре регистрируемой преступности. Кроме того, именно их правоохранительным органам необходимо ежедневно решать задачу обеспечения безопасности большого количества общественно-политических, спортивных и иных массовых мероприятий. Город-герой Москва является деловым и культурных центром притяжения для жителей России и стран СНГ, большого количества иностранных туристов, поэтому повсеместное внедрение цифровых технологий в правоохранительную деятельность — одно из актуальных и объективно приоритетных направлений деятельности Главного управления МВД России по г. Москве (далее — Главк). Большое внимание при этом уделяется изучению международного опыта, реализованного в наиболее крупных и развитых мегаполисах мира.

К числу положительно зарекомендовавших себя в международной практике технологических инициатив, внедренных в правоохранительную деятельность развитых европейских и азиатских стран, следует отнести:

- «умные» системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом (далее — ИИ), анализирующие поведение граждан в общественных местах в реальном времени, что позволяет распознавать потенциальные угрозы, своевременно информировать о них сотрудников правоохранительных органов и документировать выявляемые факты противоправного поведения;
- биометрическую идентификацию правонарушителей и преступников с использованием видеофиксации, облачных баз данных и алгоритмов машинного обучения;
- анализ «больших данных» (англ. «Big Data»), помогающий адресно прогнозировать состояние и динамику преступности, выявлять тенденции и закономерности совершения различных видов преступлений и административных правонарушений;
- автоматизацию составления протоколов допроса и иных процессуальных документов, снижающую нагрузку на сотрудников правоохранительных органов, минимизирующую ошибки при внесении (записи) показаний и других значимых для судопроизводства данных, в итоге удешевляющую и оптимизирующую процесс расследования;
- QR-коды для доступа к материалам дела, существенно ускоряющие процесс обмена документами между следствием, прокуратурой, судами и т. д.;
- блокчейн платформы для хранения, передачи и проверки цифровых доказательств, предотвращающие их утрату и фальсификацию;
- минимизацию (вплоть до полного отказа при работе по правонарушениям, а также преступлениям небольшой и средней тяжести) бумажного документооборота за счет внедрения защищенных облачных платформ, искусственного интеллекта, электронной аналитики и отчетности.

Цифровые технологии уже прочно вошли и в практику российского уголовного судопроизводства. Прежде всего, они используются при сборе и анализе доказательств. При наличии соответствующих технических возможностей в соответствии с ч. 6 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) допустимо проведение аудио- и видеозаписи следственных действий. Фиксация показаний, допросов, очных ставок и других следственных действий с использованием цифровой аппаратуры обеспечивает прозрачность и объективность процесса.

Использование систем видеонаблюдения уже повсеместно внедрено в правоохранительную деятельность для обнаружения и фиксации правонарушений и преступлений, поиска и идентификации лиц, их совершивших, транспортных средств, а также иных значимых объектов. Апробируются программные продукты и организационные механизмы автомати-

зированного анализа видеоматериалов с применением алгоритмов распознавания типовых образов для выявления в потоке предметов ограниченного оборота, подозрительного поведения субъектов, определения траектории движения и системы контактов интересующих объектов и т. д.

Путем распознавания лиц проводится их биометрическая идентификация на фотографиях и видеоматериалах, последующее сравнение с базами данных правоохранительных органов.

Характерным примером использования современных технических средств в правоохранительной деятельности является разработанный в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 2446-р аппаратно-программный комплекс (далее — АПК) «Безопасный город», основной задачей которого является получение, обработка, хранение и последующий анализ информации с камер видеонаблюдения, установленных в местах массового скопления граждан в целях выявления, предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений на улицах и в иных общественных местах.

Общегородская система видеонаблюдения государственной информационной системы «Единый центр хранения и обработки данных» (далее — ГИС «ЕЦХД») создана в рамках государственной программы города Москвы «Информационный город», утвержденной постановлением Правительства Москвы от 9 августа 2011 г. № 349-ПП и успешно функционирует с 2012 г. [3]. Она позволяет в режиме реального времени осуществлять контроль за оперативной обстановкой в жилом секторе, на объектах транспортной инфраструктуры, в местах проведения массовых мепоприятий.

Используемый в г. Москве модуль видеоаналитики ГИС «ЕЦХД» позволяет осуществлять централизованное хранение и обработку больших объемов данных, поступающих из различных источников, а также эффективно их анализировать в целях правоохранительной деятельности, реализуя принципы комплексного взаимодействия со всеми заинтересованными ведомствами. Только за первое полугодие 2025 г. сотрудники столичного полицейского Главка в составе межведомственных рабочих групп по развитию общегородской системы видеонаблюдения в г. Москве верхнего и нижнего уровней приняли участие в мероприятиях по интеграции свыше 8 400 камер видеонаблюдения в ГИС «ЕЦХД». А всего в ГИС «ЕЦХД» интегрировано более 275 тыс. видеокамер, установленных в г. Москве.

В 2019 г. МВД России в дополнение к имеющимся городским системам видеонаблюдения ввело в эксплуатацию единую систему контроля за передвижением транспортных средств по автомобильным дорогам с использованием специальных технических средств видеофиксации посредством интеграции в единое информационно-аналитическое пространство технических и информационных ресурсов — сервис единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности центров автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения на базе специализированного программного обеспечения (далее — СПО) «Паутина» [5].

В настоящее время на улично-дорожной сети города Москвы установлено более 3000 стационарных и передвижных мобильных комплексов, с помощью которых не только осуществляется автоматическая фото- и видеофиксация нарушений ПДД РФ, но и в потоке автомобилей выявляются находящиеся в розыске, с прекращенной регистрацией, принадлежащие лицам, лишенным права управления, а также скрывшиеся с мест ДТП. Благодаря специально разработанным алгоритмам и сценариям, собираемая информация анализируется и передается экипажам дорожно-патрульной службы на основе предполагаемых маршрутов передвижения целевых транспортных средств. Постоянная работа с «большими данными», а также постепенно увеличивающийся круг решаемых задач превращает СПО в аналог самообучающейся нейросети: «Паутина» на основе анализа поведенческих моделей большого количества участников дорожного движения позволяет выявлять наиболее опасные участки улично-дорожной сети и рекомендовать направлять к ним дополнительные силы Госавтоинспекции для обеспечения безопасности.

Различные системы поддержки принятия решений (англ. «Decision Support System, DSS») в модулях видеоаналитики используются для формирования сценариев действий сотрудников правоохранительных органов, помогая им (при необходимости) принимать обоснованные, всесторонне проработанные решения на основе объективного анализа больших объемов предварительно систематизированных данных.

В Москве на сегодняшний день широкое распространение получил модуль биометричекой идентификации по изображению лица путем внедрения подсистемы автоматической регистрации сценариев индексирования видеоинформации ПАРСИВ ГИС «ЕЦХД» [3]. Так, при раскрытии преступлений «по горячим следам» при помощи искусственного интеллекта анализируется видеоинформация с камер, установленных на входах в подъезды жилых домов, улично-дорожной сети, в общественных местах, на основе чего формируется маршрут перемещения лица, а также в автоматическом режиме вычисляется время его нахождения в отдельных точках. Кроме того, имеющийся массив скриншотов с фотоизображениями лиц позволяет путем ручного или, более предпочтительного, автоматизированного сравнения выявлять

серийность и дополнительные эпизоды преступлений.

Проведение массовых мероприятий, в том числе международного уровня, в столице требует от сотрудников повышенной готовности к оперативному реагированию на различного рода угрозы. Системы видеоаналитики в данном случае применяются для выявления в потоке лиц, находящихся в федеральном розыске, а также тех, которым судом установлен запрет посещения массовых мероприятий или административный надзор. С использованием системы ПАРСИВ ГИС «ЕЦХД» выстраиваются и отслеживаются маршруты от мест возможного нахождения (проживания) интересующих субъектов до территорий проведения массовых мероприятий.

Повышенное внимание в Москве уделяется и обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры города. С этой целью в соответствии с постановлением Правительства Москвы от 17 марта 2021 г. № 328-ПП создана и введена в эксплуатацию государственная автоматизированная система «Сфера» (далее — ГАИС «Сфера»), в которой реализован централизованный сбор, хранение и обработка информации с использованием информационно-телекоммуникационных технологий для обеспечения оперативного информационного взаимодействия в электронной форме [2]. ГАИС «Сфера» в автоматическом режиме позволяет анализировать потоки с камер видеонаблюдения как непосредственно в транспорте, так и на объектах прилегающей инфраструктуры, а также информировать сотрудников полиции, осуществляющих патрулирование соответствующих маршрутов, об идентификации разыскиваемых лиц. Кроме того, стоит отметить, что все зафиксированные изображения лиц обрабатываются в зашифрованном виде, чем обеспечивается защита персональных биометрических данных и анонимность пассажиров, не входящих в поле зрения правоохранительных органов по различным правовым основаниям.

Модернизация систем видеонаблюдения и видеоаналитики позволяет стабильно повышать результативность деятельности столичного полицейского Главка. Так, с использованием аппаратно-программного ком лекса «Безопасный город» в настоящее время ежемесячно раскрывается порядка 1000 преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких. Ежегодно результативность данной работы повышается на 7–10 %.

В результате использования модуля видеоаналитики ПАРСИВ ГИС «ЕЦХД» ежемесячно устанавливается в среднем 97 лиц, находящихся в федеральном розыске, из которых за совершение преступлений — 96 человек, категории «без вести пропавшие» — 1 человек. Ежегодная результативность данной работы составляет более 1000 установленных лиц *(2023 г. — 1387 человек, 2024 г. — 1061 человек, 6 месяцев 2025 г. — 585 человек).*

В результате использования систем обеспечения транспортной безопасности и, в первую очередь, ГАИС «Сфера», ежемесячно устанавливается более 250 лиц, находящихся в федеральном розыске за совершение преступлений, и более 20 лиц категории «без вести пропавшие». Ежегодная результативность данной работы составляет около 3000 установленных разыскиваемых лиц *(2023 г. — 2923 человека, 2024 г. — 2921 человек, 6 месяцев 2025 г. — 1775 человек).*

При этом необходимо отметить, что ежегодно не только увеличивается количество видеокамер, но и совершенствуются алгоритмы действий нарядов полиции при выявлении лиц, представляющих оперативный интерес, находящихся в федеральном розыске и без вести пропавших граждан, при поступлении уведомлений от вышеназванных городских систем видеонаблюдения и видеоаналитики.

Организация, ведение и управление на системной основе различными базами данных в электронном виде, автоматизация рутинных операций обеспечивают доступ в режиме онлайн к справочной, правовой, аналитической и криминалистически значимой информации всех заинтересованных сотрудников правоохранительных органов. Все чаще анализ статистических и исторических данных о преступности используется для выявления зон повышенного риска, прогнозирования возможных преступлений и оптимизации распределения ресурсов органов внутренних дел. Апробируются алгоритмы оценки вероятности совершения преступления конкретным лицом на основе анализа его биографических данных, истории ранее совершенных преступлений (правонарушений), социального окружения и других факторов.

Внедряются в практическую деятельность сотрудников правоохранительных органов и системы управления информацией (англ. «Information Management System, IMS»), которые позволяют собирать, хранить, передавать, обрабатывать и извлекать необходимые в повседневной деятельности данные и информацию.

В деятельности МВД России данное направление получило развитие при разработке и внедрении единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности «ИСОД МВД России» [1]. С помощью данного сервиса реализован быстрый доступ (по компетенции) к различным видам данных: сведениям о зарегистрированных сообщениях о преступлениях и происшествиях (СОДЧ — сервис обеспечения деятельности дежурных частей), централизованному учету сведений о лицах, совершивших административные правонарушения или находящихся под административным надзором (СООП — сервис обеспечения охраны общественного порядка), инфор-

мационным базам данных (программно-технические комплексы «ИБД-Ф» и «ИБД-Р») и т. д.

Кроме того, во всех правоохранительных органах созданы необходимые цифровые платформы и идет активный переход на электронный документооборот для упрощения доступа к информации, сокращения бумажной волокиты, повышения скорости и прозрачности обмена данными между участниками процесса.

В настоящее время использование системы электронного документооборота МВД России (далее — СЭД МВД России) возможно при направлении поручения в порядке ст. 189.1 УПК РФ. А после проведения следственного действия должностное лицо, исполнившее поручение, направляет посредством системы электронного документооборота в адрес инициатора поручения заполненную подписку, предусмотренную ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ, а также иные материалы, которые могут быть направлены посредством СЭД, с одновременным направлением оригиналов полученных доказательств и составленных процессуальных документов посредством служебной почтовой связи.

Однако, необходимо не только развитие внутриведомственного электронного документооборота, но и организация, а также дальнейшее динамичное развитие подобного оперативного межведомственного взаимодействия с иными государственными органами и коммерческими организациями: например, органами прокуратуры, органами исполнительной власти субъектов РФ, налоговой службой, Росфинмониторингом, Федеральной антимонопольной службой, ПАО «Сбербанк России», ПАО «ВТБ» и другими банками, операторами связи и т. д.

Тем не менее, по общему правилу подготовка любых видов документов, предусмотренных УПК РФ, содержащих процессуальные решения и подлежащих вручению участникам уголовного судопроизводства, в электронном виде на сегодняшний день не допускается. Данное правило порождает дублирование действий сотрудников органов внутренних дел и кратно увеличивает нагрузку на них.

Использование современных экспертно-криминалистических средств, программных продуктов и методов исследования позволяет во многих случаях обеспечить извлечение, интеллектуальный анализ и представление цифровых доказательств с компьютеров, мобильных устройств, облачных хранилищ и других электронных носителей информации. Анализ больших массивов данных (Big Data) — социальных сетей, данных мобильных операторов, интернет-провайдеров, финансовых транзакций — успешно используют для определения связей, закономерностей и информации, значимой для выявления, раскрытия и расследования различных видов дистанционных преступлений [6]. Так, например, технологии искусственного интеллекта и машинного обучения позволяют извлекать и анализировать информацию из больших объемов текстовых данных — электронных журналов, чатов, различного типа документов. Подобный анализ позволяет не только восстановить хронологию происходивших в системе событий (англ. «TimeLine»), но и распознавать незаметные человеку закономерности и аномалии в больших объемах данных.

С использованием ИИ возможно исследование и традиционных видов следов: например, изображения ранее изъятых с мест совершения преступлений следов рук перекодируются и повторно проверяются по имеющимся автоматизированным учетам, что позволяет раскрывать большое количество тяжких и особо тяжких преступлений прошлых лет.

Развитие цифровой техники открыло новые и ранее недоступные возможности по созданию специализированных технических средств и программных продуктов для бесконтактного измерения расстояний и величин объектов с помощью оптических, ультразвуковых и лазерных дальномеров, результаты использования которых значительно точнее контактных методов. С появлением 3D-сканеров реализуется определение бесконтактным способом любых расстояний между объектами на местах совершения ДТП, а также устанавливается взаимное расположение последних. Для решения вопросов о взаимном расположении двух транспортных средств в момент первоначального контакта используется сопоставление зафиксированных как в режиме фотосъемки, так и в режиме сканирования с получением трехмерного облака точек, повреждений контактных поверхностей кузовов последних. В результате проведенного сопоставления устанавливается взаимное расположения объектов в момент контактирования, что невозможно было бы реализовать с применением «традиционных» контактных методов осмотра в силу недостаточной степени точности определения величины угла контактирования [4].

Использование ИИ в российском уголовном судопроизводстве находится на начальном этапе, но уже демонстрирует значительный потенциал повышения результативности и объективности уголовного судопроизводства. Однако далеко еще не все современные ресурсы задействованы, а значимые вопросы межведомственного взаимодействия недостаточно проработаны и законодательно решены. В условиях ограниченного финансирования и сокращающейся фактической численности сотрудников органов внутренних дел до сих пор сохраняются огромные объемы дублирования трудозатрат в части электронного и бумажного документооборота: например, при регистрации заявлений (сообщений) о происшествиях и преступлениях, подготовке материалов об отказе в возбуждении уголовного дела, соответствующей государственной статистической отчетности и т. д.

Серьезные ограничения на динамику развития цифровых технологий и ИИ в уголовном судопроизводстве, естественно, накладывают проведение специальной военной операции, санкционное давление, объективно обусловленные ограничения в финансировании, а также темпах развития производства отечественной электроники и комплектующих. Большое внимание в условиях кратно возросших внешних угроз приходится ежедневно уделять и информационной безопасности. На системной основе поддерживается защита информационных систем правоохранительных органов и данных уголовного судопроизводства от киберугроз, таких как взломы, вирусы и утечки информации. Принимаются меры для постоянного совершенствования контроля персонального доступа уполномоченных должностных лиц ко всем системам, учетам и базам данных, а также обеспечения целостности, подлинности и конфиденциальности получаемых и используемых в процессе цифровых данных и доказательств.

Развитие цифровых технологий и ИИ происходит стремительными темпами, поэтому следует постоянно обновлять знания и навыки, своевременно адаптировать правовые и этические нормы к новым реалиям. Важно проводить регулярные исследования и оценки результативности внедренных технологий, выявлять и устранять возможные недостатки и риски, а также активнее изучать передовой международный опыт в данной сфере.

Необходимо обеспечить прозрачность и подотчетность алгоритмов ИИ, соблюдение прав человека, а также разработать механизмы контроля и аудита для предотвращения предвзятости и дискриминации. Важно на системной основе информировать и проводить обучение сотрудников правоохранительных органов, прокуроров, судей и адвокатов по вопросам информационной безопасности, этики и защиты прав человека в контексте использования цифровых технологий и ИИ. Необходимо упрощать и развивать механизмы обратной связи со всеми участниками уголовного судопроизводства, чтобы учитывать их профессиональное мнение и наработанный положительный опыт при разработке и внедрении новых перспективных технологий.

Список источников

1. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 1097 «О совете по созданию Единой системы информационно-аналитического обеспечения МВД России» // URL: https://base.garant.ru/70263772/#block_1000
2. Постановление Правительства Москвы от 17 марта 2021 г. № 328-ПП «О государственной автоматизированной информационной системе «Сфера» // URL: https://docs.cntd.ru/document/573929
3. Пучков Г. Ю. Возможности систем интеллектуального видеонаблюдения для решения задач по охране общественного порядка. Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. Воронеж, 2023. № 9-2. С. 123–131.
4. Данилкин И. А., Данилкина В. М. Использование современных технических средств в повседневной практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений г. Москвы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 84–91.
5. Батоев В. Б. К вопросу использования в противодействии преступности специального программного обеспечения «Паутина» // Сб. науч. статей по мат. Междунар. форума и мат. междунар. науч.-практ. конф. (к 100-летию со дня рождения профессора С.В. Бородина) и круглого стола (Москва, 31 октября 2024 г.). М. : Академия управления МВД России; 2024. С. 6–11.
6. Саморока Е. А., Прохорова Е. А. Перспективы использования «Big Data» при раскрытии и расследовании преступлений // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 74–78.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated October 24, 2011 No. 1097 «On the Council for the Creation of a Unified Information and Analytical Support System for the Ministry of Internal Affairs of Russia» // URL: https://base .garant.ru/70263772/#block_1000
2. Decree of the Government of Moscow dated March 17, 2021 No. 328-PP «On the Sphere State Automated Information System» // URL: https://docs.cntd.ru/document/573929
3. Puchkov G. Y. Possibilities of intelligent video surveillance systems for solving problems of public order protection. Public safety, legality and law and order in the third millennium. Voronezh, 2023. No. 9-2. P. 123–131.
4. Danilkin I. A., Danilkina V. M. The use of modern technical means in the daily practical activities of forensic units in Moscow // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. P. 84–91.
5. Batoev V. B. On the issue of using special Web software in combating crime // Collection of scientific articles based on the materials of the International Forum and the materials of the international scientific and practical conference (dedicated to the 100th anniversary of the birth

of Professor S.V. Borodin) and the round table. (Moscow, October 31, 2024). M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 6–11.
6. Samoroka E. A., Prokhorova E. A. Prospects of using «Big Data» in the detection and investigation of crimes // Academic Thought. 2019. No. 3 (8). P. 74–78.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (действующая редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24 декабря 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (действующая редакция) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14 февраля 2011. № 7. Ст. 900.

Bibliographic list

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (current edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. December 24, 2001. No. 52. P. 1. Art. 4921.
2. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 (current edition) «On the Police» // Collection of Legislation of the Russian Federation. February 14, 2011. No. 7. Art. 900.

Информация об авторах

И. А. Данилкин — заместитель начальника Главного управления МВД России по городу Москве, кандидат юридических наук;

В. М. Данилкина — доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. A. Danilkin — Deputy Head of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Moscow, Candidate of Legal Sciences;

V. M. Danilkina — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 31.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 31.07.2025; accepted for publication 07.08.2025.

Научная статья
УДК 343.9
EDN: https://elibrary.ru/XBRMWF
NIION: 2007-0083-1/26-766
MOSURED: 77/27-005-2026-01-966

К вопросу о детерминантах публичных действий, побуждающих к совершению преступлений, посягающих на территориальную целостность Российской Федерации

Андрей Игоревич Дмитриев
Международный юридический институт, Москва, Россия, andrey@up-leader.ru

Аннотация. Посвящена исследованию актуальной проблемы предупреждения публично совершаемых преступлений, направленных на побуждение широкого круга лиц к совершению посягательств на территориальную целостность Российской Федерации, связанной с выяснением причин и условий таких преступлений, полное представление о которых является одной из ключевых предпосылок совершенствования системы превентивных мер в данной области. Эта проблема рассмотрена с учетом ее взаимосвязи с криминологическими и уголовно-правовыми особенностями преступлений, предусмотренных ст. 205.2, 280, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, и недостатками существующей системы мер их предупреждения. Целью исследования является развитие теоретических представлений и получение нового знания о детерминантах преступлений, побуждающих других лиц к совершению противоправных действий, посягающих на территориальную целостность государства. Достижение данной цели обеспечено решением поставленных задач, состоящих, в частности, в выделении и рассмотрении комплекса детерминант таких публичных деяний, формировании обоснованных выводов и предложений относительно повышения эффективности их предупреждения. По результатам исследования сделан общий вывод о преобладании политических и нравственно-психологических детерминант совершения соответствующих публичных преступлений, минимизация которых может быть достигнута за счет развития общей и индивидуальной профилактической работы.

Ключевые слова: детерминанты преступлений, профилактика преступлений, публичные призывы, территориальная целостность Российской Федерации

Для цитирования: Дмитриев А. И. К вопросу о детерминантах публичных действий, побуждающих к совершению преступлений, посягающих на территориальную целостность Российской Федерации // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 70–75. EDN: XBRMWF.

Original article

On the issue of determinants of public actions that encourage the commission of crimes that infringe on the territorial integrity of the Russian Federation

Andrey I. Dmitriev
International Law Institute, Moscow, Russia, andrey@up-leader.ru

Abstract. Is devoted to the study of the urgent problem of preventing publicly committed crimes aimed at encouraging a wide range of people to commit encroachments on the territorial integrity of the Russian Federation, related to clarifying the causes and conditions of such crimes, a complete understanding of which is one of the key

© Дмитриев А. И., 2026

prerequisites for improving the system of preventive measures in this area. This problem is considered taking into account its relationship with the criminological and criminal law features of crimes provided for in Art. 205.2, 280, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the shortcomings of the existing system of measures to prevent them. The purpose of the study is to develop theoretical concepts and gain new knowledge about the determinants of crimes that encourage others to commit illegal acts that infringe on the territorial integrity of the state. The achievement of this goal is ensured by solving the tasks set, which consist, in particular, in identifying and considering a set of determinants of such public acts, forming reasonable conclusions and proposals for improving the effectiveness of their prevention. Based on the results of the study, a general conclusion was drawn about the predominance of political, moral and psychological determinants of the commission of relevant public crimes, the minimization of which can be achieved through the development of general and individual preventive work.

Keywords: determinants of crime, crime prevention, public appeals, territorial integrity of the Russian Federation

For citation: Dmitriev A. I. On the issue of determinants of public actions that encourage the commission of crimes that infringe on the territorial integrity of the Russian Federation. Criminological Journal. 2026;(1):70–75. (In Russ.). EDN: XBRMWF.

Территориальная целостность, являющаяся одной из основ конституционного строя Российской Федерации, может подвергаться различным угрозам, в том числе в виде определенных преступлений, в круг которых, в частности, входят публично совершаемые деяния, побуждающие других людей к совершению противоправных посягательств на такую целостность. Данные публичные деяния, наказуемые по ст. 205.2, 280.1, 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), заключаются соответственно в публичных призывах к осуществлению террористической деятельности, включая насильственное изменение основ конституционного строя государства, в публичном оправдании такого изменения или в его пропаганде, а равно в публичных призывах к совершению действий, посягающих на территориальную целостность России либо в публичных действиях, направленных на возбуждение политической, идеологической, национальной и иной ненависти или вражды, унижение человеческого достоинства, в том числе посредством оправдания нарушений неприкосновенности территорий тех или иных стран.

Данные преступления, входящие в объем так называемого информационного экстремизма, включая его наиболее опасную часть — терроризм, воздействуют на широкий, неограниченный круг лиц, для увеличения которого, а также для сохранения своей условной анонимности и предполагаемой защищенности от потенциального уголовного преследования, виновные преимущественно действуют с использованием различных информационно-коммуникационных технологий, прежде всего, социальных сетей и других ресурсов сети «Интернет», мессенджеров [1, с. 776–778; 2, с. 51–56].

Лица, совершающие рассматриваемые преступления, адаптируются к целевой аудитории и текущим условиям, учет которых позволяет увеличить потенциальный эффект, на который они рассчитывают. В зависимости от того, насколько приготовление и последующий процесс осуществления соответствующих деяний являются спланированными, организованными и профессиональными, их побуждающее воздействие по своим ожидаемым и реальным результатам отдаляется от публичного подстрекательства либо, напротив, приближается к нему, отличаясь от этого вида соучастия в преступных посягательствах на территориальную целостность России отсутствием свойственной последнему конкретизации обстоятельств совершения преступлений, к совершению которых склоняют других лиц [3, с. 44–47; 4, с. 30–36; 5, 81–85]. Эта особенность исследуемых публичных действий, на наш взгляд, одновременно подчеркивает необходимость учитывать в рамках их предупреждения, что присущие им детерминанты связаны как с действиями виновных, так и с поведением других лиц, воспринимающих публично распространяемую информацию экстремистского (террористического) толка.

Согласно статистическим данным о судимости за публичные деяния, побуждающие к осуществлению террористической или иной экстремистской деятельности, в том числе затрагивающей территориальную целостность России, предусмотренные ст. 205.2, 280.1, 282 УК РФ, число лиц, ежегодно признаваемых виновными в таких уголовно наказуемых деяниях, не является значительным: в 2022 г. за эти преступления по основной и дополнительной квалификации было осуждено 369 лиц (по ст. 205.2 — 318, по ст. 280.1 — 0 и по ст. 282 УК РФ — 51 лицо), в 2023 г. — 413 лиц (по ст. 205.2 — 345, по ст. 280.1 — 0 и по ст. 282 УК РФ — 68 лиц); в 2024 г. — 509 лиц (по ст. 205.2 — 453, по ст. 280.1 — 1 и по ст. 282 УК РФ — 55 лиц) и в пер-

вом полугодии 2025 г. — лиц (по ст. 205.2 — 281, по ст. 280.1 — 0 и по ст. 282 УК РФ — 47 лиц) [11]. Вместе с тем считаем необходимым принимать во внимание, что каждое из этих преступлений, даже взятое в отдельности, потенциально способно побудить многих людей к различного рода противоправным посягательствам на территориальную целостность России или к другим проявлениям терроризма и экстремизма, в том числе к ретрансляции (репостам) соответствующих публичных призывов либо иной информации, пропагандирующей или оправдывающей данные посягательства.

Кроме того, по нашему мнению, следует учитывать присущие таким публичным действиям организованность и системность, а также продолжаемый и (или) длящийся характер осуществления, предполагающие длительное и практически непрерывное воздействие на сознание и волю многих людей, в особенности молодого возраста, активно пользующихся социальными сетями, мессенджерами, где размещаемая информация может быть доступной для восприятия, копирования, пересылки и (или) комментирования любое по продолжительности время, в том числе без каких-либо установленных пределов, что с учетом ее репостов может придавать этим деяниям «вечный» характер. В связи с этим представляется целесообразным в рамках индивидуальной или групповой профилактики противоправной активности в информационно-телекоммуникационных сетях подробнее освещать правовые последствия соответствующих публичных деяний, в том числе состоящие в потенциальной угрозе уголовного преследования, существующей в течение всего периода нахождения в сетях размещаемой в ней деструктивной информации, например, побуждающей к преступным посягательствам на территориальную целостность России.

Проведенное нами анкетирование 385 экспертов, осуществляющих практическую деятельность, в том числе судей, работников прокуратуры, следователей Следственного комитета РФ и МВД России, показало, что большинство респондентов признает основными политические (277 респондентов — 71,95 %) и духовно-нравственные (252 респондента — 66,23 %) детерминанты, по их мнению, в наибольшей степени, обусловливающие совершение публичных действий, побуждающих к преступным посягательствам на территориальную целостность России.

Политические детерминанты в информационном экстремизме, к которому относятся рассматриваемые публичные деяния, в настоящее время играют одну из ведущих ролей. В первую очередь это связано с масштабным геополитическим кризисом, длительное время протекающим на территории Украины и способствующим нарастанию политических разногласий, доходящих до ненависти и вражды, взращиваемых и всячески поддерживаемых руководством и спецслужбами ряда недружественных по отношению к России стран. Эта ситуация существенно обострилась после начала специальной военной операции, при этом на текущий момент каких-либо весомых предпосылок для ее стабилизации и улучшения не наблюдается, что в полной мере характеризует и состояние международного сотрудничества в области противодействия преступности, в том числе по линии совместного противодействия терроризму и экстремизму, в значительной степени ухудшившегося или вовсе прекратившегося со странами, поддержавшими политику санкций в отношении России.

Этот геополитический кризис и сопутствующие ему негативные явления и процессы «выплеснули на поверхность» дестабилизирующую деятельность отдельных публичных лиц, сведения о которых постепенно пополняют реестр иностранных агентов [12]. Соответствующие лица преимущественно распространяют заведомо ложную, тенденциозно подобранную и (или) определенным образом оцениваемую и комментируемую информацию, касающуюся деятельности органов государственной власти России, принимаемых ими решений, деятельности Вооруженным Сил Российской Федерации, в особенности в контексте проводимой специальной военной операции. Такие действия, ориентированные на широкую аудиторию, как правило, сами по себе находятся на грани или за гранью нарушения соответствующих административно-правовых или уголовно-правовых запретов, в том числе предусмотренных ст. 205.2, 280.1, 282 УК РФ. Характерной особенностью деятельности лиц, признаваемых иностранными агентами, является ее осуществление при финансовой и иной поддержке иностранных государств, что, на наш взгляд, свидетельствует о системном и многоаспектном характере проводимой ими недружественной политики в отношении России, ориентированной на разобщение российского общества, разжигание в нем политической, идеологической, национальной, религиозной и иной ненависти и вражды, возникновение и разрастание сепаратистских настроений, а равно на склонение граждан и организаций к открытому или скрытому саботированию решений публичных органов власти.

Духовно-нравственный кризис, наметившийся после распада СССР и в полной мере развившийся в дальнейшем на фоне отказа от прежней государственной идеологии и отсутствии ее новой официальной альтернативы, также способствует распространению и восприятию опасных идей и взглядов, в частности, исходящих от международных террористических и экстремистских организаций, направленных на оправдание практики терроризма и экстремизма, вовлечение в таковые максимально возможного числа граждан. Именно данные преступные объедине-

ния аккумулируют и распространяют присущую им идеологию, пробуждая тем самым широкий круг лиц к самым различным криминальным действиям, в том числе посягающим на территориальную целостность России [6, с. 15].

Как подчеркивается в п. 23 Стратегии противодействия экстремизму в РФ [13], экстремистскими объединениями в своей противоправной деятельности активно используются факторы национального (этнического) и религиозного характера, с помощь которых не только пополняются их ряды, но и наращиваются усилия по возбуждению и усилению различных социальных конфликтов, основанных на разжигаемой межнациональной (межэтнической) и межконфессиональной ненависти или вражде, угрожающих территориальной целостности России. Ими актуализируются территориальные противоречия и конфликты по поводу отделения той или иной части территории государства, распространяются идеи «деколонизации» России, оказывается содействие внедрению деструктивных элементов в различные органы власти для последующего продвижения идей и взглядов сепаратистского толка.

Указанная организованная противоправная деятельность еще более активизировалась после присоединения к России новых регионов, ранее являвшихся частями территории Украины. При этом публичные действия, побуждающие к осуществлению различного рода посягательств на целостность конституционно закрепленной территории России, в особенности касающихся данных регионов, широко поддерживаются отдельными странами, пытающимися с помощью распространения соответствующей идеологии, а также финансирования террористических и экстремистских объединений дестабилизировать и разобщить российское общество, склонить граждан к противоправным действиям, посягающим на основы конституционного строя и безопасность России.

Рассмотренные детерминанты получают свое развитие в конкретных публичных преступлениях, побуждающих к нарушениям территориальной целостности России, при наличии ряда условий, хотя и не относящихся к категории детерминант данных уголовно наказуемых деяний, но тем не менее способствующих сохранению, усилению и приумножению предпосылок для рассматриваемой криминальной активности. Речь идет в первую очередь о существовании и генезисе информационно-коммуникационных технологий и основанного на их использовании информационного общества, в котором те или иные сведения преимущественно передаются и воспринимаются с использованием различных информационно-коммуникационных и мультимедийных технологий. Этот тренд в полной мере проявляется и в преступлениях, относящихся к информационному экстремизму, в том числе к его террористической части. С течением времени совершение таких деяний с использованием сети «Интернет» или других информационно-телекоммуникационных сетей приобрело значение типичного, наиболее распространенного способа осуществления таких посягательств. Например, в 2022 г. доля лиц, осужденных за публичные призывы к террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или его пропаганду, привлеченных к уголовной ответственности с учетом данного способа по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, составила 83,02 %, в 2023 г. — 89,86 %, в 2024 г. — 88,08 % и в первые 6 месяцев 2025 г. — 93,24 %.

Благоприятные условия для осуществления публичных действий, побуждающих к посягательствам на территориальную целостность, формируются и вследствие недостаточной эффективности соответствующей превентивной деятельности, в том числе касающейся мониторинга сети «Интернет», своевременного и полного ограничения доступа к сайтам и иным ресурсам, содержащим деструктивную информацию, в том числе побуждающую к посягательствам на территориальную целостность России. Имеются и недостатки в регламентации уголовной ответственности за рассматриваемые преступления [7, с. 35–37], в том числе заключающиеся во введении и сохранении административной преюдиции в ст. 280.1 УК РФ, предопределившей практически полную аномию данного уголовно-правового запрета. Позитивным, но не полностью реализованным направлением развития уголовного законодательства считаем частичное исключение административной преюдиции из ч. 1 ст. 282 УК РФ, после чего ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства стала наступать и в случаях однократного совершения данных публичных действий, если они были связаны с оправданием или пропагандой насилия либо угрозы его применения [14].

Отметим также, что выделенные выше особенности публичных действий, побуждающих к осуществлению преступных посягательств на территориальную целостность России, обусловливают их самодетерминацию, присущую преступлениям террористической и экстремистской направленности в целом [8, с. 161–164]. В особенности это свойственно таким уголовно наказуемым деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, когда размещение той или иной информации, отражающей террористическую или иную экстремистскую идеологию, в том числе побуждающей к соответствующей противоправной деятельности, связанной с посягательствами на территориальную целостность России, другие основы конституционного строя и иные правоохраняемые интересы, запускает некую цепную реакцию, проявляющуюся, в частности, в репостах или иной ретрансляции такой

информации, то есть к совершению новых преступлений террористической или экстремистской направленности [9, с. 77; 10, с. 3–4].

Таким образом, в системе детерминант публично совершаемых преступлений, пробуждающих граждан к противоправным посягательствам на территориальную целостность Российской Федерации, превалируют детерминанты политического и духовно-нравственного характера, образующие основу для формирования и проявления других детерминант данных уголовно наказуемых деяний, чему также способствуют развивающиеся информационно-коммуникационные технологии и связанное с ними информационное общество, а также недостатки в законодательной и правоприменительной деятельности, вызванные, в частности, их отставанием от генезиса общественных отношений. В связи с этим предупреждение данных преступлений должно иметь системный, комплексный и непрерывно развивающийся характер, учитывающий современные реалии и тенденции в области противодействия террористическим и иным экстремистским угрозам территориальной целостности России.

Список источников

1. Иванцов С. В. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 16. С. 776–784.
2. Иванцов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 50–57.
3. Борисов С. В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 44–49.
4. Глухов Е. А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9. С. 30–40.
5. Кунашев А. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81–89.
6. Пихов А. Х.-А. Теоретические основы противодействия транснациональной преступности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2018.
7. Тарима А. А. Транснациональные преступления экстремистской направленности и вопросы их самодетерминации // Судебная экспертиза и исследования. 2024. № 4. С. 161–165.
8. Авдеев В. А. Современные тенденции реализации правовой политики Российской Федерации по обеспечению общественной и государственной безопасности в контексте противодействия терроризму и экстремизму // Российский судья. 2023. № 10. С. 35–39.
9. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2012.
10. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография. М. : Юриспруденция, 2015.
11. Данные судебной статистики // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79
12. Реестр иностранных агентов // URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/#
13. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8669.
14. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3503.

References

1. Ivantsov S. V., Borisov S. V., Uzembayeva G. I., Muzychuk T. L., Tishchenko Yu. Y. Actual problems of improving the system of measures for criminological prevention of extremist crimes committed using information and telecommunication networks // All-Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 16. P. 776–784.
2. Ivantsov S. V. Actual issues of criminal law counteraction to the spread of extremist ideology in the Russian Federation // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2. P. 50–57.
3. Borisov S. V. Criminal liability for public calls for actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation // Legal Science. 2014. No. 4. P. 44–49.

4. Glukhov E. A. Public justification of terrorism: orientation of intent, goals and self-assessment on the part of the criminal // Criminal Law. 2024. No. 9. P. 30–40.
5. Kunashev A. A. Public calls for terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: criminal law analysis and qualification issues // Criminal Law. 2018. No. 6. P. 81–89.
6. Pikhov A. Kh.-A. Theoretical foundations of countering transnational crime: abstract of the diss. ... doctor of legal sciences. Krasnodar, 2018.
7. Tarima A. A. Transnational crimes of extremist orientation and issues of their self-determination // Forensic examination and research. 2024. No. 4. P. 161–165.
8. Avdeev V. A. Modern trends in the implementation of the legal policy of the Russian Federation to ensure public and state security in the context of countering terrorism and extremism // The Russian judge. 2023. No. 10. P. 35–39.
9. Borisov S. V. Crimes of extremist orientation: problems of legislation and law enforcement: diss. ... doctor of legal sciences. M., 2012.
10. Borisov S. V., Zherebchenko A. V. Incitement of hatred, enmity, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal responsibility: a monograph. M. : Jurisprudence, 2015.
11. Judicial statistics data // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79
12. Register of Foreign Agents // URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/#
13. Strategy for countering extremism in the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 dated December 28, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 53 (Part I). Art. 8669.
14. Federal Law No. 173-FZ dated June 24, 2025 «On Amendments to Article 282 The Criminal Code of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2025. No. 26 (Part I). Art. 3503.

Информация об авторе

А. И. Дмитриев — аспирант Международного юридического института.

Information about the author

A. I. Dmitriev — Postgraduate student at the International Law Institute.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 17.12.2025.

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 17.12.2025.

Научная статья
УДК 343.101+ 344.22
EDN: https://elibrary.ru/WVKEZA
NIION: 2007-0083-1/26-767
MOSURED: 77/27-005-2026-01-967

Национальный суверенитет и безопасность в условиях транснациональной организованной преступности

Александр Егорович Епифанов
Академия управления МВД России, Москва, Россия, mvd_djaty@mail.ru

Аннотация. На основе анализа понятия и видов транснациональной организованной преступности автор показывает ее масштаб и влияние на национальный суверенитет и безопасность современных государств. В статье показано, что транснациональная организованная преступность молниеносно приспосабливается к реалиям современного общества и сложившейся международной обстановке. Она является порождением современного глобализирующегося общества. Активная интеграция экономических, политических и социальных сфер мирового сообщества, обусловили переход преступности из национальной в транснациональною форму. И только при помощи международной консолидации возможно противостоять транснациональной организованной преступности.

Ключевые слова: глобализация, транснациональная преступность, национальная безопасность, стратегия противодействия

Для цитирования: Епифанов А. Е. Национальный суверенитет и безопасность в условиях транснациональной организованной преступности // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 76–82. EDN: WVKEZA.

Original article

National sovereignty and security in the context of transnational organized crime

Alexander E. Epifanov
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mvd_djaty@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the concept and types of transnational organized crime, the author shows its scale and impact on the national sovereignty and security of modern states. The article shows that transnational organized crime is rapidly adapting to the realities of modern society and the current international situation. It is a product of a modern globalizing society. The active integration of the economic, political and social spheres of the world community has led to the transition of crime from a national to a transnational form. And only with the help of international consolidation is it possible to counter transnational organized crime.

Keywords: globalization, transnational crime, national security, counteraction strategy

For citation: Epifanov A. E. National sovereignty and security in the context of transnational organized crime. Criminological Journal. 2026;(1):76–82. (In Russ.). EDN: WVKEZA.

Обеспечение безопасности и стабильности в глобальном масштабе и региональных подсистемах, является основной задачей всего мирового сообщества. Основополагающее права человека, без учета территориального, расового, полового, языкового, религиозного признака являются наивысшей ценностью XXI в. Данный принцип нашел свое документальное воплощение в Уставе ООН. Деяния, посягающие на вышеуказанные права, должны преследоваться на международном уровне. В данной области наибольшую опасность представляет транснациональная организованная преступность.

© Епифанов А. Е., 2026

Международное противостояние негативному влиянию преступности — это деятельность факторов международных отношений в сфере раскрытия, расследования, предупреждения, а также устранения последствий деятельности криминальных организаций [8, с. 114]. Следуя процессам глобализации, транснациональная организованная преступность, все активнее внедряет в свою преступную деятельность новейшие достижения человечества.

Данное обстоятельство позволяет ей налаживать устойчивые международные связи, внедрятся во все слои общества, удаленно устанавливать контроль над преступными рынками, создавать новые преступные маршруты, создавать новые формы транснациональной преступности. В этой связи, перед дисциплинами международных отношений, ставится задача в познании деятельности транснациональной организованной преступности, а также форм и методов международного взаимодействия в борьбе с ней.

Одной из самых распространенных форм транснациональной организованной преступности является транснациональная наркопреступность. В настоящее время не существует стран в достаточной мере защищенных от наркопреступности. Как справедливо отмечает Я. И. Гилинский, «торговля наркотиками... не знает границ» [5, с. 87].

Наркопреступность подрывает устои мирного сосуществования, затрагивает здоровье нации, дестабилизирует социальные формы государственности. Противостояние транснациональной наркопреступности, исключительно силами и средствами национального правительства, не эффективно.

В географическом масштабе, основными регионами поставщиками наркотических средств являются: Азия, Южную Америка и Африка.

Транснациональная организованная наркопреступность обладает следующими характерными признаками: ячеистая структура формирования с четкой иерархией и высокая степень координации; сопряженность с другими видами транснациональной преступности; высокая степень финансирования; сращивание с государственными структурами, коррупция; использование современных достижений [13, с. 68].

Пандемия COVID-19 оказала неоднородное влияние на транснациональную организованную преступность, одни ее формы получили новые возможности для своей преступной деятельности, другие же ослабили свое действие. В регионах и странах, где транснациональная организованная преступность проникла в экономику страны, а также имеет сращивание с государственными органами, она укрепляет свои позиции, расширяя сферы своего влияния. Тем не менее ограничительные меры, связанные с межгосударственными перевозками и перемещениями, значительно снизили некоторые виды преступной деятельности.

Согласно «Исследовательскому обзору», подготовленному УНП ООН применяемы меры для борьбы с распространением COVID-19 привили к снижению уровня наркопотоков, так, например, в Италии и странах Центральной Азии установлено значительное снижение изъятого наркотического средства и психотропного вещества. Отмечается переориентирование транснациональной организованной преступности на такие формы как киберпреступность и фальсификация медицинских товаров [17, с. 37].

Также отмечается снижение качества наркотика, а также рост потребления более дешевых наркотических средств и психотропных веществ. Ограничение грузо и пассажироперевозок, закрытие границ, привели к нарушениям функционирования ряда преступных сетей и появлению новых схем и маршрутов незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Для определения воздействия пандемии на организованную преступность и методы работы транснациональной организованной преступности необходима долгосрочная оценка и всесторонний мониторинг. Расширение экономических и социальных возможностей транснациональной организованной преступности имеет международные и транснациональные последствия.

Достижения в сфере информационных технологий, на ряду с безусловными плюсами, привели к появлению новых форм транснациональной организованной преступности. Киберпреступность, на сегодняшний день, занимает одно из лидирующих мест по распространенности в списке транснациональной организованной преступности. За относительно короткий срок эта проблема приобрела глобальный масштаб. Практически все сферы жизнедеятельности людей связаны с использованием компьютерных технологий. Информационная сеть содержит сведения о финансовой, социальной сфере, располагает персональными сведениями, что является особо привлекательно для преступной деятельности. Особую сложность в данном виде преступлений представляет характер их совершения, большинство из которых так и остаются безнаказанными. Раскрытие и расследование компьютерных преступлений сопряжены с рядом сложностей. Большое число видов и форм преступлений в компьютерной сфере, а также стремительное увеличение их числа, бросают перед мировым сообществом глобальный вызов.

Среди киберпреступности особо место занимают такие виды преступлений как: фишинг, распространение вредоносных программ, кибертерроризм, кража персональных данных, мошенничество с финансами, детская порнография и др. [2, с. 226].

Киберпреступность транснациональна, а значит она не имеет границ. Использование сети Интернет

позволяет совершать преступления, находясь в другой точке земного шара, при этом преступность действует в глобальном времени и пространстве. Доказательственная база данной категории преступлений чрезвычайно хрупка, преступник способен удалить все сведения со своего компьютерного устройства в короткие сроки, что затруднит ход расследования или позволит вовсе избежать наказания [3, с. 325].

В настоящее время уровень киберпреступности стремительно растет. Киберпреступники развивают и наращивают свои атаки тревожными темпами, используя страх и неуверенность, вызванные нестабильной социальноэкономической ситуацией во всем мире. В то же время, значимость цифровой инфраструктуры невероятно высока, практически все сферы человеческой деятельности связаны с использованием глобальной сети интернет, что увеличивает возможности для кибер-вторжений и атак.

На сегодняшней день, размытие государственных границ, интеграции экономического в единую безвизовую зону приводят к тому, что происходит рост преступлений, связанных с торговлей людьми. Данный вид транснациональной организованной преступности сопряжен с рядом других международных противоправных действий, таких как: подделка документов, нелегальная миграция, насилие, терроризм и т. д. Торговля людьми осуществляется с целью сексуального рабства, продажей человеческих органов, трудового рабства, незаконного усыновления и т. д. Она характеризуется высокой латентностью и вовлеченностью в ее деятельность большого числа преступных единиц.

Торговля людьми — это преступление, которое эксплуатирует миллионы уязвимых женщин, детей и мужчин во всем мире. Современное рабство — это безжалостный бизнес, который ежегодно приносит преступным сообществам колоссальную прибыль. По данным УНП ООН в 2017 г. жертвы торговли людьми по меньшей мере из 127 стран сообщают о том, что их эксплуатировали в 137 государствах [12, с. 67].

Противостояние торговле людьми возможно посредством выработанного международным сообществом механизма регулирования данной проблемы, который установлен значительно недавно.

Сложившаяся мировая ситуация, связанная с эпидемией COVID-19, также существенно сказывается на торговле людьми. Из-за своего скрытого характера, последствия пандемии COVID-19 для торговли людьми трудно оценить с уверенностью. Весьма вероятно, что пандемия и связанные с ней глобальные экономические последствия лишь увеличат число лиц, групп риска и вероятность того, что они станут жертвами контрабандистов [24, с. 158].

Международные конфликты являются активной сферой деятельности транснациональной организованной преступности и терроризма, а также рычагом влияния на мировое сообщество [10, с. 65].

В отличие от типичных видов преступлений, таких как побои, кражи, убийства и т. д., транснациональная организованная преступность отличается высокой латентностью. Сращивание с государственными органами власти или определенная степень терпимости с ее стороны по отношению к деятельности транснациональной организованной преступности является одним из ключевых ее признаков.

Транснациональная организованная преступность становится достоянием общественности только в том случае, когда в отношении нее ведется расследование. Противостояние национальными правоохранительными подразделениями транснациональной организованной преступности зависит от степени оснащенности и от качества подготовки кадрового аппарата. В связи с тем, что в большей степени работа правоохранительных органов направлена на расследование очевидных преступлений, выявление скрытой преступности вызывает затруднение [25, с. 21]. В развивающихся странах отсутствуют ресурсы на расследование преступлений транснациональной направленности.

Даже в развитых странах, деятельность, направленная на раскрытие, расследование и пресечение транснациональной организованной преступности не одинакова. Национальное правительство самостоятельно формирует государственную политику в данной области [26, с. 92]. Рынки спроса также формируют международную карту транснациональной организованной преступности. Так, например, снижение спроса на кокаин в США и одновременно его увеличение в ряде стран ЕС привели к изменениям рынков наркотических средств и психотропных веществ, где регион Западной Африки стал основной транзитной зоной.

Тем не менее, наиболее полную информацию о преступлениях, совершенных транснациональной преступной группой, предоставляют международные организации. Например, Европейский таможенный союз, Шанхайская Организация Сотрудничества, международная торговая палата, специализированные международные полицейские организации, такие как Интерпол и Европол.

Последствия деятельности транснациональной организованной преступности негативно сказываются на развитии всего мирового социальнополитического устройства.

Вопрос совершенствования национального государства в области борьбы с транснациональной организованной преступностью является наиболее важным аспектом в вопросах глобальной безопасности. Чаще всего, на национальном уровне, это закреплено в Концепции внешней политики страны и стратегии на-

циональной безопасности. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации особое значение уделяется новым угрозам и глобальным вызовам, имеющим транснациональную природу [1]. В соответствии с данной Концепцией, Российская Федерация наращивает сотрудничество в целях взаимной безопасности и противостояния глобальным вызовам.

Международно-правовое сотрудничество государств в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью имеет внешнее воплощение в виде законодательно закрепленных международных актов. Основная цель данного международного сотрудничества заключается в адаптации национального законодательства к современным реалиям преступного мира. Международная конъектура отражает необходимость унификации методов и средств борьбы с транснациональной организованной преступностью [7, с. 98]. Создание общего международного права, регулирующего вопросы международной преступности, является политико-правовой составляющей международного механизма борьбы с транснациональной организованной преступностью. Достижение данной цели осуществляется посредством создания и внедрения в рамки национального права основополагающих международных договоров, а именно: Конвенция против транснациональной организованной преступности; и дополняющие ее протоколы, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Конвенция ООН против коррупции и др.

Объективно, что только на уровне национального права борьба с транснациональной организованной преступностью становится малоэффективна. Поэтому основная задача международного сообщества состоит в адаптировании международно-правовых актов к национальному законодательству.

Как уже ранее отмечалось, перспектива международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью на национальном уровне закреплена в доктринах внешнего развития, таких как концепция и стратегия. Так, М. А. Костенко говорит о том, что стратегия должна включать в себя перспективные планирование и прогнозирование, направленные на концептуальное и долгосрочное развитие юридической практики [9, с. 98]. Разработка национальных концепций и стратегий международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью является элементом правоохранительной и предупредительной деятельности государства. Данные правовые акты создаются на основе анализа криминологической ситуации внутри государства, а также на основе прогнозирования деятельности преступности в регионе [15, с. 54].

Увеличения числа преступлений транснациональной направленности, использование преступными сетями возможностей глобализации и научнотехнического прогресса и эволюция сфер преступной деятельности обуславливают необходимость консолидации национальных государств в борьбе с транснациональной организованной преступностью.

В данном контексте интересен для анализа опыт европейских государств в борьбе с преступностью. Европейские страны во главе с Советом Европы выступают лидерами в консолидации стран против транснациональной организованной преступности, демонстрируют наиболее эффективные методы и средства в борьбе с ней.

Основной проблемой международного сотрудничества государств является географическая неоднородность. Зачастую, взаимодействие стран, территориально отдаленных друг от друга, становится малоэффективным. Это обусловлено, прежде всего, различной обстановкой в регионе. В этой связи, страны Европейского Союза имеют значительное преимущество. Основной площадкой, на которой определяется общеевропейская политика против транснациональной организованной преступности, является Совет Европы.

Межгосударственное взаимодействие в вопросах уголовной юстиции, в рамках Совета Безопасности, нашло свое документальное воплощение более чем в 45 международно-правовых актов, а также более чем в 120 актов так называемого «мягкого права» [22]. Данные международно-правовые акты регулируют вопросы, связанные с экстрадицией, взаимодействию юстиции в рамках отдельных поручений, защиты свидетелей и потерпевших, передачей осужденных лиц, а также связанные с отдельными преступлениями транснациональной направленности. Международные европейские акты по оказанию взаимной помощи в раскрытии, расследовании и предупреждении транснациональной организованной преступности, в качестве своих членов имеют не только страны члены Европейского Союза. Это достигается за счет присоединения неевропейских стран к международным актам.

Одним из эффективных способов государственного взаимодействия в борьбе с транснациональной организованной преступностью является межведомственной взаимодействие правоохранительных органов. Здесь особо выделяется взаимопомощь в кадрово-воспитательной подготовке, научной, технической взаимопомощи. Примером данного вида сотрудничества является взаимодействие Российской Федерации и Никарагуа. Южная Америка отличается высокой степенью транснациональной преступности, особенно это касается незаконного производства и контрабанды наркотических средств и психотропных веществ [16, с. 54].

Никарагуа является не только страной производ-

ства запрещенных средств и веществ, но и страной транзита. Близость таких государств, как Коста-Рика и Панама, где сосредоточены основные наркокартели региона, негативно сказывается на политическом, экономическом, социальном и правовом развитии Никарагуа. Страна поражена коррупцией. Высокий уровень преступности, большое число неработающего населения, неравенство, недостаточная техническая оснащенность правоохранительных органов — все это оказывает негативное влияние на уровень транснациональной организованной преступности.

В свою очередь, Российская Федерация имеет богатый опыт успешной борьбы с наркопреступностью, обладает технической возможностью и высоким кадрово-воспитательным потенциалом. В 2013 г. в рамках межгосударственного сотрудничества, на основании соглашения «О сотрудничестве в сфере повышения квалификации кадров в области контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров», на базе Сибирского юридического института МВД России образован филиал данного образовательного заведения в городе Манагуа республики Никарагуа [23].

Приоритетной деятельностью данного межведомственного взаимодействия является подготовка и переподготовка сотрудников правоохранительных органов стран Карибского бассейна в раскрытии, расследовании, а также предупреждении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. За время функционирования филиала, его работа со стороны правительств Российской Федерации и республики Никарагуа оценивалась как высокоэффективная, планомерная, взаимопомощь. На данный момент в центре прошли подготовку сотрудники правоохранительных органов Никарагуа, Мексики, Эль-Сальвадора, Гватемалы и Доминиканской Республики [22].

По словам Министра Иностранных Дел республики Никарагуа Дениса Монкады Колиндреса, российско-никарагуанские отношения строятся на взаимном уважении, доверии и открытости. Они полностью соответствуют интересам дружественных стран и единой международной политики в борьбе с транснациональной организованной преступностью [21].

Транснациональная организованная преступность ставит глобальные вызовы перед мировым сообществом и угрожает коллективной безопасности. В соответствии с этим, только комплексный и всесторонний подход к выработке мер и средств по борьбе с данным криминальным явлением и его последствиями будет максимально эффективным [6, с. 87].

Межгосударственные процессы интеграции политического регулирования в области уголовной юстиции планомерно охватывают все мировое сообщество. Целью данной интеграции является — создание глобального международно-правового пространства. Отражающее действительность исторического развития, эволюции и особенностей транснациональной организованной преступности.

Международно-правовое сотрудничество строится на принципах, выработанных мировым сообществом и закрепленных в уставе ООН во взаимодействии с нормами национального права государств.

В обеспечении глобальной законности и правопорядка, усилия мирового сообщества и отдельных государств должны быть скоординированными и направленными на достижение общих целей в вопросах мировой безопасности [11, с. 87].

Налаживание устойчивых международных связей и сотрудничество между странами и народами является гарантией глобальной безопасности. Мир без преступности является одним из ценностных ориентиров человеческого развития в условиях глобализации.

Список источников

1. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/
2. Бураева Л. А. Компьютерные преступления транснационального характера как глобальная угроза мировому сообществу // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 5. С. 224–226.
3. Бураева Л. А. О некоторых вопросах обеспечения кибербезопасности в современных условиях // Теория и практика общественного развития. 2019. № 13. С. 96–99.
4. Бюллетень международных договоров. М. : Юридическая литература, 2005.
5. Гилинский Я. И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалисты. 2018. № 1 (18).
6. Ефимова А. И. Развитие международного сотрудничества по противодействию организованной преступности: ценностный выбор мирового сообщества // Вестник МГИМО-университета. 2010. № 3 (12). С. 172–178.
7. Залужный А. Г., Бойко П. А. Политико-правовые проблемы повышения эффективности борьбы с транснациональной преступностью // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 2. С. 99–106.
8. Клименко Т. М., Третьякова Е. И. Международное сотрудничество в области противодействия обороту фальсифицированных лекарственных средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 6.
9. Костенко М. А. Значение эквивалентных пре-

образований текстов нормативно-правовых актов для правовой практики // Известия ТРТУ. 2001. № 1 (19).
10. Пихов А. Х. А. Некоторые особенности развития транснациональной насильственной преступности и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 403–405.
11. Потоцкий Н. К. Тенденции развития сотрудничества государств в борьбе с международной и национальной преступностью в целях безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 1 (14). С. 83–90.
12. Сакаева О. И. Международно-правовые проблемы сотрудничества в сфере противодействия торговле людьми // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4 (71). С. 67–74.
13. Тепляшин П. В., Федорова Е. А. Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 68–74.
14. Тишин А. А. О некоторых аспектах современного кокаинового бизнеса и трафика в странах Латинской Америки // Альманах Пространство и Время. 2019. Т. 17. № 1.
15. Хижняк Д. С. Предупреждение транснациональной преступности и борьба с нею как стратегическая задача государства: опыт США // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 385–393.
16. Шелудько В. О. Первая образовательная организация системы МВД России за рубежом // E-Scio. 2019. № 10 (37). С. 456–466.
17. COVID-19 и цепочка незаконных поставок наркотиков: от производства и транспортировки до потребления: исследовательский обзор. Вена, 2020.
18. In accordance with the provisions of article 18.1 (c) of the Single Convention on Narcotic Drugs, and article 16.3 of the Convention on Psychotropic Substances.
19. The impact of COVID-19 on organized crime: Research brief. Vienna, 2020.
20. European Committee on Crime Problems (CDPC). Conventions elaborated under the authority of the CDPC // URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list
21. Главы МИД России и Никарагуа сделали совместное заявление // URL: https://tass.ru/politika/7341827
22. Руководство СибЮИ МВД России посетило Учебный центр (филиал) института в Республике Никарагуа // URL: https://гурлс.мвд.рф/news/item/12769686
23. Учебный центр (филиал) СибЮИ МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа // URL: https://сибюи.мвд.рф/institut/struktura/учебный-центр-филиал-сибюи-мвд-россии-в-/учебный-центр-филиал-сибюи-мвд-россии-в-
24. Епифанов А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 153–162.
25. Епифанов А. Е. Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления // Российская юстиция. № 1. 2001. С. 21–22.
26. Епифанов А. Е., Баев Р. Р., Джумагулов А. С. Федеральное вмешательство как институт федеративного государства (вопросы теории государства и права). Волгоград : Издательство ВАГС, 2011.

References

1. On the approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated November 30, 2016 No. 640 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/
2. Buraeva L. A. Transnational computer crimes as a global threat to the world community // Problems of economics and legal practice. 2016. No. 5. P. 224–226.
3. Buraeva L. A. On some issues of cybersecurity in modern conditions// Theory and practice of social development. 2019. No. 13. P. 96–99.
4. Bulletin of International Treaties. M. : Yuridicheskaya literatura, 2005.
5. Gilinsky Ya. I. Crime and social control over it in modern postmodern society: a criminologist's view // Criminalists. 2018. No. (18).
6. Efimova A. I. Development of international cooperation in combating organized crime: a value choice of the world community // Bulletin of MGIMO University. 2010. No. 3 (12). P. 172–178.
7. Zaluzhny A. G., Boyko P. A. Political and legal problems of increasing the effectiveness of combating transnational crime // Srednerussky Bulletin of Social Sciences. 2016. Vol. 11. No. 2. P. 99–106.
8. Klimenko T. M., Tretyakova E. I. International cooperation in the field of combating trafficking in counterfeit medicines // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. 6.
9. Kostenko M. A. The significance of equivalent transformations of texts of normative legal acts for

legal practice // Izvestiya TRTU. 2001. No. 1 (19).
10. Pikhov A. Kh. A. Some features of the development of transnational violent crime and terrorism // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. P. 403–405.
11. Potocki N. K. Trends in the development of cooperation between States in combating international and national crime for security purposes // International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. 2018. No. 1 (14). P. 83–90.
12. Sakaeva O. I. International legal problems of cooperation in the field of combating human trafficking // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2018. No. 4 (71). P. 67–74.
13. Teplyashin P. V., Fedorova E. A. Transnational drug crime: concept, signs, determinants and individual areas of counteraction // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2017. No. 3 (46). P. 68–74.
14. Tishin A. A. On some aspects of modern cocaine business and traffic in Latin American countries // Almanac Space and Time. 2019. Vol. 17. No. 1.
15. Khizhnyak D. S. Preventing and combating transnational crime as a strategic task of the state: the US experience // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. No. 2. P. 385–393.
16. Sheludko V. O. The first educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia abroad // E-Scio. 2019. No. 10 (37). P. 456–466.
17. COVID-19 and the illicit drug supply chain: from production and transportation before consumption: A research review. Vienna, 2020.
18. In accordance with the provisions of article 18.1 (c) of the Single Convention on Narcotic Drugs, and article 16.3 of the Convention on Psychotropic Substances.
19. The impact of COVID-19 on organized crime: Research brief. Vienna, 2020.
20. European Committee on Crime Problems (CDPC). Conventions elaborated under the authority of the CDPC // URL: http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list
21. The Foreign Ministers of Russia and Nicaragua issued a joint statement // URL: https://tass.ru/politika/7341827
22. The leadership of the SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia visited the Training Center (branch) of the Institute in the Republic of Nicaragua // URL: https://гурлс.мвд.рф/news/item/12769686
23. Training Center (branch) of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Managua, Republic of Nicaragua // URL: https://сибюи.мвд.рф/institut/struktura/учебный-центр-филиал-сибюи-мвд-россии-в-/учебный-центр-филиал-сибюи-мвд-россии-в-
24. Epifanov A. E. On the Issue of Overcoming Gaps and Collisions of Current Legislation in the Law Enforcement Process // Paradigms of Management, Economics and Law. 2020. No. 2. P. 153–162.
25. Epifanov A. E. Rehabilitation of Foreigners Convicted for War Crimes. // Russian Justice. No. 1. 2001. P. 21–22.
26. Epifanov A. E., Baev R. R., Dzhumagulov A. S. Federal Intervention as an Institute of a Federative State (Issues of the Theory of State and Law). Volgograd : VAGS Publishing House, 2011. P. 168.

Информация об авторе

А. Е. Епифанов — главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. E. Epifanov — Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 19.02.2025.

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 19.02.2025.

Научная статья
УДК 342
EDN: https://elibrary.ru/YVJPBL
NIION: 2007-0083-1/26-768
MOSURED: 77/27-005-2026-01-968

Дисциплинарно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса

Владимир Вячеславович Журавлев
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия, vz15111982@gmail.com

Аннотация. Исследованы научные подходы к определению содержания административно-юрисдикционной деятельности. Их анализ позволил обосновать авторскую позицию, согласно которой производство по делам о дисциплинарных проступках, в том числе и в органах внутренних дел, целесообразно рассматривать в качестве самостоятельного вида юридического процесса, который обладает достаточно сложной процессуальной конструкцией, особенностями предмета и средств правового регулирования, выраженной спецификой реализации материальных и процессуальных норм, а также правового статуса участников такого производства.

Ключевые слова: дисциплинарный проступок, дисциплинарный процесс, дисциплинарно-юрисдикционная деятельность, дисциплинарная ответственность, дисциплинарное право, принуждение

Для цитирования: Журавлев В. В. Дисциплинарно-юрисдикционный процесс как вид юридического процесса // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 83–89. EDN: YVJPBL.

Original article

Disciplinary and jurisdictional process as a type of legal process

Vladimir V. Zhuravlev
Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Ryazan', Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. Explores scientific approaches to defining the content of administrative and jurisdictional activities. Based on this analysis, the author argues that the proceedings in cases of disciplinary offenses, including those in the internal affairs bodies, should be considered as an independent type of legal process that has a complex procedural structure, specific features of the subject and means of legal regulation, and distinct characteristics of the implementation of substantive and procedural norms, as well as the legal status of the participants in such proceedings.

Keywords: disciplinary misconduct, disciplinary process, disciplinary and jurisdictional activities, disciplinary liability, disciplinary law, coercion

For citation: Zhuravlev V. V. Disciplinary and jurisdictional process as a type of legal process. Criminological Journal. 2026;(1):83–89. EDN: YVJPBL.

Одним из основных средств регулирования социальных процессов, находящихся в сфере государственного управления, является система права, устанавливающая границы допустимого поведения и меры юридической ответственности за их нарушение. Структура ее построения закономерно предусматривает симбиоз материальных и процессуальных норм, которые выступают в качестве юридических категорий, выражающих единство двух сторон правового регулирования: непосредственной регламентации общественных отношений и процессуальных (процедурных) форм их защиты.

© Журавлев В. В., 2026

В науке административного права вопросы осуществления правоприменительной деятельности, связанной с охраной интересов общества и государства, традиционно рассматриваются в разрезе юрисдикции уполномоченных органов власти и их должностных лиц [1, с. 11–19]. Юрисдикция (лат. jurisdictio) в переводе с латинского означает ведение судопроизводства или судебное разбирательство (как правило гражданских дел), пределы компетенции того или иного суда или должностного лица, а также границы их властных полномочий при осуществлении указанной деятельности.

На сегодняшний день в публично-правовой доктрине не сложился единый подход относительно как сущности административно-юрисдикционной деятельности, так и ее содержания. Например, Д. Н. Бахрах соотносит ее с деятельностью административных органов, осуществляемой на основе процессуальных норм лиц [2, с. 10–11]. Представители научных школ А. П. Коренева и А. П. Шергина связывают юрисдикционную деятельность с процессом возбуждения, рассмотрения и разрешения дел об административных правонарушениях, осуществляемый в установленном порядке и формах лиц [3, с. 22; 4, с. 7; 5, с. 9], которую следует рассматривать как часть исполнительно-распорядительной деятельности уполномоченных должностных лиц. Отдельные исследователи (Ю. М. Козлов, Л. Л. Попов, П. И. Кононов) административно-юрисдикционную деятельность отождествляют с рассмотрением конкретного административно-правового спора с участием органа исполнительной власти или его должностных лиц, разрешаемого во внесудебном порядке в целях применения административно-принудительных мер лиц [6, с. 32; 7, с. 52].

Наконец, более широкий подход находит свое отражение в работах В. В. Головко и И. В. Пановой, которые включают в содержание административно-юрисдикционной деятельности совокупность производств: «1) исполнительное производство; 2) административно-процессуальное производство; 3) дисциплинарное производство; 4) производство по жалобам; 5) производство по делам об административных правонарушениях» лиц [8, с. 117; 9, с. 109].

Обобщая изложенное, выразим авторскую точку зрения, в соответствии с которой под административно-юрисдикционной деятельностью целесообразно понимать исполнительно-распорядительную деятельность уполномоченных органов власти и их должностных лиц по рассмотрению публично-правовых споров, реализации функций в сфере государственного управления и применению мер государственного принуждения, входящих в их компетенцию.

Отличительными чертами такой деятельности в большинстве случаев выступают:

- наличие правового спора (применение правоограничений в рамках реализации контрольно-надзорных полномочий), находящегося в сфере государственного управления;
- нахождение спора в компетенции органов публичной администрации, представители которой выступают обязательными участниками юрисдикционного процесса;
- возможность применения мер принуждения для разрешения административного спора.

Наличие столь многочисленных подходов, по мнению А. П. Шергина, «затрудняет исследование сущности юрисдикции как одного из центральных звеньев правоохранительной деятельности, в процессе которой компетентные органы рассматривают дела о правовых спорах (правонарушениях), применяют юридические санкции» лиц [10, с. 207]. Соглашаясь в целом с высказанным суждением, зададим вопрос: охватывает ли административно-юрисдикционная деятельность такой вид юридического производства, как разрешение дисциплинарно-служебных (дисциплинарно-трудовых) споров? Выражая авторскую позицию, полагаем, что не в полной мере.

Производство по делам о дисциплинарных проступках, в том числе и в органах внутренних дел, целесообразно рассматривать в качестве самостоятельного вида юрисдикционной деятельности, который обладает достаточно сложной процессуальной конструкцией (например, производство по делам о дисциплинарных проступках может быть упрощенным, сокращенным и полным), особенностями предмета и средств правового регулирования, выраженной спецификой реализации материальных и процессуальных норм, а также правового статуса участников такого производства, которые находят свое выражение в следующем.

Во-первых, производство по делам о дисциплинарных проступках осуществляется[1] не только в рамках внутриорганизационной деятельности в отношении лиц, проходящих государственную службу, но и при трудовых спорах, разрешаемых посредством использования норм трудового права. Отмеченное, на наш взгляд, позволяет констатировать комплексный характер дисциплинарно-юрисдикционной деятельности, безусловно выходящей за рамки публично-правовых отношений.

Во-вторых, производство по делам о дисциплинарных проступках обладает спецификой объектов и субъектов такой деятельности. Участники производства, как правило, находятся (постоянно или временно) в отношениях власти-подчинения по отношению друг другу. Исключение составляет производство по делам о дисциплинарных проступках, совершенных лицами, находящимися под стражей в специальных

[1] Далее — производство, дисциплинарное производство, дисциплинарное дело.

учреждениях полиции или органов исполнения наказаний.

В-третьих, дисциплинарно-юрисдикционная деятельность характеризуется исключительным внесудебным порядком ее осуществления, который не предусматривает непосредственного вмешательства органов судебной власти в процесс разрешения дисциплинарно-служебного (дисциплинарно-трудового) спора. Исключением, в определенной степени, можно считать стадию обжалования решения, принятого по дисциплинарному делу, в рамках которой вышестоящее должностное лицо (орган) или суд осуществляют проверку законности и обоснованности применения мер принуждения в отношении лица, привлеченного к ответственности. Однако и в этом вопросе дисциплинарно-юрисдикционная деятельность представляется содержательно более широким правовым феноменом. Не вызывает сомнения, что рассмотрение жалобы, поданной, например, государственным служащим в порядке властной иерархии или работником в орган государственной власти, осуществляющий контрольно-надзорные полномочия в данной сфере (Государственную инспекцию труда), полностью соотносится с классическими представлениями о содержании административной юрисдикции. Вместе с тем процедура судебного обжалования факта привлечения к дисциплинарной ответственности государственного служащего или работника осуществляется в соответствии с нормами Гражданско-процессуального кодекса РФ, который не относится к публичному законодательству российской правовой системы. Таким образом, рассмотрение судом дисциплинарно-служебного (дисциплинарно-трудового) спора небезосновательно, по нашему мнению, выходит за рамки административно-юрисдикционной деятельности.

В-четвертых, представляется необходимым акцентировать внимание на отличиях правового статуса участников административного процесса и производства по дисциплинарному делу. Выскажем мнение, что перечень и правовой статус участников производства по делам об административных правонарушениях [18, ст. 1 гл. 25]; административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и рассматриваемых в порядке Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) [19, ст. 1391 гл. 4–5]; исполнительного производства [20, ст. 4849 гл. 6] носят исчерпывающий характер и имеют достаточно подробную нормативную регламентацию. В свою очередь производство по делам о дисциплинарных проступках, совершенных, например, государственными служащими, как правило характеризуется отсутствием указания на возможность участия представителей лица (адвоката [21][1], законного представителя несовершеннолетнего курсанта), привлекаемого к ответственности, иных участников (эксперта, специалиста, переводчика и т. д.). Правовой статус таких лиц довольно часто либо вовсе не регламентирован, либо носит фрагментарный характер, а их содержательный компонент (например, в части реализации права лица, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, на ознакомление с материалами дела, заявление ходатайств, пользование услугами защитника) существенно секвестрирован относительно объема правомочий участников административно-юрисдикционных производств [22; 23; 24; 25].

В-пятых, существенное отличие административно-юрисдикционной и дисциплинарно-юрисдикционной деятельности выражается в источниках правового регулирования. Так, если основой для указанных административно-юрисдикционных производств выступают только федеральные законы (КоАП РФ, КАС РФ и т. д.), то базисом для разрешения дисциплинарно-служебных (дисциплинарно-трудовых) споров (за исключением некоторых норм Трудового кодекса РФ, ГПК РФ и федеральных законов о прохождении отдельных видов государственной службы) чаще всего являются нижестоящие по своей юридической силе нормативные правовые акты (приказы федеральных органов исполнительной власти, указы Президента РФ). Это свидетельствует о наличии иного содержательного подхода к механизму построения и реализации дисциплинарно-юрисдикционной деятельности, которая носит преимущественно подзаконный характер.

В-шестых, представляется необходимым отметить отсутствие единого кодифицированного акта (группы актов), регламентирующего единые принципы порядка производства по делам о дисциплинарных проступках (в отличие от административно-юрисдикционных производств). Это закономерно породило различные по своему содержанию нормативные подходы к реализации дисциплинарного процесса (например, порядку назначения служебной проверки, срокам ее проведения, правовому статусу участников производства и т. д.), что, по нашему мнению, выступает еще одним из оснований для возможности рассмотрения дисциплинарно-юрисдикционной деятельности в качестве самостоятельного вида юридического производства.

В-седьмых, достаточно существенные отличия между административно-юрисдикционной и дисциплинарно-юрисдикционной деятельностью прослеживаются как в самой процедуре осуществления производства, так и порядке рассмотрения соответ-

[1] Исключение составляет порядок производства по материалам о дисциплинарных проступках, совершенных военнослужащими, регламентированный гл. 3, ст. 2331.

ствующих дел. Например, производство по делам об административных правонарушения (административное расследование) осуществляется уполномоченным должностным лицом всегда единолично, в то время как их рассмотрение может проводиться комиссионно (рассмотрение дел об административных правонарушениях комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также административными комиссиями соответствующего субъекта Российской Федерации). В свою очередь производство по делам о дисциплинарных проступках (проведение служебных проверок (расследований)) может осуществляться комиссионно, но их рассмотрение всегда осуществляется уполномоченных должностным лицом единолично.

Наконец, в-восьмых, дисциплинарно-юрисдикционная деятельность характеризуется более выраженной правовой неопределенностью. Она находит свое выражение в отсутствии должной систематизации видов дисциплинарных проступков и конкретизации взысканий, налагаемых за их совершение, что предполагает использование более широкого административного (управленческого) усмотрения при разрешении дисциплинарно-служебных (дисциплинарно-трудовых) споров.

Приведенные доводы позволяют констатировать, что в основе дисциплинарно-юрисдикционной деятельности находится отличная от административной юрисдикции система принципов, основанная на сочетании норм публичных (законодательство о прохождении государственной службы) и частных отраслей законодательства (ТК РФ, ГПК РФ); использовании внесудебного порядка рассмотрения дисциплинарных споров, регламентированного в большинстве случаев подзаконными нормативными правовыми актами (как правило приказами соответствующих органов государственной власти); упрощенном подходе к закреплению правового статуса участников такого процесса.

Изложенная позиция позволяет ввести в терминологический аппарат частно-публичной правовой доктрины понятие «дисциплинарно-юрисдикционный процесс» («дисциплинарный процесс»), содержание которого обусловливается спецификой регулируемых в рамках такой деятельности общественных отношений.

Рассматривая сущность дисциплинарно-юрисдикционной деятельности, нельзя не отметить, что она обусловливается потребностями в решении конкретных задач, которые в юриспруденции связывают с понятием функций. Термин «функция» — *function* (лат. исполнение) имеет разнообразные трактовки в различных отраслях знаний. В теории права он преимущественно отождествляется с понятием основных направлений деятельности, социальным предназначением субъекта правоотношений.

Важность исследования функций подчеркивается А. П. Шергиным, который указывает, что они «являются одной из основных характеристик административно-юрисдикционного процесса» лиц [10, с. 352], поскольку определяют предназначение процессуальной деятельности в целом, а не содержание каких-либо отдельных процессуальных действий лиц [11, с. 11]. Соглашаясь с высказанной позицией, отметим, что действующие нормативные правовые акты, регулирующие дисциплинарно-служебные отношения в сфере внутренних дел, позволяют лишь фрагментарно раскрыть предназначение дисциплинарного процесса.

Так, ч. 3 ст. 52 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ[1] и приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 закрепляют качественные критерии объективности и всесторонности служебной проверки, которые выражаются в необходимости решения ряда задач, определяющих ее социальное предназначение, а Дисциплинарный устав органов внутренних дел РФ раскрывает предназначение дисциплинарно-юрисдикционной деятельности с позиции поддержания требуемого уровня служебной дисциплины.

Анализ положений, указанных нормативных правовых актов, позволяет выделить следующие основные функции дисциплинарно-юрисдикционного процесса.

Функция юридического (дисциплинарного) преследования выступает, пожалуй, главным предназначением дисциплинарно-юрисдикционной деятельности, которая выражается в получении необходимых доказательств виновности сотрудника в инкриминируемом ему нарушении служебной дисциплины и наложении дисциплинарного взыскания как средства общей и частной превенции повторного совершения проступков. При этом следует отметить, что само по себе наказание виновного лица нецелесообразно рассматривать с позиции самоцели государства. Оно лишь выступает необходимой реакцией, требуемой для поддержания правопорядка. Игнорирование фактов нарушений служебной дисциплины, в особенности грубых или неоднократных, несомненно является существенным фактором риска, который дезорганизует деятельность органа (подразделения) внутренних дел. Важность юридического преследования выражается также и в том, что оно выступает средством прекращения служебных отношений между сотрудником органов внутренних дел и представителем нанимателя в тех случаях, когда тяжесть совершенного деяния свидетельствует о необходимости наложения взыскания в виде увольнения.

[1] 1) Факты и обстоятельства совершения сотрудником дисциплинарного проступка; 2) вина сотрудника; 3) причины и условия, способствовавшие совершению сотрудником дисциплинарного проступка; 4) характер и размер вреда, причиненного сотрудником в результате совершения дисциплинарного проступка; 5) наличие или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в органах внутренних дел.

Охранительная функция является производной от функции дисциплинарного преследования и выражается в защите интересов органа (подразделения) внутренних дел от негативных последствий деяний, нарушающих его нормальное функционирование. Сущностным предназначением охранительной функции выступает установление причин и условий совершения дисциплинарных проступков, в особенности грубых. Именно уяснение обстоятельств, послуживших первопричиной нарушения служебной дисциплины, позволяет выработать комплекс управленческих мер, направленных на предупреждение аналогичных фактов в будущем. Например, появление сотрудника органов внутренних дел на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения может свидетельствовать о наличии семейных проблем и послужить основанием для привлечения к служебной проверке психолога и пр. Представляется необходимым подчеркнуть, что основным объектом защиты выступает обеспечение непрерывного процесса готовности органа внутренних дел к выполнению возложенных на него задач, а основной целью — своевременное выявление и пресечение факторов, дезорганизующих такую деятельность, в том числе оказывающих отрицательное влияние на уровень доверия и поддержки со стороны граждан. В случаях, когда поводом для дисциплинарного производства послужило обращение физического или юридического лица (например, в связи с поведением сотрудника в быту или ненадлежащим выполнением им своих служебных обязанностей), дополнительным объектом защиты могут выступать права, свободы и законные интересы граждан, нарушенные неправомерными действиями (бездействием) лица, привлекаемого к дисциплинарной ответственности.

Регулятивная функция дисциплинарно-юрисдикционной деятельности выражается в использовании ее результатов (выводов и предложений, полученных по результатам служебной проверки) для совершенствования оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, например, издания локальных нормативных правовых актов управления или дополнения должностных регламентов сотрудников путем установления субъективных прав и возложения юридических обязанностей. Например, выявление факта управления служебным транспортным средством сотрудником, не имеющим при себе водительского удостоверения, закономерно порождает вопрос о возложении на конкретное должностное лицо органа внутренних дел обязанности проверки наличия таких документов у сотрудников, заступающих на службу.

Таким образом, в завершение представляется возможным сделать вывод о том, что в настоящее время не сложилось единого подхода относительно понятия и содержания дисциплинарно-юрисдикционного процесса. Так, ряд ученых рассматривает дисциплинарный процесс в виде совокупности производств и отождествляет его с административно-процессуальной деятельностью лиц [12, с. 20–28; 13, с. 611; 14, с. 29; 15, с. 35; 16, с. 493], осуществляемой в сфере государственного управления и рассмотрения судебных дел, возникающих из административных правоотношений лиц [17, с. 14]. В свою очередь, вторая точка зрения, к числу сторонников которой относится и автор, учитывает все многообразие дисциплинарных отношений и источников их регулирования, включающих нормы как публичных, так и частных отраслей права. В связи с этим полагаем, что дисциплинарный процесс выступает разновидностью юрисдикционной деятельности, включающей процедуры разрешения дисциплинарных споров не только в сфере государственно-служебных, но и трудовых отношений, а также наложения, исполнения и обжалования дисциплинарных взысканий. Его следует рассматривать не только сквозь призму внутриорганизационной или внешненаправленной деятельности органов публичной администрации и суда, но и в качестве самостоятельного вида производств, возбуждаемых по фактам нарушения дисциплинарных предписаний, в рамках которых в отношении виновных лиц могут применяться взыскания, а также налагаться иные запреты и ограничения, морального и имущественного характера

Список источников

1. Шергин А. П. Административная юрисдикция // Советское государство и право. 1976. № 6. С. 11–19.
2. Бахрах Д. Н. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 10–11.
3. Коренев А. П. Административное право России: учеб.: в 3 ч. М. : Щит-М, 1999. Ч. I.
4. Якимов А. Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации: моногр. М. : Проспект, 1999.
5. Административно-процессуальное право: курс лекций / под ред. И. Ш. Килясханова. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2004.
6. Кононов П. И. Административный процесс в России: проблемы теории и законодательного регулирования. Киров, 2001.
7. Козлов Ю. М., Попов Л. Л. Административное право. М. : Юристъ, 2001.
8. Панова И. В. Административно-процессуальное право России. М. : Норма: Инфра-М, 2012.
9. Головко В. В. Административно-юрисдикционная деятельность: вопросы понятия и содержания // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 104–113.
10. Шергин А. П. Избранные научные труды /

сост. и предисл. А. С. Дугенец. М. : Юрлитинформ, 2025.
11. Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976.
12. Аврутин Ю. Е. О соотношении административного процесса, административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные вопросы публичного права. 2015. № 1 (31). С. 20–28.
13. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. М. : Эксмо, 2011.
14. Куракин А. В., Савостин А. А. Процедуры, обусловленные прохождением государственной гражданской службы Российской Федерации // Право и политика. 2004. № 8. С. 27–37.
15. Лещина Э. Л. Понятие производства по дисциплинарным делам и его место в структуре административного процесса // Административное право и процесс. 2021. № 9. С. 31–35.
16. Каплунов А. И. Развитие теории административного процесса как условие совершенствования нормативной основы административно-процессуальной деятельности // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12. С. 490–497.
17. Зеленский А. Б., Кононов П. И., Стахов А. И. Административное-процессуальное право России: учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 1 / 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020.
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 янв. 2002. № 1 (ч. I).
19. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 9 марта 2015. № 10.
20. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 8 окт. 2007. № 41.
21. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1 июня 1998. № 22.
22. Приказ Следственного комитета РФ от 24 мая 2021 г. № 77 «Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
24. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 6 мая 2025 г. № 98 «Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
25. Приказ Федеральной таможенной службы от 2 августа 2012 г. № 1557 «Об утверждении Инструкции об организации и о проведении служебной проверки в таможенных органах Российской Федерации» // Российская газета. 24 окт. 2012. № 245.

References

1. Shergin A. P. Administrative jurisdiction // The Soviet State and law. 1976. No. 6. P. 11–19.
2. Bakhakh D. N. Specialization of judges is needed, not courts // Russian justice. 2003. No. 2. P. 10–11.
3. Korenev A. P. Administrative law of Russia: textbook: in 3 parts. M. : Shield-M, 1999. Part I.
4. Yakimov A. Yu. The status of a subject of administrative jurisdiction and the problems of its implementation: a monograph. M. : Prospect, 1999.
5. Administrative procedural law: a course of lectures / edited by I. Sh. Kilyaskhanov. M. : UNITI-DANA: Law and Law. 2004.
6. Kononov P. I. Administrative process in Russia: problems of theory and legislative regulation. Kirov, 2001.
7. Kozlov Yu. M., Popov L. L. Administrative law. M. : Jurist, 2001.
8. Panova I. V. Administrative procedural law of Russia. M. : Norm: Infra-M, 2012.
9. Golovko V. V. Administrative and jurisdictional activity: issues of the concept and contents // Law enforcement. 2018. Vol. 2. No. 1. P. 104–113.
10. Shergin A. P. Selected scientific papers / compilation and preface by A. S. Dugenets. M. : Yurlitinform, 2025.
11. Motovilovker Ya. O. Basic criminal procedural functions. Yaroslavl, 1976.
12. Avrutin Yu. E. On the relationship between administrative procedure, administrative proceedings and proceedings on administrative offenses // Actual issues of public law. 2015. No. 1 (31). P. 20–28.
13. Bakhrakh D. N. Administrative law of Russia: textbook. M. : Eksmo, 2011.
14. Kurakin A. V., Savostin A. A. Procedures caused by the passage of the state civil service of the Russian Federation // Law and Politics. 2004. No. 8. P. 27–37.

15. Leshchina E. L. The concept of disciplinary proceedings and its place in the structure of the administrative process // Administrative law and process. 2021. No. 9. P. 31–35.
16. Kaplunov A. I. The development of the theory of administrative process as a condition for improving the regulatory framework of administrative procedural activities // Penal Enforcement law. 2017. Vol. 12. P. 490–497.
17. Zelensky A. B., Kononov P. I., Stakhov A. I. Administrative procedural law of Russia: textbook for universities. In 2 parts. P. 1 / 2nd edition, revised and expanded. M. : Yurait, 2020.
18. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. January 7, 2002. No. 1 (Part I).
19. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. March 9, 2015. No. 10.
20. Federal Law «On Enforcement Proceedings» dated October 2, 2007 No. 229-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. October 8, 2007. No. 41.
21. Federal Law No. 76-FZ of May 27, 1998 «On the status of military personnel» // Collection of Legislation of the Russian Federation. June 1, 1998. No. 22.
22. Order of the Investigative Committee of the Russian Federation dated May 24, 2021 No. 77 «On approval of the Procedure for conducting official inspections in the Investigative Committee of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
23. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 26, 2013 No. 161 «On approval of the Procedure for conducting an internal audit in the bodies, organizations and divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
24. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated May 6, 2025 No. 98 «On Approval of the Procedure for conducting official inspections in institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
25. Order of the Federal Customs Service dated August 2, 2012 No. 1557 «On Approval of the Instructions on the Organization and on conducting an internal audit in the customs authorities of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. October 24, 2012. No. 245.

Информация об авторе

В. В. Журавлев — начальник кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Zhuravlev — Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 12.01.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 343.851
EDN: https://elibrary.ru/XIRQLI
NIION: 2007-0083-1/26-769
MOSURED: 77/27-005-2026-01-969

Предупреждение и профилактика терроризма сотрудниками органов внутренних дел в России

Александра Михайловна Зарина[1], Татьяна Сергеевна Бессонова[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com
[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
[2] МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Россия, bessonowatatiana@yandex.ru

Аннотация. На протяжении многих лет основной угрозой национальной безопасности в мире является терроризм. Поэтому необходимо предпринять меры для борьбы с преступной деятельностью и устранения причин, которые ее порождают. Органы внутренних дел решают разные задачи, одной из которых выступает предупреждение и профилактика террористических актов. В качестве основных направлений борьбы с указанным негативным явлением выступают: пропаганда антитеррористической деятельности; противодействие финансированию терроризма и разобщение неформальных образований террористического и экстремистского характера; международное сотрудничество; миграционный контроль; системная организации оперативной работы; пресечение деятельности сайтов экстремистского и террористического характера.

Ключевые слова: предупреждение, профилактика, терроризм, террористический акт, полиция, органы внутренних дел, экстремизм

Для цитирования: Зарина А. М., Бессонова Т. С. Предупреждение и профилактика терроризма сотрудниками органов внутренних дел в России // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 90–96. EDN: XIRQLI.

Original article

Prevention and prevention of terrorism by law enforcement officers in Russia

Alexandra M. Zarina[1], Tatiana S. Bessonova[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com
[1] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
[2] MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russia, bessonowatatiana@yandex.ru

Abstract. For many years, terrorism has been the main threat to national security in the world. Therefore, it is necessary to take measures to combat criminal activity and eliminate the causes that give rise to it. The internal affairs bodies solve various tasks, one of which is the prevention and prevention of terrorist acts. The main directions of combating this negative phenomenon are: propaganda of anti-terrorist activities; countering the financing of terrorism and the separation of informal formations of a terrorist and extremist nature.; international cooperation; migration control; systematic organization of operational work; suppression of extremist and terrorist websites.

Keywords: prevention, prevention, terrorism, terrorist act, police, law enforcement agencies, extremism

For citation: Zarina A. M., Bessonova T. S. Prevention and prevention of terrorism by law enforcement officers in Russia. Criminological Journal. 2026;(1):90–96. (In Russ.). EDN: XIRQLI.

© Зарина А. М., Бессонова Т. С., 2026

Вопрос предотвращения террористических преступлений возникает каждые десятилетия и остается одним из наиболее актуальных. Ни одному государству не удалось полностью устранить это социально негативное явление, несмотря на борьбу с терроризмом, проводимую каждой страной мира. Государство активно стремится бороться с терроризмом на современном этапе общественных отношений в Российской Федерации. В этой связи, осуществляется определение и криминализация преступных деяний. Однако, чтобы эта политика стала реальностью, необходимо наличие системного, структурного правового основания, которое включает в себя нормативные акты разных уровней.

Сегодня органы внутренних дел активно работают над тем, чтобы искоренить терроризм в современном мире. Под этим подразумевается осуществление действий, направленных на выявление условий и причин, вызывающих терроризм. Например, для обеспечения защиты потенциальных целей террористических атак могут быть применены антитеррористические методы и технологии. Инженерные и технические средства, физическая защита или разработка комплекса антитеррористических мер являются способами защиты, которые используются в рамках этой борьбы [11, с. 10].

В качестве основных направлений профилактики террористической деятельности, которые внедрены в повседневную практику деятельности государственных органов по противодействию терроризма выступают: совершенствование законодательной базы, регламентирующей антитеррористические мероприятия; исследование психологического портрета личности террориста; противодействие идеологии терроризма и экстремизма; совершенствование механизма взаимодействия государственных и религиозных организаций [4].

Беседы с молодежью, которая подвержена радикальному исламу и террористическим организациям, проводятся в рамках комплекса мер для профилактики терроризма. Контроль и удаление сайтов с призывами и оправданием террористической и экстремистской деятельности в Интернете являются важными шагами для предотвращения информационного терроризма. Недостаток контроля в Интернете позволяет террористам развернуть психологическую войну, распространяя панику и страх среди населения и создавая обстановку беспомощности. Проведение этих мер поможет в борьбе с терроризмом.

Одинокие террористы редко совершают акты насилия, ими руководят «террористические лидеры». Чтобы предотвратить террористические преступления, одним из эффективных методов является устранение лидеров террористических организаций. Это связано с тем, что эти лидеры играют ключевую роль в этих организациях, являясь образованными и обладающими харизмой. Они являются основным связующим звеном между обычными террористами.

Враждебно настроенные личности, не имеющие лидеров, не способны организовывать и осуществлять сложные террористические акты. Подобного рода мероприятия требуют тщательной подготовки, организации планирования и координации направленности действий. В случае ликвидации лидеров террористических ячеек падает престиж самой террористической идеологии. В таких организациях главную роль играет пропаганда, и именно лидеры инициируют ее распространение.

Тщательное скрывание лидерами террористических организаций субъектов преступлений делает ликвидацию этих лидеров наиболее сложным способом борьбы с терроризмом. В данном случае, проведение спецопераций для ликвидации главарей террористических формирований является единственным возможным способом их устранения. Однако следует отметить, что это сложная задача.

В террористической деятельности используются как легальные, так и нелегальные источники финансирования. Одним из условий существования терроризма является скрытность. При использовании легальных источников финансирования террористы реализуют такие методы как учреждение различного вида организаций; поступление членских взносов с участников; издание литературы и создание сайтов террористического и экстремистского характера; прибыль от рекламы продукции; реализация культурно-массовых мероприятий; благотворительная деятельность и др.

Лица, входящие в террористические образования, злоупотребляя доверием людей, просят направить их денежные средства на законную деятельность, однако финансы поступают на счета террористических организаций. Интересным является феномен «фасадных компаний», в результате деятельности которых прибыль полученная законным путем смешивается с преступными доходами.

Особый интерес у террористических организаций вызывает благотворительная деятельность и иные организации некоммерческого характера [6, с. 44].

Для успешной борьбы с проблемами, связанными с предотвращением терроризма, непременно следует осуществить устранение экономической основы финансирования террористов. Реализация данного этапа возможна только при полном перекрытии каналов финансирования, что в дальнейшем отвечает реализации целей антитеррористической деятельности в России. Устранение незаконных финансовых потоков влечет

сокращение помощи террористическим образованиям, а также их ослабление.

В. И. Василенко придерживается мнения о том, что при полном прекращении финансирования террористической деятельности оплата труда боевиков будет прекращена за отсутствием денег; невозможно будет купить оружие, взрывные устройства, патроны и иные средства обеспечения их деятельности; ликвидируются центры специальной подготовки террористов.

Политические, социально-экономические и правовые меры необходимо рассматривать в качестве общих мер предупреждения терроризма [13, с. 88].

В качестве мер по противодействию финансированию терроризма следует отметить повышение требований к деятельности юридических лиц. Особое внимание важно уделить операциям по слиянию и поглощению корпораций; работе коммерческих организаций и туризму; российских организаций, ведущих свою деятельность за рубежом.

Следует обратить внимание на международное сотрудничество правоохранительных органов Российской Федерации с зарубежными странами, закрыв тем самым каналы финансирования терроризма [6, с. 46, 48].

Осуществление международного сотрудничества в борьбе с терроризмом является политической мерой реагирования на указанный вид преступности, что должно повлечь за собой разрешение социальных конфликтов в обществе, снижение уровня социально-политической напряженности.

К социально-экономическим мерам относят следующие цели:

- равномерное развитие регионов Российской Федерации и восстановление экономической стабильности;
- устранение массовой маргинализации и сокращение разделения общества по социальным и имущественным критериям;
- гарантирование социальной защиты и благополучия граждан.

В борьбе с терроризмом применяются правовые меры предотвращения, такие как:

- гарантирование наказания за террористические преступления и незаконный оборот опасных предметов, включая оружие, взрывчатые вещества, наркотики, психотропные вещества, радиоактивные материалы, опасные биологические вещества и химические реагенты, а также финансирование терроризма;
- контроль миграционных процессов.

В своей деятельности преступники пытаются обосновать деятельность террористической организации лженациональными основами или псевдорелигиозными взглядами. Терроризм направлен на подрыв государственной власти. На сегодняшний день Ближний Восток стал точкой пересечения военных сил СССР и США [6, с. 7].

В целях противодействия террористической деятельности религиозной направленности, правоохранительные органы должны систематически проводить ознакомительную работу с участием специалистов в сфере религиоведения, юристов, работников средств массовой информации и др.

При обмане преступниками людей одной религии и осуществлении призывов совершения терроризма и вовлечения в террористическую деятельность, необходимо публично озвучивать истинные цели террористов. Важно в средствах массовой информации распространить информацию о корыстном характере данной криминальной деятельности.

Пристального внимания требуют молодежные организации, воспитанники которых в силу возраста могут быть наиболее подвержены радикальным взглядам. В данной возрастной группе населения важно проводить разъяснительные беседы о негативном влиянии терроризма на общество. Профилактическая деятельность среди молодежи должна осуществляться с учетом знаний психологических особенностей указанной группы населения [9, с. 92–93; 6, с. 102–103].

Для предотвращения терроризма применяются специальные меры, которые учитывают особенности и характер его проявления, а также социальную среду, в которой он развивается. Они включают в себя предупредительные и пресекательные действия, которые определяются целями, средствами и способами борьбы с терроризмом.

Недопущение, профилактика и предотвращение террористической деятельности достигаются путем применения мер информационного, психологического, правового и организационного характера [2, с. 88].

По мнению А. В. Богданова и Е. Н. Хазова, борьба с терроризмом является важным направлением деятельности полиции, где особую роль играет оперативно-розыскная деятельность, в которой фокусируются многие проблемы социально-экономического и территориального развития, изъяны в работе государственных институтов, проблемы в культурной и образовательной политике, зачастую приводящие к искаженному пониманию истинных причин международного и религиозного противостояния, укреплению идеи противодействия терроризму и нетерпимости по отношению к нему [3, с. 153].

Сотрудники оперативно-розыскных аппаратов реализуют деятельность по борьбе с терроризмом, которая проводится совместно со службами ФСБ России и внешней разведки посредством проведения специальных мероприятий на основе Федерального закона «Об

оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ [8, с. 20].

К обязанностям сотрудников уголовного розыска относятся следующие:

- анализ информации о деятельности религиозных организаций;
- проведение опроса лиц без определенного места жительства, иностранных лиц, находящихся на территории Российской Федерации без регистрации для дальнейшей оперативной работы;
- проведение оперативной работы в этнических группах, имеющих отношение к преступной деятельности, которые могут заниматься террористической деятельностью;
- осуществление оперативно-розыскных мероприятий в радикальных исламских организациях, которые готовят молодежь для направления на обучение за рубеж в террористических подразделениях;
- проводят поисковые мероприятия по месту жительства обучающихся студентов из стран радикального ислама;
- проведение опросов, осмотров мест происшествия, осуществление наблюдения в отношении лиц, имеющих отношение к преступным сообществам в общественных местах: кафе, ресторанах, барах, саунах, гостиницах, магазинах, рынках, вокзалах и т. д.;
- сбор и изучение информации о лицах, имеющих склонность к совершению преступлений экстремистского и террористического характера;
- проведение проверки сайтов в сети Интернет, а также оперативно-розыскных мероприятий в киберпространстве и посредством телефонии;
- взаимодействие с Федеральной службой безопасности РФ и внешней разведкой об обмене информацией лицах, которые въезжают в Россию и имеют отношение к террористической деятельности;
- пресечение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, оружия, патронов к нему, взрывчатых устройств;
- выявление и работа с лицами, ранее судимыми за преступления террористического и экстремистского характера;
- выявление и привлечение ответственности лиц, входящих в организованные преступные группы, связанные с терроризмом, незаконной торговлей оружием и взрывчатыми устройствами, наркотиками и т. д.;
- пресечение незаконной деятельности по финансированию преступных сообществ, занимающихся деятельностью экстремисткой и террористической направленности [1, с. 37–38].

Работы оперативного аппарата органов внутренних дел должна носить систематический, целенаправленный характер, в противном случае сотрудники могут столкнутся с проблемой отсутствия необходимой информации, представляющей оперативный интерес. Интересным на сегодняшний день является скоростной обмен информацией посредством электронного взаимодействия оперативных служб. Только в этом случае возможна плодотворная работа на опережение посредством анализа сложившейся оперативной обстановки в преступной террористической среде и дальнейшее планирование деятельности по установлению, выявлению и задержанию глав и членов террористических и экстремистских сообществ.

В качестве положительного примера следует отметить деятельность Интерпола в проекте «Капкан», в ходе реализации которого происходит международный розыск террористов, а также вырабатываются методы работы по оперативному реагированию на изменяющуюся обстановку органов внутренних дел. Актуальным на сегодняшний день предложением является проработка нормативных правовых актов на международном уровне с учетом применения террористам высоких технологий и искусственного интеллекта посредством мониторинга киберпространства.

Следует отметить положительную тенденцию в работе европейских и международных правоохранительных органов в борьбе с терроризмом при объединении их в такие организации как Европол и Евроюст.

Однако, преступный мир не стоит на месте и радикальные исламские организации выходят на новый уровень развития террористической деятельности. К сожалению, криминальные организации достаточно быстро подстраиваются под изменяющиеся условия.

Определенные трудности возникают в предотвращении преступной деятельности террористов-одиночек, деятельность которых бывает достаточно сложно остановить в силу их обособленности и самостоятельности [10, с. 40–47].

Основной формой пресечения террористического акта является контртеррористическая операция, которая предусматривает реализацию комплекса специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности граждан, организаций и учреждений, а также по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма [5, с. 67].

Большой вклад в борьбу с терроризмом вносят подразделения полиции по охране общественного порядка такие как: патрульно-постовая служба, го-

сударственная автомобильная инспекция, линейные подразделения полиции на транспорте и подразделение участковых уполномоченных. В местах массового скопления людей необходимо привлекать посты патрульно-постовой службы, увеличить количество человек в данном подразделении. Особую роль в обеспечении режима антитеррористической защищенности играют камеры видеонаблюдения. Например, система «Безопасный город», «Паутина» и т. д. В зданиях массового пребывания людей (например, билетные кассы, холлы вокзалов) устанавливаются стационарные рамки-металлодетекторы.

При проведении рейдов сотрудники ГАИ в рамках беседы с лицами должны осматривать автомобили на предмет наличия в них взрывных устройств и оружия. Действия такого рода носят предупредительный характер. Руководство ГАИ с определенной периодичностью проводят операцию «Противодействие терроризму», целью которой является изъятие неучтенного оружия, взрывных устройств и веществ, боеприпасов в рамках противодействия незаконной деятельности.

Особое внимание органами внутренних дел уделяется предотвращению терроризма на транспорте, который влечет за собой тяжкие последствия, сопряженные с массовой гибелью людей. В связи со специфическими чертами терроризма на транспорте, такими как: применение террористами взрывных устройств, захват заложников и готовность террористов принести в жертву своим идеям не только других людей, но и самих себя, — антитеррористические меры на транспорте, применяемые сотрудниками органов внутренних дел, направлены на профилактику «бомбового» терроризма, противодействие захвату заложников, предотвращение суицидального терроризма [12, с. 31–34].

Изложенное выше требует широкой антитеррористической мобилизации: диалога силовых структур и гражданского общества в общенациональном, региональном, глобальном контексте.

Острота существующих угроз диктует необходимость объединения усилий всех без исключения государств и мировой общественности для реализации адекватных мер противодействия терроризму. Необходимо исследовать и бороться с причинами, источниками террора и его идеологии.

В мире запущена масса микропроцессов, которые подпитывают терроризм, а он лишь меняет свои внешние формы и лозунги. Террористам создана неплохая реклама, которая благодаря Всемирной паутине распространяется по планете неукротимыми темпами.

Для того, чтобы эффективно бороться с экономической составляющей терроризма, необходимо установить источники финансирования террористов, среди которых можно выделить внутригосударственные (на примере России), а также международные [3, с. 150–156].

Помимо этого, можно говорить о такой составляющей деятельности, как выявление, регистрация и передача в Министерство юстиции материалов экстремисткой и террористической направленности в целях дальнейшего их занесения в перечень запрещенных. Вместе с тем, верным будет упомянуть деятельность оперативных подразделений в сети Интернет, по выявлению фактов распространения экстремистских материалов.

Сложность в данном направлении заключается в том, что на данный момент полностью и всесторонне охватить весь сектор российского интернет-пространства не представляется возможным по ряду объективных причин (нехватка кадров, оборудования, материального обеспечения) [7, с. 80].

Для достижения наилучших результатов в предотвращении террористических преступлений, все без исключения методы, направленные на защиту людей и объектов, предпочтительно применять организационно-технические приемы, планируя их внимательно и рационально и используя существующие и новые научно-технические разработки. Поэтому необходимо заранее определить объекты, которые могут подвергнуться актам терроризма, усилить охрану на таких объектах и наладить систему информирования специальных служб и населения, чтобы избежать паники и жертв.

Таким образом, для повышения оперативности при реагировании на потенциальную террористическую угрозу, рекомендуется улучшать практику взаимодействия и координирования деятельности со спецслужбами других заинтересованных государств. Особое внимание следует уделить накоплению и анализу информации о террористических организациях, а также совместным действиям по противодействию их дестабилизирующей деятельности. Этот подход позволит повысить эффективность в борьбе с угрозами.

Список источников

1. Артюшина О. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений террористического характера: науч.-практ. пособие. Казань : Казанский юридический институт МВД России, 2009.
2. Батчаева А. А. К вопросу о законодательном определении понятия «терроризм» // Право и практика. 2018. № 4. С. 86–92.
3. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления противодействия экстремизму и терроризму оперативными подразделениями органов внутренних дел в современной России //

Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 150–156.
4. Выступление председателя Национального антитеррористического комитета, директора ФСБ России А. В. Бортникова на открытии совместного заседания НАК и ФОШ // URL: http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/vystuplenie-predsedatelya-nacionalnogo-0.html
5. Дашкова С. В. Угрозы и вызовы современного терроризма: учебное пособие. Волгоград : Волгоградский государственный технический университет, 2017.
6. Ильяшенко А. Н., Маслов А. В., Игнатов Е. А. Совершенствование деятельности органов внутренних дел по борьбе с терроризмом на территории Центрального федерального округа Российской Федерации. М. : Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, 2007.
7. Лисицын А. Г. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1 (86). С. 77–82.
8. Михайлов Б. П. и др. Особенности противодействия киберпреступности подразделениями уголовного розыска: учебно-методическое пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
9. Петрищев В. Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право. 1998. № 3. С. 92–93.
10. Землин А. И., Землина О. М., Козлов В. В., Холиков И. В. Правовые и организационные аспекты обеспечения противодействия терроризму на транспорте: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.
11. Кафтан В. В. Противодействие терроризму: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2025.
12. Рябченко А. Г., Тхаровская О. Ю. Роль подразделений полиции в реализации антитеррористической функции государства // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 2 (63). С. 31–34.
13. Хупсергенов Х. М. Актуальные вопросы расследования преступлений террористической направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 87–89.

References

1. Artyushina O. V. Criminological characteristics and prevention of terrorist crimes: a scientific and practical guide. Kazan : Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009.
2. Batchaeva A. A. On the issue of the legislative definition of the concept of «terrorism» // Law and Practice. 2018. No. 4. P. 86–92.
3. Bogdanov A. V., Khazov E. N. The main directions of countering extremism and terrorism by operational units of internal affairs bodies in modern Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4. P. 150–156.
4. Speech by Chairman of the National Antiterrorist Committee, Director of the FSS of Russia A. V. Bortnikov of the opening of a joint meeting of the National Antiterrorist Committee and the Federal Operational Headquarters // URL: http://nac.gov.ru/publikacii/vystupleniya-i-intervyu/vystuplenie-predsedatelya-nacionalnogo-0.html
5. Dashkova S. V. Threats and challenges of modern terrorism: a textbook. Volgograd : Volgograd State Technical University, 2017.
6. Ilyashenko A. N., Maslov A. V., Ignatov E. A. Improving the activities of internal affairs bodies to combat terrorism in the Central Federal District of the Russian Federation. M. : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007.
7. Lisitsyn A. G. Some aspects of the activities of internal affairs bodies to counter extremism // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2021. No. 1 (86). P. 77–82.
8. Mikhailov B. P. et al. Features of countering cybercrime by criminal investigation units: an educational and methodological guide. M. : UNITY-DANA, 2017.
9. Petrishchev V. E. Legal and socio-political problems of combating terrorism // State and Law. 1998. No. 3. P. 92–93.
10. Zemlin A. I., Zemlina O. M., Kozlov V. V., Holikov I. V. Legal and organizational aspects of countering terrorism in transport: textbook for universities. 2nd ed., revised and additional. M. : Yurait, 2025.
11. Kaftan V. V. Countering terrorism: a textbook for universities. 2nd edition, revised and supplemented. M. : Yurait, 2025.
12. Ryabchenko A. G., Tharovskaya O. Y. The role of police units in the implementation of the anti-terrorist function of the state // Lawyer-Jurist. 2014. No. 2 (63). P. 31–34.
13. Khupsergenov H. M. Actual issues of investigation of terrorist crimes // Gaps in Russian legislation. 2019. No. 3. P. 87–89.

Информация об авторах

А. М. Зарина — доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Т. С. Бессонова — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Института технологий управления МИРЭА — Российского технологического университета, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Zarina — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. S. Bessonova — Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Institute of Management Technologies of the MIREA — Russian Technological University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025; одобрена после рецензирования 12.08.2025; принята к публикации 19.08.2025.

The article was submitted 05.08.2025; approved after reviewing 12.08.2025; accepted for publication 19.08.2025.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/IZOGOA
NIION: 2007-0083-1/26-770
MOSURED: 77/27-005-2026-01-970

Сравнительно-правовой анализ уголовно-исполнительного законодательства России и республики Узбекистана

Игорь Владимирович Калашников
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kalashnikov.major.ru@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с сравнительно-правовым анализом уголовно-исполнительного законодательства России и республики Узбекистан. Обсуждение вопроса развития международного сотрудничества научных и образовательных организаций МВД России и МВД Республики Узбекистан. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и республики Узбекистан. Общие положения уголовно-исполнительного законодательства. Цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства. Принципы уголовно-исполнительного законодательства. Система учреждений и органов, исполняющих наказания.

Ключевые слова: научное сотрудничество, исследовательская деятельность, повышение эффективности, международное сотрудничество, уголовно-исполнительное законодательства, учреждения и органы, исполняющие наказания

Для цитирования: Калашников И. В. Сравнительно-правовой анализ уголовно-исполнительного законодательства России и республики Узбекистана // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 97–102. EDN: IZOGOA.

Original article

Comparative legal analysis of the criminal executive legislation of Russia and the Republic of Uzbekistan

Igor V. Kalashnikov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kalashnikov.major.ru@mail.ru

Abstract. The issues related to the comparative legal analysis of the penal enforcement legislation of Russia and the Republic of Uzbekistan are considered. Discussion of the development of international cooperation between scientific and educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan. General provisions of penal enforcement legislation. Goals and objectives of penal enforcement legislation. Principles of penal enforcement legislation. The system of institutions and bodies executing punishments.

Keywords: scientific cooperation, research activities, increasing efficiency, international cooperation, penal legislation, institutions and bodies executing punishments

For citation: Kalashnikov I. V. Comparative legal analysis of the criminal executive legislation of Russia and the Republic of Uzbekistan. Criminological Journal. 2026;(1):97–102. EDN: IZOGOA.

© Калашников И. В., 2026

В целях развития научного сотрудничества и в рамках исследовательской деятельности повышения эффективности правоохранительных органов в борьбе с преступностью и обеспечением общественной безопасности с 16 по 19 ноября 2025 г. состоялся II международный форум по теме: «Передовой опыт мировой криминологии» в Республике Узбекистан г. Самарканде. В работе Форума приняли участие более 10 стран: (Болгария; Белоруссия; Венгрия; Индия; Казахстан; Катар; Китай; Россия; Таджикистан; Турция и др., а также представители управления ООН по средней Азии). Представителями-участниками делегаций обсуждены вопросы развития международного сотрудничества научных и образовательных организаций МВД России и МВД Республики Узбекистан. В составе делегации МВД России от Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя принял участие начальник кафедры криминологии кандидат юридических наук, доцент Калашников Игорь Владимирович, выступив с научным докладом по теме: «Системный подход в изучении предупреждения современной преступности». В своем докладе рассмотрел: преступность, систему, структуру преступлений для лиц определенного возраста, обладающих такими свойствами как: социальная и правовая природа, обусловленная общественными отношениями и уголовным законодательством; историческую изменчивость, выражающуюся в динамике преступности со временем; негативностью как явного зла для общества; и системного характера, показывающий взаимосвязь преступлений и других явлений и ее характеристик в системном подходе в противодействии ей между преступностью и обществом, так и о тесных взаимосвязях преступности в сфере информационных технологий [1, с. 101].

В рамках работы кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, по всем учебным дисциплинам реализуется учебная дисциплина, уголовно исполнительное право. В связи с этим появилась потребность в проведении сравнительно-правового анализа уголовно-исполнительного законодательства России и республики Узбекистан.

Уголовно-исполнительное законодательство является важным инструментом реализации уголовной политики государства, направленным на исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами, а также на обеспечение исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Глобализация и интеграционные процессы обусловливают необходимость сравнительного анализа законодательства различных стран, в том числе России и республики Узбекистана, с целью выявления общих черт, различий и возможностей для заимствования позитивного опыта.

Общие положения уголовно-исполнительного законодательства.

Цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и Республики Узбекистан имеет схожие цели и задачи. В обоих государствах оно направлено на:

- исправление осужденных — формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, стимулирование их правопослушного поведения;
- предупреждение совершения новых преступлений — предотвращение совершения, как осужденными, так и иными лицами преступлений;
- обеспечение исполнения наказаний — гарантирование неотвратимости исполнения вступивших в законную силу приговоров судов;
- охрана прав, свобод и законных интересов осужденных — обеспечение соблюдения прав и законных интересов осужденных в процессе отбывания наказания.

В отличие от уголовно-исполнительного кодекса Узбекистана, Российский уголовно-исполнительный кодекс предусматривает в качестве одной из задач оказание осужденным помощи в социальной адаптации

А исправление осужденных по Узбекскому уголовно-исполнительному кодексу относится не к цели как в России, а к задачам уголовно-исполнительного законодательства.

В уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации[1].

Ст. 1 УИК РФ [2, ст. 1] определяет цели уголовно-исполнительного законодательства как исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами, а также задачами являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана прав, законных интересов осужденных и оказание им помощи в социальной адаптации.

В Уголовно-исполнительном кодексе республики Узбекистан[2].

Ст. 3 УИК РУ [3, ст. 3] определяет цели и задачи аналогично, акцентируя внимание на исправлении осужденных, предупреждении преступлений, регулировании исполнения наказаний, определении средств

[1] УИК РФ.
[2] УИК РУ

исправления, охране прав и интересов осужденных, а также их ресоциализации.

Несмотря на общую направленность, в законодательстве двух стран имеются некоторые различия в формулировках целей и задач. Например, в Российском уголовно-исполнительном законодательстве акцент делается на ресоциализацию осужденных, т. е. на восстановление их социальных связей и возвращение в общество полноценными его членами.

В Узбекистане большее внимание уделяется воспитательной работе с осужденными и формированию у них нравственных ценностей.

В целом, цели и задачи в обоих кодексах очень схожи, отражая общее понимание уголовно-исполнительной политики.

Принципы уголовно-исполнительного законодательства.

Принципы уголовно-исполнительного законодательства являются основополагающими идеями, определяющими содержание и направленность правового регулирования исполнения наказаний. В России и Узбекистане к основным принципам относятся:

Законность — исполнение наказаний осуществляется в строгом соответствии с законом.

Гуманизм — недопустимость применения пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными.

Равенство осужденных перед законом — независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и социального положения, вероисповедания.

Индивидуализация исполнения наказаний — учет личности осужденного, характера и степени общественной опасности совершенного им преступления, его поведения во время отбывания наказания.

Соединение наказания с исправительным воздействием — обеспечение комплексного воздействия на осужденного с целью его исправления.

Вместе с тем, в законодательстве Узбекистана особое внимание уделяется принципу социальной справедливости, который предполагает обеспечение равных возможностей для осужденных в процессе исправления и ресоциализации.

Система учреждений и органов, исполняющих наказания.

В России и Узбекистане система учреждений, исполняющих наказания, имеет многоуровневую структуру, включающую в себя:

Исправительные колонии (ИК) — основной вид учреждений для отбывания наказания в виде лишения свободы. В обоих государствах существуют ИК различных видов режима: общего, строгого, особого, а также колонии-поселения.

Тюрьмы — учреждения для отбывания части срока лишения свободы осужденными к пожизненному лишению свободы, а также злостными нарушителями режима содержания в ИК. [4, с. 153].

Воспитательные колонии (ВК) — учреждения для содержания несовершеннолетних осужденных.

Уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) — органы, исполняющие наказания, не связанные с лишением свободы (обязательные, исправительные, работы, ограничение свободы и др.).

В Узбекистане, в отличие от России, существуют также специализированные лечебно-профилактические учреждения для принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией.

Органы, осуществляющие управление учреждениями, исполняющими наказания

В России управление учреждениями, исполняющими наказания, осуществляет Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России), которая является федеральным органом исполнительной власти.

В Узбекистане аналогичные функции выполняет Главное управление исполнения наказания (ГУИН) Министерства внутренних дел Республики Узбекистан.

Оба органа осуществляют координацию деятельности учреждений, исполняющих наказания, контролируют соблюдение законности и прав осужденных, разрабатывают и реализуют программы по ресоциализации осужденных.

Правовое положение осужденных.

Права и обязанности осужденных.

Осужденные в России и Узбекистане обладают определенными правами и обязанностями, закрепленными в уголовно-исполнительном законодательстве. К основным правам осужденных относятся:

- право на личную безопасность;
- право на получение информации о своих правах и обязанностях;
- право на медицинскую помощь;
- право на образование;
- право на переписку, телефонные разговоры и свидания;
- право на обращение с жалобами и заявлениями.

К основным обязанностям осужденных относятся:

соблюдение и выполнение установленного порядка отбывания наказания;

- исполнение законных требований администрации учреждения, исправительного учреждения;
- на вежливое общение с персоналом и другими осужденными;

- поддержание чистоты и порядка в местах отбывания наказания;
- участие в трудовой деятельности.

УИК РФ: Глава 2 УИК РФ подробно регламентирует права и обязанности осужденных, включая право на личную безопасность, получение информации, переписку, телефонные разговоры, свидания, медицинскую помощь и образование. Включают соблюдение установленного порядка обязанности отбывания наказания, выполнение законных требований администрации учреждения и участие в исправлении осужденных отбывающих наказания.

УИК РУ: Глава 3 УИК РУ также подробно регламентирует права и обязанности осужденных, аналогичные российским, с акцентом на соблюдение распорядка, участие в труде, учебе и воспитательных мероприятиях.

Детальный перечень прав и обязанностей в обоих кодексах довольно схож. Могут быть нюансы в процедурах реализации этих прав, определяемых подзаконными актами и инструкциями. Вариации могут быть связаны с этнокультурными особенностями.

Вместе с тем, законодательство Узбекистана, в отличие от Российского, содержит более детальную регламентацию прав осужденных на свободу вероисповедания и отправление религиозных обрядов.

Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным отбывающим наказания.

В рамках стимулирования правопослушного поведения и предупреждения нарушений установленного порядка к осужденным отбывающим наказания в России и Узбекистане применяются меры поощрения и взыскания.

К мерам поощрения относятся:

- благодарность;
- снятие ранее наложенного взыскания;
- разрешение проведение дополнительного свидания;
- разрешение проведение дополнительного телефонного разговора;
- предоставление к условно-досрочному освобождению;
- представление к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

К мерам взыскания относятся:

- предупреждение;
- выговор;
- дисциплинарный штраф;
- водворение в ДИЗО (дисциплинарный изолятор), ШИЗО (штрафной изолятор) или ПКТ (помещение камерного типа);
- перевод в помещение камерного типа.

Следует отметить, что в уголовно - исполнительном кодексе Узбекистана предусмотрен такой вид взыскания, как лишение права на свидание, который отсутствует в уголовно-исполнительном законодательстве России.

Исполнение отдельных видов наказаний.

Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы.

В России и Узбекистане реализуются различные виды наказаний, не связанные с лишением свободы, такие как:

- штраф;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- ограничение свободы;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Исполнение этих наказаний возлагается на уголовно-исполнительные инспекции, которые реализуют контроль за поведением осужденных и выполнением ими возложенных судом на них обязанностей.

Исполнение наказаний в виде лишения свободы.

Исполнение наказаний в виде лишения свободы в исправительных колониях, тюрьмах и воспитательных колониях осуществляется различными видами режимов. В процессе отбывания наказания осужденные привлекаются к труду, получают общее и профессиональное образование, участвуют в воспитательных мероприятиях.

В законодательстве обоих стран предусмотрены различные виды льгот для осужденных, таких как: условно-досрочному освобождению; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; перевод из одной исправительной колонии в другую.

Виды учреждений, исполняющих наказания:

УИК России: ст. 8 (УИК РФ), определяет следующие виды учреждений: исправительные колонии (общего, строгого, особого режима, воспитательные колонии для несовершеннолетних, колонии-поселения), тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения.

УИК Узбекистана: ст. 16 (УИК РУ), определяет следующие виды: колонии-поселения, воспитательные колонии, исправительные колонии (общего, строгого, особого режима), тюрьмы и специализированные лечебные учреждения [3, ст. 16].

Различие: Структура учреждений во многом совпадает.

Средства исправления осужденных:

УИК России: ст. 9 (УИК РФ), определяет основные средства исправления: установленный порядок отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего обра-

зования, профессиональное обучение и общественное воздействие [2, ст. 9].

УИК Узбекистана: ст. 8 (УИК РУ), перечисляет схожие средства исправления: установленный порядок исполнения наказания, общественно полезный труд, воспитательная работа, прохождение обучения в общеобразовательных школах и профессионально-технических училищах, а также участие общественности.

Различие: Набор средств исправления в целом идентичен, что отражает универсальный подход к ресоциализации.

Условно-досрочное освобождение (УДО):

УИК России: ст. 79 (УИК РФ), устанавливает порядок условно-досрочного освобождение, устанавливая сроки фактического отбытия наказания, необходимые для рассмотрения вопроса об УДО, в зависимости от тяжести совершенного преступного деяния, а также учитывается поведение осужденного, его отношение к труду и обучению [2, ст. 79].

УИК Узбекистана: ст. 73 (УИК РУ) также предусматривает условно-досрочного освобождение при наличии условий, схожих с российскими: примерное поведение, добросовестное отношение к труду и учебе, а также выплаченные суммы материального ущерба, причиненного преступлением [3, ст. 73].

Различие: Процедуры и критерии УДО во многом схожи.

Сравнительный анализ уголовно-исполнительного законодательства России и Узбекистана позволяет выявить как общие черты, обусловленные сходством целей и задач уголовной политики, так и различия, отражающие особенности исторического развития, правовой системы и социально-экономических условий каждого государства.

Оба государства стремятся к гуманизации уголовно-исполнительной системы, обеспечению прав и законных интересов осужденных, созданию условий для их исправления и ресоциализации. Вместе с тем, в законодательстве Узбекистана большее внимание уделяется воспитательной работе с осужденными и формированию у них нравственных ценностей, а также обеспечению социальной справедливости.

В целом, УИК РФ и УИК РУ имеют много общего, что обусловлено общими принципами уголовно-исполнительной политики. Различия могут быть связаны с особенностями организации пенитенциарной системы каждой страны, а также с культурными и экономическими факторами. Для более глубокого анализа необходимо изучать подзаконные акты и практику их применения.

Обмен опытом между Россией и Узбекистаном в рамках реализации исполнения наказаний может способствовать совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства, повышению эффективности деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, и улучшению условий содержания осужденных. В частности, российскому законодательству полезно было бы изучить опыт Узбекистана в сфере обеспечения свободы вероисповедания осужденных, а Узбекскому — практику применения альтернативных видов наказаний, не связанных с лишением свободы.

Список источников

1. Аминов И. И., Букалерова Л. А., Давитадзе М. Д., Иванцов С. В. и др. Уголовно-исполнительное право. Учебное пособие (16 изд., перераб. и доп.). М., 2025.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 7 апреля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 г. № 409-I) (с изм. и доп. по состоянию на 15 ноября 2024 г.) // СПС «КнсультантПлюс».

References

1. Aminov I. I., Bukalerova L. A., Davitadze M. D., Ivantsov S. V. and others. Penal enforcement law. The textbook (16th ed.) M., 2025.
2. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated January 8, 1997, No. 1-FZ (as amended on April 7, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
3. The Penal Enforcement Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated April 25, 1997, No. 409-I) (as amended and supplemented as of November 15, 2024) // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Калашников И. В., Калашникова Л. Н. Криминологическая характеристика и прогнозирование отдельных видов киберпреступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационном пространстве на территории Российской Федерации // Криминологический журнал . 2024. № 2
2. Смык Е. И., Калашникова Л. Н. Некоторые особенности формирования профессиональной компетентности у обучающихся образовательных организаций МВД России. В сборнике: Обеспечение прав человека в деятельности

правоохранительных органов. Сборник научных трудов. Тверь, 2025. С. 288–291.
3. Аванесов Г. А. и др. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» (9 изд., перераб. и доп.). М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2024.
4. Калашников И. В., Страунинг Ю. А., Кирюхин А. Б., Селихова О. Г., Ивасюк О. Н., Шмарион П. В. Уголовно-исполнительное право: учебное пособие. М., 2020.
5. Федоров А. В., Антонян Е. А., Джафарли В. Ф., Иванцов С. В. и др. Основы криминологии: учебное пособие (2 изд., переработ. и дополн.). М., 2023.

Bibliographic list

1. Kalashnikov I. V., Kalashnikova L. N. Criminological characteristics and forecasting of certain types of cybercrimes committed in the information and telecommunications space on the territory of the Russian Federation // Criminological Journal. 2024. No. 2.
2. Smyk E. I., Kalashnikova L. N. Some features of the formation of professional competence among students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In the collection: Ensuring human rights in the activities of law enforcement agencies. Collection of scientific papers. Tver, 2025. P. 288–291.
3. Avanesov G. A. and others. Criminology: a textbook for university students studying in the field of «Jurisprudence» (9th ed., revised). M. : UNITY-DANA, 2024.
4. Kalashnikov I. V., Strauning Yu. A., Kiryukhin A. B., Selikhova O. G., Ivasyuk O. N., Shmarion P. V. Penal enforcement law: a textbook. M., 2020.
5. Fedorov A. V., Antonyan E. A., Jafarli V. F., Ivantsov S. V. and others. Fundamentals of Criminology: a textbook (2nd ed., revised and add.). M., 2023.

Информация об авторе

И. В. Калашников — заместитель начальника кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. V. Kalashnikov — Deputy Head of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 10.12.2025.
The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 10.12.2025.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/XTHSOZ
NIION: 2007-0083-1/26-771
MOSURED: 77/27-005-2026-01-971

Муниципальные механизмы обеспечения доступности первичной медико-санитарной помощи: правовой анализ

Ашот Владимирович Камалян
Научно-исследовательский центр «Судебной экспертизы и исследований», Москва, Россия, 9262465066@mail.ru

Аннотация. Раскрыты правовые механизмы, посредством которых муниципальные образования обеспечивают территориальные, инфраструктурные и организационные условия доступности первичной медико-санитарной помощи. Показано, что нормативное содержание муниципальной компетенции формирует обязательные предпосылки для функционирования сети первичной помощи, включая территориальное планирование, регламентацию землепользования и развитие транспортной инфраструктуры. Обосновано, что согласованность муниципальных документов планирования с региональными стандартами предопределяет фактическую достижимость первичной помощи и устойчивость ее функционирования на конкретной территории.

Ключевые слова: первичная медико-санитарная помощь, доступность помощи, муниципальные полномочия, территориальное планирование, градостроительное регулирование, землепользование, санитарные нормы, транспортная инфраструктура, социальная инфраструктура, муниципальный контроль, безбарьерная среда, инженерная подготовка территории

Для цитирования: Камалян А. В. Муниципальные механизмы обеспечения доступности первичной медико-санитарной помощи: правовой анализ // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 103–107. EDN: XTHSOZ.

Original article

Municipal mechanisms for ensuring accessibility of primary health care: a legal analysis

Ashot V. Kamalyan
Scientific Research Center «Forensic Expertise and Research», Moscow, Russia, 9262465066@mail.ru

Abstract. The legal mechanisms through which municipalities provide territorial, infrastructural and organizational conditions for the availability of primary health care are disclosed. It is shown that the normative content of municipal competence forms the necessary prerequisites for the functioning of the primary care network, including territorial planning, regulation of land use and development of transport infrastructure. It is proved that the consistency of municipal planning documents with regional standards determines the actual accessibility of primary care and the sustainability of its functioning in a particular territory.

Keywords: primary health care, accessibility of care, municipal authorities, territorial planning, urban planning regulation, land use, sanitary standards, transport infrastructure, social infrastructure, municipal control, barrier-free environment, engineering preparation of the territory

For citation: Kamalyan A. V. Municipal mechanisms for ensuring accessibility of primary health care: a legal analysis. Criminological Journal. 2026;(1):103–107. (In Russ.). EDN: XTHSOZ.

© Камалян А. В., 2026

Первичная медико-санитарная помощь является базовым уровнем системы здравоохранения и обеспечивает непосредственное выполнение государственной обязанности по реализации конституционного права граждан на охрану здоровья. Конституция РФ устанавливает фундаментальный характер данной гарантии, что предполагает обязательность формирования юридических условий доступности медицинской помощи вне зависимости от места проживания гражданина.

В структуре публичной власти муниципальные образования занимают уникальную позицию, поскольку именно на муниципальной территории создаются пространственные, инфраструктурные и организационные условия, определяющие достижимость первичной помощи.

Государство закрепляет стандарты медицинской деятельности на федеральном и региональном уровнях, однако выполнение этих стандартов становится возможным лишь при наличии соответствующей муниципальной инфраструктуры, которая оформляется через нормотворчество органов местного самоуправления, территориальное планирование, регулирование землепользования, развитие транспорта и создание условий для функционирования объектов социальной сферы.

Правовое регулирование первичной помощи основывается на Федеральном законе № 323-ФЗ [1], определяющем ее содержание, формы и стандарты. Закон очерчивает роль муниципального уровня как участника, создающего условия для территориальной доступности медицинских организаций. Хотя организация деятельности медицинских учреждений относится к компетенции субъектов РФ, муниципалитеты непосредственно обеспечивают подготовку территории, инженерное оснащение, транспортную связанность и размещение объектов первичной помощи в соответствии с нормативами. Данный подход формирует специфический правовой механизм, в котором муниципальная инфраструктура становится необходимой предпосылкой функционирования медицинской сети.

Ключевым элементом муниципальных механизмов является территориальное планирование. Градостроительный кодекс РФ [2] устанавливает обязательность включения объектов здравоохранения в генеральные планы и правила землепользования и застройки. Эти документы задают распределение функциональных зон, плотность застройки, требования к инженерным сетям и доступности участков.

Первичная медико-санитарная помощь, будучи обязательным элементом социальной инфраструктуры, подлежит размещению в пределах доступности для населения. Муниципалитет определяет размеры функциональных зон, в которых возможно строительство поликлиник, врачебных амбулаторий, фельдшерско-акушерских пунктов, а также устанавливает требования к обеспеченности территории транспортными путями, объектами благоустройства и инженерными коммуникациями. Эти решения имеют юридически обязательный характер и определяют возможность субъекта РФ формировать медицинскую сеть в соответствии с федеральными нормативами.

Система нормативов, регулирующих доступность первичной помощи, включает требования санитарного законодательства, территориальных строительных регламентов и нормативов численности населения, обслуживаемого одной медицинской организацией.

Санитарные правила определяют минимальные параметры размещения медицинских организаций, включая расстояния, санитарно-защитные зоны, требования к инженерной инфраструктуре и условиям эксплуатации помещений. Муниципалитет обязан учитывать эти требования в градостроительных документах, поскольку несоответствие санитарным нормативам делает невозможным ввод медицинского объекта в эксплуатацию. Таким образом, санитарное законодательство формирует обязательный юридический ориентир для муниципального территориального планирования.

Территориальная доступность первичной помощи определяется не только наличием медицинских организаций, но и возможностью достижения их населением в нормативные сроки. Территориальные программы обязательного медицинского страхования субъектов РФ устанавливают маршрутизацию пациентов, но исполнение этих требований невозможно без участия муниципальных органов управления транспортом.

Муниципалитеты регулируют размещение остановочных пунктов, формируют маршрутную сеть, обеспечивают подъездные пути к поликлиникам и амбулаториям, определяют параметры дорожной инфраструктуры и режимы транспортного обслуживания. Эти решения принимаются в форме муниципальных нормативных актов и включаются в планы развития транспортной системы. Степень транспортной связанности оказывает прямое влияние на фактическую доступность первичной помощи, поскольку именно муниципальные дороги являются основной сетью передвижения для жителей.

Особую правовую значимость имеет обеспечение доступности первичной помощи в сельских муни-

ципальных образованиях. Федеральные нормативы предусматривают деятельность фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий как ключевых элементов первичного звена в малонаселенных районах.

Размещение таких объектов связано с необходимостью выполнения требований к инженерной инфраструктуре, санитарным условиям и доступности земельных участков. Муниципальные органы осуществляют выделение земель, оформление прав на них, подвод инженерных сетей, благоустройство территории и обеспечение круглогодичного подъезда [3, с. 86.]. Удержание медицинских работников в сельских населенных пунктах также частично коррелирует с муниципальными решениями, касающимися организации социальной инфраструктуры, обеспечения объектов служебного жилья и создания благоприятных условий для жизнедеятельности на данной территории.

Муниципальные механизмы обеспечивают доступность первичной помощи через регламентацию использования земель. Правила землепользования и застройки определяют параметры застройки в каждой территориальной зоне, включая возможность размещения объектов здравоохранения. При отсутствии соответствующей функциональной зоны строительство или реконструкция поликлиники невозможны. Таким образом, муниципальная компетенция по утверждению градостроительных регламентов является ключевым юридическим инструментом, обеспечивающим возможность размещения медицинской организации в конкретном муниципалитете.

Наряду с территориальным планированием значимым элементом является муниципальный контроль. Федеральное законодательство предоставляет муниципалитетам полномочия по контролю за использованием земель, состоянием объектов дорожной инфраструктуры и соблюдением правил благоустройства.

Эти полномочия направлены на поддержание условий функционирования медицинских организаций, включая обеспечение доступности для маломобильных групп населения, содержание прилегающих территорий и обеспечение безопасного движения транспорта. Муниципальный контроль позволяет предупреждать нарушения, препятствующие достижению доступности первичной помощи, такие как отсутствие подъездных путей, ненадлежащее содержание дорог или несоблюдение санитарных требований на прилегающих территориях [4].

Безбарьерная среда также относится к числу обязательных требований, прямо влияющих на доступность первичной помощи. Федеральные нормативы в сфере социальной защиты и градостроительства предусматривают адаптацию объектов инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями здоровья. Муниципалитет отвечает за организацию пандусов, доступных тротуаров, адаптированных пешеходных переходов и иных элементов городской среды, обеспечивающих беспрепятственный доступ к медицинским организациям. Эти меры формируют юридическую и фактическую основу равного доступа к первичной помощи.

В условиях цифровой трансформации здравоохранения усиливается роль муниципального уровня в обеспечении технической инфраструктуры для функционирования электронных сервисов первичной помощи. Федеральные акты, регулирующие развитие единого цифрового контура здравоохранения, предусматривают использование телемедицинских технологий, электронных карт и электронного документооборота.

Работоспособность этих систем зависит от наличия устойчивого интернет-соединения, функционирования точек доступа и развитой коммуникационной инфраструктуры на территории муниципалитета. Муниципальные решения о прокладке линий связи, развитии сетей передачи данных и организации цифровых объектов инфраструктуры становятся юридически значимыми элементами доступности первичной помощи, особенно в отдаленных населенных пунктах.

Неотъемлемой частью муниципальных механизмов является участие в межбюджетных отношениях. Исполнение полномочий по обеспечению условий функционирования первичной медицинской помощи требует существенных финансовых ресурсов. Бюджетный кодекс РФ предусматривает предоставление субвенций, субсидий и иных межбюджетных трансфертов, позволяющих муниципалитетам финансировать мероприятия по инженерной подготовке территорий, содержанию дорог и развитию социальной инфраструктуры. Муниципальные бюджеты утверждаются представительными органами, что придает муниципальным решениям юридическую силу и формирует финансовую основу функционирования первичного звена.

Взаимодействие муниципалитетов с региональными органами власти основано на согласовании документов территориального планирования, государственных программ и схем размещения медицинских организаций. Региональный уровень определяет структуру медицинской сети, а муниципальный обеспечивает пространственную и инженерную го-

товность территории. Этот механизм межуровневой координации закреплен в федеральном законодательстве и служит юридической предпосылкой обеспечения доступности первичной помощи.

В случае несоответствия муниципальных документов региональным нормативам возникает правовая необходимость корректировки территориального планирования для выполнения установленных стандартов.

Нормативы численности обслуживаемого населения представляют собой еще один фактор, привязанный к муниципальному регулированию. При превышении установленных нормативов возникает потребность в строительстве дополнительных объектов первичной помощи, что требует выделения земельных участков и подготовки инженерной инфраструктуры. Таким образом, муниципалитеты участвуют в поддержании баланса между демографическими характеристиками территории и возможностями медицинской сети.

Особое значение имеет правовой анализ роли муниципалитетов в обеспечении экстренной доступности первичной помощи, включающей доврачебные мероприятия и неотложную помощь, оказываемую в амбулаторных условиях. Нормативы по срокам ожидания и доступу к неотложной помощи зависят от возможности населения прибытия к медицинской организации в определенный временной интервал. Муниципальные решения о развитии микрорайонной инфраструктуры, организации освещения, содержании дорог и обеспечении сезонной проходимости оказывают прямое влияние на выполнение этих требований [5].

Муниципальная компетенция включает также организацию информационных механизмов, обеспечивающих информированность населения о местоположении и режиме работы объектов первичной помощи. Муниципальные порталы, карты инфраструктуры и сервисы навигации формируют дополнительный уровень доступности, который получил нормативное оформление в актах, регулирующих предоставление муниципальных услуг в электронной форме.

Анализ правовых стандартов и механизмов позволяет утверждать, что местное самоуправление формирует конечную пространственную, инфраструктурную и организационную среду, без которой невозможно обеспечить функциональную доступность первичной медико-санитарной помощи. Несмотря на отсутствие полномочий по медицинской деятельности, муниципальный уровень обеспечивает юридические условия, влияющие на каждое звено цепи доступности: от выделения земли до обеспечения транспортной и цифровой инфраструктуры.

Современная правоприменительная практика демонстрирует тенденцию к повышению ответственности муниципалитетов за обеспечение условий доступности первичной помощи. Расширяется объем требований к муниципальным программам развития территории, усиливается контроль за состоянием инфраструктуры, уточняются санитарные и градостроительные нормативы. Муниципальные механизмы становятся частью комплексного правового регулирования, направленного на обеспечение реализации федеральных стандартов и региональных программ здравоохранения.

Завершая анализ, можно утверждать, что муниципальный уровень представляет собой ключевой правовой элемент системы обеспечения доступности первичной медико-санитарной помощи. Его роль заключается в создании нормативных, инфраструктурных, транспортных и пространственных условий, обеспечивающих фактическую достижимость медицинской помощи населением. Эффективность выполнения региональных и федеральных стандартов напрямую зависит от качества муниципального планирования, инженерной подготовки территории и инфраструктурного развития. Совокупность этих факторов формирует муниципальный механизм, обеспечивающий устойчивое функционирование первичного звена системы здравоохранения и реализацию конституционных гарантий в сфере охраны здоровья.

Список источников

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Мезенцева Т. А. и др. Совершенствование деятельности медицинской организации, внедряющей новую модель оказания первичной медико-санитарной помощи // Медицинская наука и образование Урала. 2024. Т. 25. № 3 (119).
4. Москвичева М. Г., Щепилина Е. С. Территориальное планирование как инструмент обеспечения доступности первичной медико-санитарной помощи // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024. № 2. С. 873–884.

5. Савченко Д. О., Наумов П. Ю. В фокусе правовых изменений: трансформация организационно-правовых основ организации первичной медико-санитарной помощи // Первичная медико-санитарная помощь. 2025. Т. 2. № 2. С. 45–63.

References

1. Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 (as amended on July 23, 2025) (with amendments and additions that entered into force on September 1, 2025) «On the basics of public health protection in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 (as amended on July 31, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
3. Mezentseva T. A. and others. Improving the activities of a medical organization that implements a new model of primary health care // Medical science and education of the Urals. 2024. Vol. 25. No. 3 (119).
4. Moskvicheva M. G., Shchepilina E. S. Territorial planning as a tool for ensuring accessibility of primary health care // Modern problems of healthcare and medical statistics. 2024. No. 2. P. 873–884.
5. Savchenko D. O., Naumov P. Yu. In the focus of legal changes: transformation of the organizational and legal foundations of the organization of primary health care // Primary health care. 2025. Vol. 2. No. 2. P. 45–63.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Камалян — старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Судебной экспертизы и исследований», кандидат медицинских наук.

Information about the author

A. V. Kamalyan — Senior Researcher of the Scientific Research Center «Forensic Expertise and Research», Candidate of Medical Sciences.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.
The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 15.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/XZKAGK
NIION: 2007-0083-1/26-772
MOSURED: 77/27-005-2026-01-772

Свобода выбора поведения и генезис ее ограничения в правовом государстве

Владислав Игоревич Ковшевацкий[1], Элеонора Викторовна Маркина[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] kovshevatsky@yandex.ru
[2] swin-90@mail.ru

Аннотация. Представляет собой комплексное исследование фундаментальной проблемы соотношения индивидуальной свободы выбора поведения и ее правовых ограничений в контексте правового государства. Работа осуществляет междисциплинарный анализ, синтезирующий философско-правовые, исторические, сравнительно-правовые и теоретико-правовые подходы.

Ключевые слова: свобода выбора поведения, автономия воли, правовое государство, генезис правовых ограничений, либертарная теория права, коммунитаризм, принцип пропорциональности, международные стандарты прав человека, достоинство личности, социальная ответственность, публичный интерес

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Свобода выбора поведения и генезис ее ограничения в правовом государстве // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 108–114. EDN: XZKAGK.

Original article

Freedom of choice of behavior and the genesis of its limitations in a State governed by the rule of law

Vladislav I. Kovshevatsky[1], Eleonora V. Markina[2]
[1,2] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] kovshevatsky@yandex.ru
[2] swin-90@mail.ru

Abstract. Is a comprehensive study of the fundamental problem of the relationship between individual freedom of choice and its legal restrictions in the context of the rule of law. The work provides an interdisciplinary analysis that combines philosophical, legal, historical, comparative, and theoretical approaches.

Keywords: freedom of choice of behavior, autonomy of will, rule of law, genesis of legal restrictions, libertarian theory of law, communitarianism, principle of proportionality

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Freedom of choice of behavior and the genesis of its limitations in a State governed by the rule of law. Criminological Journal. 2026;(1):108–114. EDN: XZKAGK.

Проблема свободы и ее границ представляет собой осевую линию развития всей западной, а впоследствии и мировой политико-правовой мысли [2, с. 89]. Свобода выбора поведения, понимаемая как способность индивида к самоопределению в рамках социального пространства, является не только философской абстракцией, но и базовым конституционно-правовым принципом, определяющим содержание правового статуса личности. Однако сама возможность реализации этой свободы в обществе с необходимостью

© Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В., 2026

предполагает установление определенных правил и ограничений, предотвращающих хаос и обеспечивающих сосуществование множества автономных воль [3, с. 112]. Центральный вопрос, таким образом, заключается не в самом факте ограничения, а в его характере, основаниях и пределах.

Актуальность обусловлена рядом факторов современного развития: усложнением социальных рисков и появлением новых сфер, требующих регуляции (цифровое пространство, биоэтика, экология); глобализацией правозащитных стандартов и их взаимодействием с национальными правовыми культурами; возрождением дискуссий о пределах государственного вмешательства в эпоху пандемий и новых вызовов безопасности [4, с. 156]. Цель настоящей статьи — предложить целостное, многоаспектное рассмотрение проблемы, преодолевающее фрагментарность чисто нормативного или исторического анализа. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- провести философско-правовой анализ свободы выбора поведения как категории, раскрывающей ее антропологические и правовые основания;
- осуществить историко-ретроспективный анализ эволюции представлений о допустимых пределах свободы от античных полисов до современных конституционных демократий;
- систематизировать основные научные подходы (либертарный, коммунитарный, неолиберальный и др.) к проблеме ограничения свободы и оценить их влияние на современное правопонимание;
- исследовать роль и содержание международных стандартов в области прав человека как универсального каркаса для легитимации ограничений;
- сформулировать систему принципов, определяющих легитимность ограничения свободы поведения в современном правовом государстве, и проанализировать механизмы их обеспечения.

Свобода выбора поведения не является синонимом произвола. В правовом измерении она представляет собой признанную и гарантированную публичной властью меру возможного социально значимого поведения индивида. Ее философская основа восходит к идее автономии (от греч. autos — сам, nomos — закон), т. е. способности личности быть источником собственного морального и правового закона. Иммануил Кант дал этой идее классическую формулировку, утверждая, что свобода есть «способность человека давать себе закон» и что право должно обеспечить «совместимость произвола каждого со свободой всех согласно всеобщему закону» [5, с. 134]. Право, таким образом, не отрицает свободу, а задает ее всеобщую форму, переводя из состояния естественной неопределенности в состояние правовой определенности и защищенности.

С юридической точки зрения, свобода выбора поведения выступает первичным элементом правосубъектности и онтологическим фундаментом для всей системы субъективных прав [6, с. 78]. Каждое конкретное право (на труд, на объединение, на свободу передвижения или слова) есть не что иное, как специализированная, юридически оформленная возможность выбора определенной модели поведения в конкретной сфере жизни. Ограничение такой возможности — это всегда вторжение в ядро правового статуса личности, что требует не просто формального обоснования, но и прохождения строгой проверки на соответствие высшим конституционным ценностям.

В античном мире (Древняя Греция, Рим) концепция свободы (eleutheria, libertas) была тесно связана с политическим статусом. Свободен был гражданин полиса, участвующий в управлении общими делами. Эта свобода понималась не как независимость от общества, а как возможность активного участия в нем. Ее оборотной стороной была ответственность перед полисом. Как отмечает исследователь античной философии права, в этот период «индивид еще не мыслился как самодостаточная ценность; его бытие реализовывалось через включенность в целое» [7, с. 92]. Ограничения имели ярко выраженный этико-политический характер и вытекали из идеи общего блага (bonum commune). В трудах Аристотеля и Цицерона право (jus) рассматривалось как искусство справедливости (ars boni et aequi), направленное на достижение этой цели [8, с. 67].

В средневековой Европе под влиянием христианской схоластики (Фома Аквинский) сложилась трехуровневая концепция закона: вечный божественный закон, естественный закон (отражение божественного разума в творении) и человеческий (позитивный) закон. Свобода воли человека признавалась, но ее осуществление должно было соответствовать естественному закону, предписывающему стремиться к благу и избегать зла. Позитивный закон монарха или города считался легитимным лишь в той мере, в какой он не противоречил естественному праву [9, с. 145]. Ограничения свободы, таким образом, получали трансцендентное обоснование. Кардинальный перелом связан с теорией общественного договора и философией Про-

свещения. Томас Гоббс, исходя из пессимистического взгляда на человеческую природу («человек человеку волк»), видел в абсолютной власти суверена (Левиафана) единственное средство обуздания «войны всех против всех». Индивиды, по Гоббсу, отказываются от своей естественной свободы ради безопасности [10, с. 203]. Джон Локк предложил более либеральную модель. Индивиды, обладая естественными и неотчуждаемыми правами (на жизнь, свободу, собственность), делегируют государству лишь минимум полномочий, необходимых для защиты этих прав. Государство не создает права, а лишь охраняет предсуществующие [11, с. 88]. Как подчеркивает теоретик права М. Н. Марченко, у Локка «ограничение свободы становится не произволом власти, а результатом рационального согласия самих индивидов, стремящихся к лучшему обеспечению своей безопасности» [12, с. 112]. Жан-Жак Руссо, развивая идею общей воли (volonté générale), утверждал, что подчинение ей есть акт свободы, поскольку общая воля выражает подлинные интересы каждого. Идея Руссо, однако, таила в себе риск этатистского поглощения индивида коллективом [13, с. 175].

Иммануил Кант придал либеральной идее универсально-философское звучание. Свобода для Канта — это автономия, способность следовать моральному закону, который разум предписывает сам себе. Право же есть совокупность условий, при которых произвол одного совместим с произволом другого по всеобщему закону свободы [5, с. 140]. Таким образом, ограничение произвола (свободы как произвола) становится условием возможности свободы как автономии для всех.

В XIX в. классический либерализм, воплощенный в идеологии «laissez-faire», настаивал на максимальном ограничении государственного вмешательства в частную и экономическую жизнь. Свобода понималась преимущественно негативно — как свобода от посягательств. Однако социальные катаклизмы и неравенство, порожденные индустриализацией, привели к кризису этой модели. Возникла концепция социального правового государства (sozialer Rechtsstaat), наиболее полно разработанная в немецкой правовой мысли (Л. фон Штейн, Р. фон Гнейст). В нем государство берет на себя активную роль в обеспечении социальной справедливости, защите слабых и создании условий для реальной, а не только формальной свободы [14, с. 231]. Это потребовало расширения оснований для правомерного вмешательства государства (защита здоровья, обеспечение минимальных социальных стандартов), что, в свою очередь, обострило вопрос о границах такого вмешательства.

Современная теоретико-правовая мысль предлагает спектр подходов к проблеме ограничения свободы, отражающих разные аксиологические приоритеты.

В отечественной науке эта концепция, развиваемая В. С. Нерсесянцем и его школой, рассматривает право как всеобщую и равную меру свободы. Право, по Нерсесянцу, есть не продукт государства, а имманентная форма бытия свободы в обществе. Государство лишь формулирует и защищает эту меру [15, с. 56]. Ключевой принцип - формальное равенство субъектов права. Ограничение свободы одного является не умалением его права, а необходимым условием обеспечения равной меры свободы для другого. В этой парадигме главный критерий легитимности ограничения —его всеобщность и формальная определенность, исключающая произвол и привилегии.

Коммунитаризм (Аласдер Макинтайр, Майкл Сэндел, Чарльз Тейлор) представляет собой реакцию на, по их мнению, излишний атомизм и нейтралитет либерализма. Коммунитаристы утверждают, что личность конституируется не до, а внутри сообществ с их разделяемыми традициями, языком и ценностями. «Независимый», лишенный контекста индивид — это абстракция. Следовательно, свобода также укоренена в социальном контексте [16, с. 189]. Ограничения, вытекающие из разделяемых представлений о благой жизни и направленные на поддержание морального климата и целостности сообщества, являются не внешними оковами, а внутренними условиями самой возможности осмысленной свободы. Как пишет М. Сэндел, либерализм ошибочно стремится отделить право от понятий добродетели и общего блага, тогда как закон должен способствовать формированию добропорядочных граждан и защищать коллективные ценности [17, с. 77]. Этот подход оправдывает более широкий круг ограничений, основанных на моральных соображениях сообщества.

На противоположном полюсе находится неолиберальная и либертарианская мысль (Роберт Нозик, Фридрих Хайек в определенных аспектах). Исходя из примата индивидуальной свободы и права собственности, они отстаивают модель «минимального государства» (night-watchman state). Функции государства сводятся исключительно к защите жизни, свободы и собственности граждан от посягательств (внутренних и внешних) [18, с. 204]. Любые перераспределительные, патерналистские или «воспитательные» меры, ограничивающие свободу выбора индивида ради «социальной справедливости» или даже его собственного предполагаемого блага, рассматриваются как морально недопустимые и юридически нелегитимные. Этот подход наследует принцип вреда Джона Стюар-

та Милля: единственное основание для ограничения свободы личности — предотвращение вреда другим [19, с. 93]. Государство не вправе запрещать саморазрушительное или «аморальное» поведение, если оно не причиняет прямого ущерба третьим лицам.

Этот подход, восходящий к идеям Иммануила Канта и получивший развитие в трудах российского философа Ивана Ильина и современных конституционалистов, помещает в центр не свободу как таковую, а человеческое достоинство. Достоинство понимается как безусловная ценность каждой личности, не зависящая от ее социального статуса, заслуг или полезности [20, с. 118]. Права и свободы являются производными от достоинства и призваны его защищать. Государство, с этой точки зрения, обязано не только воздерживаться от унижающих достоинство действий, но и создавать условия для его реализации. Это может оправдывать ограничения свободы, направленные на защиту достоинства как самого индивида (например, запрет на рабский договор, продажу органов), так и других лиц (запрет на hate speech, унижающее человеческое достоинство обращение). Как отмечает немецкий юрист Дитер Гримм, в современном конституционализме основные права приобретают «объективно-ценностное» измерение, защищая не только индивидуальную сферу, но и объективный правопорядок, основанный на достоинстве [21, с. 165].

После Второй мировой войны формирование международного права прав человека стало практическим ответом на вопрос о легитимных пределах государственного вмешательства. Международные акты создали универсальный, надгосударственный каркас для оценки ограничений.

Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) в статьях, посвященных конкретным свободам (ст. 12, 18, 19, 21, 22), закрепляет типовую трехчленную формулу ограничения:

- ограничение должно быть предусмотрено законом;
- оно должно быть необходимым для достижения одной из перечисленных законных целей (охрана государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, прав и свобод других лиц);
- ограничения должны быть совместимы с другими правами, признаваемыми Пактом [22].

Комитет ООН по правам человека в своих Замечаниях общего порядка уточняет, что ограничения не должны быть произвольными, должны толковаться narrowly (узко) и быть соразмерными защищаемому интересу [23, с. 45].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) и прецедентная практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) представляют собой наиболее детально разработанную и эффективную модель контроля за ограничениями. Для ключевых прав (ст. 8–11: право на уважение частной жизни, свобода мысли, совести, религии, выражения, собраний и ассоциаций) Конвенция содержит исчерпывающий («закрытый») перечень оснований для ограничения. В своей знаковой практике, начиная с дела «*Handyside v. The United Kingdom*» (1976), ЕСПЧ выработал стандартный тест на допустимость ограничения:

- предусмотренность законом (*prescribed by law*): национальный закон должен быть доступным, предсказуемым и сформулированным с достаточной точностью;
- законная цель (*legitimate aim*): ограничение должно преследовать одну из целей, прямо указанных в соответствующей статье Конвенции;
- необходимость в демократическом обществе (*necessary in a democratic society*): это ядро проверки. Государство должно доказать, что ограничение отвечает насущной общественной потребности (*pressing social need*), что оно пропорционально этой цели (т. е. является наименее ограничительным средством ее достижения) и что причины, приведенные для его оправдания, являются убедительными и достаточными [24].

При этом ЕСПЧ признает за государствами «поле усмотрения» (*margin of appreciation*), ширина которого зависит от контекста: оно уже в вопросах, касающихся основополагающих аспектов прав (например, свобода от пыток), и шире в сферах, где нет европейского консенсуса (например, некоторые аспекты морали или социально-экономической политики). Как отмечает специалист по европейскому праву М. Л. Энтин, эта система представляет собой «постоянный поиск справедливого равновесия между автономией индивида и коллективными ценностями, с учетом национального контекста, но под верховным надзором наднационального суда» [25, с. 211].

Обобщая исторический опыт, научные дискуссии и международные стандарты, можно сформулировать систему принципов, которым должно соответствовать любое ограничение свободы поведения в правовом государстве, чтобы считаться легитимным.

1. Принцип верховенства права и законности. Ограничение должно иметь ясную правовую основу в

акте высшей юридической силы (как правило, в законе, принятом парламентом). Подзаконные акты могут лишь детализировать установленные законом рамки. Сама правовая норма должна быть качественной: публичной, определенной, не имеющей обратной силы, не допускающей произвольного толкования [26, с. 134].

2. Принцип соразмерности (пропорциональности) как центральный материально-правовой критерий.

Этот принцип, ставший краеугольным камнем современного конституционализма, операционализирует идею справедливого баланса. Он включает три ступени проверки, разработанные в немецкой правовой доктрине и воспринятые конституционными судами и ЕСПЧ.

Пригодность: Мера ограничения должна быть в принципе способна способствовать достижению заявленной законной цели.

Необходимость (минимальная достаточность): Среди всех средств, способных достичь цели, должно быть выбрано то, которое в наименьшей степени ограничивает право. Государство обязано доказать отсутствие альтернативы, столь же эффективной, но менее обременительной.

3. Соразмерность в узком смысле (пропорциональность stricto sensu): Должен быть соблюден баланс между степенью ограничения свободы и важностью защищаемого публичного интереса. Негативные последствия для индивида не должны быть чрезмерными по сравнению с достигаемой общественной выгодой [27, с. 178].

4. Принцип уважения человеческого достоинства как абсолютная граница. Это императив, стоящий выше принципа пропорциональности. Никакое, даже законное и соразмерное ограничение, не может унижать человеческое достоинство, обращаться с человеком как с объектом, а не субъектом права [28, с. 92]. Этот принцип закреплен в ст. 1 Основного закона ФРГ, ст. 21 Хартии Европейского союза об основных правах и получает все большее признание как неотъемлемая часть конституционного строя.

5. Принцип недискриминации. Ограничения не должны проводить необоснованные различия между лицами по признакам расы, пола, религии, политических убеждений и т. д. Любое различие в правовом режиме должно быть объективно оправданным и соответствовать принципу пропорциональности [29, с. 156].

6. Принцип судебной защиты и правовой определенности. Лицо, чья свобода ограничена, должно иметь эффективную возможность оспорить это ограничение перед независимым и беспристрастным судом. Сама норма, устанавливающая ограничение, должна быть сформулирована с достаточной ясностью, позволяющей гражданину предвидеть правовые последствия своих действий [30, с. 67].

Проведенное исследование демонстрирует, что проблема свободы выбора поведения и ее ограничений является не статичной догмой, а динамичным полем напряженного диалога между философской мыслью, правовой теорией, историческим опытом и практикой государственного строительства. Генезис ограничений прошел сложный путь от растворения индивида в коллективе античного полиса и средневековой корпорации через провозглашение его суверенной автономии в эпоху Просвещения к поиску новой, сложной модели баланса в условиях современного социального правового государства.

Современное правовое государство не может быть сведено ни к модели «ночного сторожа» радикального либертарианства, ни к всепоглощающему коммунитарному целому. Оно представляет собой сложный институциональный механизм, призванный обеспечивать устойчивое сосуществование автономии и солидарности, прав и ответственности. Легитимность ограничения свободы в нем обеспечивается не одномерным критерием, а прохождением через многоуровневую систему фильтров: формальную законность, материальную соразмерность, соответствие высшей ценности человеческого достоинства, недискриминационность и гарантии судебной защиты.

Список источников

1. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция. М. : Норма, 2012.
2. Лейст О. Э. История политических и правовых учений. М. : Зерцало, 2018.
3. Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. М. : Норма, 1998.
4. Лукашева Е. А. Глобализация, право, права человека // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М. : Норма, 2019. С. 150–175.
5. Кант И. Метафизика нравов. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965.
6. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2008.
7. Нерсесянц В. С. Сократ. М. : Наука, 1977.
8. Аристотель. Политика. Сочинения в 4-х т. Т. 4. М. : Мысль, 1983.
9. Аквинский Фома. Сумма теологии. Часть I-II. Вопросы 90–97. О законе. Киев : Ника-Центр, 2013.

10. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Мысль, 2001.
11. Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. в 3-х т. Т. 3. М. : Мысль, 1988.
12. Марченко М. Н. Правовое государство и гражданское общество: теоретико-правовое исследование. М. : Проспект, 2018.
13. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М. : Канон-пресс, 1998.
14. Гримм Д. Конституционализм: прошлое, настоящее, будущее. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
15. Нерсесянц В. С. Право и закон. М. : Наука, 1983.
16. Сэндел М. Демократия и недовольство. М. : Ад Маргинем Пресс, 2020.
17. Sandel M. J. Liberalism and the Limits of Justice. 2nd ed. Cambridge University Press, 1998.
18. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008.
19. Милль Дж. С. О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М. : Наука, 1995. С. 288–350.
20. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993.
21. Grimm D. The Role of Human Dignity in Constitutional Law // The Cambridge Handbook of Human Dignity. Cambridge University Press, 2014. P. 161–170.
22. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН).
23. General Comment No. 27: Art. 12 (Freedom of Movement). UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.9 (1999).
24. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.).
25. Энтин М. Л. Международные гарантии прав человека. Опыт Совета Европы. М. : Международные отношения, 2017.
26. Алексеев С. С. Философия права. М. : Норма, 2020.
27. Алекси Р. Теория основных прав. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
28. Барабашев А. Г. Достоинство личности как конституционная ценность // Государство и право. 2016. № 4. С. 88–97.
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2019 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».
30. Страшун Б. А. Конституционное правосудие. М. : Норма, 2015.

References

1. Nersesyants V. S. Philosophy of law: libertarian-legal concept. M. : Norma, 2012.
2. History of political and legal doctrines: Textbook / Edited by O. E. Leist. M. : Zertsalo, 2018.
3. Mamut L. S. The State in the value dimension. M. : Norm, 1998.
4. Lukasheva E. A. Globalization, law, human rights // Human rights: the results of the century, trends, prospects. M. : Norma, 2019. P. 150–175.
5. Kant I. Metaphysics of morals. Soch. in 6 vols. Vol. 4. Part 2. M. : Mysl, 1965.
6. Vitruk N. V. General theory of the legal status of the individual. M. : Norm, 2008.
7. Nersesyants V. S. Socrates. M. : Nauka, 1977.
8. Aristotle. Politics. Essays in 4 volumes Vol. 4. M. : Mysl, 1983.
9. Aquinas Thomas. The sum of theology. Part I-II. Questions 90–97. About the law. Kiev : Nika-Center, 2013.
10. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, form and power of the state of the church and civil. M. : Mysl, 2001.
11. Locke J. Two treatises on government. Soch. in 3 volumes. Vol. 3. M. : Mysl, 1988.
12. Marchenko M. N. The rule of law and civil society: a theoretical and legal study. M. : Prospekt, 2018.
13. Rousseau J.-J. About the social contract. Treatises. M. : Canon-press, 1998.
14. D. Constitutionalism: past, Present, and Future. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2021.
15. Nersesyants V. S. Law and the law. M. : Nauka, 1983.
16. Sandel M. Democracy and discontent. M. : Adam Press, 2020.
17. Sandel M. J. Liberalism and the Limits of Justice. 2nd ed. Cambridge University Press, 1998.
18. Nozik R. Anarchy, the state and utopia. M. : IRISEN, 2008.
19. Mill J. S. On Freedom. Anthology of Western European classical liberal thought. M. : Nauka, 1995. P. 288–350.

20. Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness. M. : Rarog, 1993. .
21. Grimm D. The Role of Human Dignity in Constitutional Law // The Cambridge Handbook of Human Dignity. Cambridge University Press, 2014. P. 161–170.
22. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) of the UN General Assembly).
23. General Comment No. 27: Art. 12 (Freedom of Movement). UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.9 (1999).
24. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on November 4, 1950).
25. Entin M. L. International guarantees of human rights. The experience of the Council of Europe. M. : International Relations, 2017.
26. Alekseev S. S. Philosophy of law. M. : Norm, 2020.
27. Alexi R. Theory of fundamental Rights. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021.
28. Barabashev A. G. Personal dignity as a constitutional value // State and Law. 2016. No. 4. P. 88–97.
29. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 15, 2019 No. 1-P «In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 12.26 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation».
30. Strashun B. A. Constitutional justice, M. : Norma, 2015.

Информация об авторах

В. И. Ковшевацкий — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Science, Associate Professor;

E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Science, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 03.02.2026.

The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 03.02.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/ZTCTTG
NIION: 2007-0083-1/26-773
MOSURED: 77/27-005-2026-01-973

Правовой анализ статуса Центрального банка Российской Федерации: исследование юридической природы и полномочий

Татьяна Сергеевна Лангнер
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mohowatatiana@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены нормативные правовые акты Российской Федерации, характеризующие правовое положение Центрального банка Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, органы государственной власти, правовой статус органов государственной власти, Центральный банк Российской Федерации

Для цитирования: Лангнер Т. С. Правовой анализ статуса Центрального банка Российской Федерации: исследование юридической природы и полномочий // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 115–120. EDN: ZTCTTG.

Original article

Legal analysis of the status of the Central Bank of the Russian Federation: a study of the legal nature and powers

Tatiana S. Langner
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mohowatatiana@yandex.ru

Abstract. The regulatory legal acts of the Russian Federation characterizing the legal status of the Central Bank of the Russian Federation are considered.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, state authorities, the legal status of state authorities, the Central Bank of the Russian Federation

For citation: Langner T. S. Legal analysis of the status of the Central Bank of the Russian Federation: a study of the legal nature and powers. Criminological Journal. 2026;(1):115–120. (In Russ.). EDN: ZTCTTG.

В Российской Федерации существует множество органов власти, требующих правовой характеристики и определения их правового статуса [1]. Одним из таковых является Центральный банк Российской Федерации. В современном правовом сообществе существует два подхода: те, кто считают Центральный банк государственным органом власти, и противоположный взгляд — считающие Центральный банк иным органом власти.

Указанная дискуссия обусловлена неоднозначностью законодательных формулировок и сложным сочетанием признаков в правовом положении Банка России. Разрешение данного вопроса имеет практическую значимость для определения режима его ответственности, подконтрольности и взаимодействия с иными институтами государства. Анализ требует учета не только национального законодательства, но и общемировых тенденций в организации деятель-

© Лангнер Т. С., 2026

ности центральных банков, для которых характерна модель независимости в рамках четкого законодательного мандата. Специфика статуса Центрального Банка Российской Федерации заключается в том, что он выполняет функции, традиционно присущие государству, но при этом формально дистанцирован от системы органов исполнительной власти. Такая конструкция направлена на обеспечение стабильности финансовой системы, защищенной от краткосрочных политических колебаний и фискального давления. Следовательно, спор о природе Банка России выходит за рамки теоретической классификации и затрагивает основы построения эффективного механизма государственного управления в экономической сфере.

Правовая наука выделяет сущностные характеристики органов государственной власти: 1) выступают структурным элементом системы государственной власти; 2) действуют в законодательной, исполнительной или судебной сфере; 3) реализуют волю и полномочия российского государства; 4) обладают организационным единством, собственной компетенцией и методами деятельности; 5) обеспечивают реализацию норм права в пределах своих полномочий; 6) наделены правом издавать нормативные правовые акты [2]. Важно отметить, что эти признаки носят обобщающий характер и обязательны для каждого органа власти.

Ключевым аспектом в данной системе признаков является их совокупность. Отсутствие одного или нескольких из них может свидетельствовать об особом, нетипичном статусе субъекта, осуществляющего публичные функции. Так, например, государственные корпорации также реализуют государственные задачи, обладают компетенцией и организационным единством, но их правовой режим существенно отличается от режима федеральных министерств. Поэтому при квалификации важно оценивать не только функциональное назначение, но и формально-юридические параметры: порядок создания, финансирования, комплектования кадрами и привлечения к ответственности. Именно на стыке функциональных и формальных критериев возникает правовая неопределенность в отношении Банка России, который, с одной стороны, конституирован для реализации суверенной денежно-кредитной политики, а с другой — обладает атрибутами, не свойственными органам власти в их классической интерпретации.

Правовой статус Центрального банка Российской Федерации имеет прямое конституционное закрепление в ст. 75, 83 и 103 [3]. Конституция устанавливает его исключительные полномочия в сфере денежной эмиссии, независимость в реализации основной функции по защите рубля, а также особую процедуру формирования руководства с разделением полномочий между Президентом (внесение кандидатур) и Государственной Думой (назначение и освобождение) [3, ст. 75]. Из вышесказанного видно, что прямого указания на полномочия Центрального банка, как органа государственной власти, нет, однако данный орган участвует в государственном управлении. Таким образом, участвует в механизме государственного управления. Безусловно, его участие не носит самостоятельный характер, однако функции, возложенные на Центральный Банк Российской Федерации, являются строго его компетенцией.

Интеграция Банка России в конституционную архитектуру через ст. 75, 83 и 103 свидетельствует о его учредительном характере. Он не создан простым федеральным законом, а является элементом, предусмотренным Основным законом. Принцип независимости, закрепленный в ч. 2 ст. 75, следует трактовать не как абсолютную автономию от государства, а как специализированную гарантию, обеспечивающую целевое и профессиональное выполнение денежно-кредитной функции. Участие высших органов государственной власти в кадровых процедурах (Президент, Госдума) формирует систему сдержек, предотвращающую полную обособленность мегарегулятора. Таким образом, конституционное регулирование формирует модель «ограниченной интеграции»: Банк России действует в отведенном ему публичном поле самостоятельно, но рамки этого поля и ключевые параметры его руководства определяются институтами, представляющими суверенитет государства и народовластие.

Принятый 10 июля 2002 г. Федеральный закон № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» не содержит прямого отнесения Центрального банка России к органам государственной власти. Правовая природа Банка России раскрывается через статус юридического лица, осуществляющего свои функции, включая контроль за финансовой системой, независимо от органов публичной власти любого уровня. Формулировка «независимо от других органов» может ввести в заблуждение насчет принадлежности Центрального банка России к государственным органам власти, стоит оценивать данное утверждение в связке с формулировками Конституции Российской Федерации, где нет прямого указание на данное утверждение [4].

Законодательная конструкция, избранная в ФЗ № 86-ФЗ, сознательно избегает термина «орган государственной власти», акцентируя внимание на ор-

ганизационно-правовой форме юридического лица [5]. Это юридическое лицо, однако, обладает властными полномочиями в отношении неограниченного круга субъектов, включая государственные органы. Его независимость, как следует из системного толкования закона, носит функционально-предметный характер: она касается оперативных решений в области денежно-кредитной политики, банковского регулирования и надзора. В вопросах же стратегического характера (например, основные направления единой государственной денежно-кредитной политики) закон предусматривает взаимодействие с Правительством Российской Федерации [6]. Следовательно, формула «независимо от других органов» не тождественна полной изоляции, а устанавливает запрет на административное вмешательство в его профессиональную деятельность.

Сопоставление с ранее указанными признаками позволяет утверждать: Банк России — элемент системы государственной власти, но не орган власти в ее традиционном понимании. Ключевым аргументом служит его финансово-правовая автономия. В отличие от органов, чье финансирование и кадровый состав регулируются Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации» [7] (ст. 10, 18), Центральный Банк существует на собственные средства, а его сотрудники не являются государственными служащими.

Проверка по критериям подтверждает гибридность статуса. Банк России соответствует признакам 1, 3, 4, 5, 6, но демонстрирует принципиальное несоответствие по формальным аспектам, связанным с бюджетным финансированием и правовым положением персонала (что косвенно затрагивает и признак 2, так как он не вписывается в классическую ветвь власти). Эта автономия ресурсов и кадров не является изъяном, а служит инструментом для обеспечения его деполитизации и защиты от лоббистского влияния. В мировой практике такая модель характерна для многих центральных банков, целью которых является поддержание ценовой стабильности, а не реализация текущих политических программ. Поэтому его правильнее определять как самостоятельный институт публичного права, выполняющий конституционно значимую функцию и включенный в систему государственной власти на особых, законодательно установленных условиях.

Ст. 75 Конституции Российской Федерации гласит, что «Защита и обеспечение устойчивости рубля — основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти» [8]. Прямое указание Основного закона снимает вопрос об отнесении Центрального банка к одной из ветвей власти. Вместе с тем, его кооперация с институтами власти проявляется в установленных законом процедурах: назначении Председателя Центрального Банка при участии Президента и Государственной Думы, а также в подотчетности Банка России нижней палате парламента.

Конституционная норма, таким образом, выводит Банк России за рамки традиционной триады, формируя самостоятельное направление государственной деятельности. Однако эта самостоятельность функциональна, а не абсолютна. Механизмы подотчетности Государственной Думе, закрепленные в законе, являются формой публичной легитимации его деятельности и гарантией того, что его политика не будет противоречить общегосударственным экономическим целям. Подотчетность предполагает представление отчетов, проведение слушаний, но не детальное инструктивное руководство. Эта система балансов позволяет сочетать профессиональную автономию, необходимую для борьбы с инфляцией, с демократическим контролем за общими результатами работы.

Таким образом, Центральный банк Российской Федерации действует в координации с органами государственной власти при определенном контроле с их стороны, но обладает уникальным правовым статусом, не равным их положению в системе власти.

Следовательно, статус Банка России можно охарактеризовать как статус публично-правовой корпорации, наделенной суверенными полномочиями. Он не подчинен правительству, но координирует с ним свою политику; он подотчетен парламенту, но не подконтролен ему в оперативной деятельности. Его уникальность проистекает из специализированной, технически сложной природы его функций, требующих защиты от политического цикла. Поэтому он занимает обособленную, но не отделенную от государства позицию в конституционном поле.

Полномочия и задачи Центрального банка России имеют комплексное правовое оформление — в ст. 4 Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», закон насчитывает 19 обязательств, которые должен исполнять Центральный банк России. Все его полномочия связаны с поддержанием финансового благополучия Российской Федерации, российского рубля. Если обратиться к отчетам [9] Центрального банка России предыдущих лет, то они представляются от имени

Председателя Центрального банка России — Эльвиры Набиуллиной.

Указанный перечень полномочий носит публично-правовой характер и направлен на достижение макроэкономической стабильности. Реализуя их, Банк России выступает не как коммерческий субъект, а как институт, ответственный за системные параметры финансового рынка. Его нормотворческая деятельность (издание обязательных указаний, положений) является необходимым инструментом гибкого регулирования в динамичной экономической среде. Выступление от имени Председателя подчеркивает принцип единоначалия в управлении и корпоративную ответственность руководства за принимаемые решения, что сближает его с моделью управления крупной организацией, а не с коллегиальным государственным органом.

Таким образом, полномочиями данную организацию наделила Конституция Российской Федерации, что соответствует п. 3 ранее упомянутых признаков органов государственной власти, однако Центральный банк России осуществляет свою деятельность от своего имени, а не от имени Российской Федерации. В связи с чем, вся ответственность за ненадлежащее исполнение указанных выше задач, ложится на плечи исполнителя — юридическое лицо, Председателя Центрального банка России (главы юридического лица) и его подчиненных.

Этот дуализм (конституционный источник полномочий и гражданско-правовая форма их реализации) формирует особый режим ответственности. Имущественная ответственность ложится на само юридическое лицо — Банк России. Политико-правовая же ответственность за выполнение публичной функции реализуется через институт подотчетности парламенту и возможность досрочного освобождения Председателя. Таким образом, законодатель создал разветвленную систему accountability, где разные виды ответственности наступают в разных правовых плоскостях: гражданско-правовой и конституционно-правовой.

Поскольку Центральный банк России — это довольно большое юридическое лицо, безусловно, оно имеет свою структуру, иерархию, устав. Особенностью данной организации является ее устав — Федеральный закон № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Не каждое юридическое лицо может похвастать таким документом, на практике это скорее вынужденная необходимость, нежели претензионное заявление. Центральный банк России близко взаимодействует с финансовыми активами государства, в связи с чем, последнее вынуждено выделять и контролировать деятельность с большим интересом [10].

Наличие федерального закона в качестве учредительного документа является исключительной чертой, подчеркивающей публичный характер и национальное значение института. Внутренняя структура, прописанная в законе, служит целям эффективного выполнения государственных задач, а не максимизации прибыли. Управление золотовалютными резервами и выполнение роли фискального агента Правительства требуют высочайшего уровня доверия, которое обеспечивается именно такой детальной законодательной регламентацией всех ключевых аспектов его организации и деятельности, включая аудит и отчетность.

Применение правовых норм Российской Федерации — это обязанность не только юридических лиц Российской Федерации, но и физических. Центральный банк России, также как и все лица, обязан соблюдать правовые нормы Российской Федерации, за нарушение которых подвергается наказанию с российским законодательством.

При этом его специфика как субъекта, наделенного властными полномочиями, налагает на него дополнительные обязанности. Он должен строго соблюдать пределы своей компетенции при нормотворчестве, а его акты могут быть оспорены в судебном порядке. Действия его должностных лиц при осуществлении надзорных функций также подлежат судебному контролю на предмет законности. Таким образом, Банк России находится не только в позиции регулятора, но и в позиции подконтрольного субъекта в рамках общего правопорядка.

Издание правовых норм. Центральный банк России не имеет полномочий в законотворческом процессе Российской Федерации, о чем свидетельствуют функции данной организации, рассмотренные выше.

Однако объем его подзаконного нормативно-правового регулирования чрезвычайно широк и зачастую имеет решающее значение для участников финансового рынка. Эти обязательные предписания, принимаемые по вопросам банковских операций, бухгалтерского учета, пруденциальных норм, формируют непосредственную правовую среду для кредитных организаций. Данное полномочие сближает его с органами исполнительной власти, осуществляющими правовое регулирование в порученной сфере, но в рамках особой, установленной законом процедуры.

Проведенный комплексный анализ позволяет заключить, что Центральный банк Российской Федерации представляет собой уникальный феномен в отече-

ственной правовой системе, который не укладывается в традиционные классификации субъектов публичного права. Многообразие и масштаб его деятельности, охватывающей не только монопольную эмиссию наличных денег и организацию денежного обращения, но и всеобъемлющий банковский надзор, контрольно-надзорные функции в отношении некредитных финансовых организаций, а также активное участие в международных финансовых отношениях, подчеркивают его системообразующую роль для национальной экономики. Именно способность единого юридического лица реализовывать столь масштабный и социально значимый комплекс задач, направленных на поддержание финансовой стабильности государства, объективно порождает необходимость формирования особого правового режима, сочетающего элементы автономии и публичного контроля. Данный режим не может быть адекватно описан в рамках бинарной оппозиции «орган государственной власти — обычное юридическое лицо», требуя более тонких и дифференцированных понятийных конструкций.

Концентрация исключительных властных полномочий в рамках единого института, получившего в современной доктрине наименование «мегарегулятора», несет в себе диалектическое противоречие. С одной стороны, она обеспечивает высокую степень согласованности регулятивных мер, унификацию требований к участникам различных сегментов финансового рынка (банковского, страхового, рынка ценных бумаг) и позволяет оперативно реагировать на межсекторальные риски. С другой стороны, такая концентрация создает предпосылки для возникновения «системного риска регулятора», когда ошибки в принятии решений или злоупотребление предоставленными полномочиями могут иметь катастрофические последствия для всей финансовой системы страны. Превенция подобных рисков обуславливает потребность не в ослаблении, а в укреплении и диверсификации системы внешних и внутренних сдержек. Помимо конституционно установленной подотчетности Государственной Думе, эффективный контроль должен включать в себя регулярный и глубокий судебный контроль за законностью его нормативных и индивидуальных правовых актов, а также развитие механизмов профессионально-экспертной оценки (аудита) эффективности проводимой денежно-кредитной и регуляторной политики. Только многоуровневая система сдержек, основанная на принципах транспарентности и подотчетности, может легитимировать столь значительный объем властных прерогатив, делегированных одному институту.

Безусловно, доктринальная мысль в сфере юриспруденции демонстрирует отсутствие единства в подходах к определению правовой природы Банка России, формируя тем самым зону концептуальной неопределенности. Ключ к решению обозначенной проблемы, однако, находится вне дихотомии «орган власти — иная организация». Он заключается в скрупулезном применении системно-герменевтического подхода к нормам позитивного права, дополненного изучением устоявшейся правоприменительной традиции, в том числе сформированной Конституционным и Верховным Судом Российской Федерации. Подобное исследование со всей очевидностью доказывает, что Центральный Банк Российской Федерации, реализуя функции высочайшей публичной значимости, лишен полного набора формальных критериев, позволяющих безоговорочно отнести его к числу органов государственной власти в традиционном отраслевом смысле. Перспектива же возможного изменения его статуса в обозримой перспективе, вероятнее всего, обусловлена не столько экстенсивным приращением компетенций, сколько глубинной трансформацией правоотношений с институтами публичной администрации, предполагающей модернизацию основ его бюджетной самостоятельности и кадрового режима.

Список источников

1. Круглая М. С., Лобанова Д. А. Конституционно-правовой статус центрального банка Российской Федерации: сб. трудов по мат. XIX Всероссийского конкурса науч.-исслед. работ. (Уфа, 4 ноября 2024 г.). Уфа, 2024. С. 49–53.
2. Рыбкина М. В. Конституционно-правовой статус органов государственной власти // Социология и право. 2013. № 2 (19).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм. от 14 марта 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Голубев С. А., Шеленков С. Н. Правовой статус Центрального банка Российской Федерации: проблемы теории и практики // Банковское право. 2019. № 3. С. 7–13.
5. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». М. : Дело, 2015.
6. Лунгу Е. В. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005.
7. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Россий-

ской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России) от 28 сентября 2023 г. № 35312-ПК/Д03и «О применении показателей прогноза социально-экономического развития Российской Федерации в целях ценообразования на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу» // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf
10. URL: https://cbr.ru/about_br/bankstatus/

References

1. Kruglaya M. S., Lobanova D. A. The constitutional and legal status of the central bank of the Russian Federation: a collection of works based on the materials of the XIX All-Russian competition of scientific research papers. (Ufa, November 4, 2024). Ufa, 2024. P. 49–53.
2. Rybkina M. V. Constitutional and legal status of state authorities // Sociology and law. 2013. No. 2 (19).
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended dated March 14, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
4. Golubev S. A., Shelenkov S. N. The legal status of the Central Bank of the Russian Federation: problems of theory and practice // Banking law. 2019. No. 3. P. 7–13.
5. Tosunyan G. A., Vikulin A. Yu. Article-by-article commentary to the Federal Law «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)». M. : Delo, 2015.
6. Lungu E. V. Constitutional and legal status of the Central Bank of the Russian Federation: diss. ... candidate of legal sciences. Barnaul, 2005.
7. Federal Law No. 58-FZ of May 27, 2003 «On the Civil Service System of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
8. Federal Law No. 38-FZ of March 13, 2006 «On Advertising» // LRS «ConsultantPlus».
9. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Ministry of Economic Development of Russia) dated September 28, 2023, No. 35312-ПК/Д03и «On the application of indicators for forecasting the socio-economic development of the Russian Federation for pricing products supplied under the State Defense Order» // URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf
10. URL: https://cbr.ru/about_br/bankstatus/

Информация об авторе

Т. С. Лангнер — доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. S. Langner — Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 19.12.2025; принята к публикации 26.12.2025.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 19.12.2025; accepted for publication 26.12.2025.

Научная статья
УДК 343.3+343.851+343.985.5
EDN: https://elibrary.ru/ZTXWZV
NIION: 2007-0083-1/26-774
MOSURED: 77/27-005-2026-01-974

Феномен лидерства в преступной иерархии и стратегия «инфильтрационной анестезии» в контексте противодействия организованной преступности

Рустам Гарриевич Мархолия
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mar7844444@gmail.com

Аннотация. Рассматривается авторское видение феномена лидерства в преступной иерархии, который основывается на синтезе категорий «криминальный онтогенез» и «криминальный суверенитет». Организованная преступность анализируется как высокоадаптивный системный «патоген», глубоко инфильтрировавший социально-экономические структуры. Критикуя неэффективность исключительно традиционно репрессивных мер, автор обосновывает необходимость стратегии «инфильтрационной анестезии» — целенаправленного воздействия на критические узлы преступной системы — и перехода к моделям «глобального управления» для достижения устойчивой «ремиссии».

Ключевые слова: лидер преступной иерархии, криминальный онтогенез, криминальный суверенитет, организованная преступность, инфильтрационная анестезия, преступность

Для цитирования: Мархолия Р. Г. Феномен лидерства в преступной иерархии и стратегия «инфильтрационной анестезии» в контексте противодействия организованной преступности // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 121–124. EDN: ZTXWZV.

Original article

The phenomenon of leadership in the criminal hierarchy and the strategy of «infiltration anesthesia» in the context of countering organized crime

Rustam G. Markholia
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mar7844444@gmail.com

Abstract. Examines the author's vision of the phenomenon of leadership in the criminal hierarchy, which is based on the synthesis of the categories «criminal ontogenesis» and «criminal sovereignty». Organized crime is analyzed as a highly adaptive systemic «pathogen» that deeply infiltrates socioeconomic structures. Criticizing the ineffectiveness of exclusively transnational repressive measures, the author substantiates the need for an «infiltration anesthesia» strategy — a targeted impact on critical nodes of the criminal system — and the transition to «global governance» models to achieve sustainable «remission».

Keywords: leader of the criminal hierarchy, criminal ontogenesis, criminal sovereignty, organized crime, infiltration anesthesia, crime

For citation: Markholia R. G. The phenomenon of leadership in the criminal hierarchy and the strategy of «infiltration anesthesia» in the context of countering organized crime. Criminological Journal. 2026;(1):121–124. EDN: ZTXWZV.

© Мархолия Р. Г., 2026

В настоящий период времени большую остроту приобретают вопросы противодействия организованной преступности, в связи с этим изучение феномена лидерства в преступной иерархии приобретает особое значение.

В наиболее общем смысле лидер преступной иерархии — это субъект, обладающий криминальным суверенитетом (исключительным правом на санкционирование насилия и распределение ресурсов), который достигает этого статуса в результате успешного завершения криминального онтогенеза. Данный процесс представляет собой поэтапное становление, включающее прохождение девиантной селекции (естественного отбора в криминальной среде) и формирование девиантной субъектности — устойчивого ядра криминальной идентичности.

Легитимность и устойчивость власти лидера обеспечиваются его способностью поддерживать легитимационный баланс внутри группы через управление ресурсно-властным контуром организации и осуществление эффективного криминального менеджмента рисков.

Процесс «криминального онтогенеза» реализуется через жесткий механизм «девиантной селекции», в рамках которого индивид, стремящийся к высшим позициям в преступной иерархии, проходит протяженный и многоуровневый путь развития. Начальные фазы этого пути часто инициируются в юном возрасте под воздействием комплекса криминогенных обстоятельств. Ключевым этапом первичной селекции становится первая судимость и последующая изоляция, где в условиях пенитенциарной системы с ее обостренной «девиантной селекцией» происходит интенсивное усвоение криминальных норм, традиций и поведенческих кодов.

Постоянная вовлеченность в девиантную среду приводит к формированию устойчивой «девиантной субъектности», когда у индивида на глубинном уровне закрепляются свойства, необходимые для выживания и доминирования в агрессивной среде. Внутригрупповой отбор на этом этапе отличается особой жесткостью, форсируя развитие таких качеств, как адаптивность, ситуационная чуткость к угрозам и идеологическая убежденность, что в совокупности кристаллизует «криминальную личность» как особо опасный тип.

Следующей фазой «криминального онтогенеза» является закрепление индивида в статусе среднего звена преступной иерархии (функции «мамувальца», «положенца», «ищущего концы», «смотрящего», «бродяги», «собирающего общак» и т. д.). Это критически важный этап для накопления практического опыта, управления ресурсами и укрепления личного авторитета лидера.

Вместе с тем, стоит отметить, что дальнейшая криминальная карьера сопряжена с радикальным ужесточением «девиантной селекции» со стороны действующих лидеров, которые видят в потенциальном кандидате будущего конкурента за контроль над сферами влияния. Легитимация высшего статуса требует демонстрации не только личных качеств, но и «финансового суверенитета» — способности организовать и обеспечить безопасность крупных криминальных мероприятий (сходок), а также мобилизовать коррупционные связи.

Обретение формального статуса знаменует завершающую стадию «криминального онтогенеза», но одновременно открывает период максимальных рисков, связанных с удержанием и расширением «криминального суверенитета». Лидер вынужден выстраивать сложную архитектуру управления, включающую создание личных команд, разработку финансовых схем и постоянное противодействие, как со стороны государственных институтов, так и со стороны конкурентов из криминальной среды.

Необходимость поддержания «легитимационного баланса» внутрикриминальной общины и осуществления перманентного «криминального менеджмента рисков» требует от лидера постоянной напряженной работы, превращая его статус в источник непрерывной экстремальной ответственности. Таким образом, «криминальный онтогенез» представляет собой нелинейный процесс поэтапного восхождения, где на каждом витке «девиантной селекции» происходит формирование и усиление тех качеств «девиантной субъектности», которые в конечном итоге позволяют обрести и удерживать «криминальный суверенитет» в высоко конкурентной и враждебной среде организованной преступности.

В отечественной криминологической традиции феномен становления преступного лидера традиционно рассматривался сквозь призму понятия «криминальная карьера» [1], акцентирующего внешнюю, событийную канву этого процесса — последовательность правонарушений, смену ролей и статусов в преступной среде. В отличие от данного подхода, предлагаемая концепция «криминального онтогенеза» ориентирована на терминологический и смысловой сдвиг, переводя фокус исследования с социальной траектории на внутренние процессы становления и трансформации личности.

Если «карьера» описывает, что происходит с индивидом, то «онтогенез» раскрывает, как и почему

это происходит, фокусируясь на генезисе девиантной субъектности — формировании устойчивого ядра криминальной идентичности, системы ценностей и мотивов. Данный концепт позволяет интегрировать социально-средовые факторы с психобиологическими аспектами (нейрофизиологические особенности, темперамент), интерпретируя личность как продукт взаимодействия внутренних предрасположенностей и внешней девиантной селекции — системы естественного отбора в криминальной среде, где на каждом этапе выживают и продвигаются индивиды с наиболее релевантным набором качеств.

Таким образом, понятие «криминального онтогенеза» не отрицает, а поглощает и теоретически обогащает идею «карьеры», вскрывая внутренние причинно-следственные связи и механизмы, приводящие индивида к обретению криминального суверенитета — верховной власти в преступной иерархии. Предложенный понятийный аппарат создает основу для принципиально иной стратегии противодействия — «инфильтрационной анестезии», нацеленной не на силовое пресечение «карьерного пути», а на точечное и необратимое нарушение ключевых функций преступной системы, порождающей подобного рода лидеров.

Учитывая системную природу организованной преступности как высоко адаптивного квази-организма, глубоко укорененного в социальном субстрате, логично полагать, что эффективное противодействие требует стратегии, действующей на не меньшем уровне сложности. В контексте биопарадигмального подхода, продуктивность которого отмечал В. С. Овчинский [2], предлагаемая стратегия «инфильтрационной анестезии» представляет собой комплексный метод, ориентированный не столько карательно-принудительные механизмы, сколько на создание«терапевтического окна» возможностей. Ключевой предпосылкой стратегии является переход от поверхностного наблюдения к глубинному, «молекулярному» изучению структуры ОПГ и каузальных механизмов формирования лидерства.

Это предполагает всеобъемлющий анализ, включающий реконструкцию причинно-следственных цепочек «криминального онтогенеза» индивидов, выявление системообразующих условий, позволяющих девиантной стратегии воспроизводиться, построение детализированных психоаналитических и психосоциальных портретов лидеров с учетом биологической разнородности и уникальности жизненного опыта, а также непрерывный мониторинг всех слоев общества для диагностики уровня «патологической пораженности» и динамической трансформации криминальных практик.

На основе полученной диагностической картины выстраивается план долгосрочного воздействия, синхронно интегрированный с существующими законодательными мерами. Практическая реализация стратегии включает два взаимодополняющих направления: «обезболивание» социального субстрата через целенаправленное снижение социально-экономического неравенства и укрепление институтов поддержки, а также целевое воздействие на «критические узлы» системы. Суть «анестезии» заключается в прицельном вмешательстве в выявленные ключевые точки, где стратегическим приоритетом является воздействие на эмоционально-ценностное ядро, «миндалину» криминальной субкультуры. Целью является инициирование управляемого кризиса идентичности через контролируемую «детонацию» внутри идеологических основ, что приводит к распаду старых связей и формирует восприимчивость к просоциальным ценностям. На операционном уровне это означает подрыв механизмов легитимации власти лидера, целенаправленную деструкцию финансовых потоков «криминальной ренты» и создание условий для «реинтеграции» девиантных элементов.

Критически важным аспектом реализации является осознание высоких рисков трансформации преступной активности в новые, непредвиденные формы. Как подчеркивал В. С. Овчинский [3], организованная преступность обладает свойством адаптивной резистентности, что требует особого подхода к управлению изменениями. Любое воздействие на социальную среду закономерно вызывает ее видоизменение, поэтому фундаментальным принципом концепции выступает обеспечение полной управляемости и контролируемости этих изменений. Это требует повышенной операционной внимательности и институциональной ответственности на всех этапах, дабы не допустить стихийной криминализации новых сфер вместо контролируемой деструкции старых.

Таким образом, стратегия «инфильтрационной анестезии» представляет собой не альтернативу традиционным мерам, а их стратегическое развитие — переход от тактики «силовой хирургии» к методологии точечной «биотерапии» социального организма, нацеленной не на уничтожение, а на системную трансформацию и достижение устойчивой «ремиссии». Развивая идеи В. С. Овчинского о биопарадигмальном подходе, предлагаемая стратегия позволяет не только прогнозировать адаптационные реакции организованных преступных групп, но и осуществлять целенаправленное воздействие на ключевые элементы системы, создавая условия для фундаментального оздоровления социального организма.

Список источников

1. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009.
2. Овчинский В. С. Стратегия борьбы с мафией. М. : SIMS, 1993.
3. Овчинский В. С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. 2018. № 1 (1). С. 136–140.

References

1. Gilinsky Ya. I. Criminology: Theory, History, Empirical Base, Social Control. 2nd ed., revised and enlarged. St. Petersburg : Juridical Center Press, 2009.
2. Ovchinsky V. S. Strategy for Combating the Mafia. M. : SIMS, 1993.
3. Ovchinsky V. S. Crime and the Fight Against It in the Digital World // Designing the Future. Problems of Digital Reality. 2018. No. 1 (1). P. 136–140.

Информация об авторе

Р. Г. Мархолия — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

R. G. Markholiya — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 16.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 16.12.2025.

Научная статья
УДК 343.5
EDN: https://elibrary.ru/ZDTHJH
NIION: 2007-0083-1/26-775
MOSURED: 77/27-005-2026-01-975

Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия

Елена Владимировна Михайлова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kis-01@mail.ru

Аннотация. Анализ современного состояния преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, позволяет сделать вывод о постепенном снижении статистических показателей, их характеризующих. Однако, подобная тенденция указывает на высокую латентность криминального рынка оружия, поскольку данный вид преступной деятельности является одним из самых крупных и доходных сегментов преступного бизнеса. Более того, проблема нелегального оборота оружия в России, особенно в контексте текущей внешнеполитической обстановки, становится предметом острого научного интереса. В первую очередь, это связано с тем, что приграничные территории к Российской Федерации, где в настоящее время проводится специальная военная операция, становятся источниками незаконного оборота оружия и боеприпасов, что представляет собой одну из самых серьезных угроз для общественной безопасности и порядка в стране.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия и боеприпасов, преступления, связанные с применением оружия, специальная военная операция

Для цитирования: Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 125–129. EDN: ZDTHJH.

Original article

Criminological characteristics of crimes related to illegal arms trafficking

Elena V. Mikhailova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kis-01@mail.ru

Abstract. Analysis of the current state of crimes related to illegal arms trafficking allows us to conclude that the statistical indicators characterizing them are gradually decreasing. However, this trend indicates a high latency of the criminal arms market, as this type of criminal activity is one of the largest and most profitable segments of the criminal business. Moreover, the problem of illegal arms trafficking in Russia, especially in the context of the current foreign policy situation, is becoming a subject of acute scientific interest. First of all, this is due to the fact that the border territories to the Russian Federation, where a special military operation is currently underway, are becoming sources of illegal trafficking in weapons and ammunition, which poses one of the most serious threats to public safety and order in the country.

Keywords: illegal trafficking of weapons and ammunition, crimes related to the use of weapons, special military operation

For citation: Mikhailova E. V. Criminological characteristics of crimes related to illegal arms trafficking. Criminological Journal. 2026;(1):125–129. (In Russ.). EDN: ZDTHJH.

© Михайлова Е. В., 2026

Незаконный оборот оружия и преступления, связанные с ним, выступают факторами, оказывающими существенное влияние на состояние преступности в стране. О высокой опасности рассматриваемой категории преступлений, подрывающих общественный порядок и общественную безопасность, свидетельствует их связь с иными преступными посягательствами, для которых незаконный оборот оружия является «питательной почвой». Особую актуальность вопросы незаконного оборота оружия приобретают в последние годы в связи с проведением Россией специальной военной операции на Украине, что уже проявляется в росте числа преступлений в приграничных областях.

Проанализируем показатели преступлений[1] [8], связанных с незаконным оборотом оружия в Российской Федерации (таблица 1)[2].

[1] Статистические показатели приведены на основе данных ФГКУ ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в России за период с 2020 г. по 2024 г.

[2] В соответствии с перечнем № 14 Указания Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17 января 2023 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

Таблица 1

Динамика количества преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в 2020–2024 гг.

	2020	2021	2022	2023	2024
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия	26557	24792	23507	19371	18567
Удельный вес в общем объеме зарегистрированных преступлений	1,2	1,17	1,13	0,9	0,9
Раскрыто преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия	17601	16689	15100	13030	11770
Удельный вес в общем объеме зарегистрированных преступлений	66,3	67,3	64,2	67,3	63,4
Выявлено лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом оружия	5169	4699	6222	5729	8076

Как видно из приведенных статистических данных, удельный вес преступлений в сфере незаконного оборота оружия в общем объеме зарегистрированных преступлений в России является невысоким и не превышает 1,2 % за исследуемый период, а количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, имеет тенденцию к снижению. При этом снижается и удельный вес раскрытых преступлений (2023 г. — 67,3 %; 2024 г. — 63,4 %), что свидетельствует о сложностях, испытываемых правоохранительными органами при раскрытии преступлений рассматриваемой категории.

Отметим, что представленные статистические данные не в полной мере отражают реальную ситуацию в сфере незаконного оборота оружия в России. Снижение количественных показателей указывает на высокую латентность криминального рынка оружия, поскольку данный вид преступной деятельности является одним из самых крупных и доходных сегментов преступного бизнеса. Данный факт подтверждается статистическими данными за 2024 г.: в структуре преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, преобладают преступления, предусмотренные ст. 222 УК РФ — незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (10281, 55 %), ст. 223 УК РФ — незаконное изготовление оружия (3325, 18 %).

В отличие от преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, число преступлений, совершенных с его использованием, не снижается, что свидетельствует о значительном количестве оружия, которое находится во владении и готовностью его применения населением (таблица 2).

Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов, которые можно разделить на несколько ключевых категорий.

Внешняя политика государства, включая участие в военных действиях, становится обстоятельством, способствующим активизации процессов, связанных с незаконным оборотом оружия. Во время вооруженных конфликтов значительно увеличивается спрос на оружие и боеприпасы, что стимулирует как внутренние, так и международные источники. Нелегальные поставки оружия становятся средством финансирования военных действий, поддержки противоборствующих группировок и способом обогащения для организованных преступных групп. Кроме того, в условиях неустойчивой политической ситуации, когда контроль над оружием и его распространением ослабляется, возрастает риск его попадания в руки террористов и преступников. За последние годы поменялись основные каналы, по которым оружие попадает в Россию:

если раньше значительная доля поставок проходила через Северный Кавказ, то начиная с 2014 г., наблюдается рост контрабанды боеприпасов из Украины [1, с. 43]. Этот процесс сопровождается нарастающей международной напряженностью и неопределенностью, порождающей повышенный спрос на оружие среди гражданского населения. В приграничных регионах, где забота о безопасности становится актуальнее всего, оружие воспринимается как средство защиты. При этом оружие, приобретаемое населением в целях обороны, начинает использоваться в бытовых конфликтах. Так, в 2024 г. наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Белгородской (491), Брянской (324), Курской (261) областях, что обусловлено их близостью к зоне проведения специальной военной операции.

Таблица 2

Динамика количества преступлений, совершенных с применением оружия в 2020–2024 гг.

	2020	2021	2022	2023	2024
Зарегистрировано преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия	5169	4699	6222	5729	5774
Удельный вес в общем объеме зарегистрированных преступлений	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3

Усиливающиеся миграционные потоки также играют значительную роль в контексте безопасности страны. Мигранты нередко втягиваются в террористическую деятельность, что повышает спрос на оружие. Так, по словам председателя Следственного комитета Российской Федерации, количество террористических преступлений, совершенных мигрантами, в 2025 г. выросло в 2,7 раза [2]. В связи с этим, за последние два года в Государственную Думу Российской Федерации направлены несколько законопроектов о внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» [3], в части усиления государственного контроля за оборотом оружия, в том числе приобретения его иностранными гражданами и лицами, вступившими в гражданство Российской Федерации. В частности, предлагается ограничить возможность приобретения оружия лицам, получившим гражданство менее 10 лет назад, а также не вставшим на воинский учет по месту жительства или месту пребывания [4].

Сложная политическая обстановка, экономические санкции, используемые иностранными государствами как инструмент внешнеполитического давления, привели к негативным изменениям в экономике страны. Снижение уровня жизни, отсутствие достойного материального вознаграждения за труд, недостатки в социальной политике государства, имущественное расслоение общества становятся причиной совершения преступлений в сфере незаконного оборота оружия. Незаконный оборот оружия — это нелегальный бизнес и источник высокой прибыли, что является привлекательным как для участников организованных преступных групп, так и для отдельных лиц.

Кроме того, общая неудовлетворенность уровнем жизни, тревога и неуверенность в завтрашнем дне выступают катализатором социальных конфликтов, зачастую перерастающих в насильственные преступления с применением оружия. При этом преступники часто пытаются найти оправдание своим действиям, указывая на тяжелое материальное положение и непростые жизненные обстоятельства. Такое поведение является отражением более глубоких социокультурных и экономических проблем, которые существуют в обществе. Происходящие в обществе негативные процессы существенно увеличили приток несовершеннолетних в криминальную среду. Так, в последнее время в разных регионах России фиксируются случаи вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность. За денежное вознаграждение подростки с помощью самостоятельно изготовленных зажигательных устройств совершают поджоги административных зданий, железнодорожного оборудования. Зачастую, подобные предложения поступают от спецслужб Украины [5].

Недостаточный контроль за оборотом оружия со стороны государства усугубляет ситуацию. Одним из основных каналов, через которые оружие попадает в руки преступников, являются объекты его хранения и производства. Предприятия, занимающиеся производством оружия, организации военно-промышленного комплекса, воинские части, как ответственные за хранение и стратегическое использование вооружения, могут представлять собой потенциальные угрозы, когда целые партии оружия оказываются в руках нелегальных структур. Такие утечки оружия могут происходить вследствие недостаточного контроля за его хранением, а также преступных действий отдельных сотрудников.

Нарушения в системе выдачи лицензий на владение оружием, возникающие на разных этапах, от оформления документов до контроля за уже выданными разре-

шениями, также создают условия для различного рода злоупотреблений. Во время проверок выявляются нарушения, касающиеся ведения документации и отсутствия актуальной информация о владельцах оружия, случаи несвоевременного аннулирования лицензий на приобретение оружия и разрешений на его хранение, погрешности в процедуре проверки документов лиц, желающих оружие приобрести.

Среди факторов, способствующих незаконному обороту оружия, стоит выделить широкое распространение в информационно-коммуникационном пространстве информации о продаже оружия и технологиях его производства. Если раньше основными источниками нелегального оружия для преступных группировок были военные склады и арсеналы силовых структур, то в последние годы в России активно функционируют подпольные оружейные мастерские. Так, по данным Центра общественных связей ФСБ России только за первые месяцы 2025 г. пресечена деятельность более 60 нелегальных мастерских, которые восстановлением боевых характеристик гражданских образцов оружия, изготовлением боеприпасов и их сбытом [6]. Еще большие возможности для незаконного оборота оружия предоставляет Даркнет (DarkNet), доступ к которому осуществляется через специальные программные платформы, такие как Tor (The Onion Router), что позволяет пользователям скрывать свою личность и местоположение. Это создает сложности для правоохранительных органов, так как традиционные методы борьбы, например, преследование по горячим следам, могут быть менее эффективными в условиях виртуального пространства.

В комплексе мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих незаконному обороту оружия, выделим два взаимосвязанных направления: оптимизация правого режима оборота оружия и совершенствование деятельности правоохранительных органов по контролю за оборотом оружия. Указанные направления предусматривают создание сбалансированной системы регулирования оборота оружия, включающей в себя четкие правила приобретения, хранения, транспортировки и утилизации оружия.

Меры предупредительного воздействия могут быть реализованы в нескольких ключевых направлениях. Во-первых, совершенствование работы лицензионно-разрешительных подразделений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в целях обеспечения строгих требований к процедуре выдачи лицензии на приобретение оружия, включая детальную проверку потенциальных владельцев, контроль качества навыков безопасного обращения с оружием, своевременное аннулирование уже выданных лицензий.

Во-вторых, недопущение формального подхода к проверке условий хранения оружия со стороны участкового уполномоченного полиции. Контрольные мероприятия, в том числе внезапные проверки, не должны ограничиваться простым визитом для подтверждения наличия сейфа и документов на оружие. Важно, чтобы участковый уполномоченный полиции проверял доступность мест хранения для посторонних лиц, особенно несовершеннолетних, а также проводил профилактические беседы с владельцами об их ответственности за безопасное обращение и хранение оружия. Данный вид деятельности осуществляется в тесном взаимодействии с Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации на основе межведомственных соглашений. Большое значение имеет работа участкового уполномоченного полиции с населением, направленная на формирование негативного отношения к незаконному обороту оружия и участию в нем, недопустимость безосновательно применения оружия, разъяснение порядка освобождения от ответственности за добровольную сдачу оружия.

В-третьих, предотвращение случаев хищения оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ с оружейных и патронных заводов, объектов продажи оружия, что предполагает разработку и внедрение современных систем безопасности и учета оружия и боеприпасов, их регулярные проверки, контроль над утилизацией бракованной и поврежденной продукции, а также профилактическую работу с персоналом о недопустимости халатного отношения к должностным обязанностям. На уровне воинских частей важным аспектом является создание системы контроля над материально-техническим обеспечением, где каждая единица оружия и боеприпасов будет тщательно учтена, что позволит минимизировать риски их хищения или утери, например, во время проведения учебных стрельб. При этом существенное значение имеет повышение уровня дисциплины личного состава как срочной службы, так военнослужащих, проходящих службу по контракту.

В-четвертых, предотвращение контрабанды оружия, в том числе обусловленной неконтролируемым оборотом оружия на Украине, куда с началом специальной военной операции значительно увеличились поставки оружия из Соединенных Штатов Америки, Германии, Франции, Швеции, Финляндии и других стран. При этом страны-поставщики не раз заявляли, что не способны контролировать, сколько вооружения доходит до зоны конфликта, а сколько отправляется на нелегальный рынок [7]. В целях предотвращения незаконного ввоза оружия на территорию Российской Федерации целесообразно усиление пограничного контроля, пресечение противоправных действий преступных групп, специализирующихся на организации каналов контрабанды оружия, боеприпасов и военного имущества в Россию, проведение на региональном и межгосударственном уровнях специальных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и устранение незаконного оборота оружия, создание единого международного учета оружия и боеприпасов.

Кроме того, значительным профилактическим эффектом является повышение уровня оружейной куль-

туры у населения, осознание общественной опасности оружия, понимание правовых и этических норм, связанных с его обращением, формирование более глубокого понимания оружия как инструмента, который, с одной стороны, может применяться для защиты и обеспечения безопасности, а с другой — быть причиной разрушительных конфликтов и насилия.

Список источников

1. Гончарова М. В., Бабаев М. М., Невский С. А., Черкасов Р. В., Тимошина Е. М. и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М., 2024.
2. Выступление Председателя СК России на Петербургском международном юридическом форуме-2025 в сессии по вопросам правового регулирования миграционной политики // URL: https://sledcom.ru/news/item/1984434/
3. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г. № 279-ФЗ) «Об оружии» // Российская газета. № 241. 18 декабря 1996.
4. Законопроект № 434348-8 «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона «Об оружии» (в части усиления государственного контроля за оборотом оружия) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/434348-8
5. Вестник Киберполиции России (телеграм-канал УБК МВД России) // URL: https://t.me/cyberpolice_rus
6. ФСБ показала кадры рейда по подпольным оружейным мастерским в регионах РФ // URL: https://www.ltv.ru/news/2025-05-26/510738-fsb_pokazala_kadry_reyda_po_podpolnym_oruzheynym_masterskim_v_regionah_rf?clckid=05c3cedb
7. Глава Пентагона заявил, что США не контролируют поставляемое Украине оружие // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14540197
8. Состояние преступности // URL: https://мвд.рф/folder/101762

References

1. Goncharova M. V., Babaev M. M., Nevsky S. A., Cherkasov R. V., Timoshina E. M. and others. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation following the results of 2023 and expected trends in its development: an analytical review. M., 2024.
2. Speech by the Chairman of the Investigative Committee of Russia at the St. Petersburg International Legal Forum-2025 in a session on the legal regulation of migration policy // URL: https://sledcom.ru/news/item/1984434/
3. Federal Law No. 150-FZ of December 13, 1996 (as amended on August 8, 2024, No. 279-FZ) «On Weapons» // Rossiyskaya Gazeta. No. 241. December 18, 1996.
4. Draft Law No. 434348-8 «On Amendments to Article 13 of the Federal Law «On Weapons» (in terms of Strengthening State control over Arms Trafficking) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/434348-8
5. Bulletin of the Cyber Police of Russia (telegram channel of the Department for the Organization of combating the Illegal use of information and Communication Technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // URL: https://t.me/cyberpolice_rus
6. The FSS showed footage of a raid on clandestine weapons workshops in the regions of the Russian Federation // URL: https://www.ltv.ru/news/2025-05-26/510738-fsb_pokazala_kadry_reyda_po_podpolnym_oruzheynym_masterskim_v_regionah_rf?clckid=05c3cedb
7. The head of the Pentagon said that the United States does not control the weapons supplied to Ukraine // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14540197
8. The state of crime // URL: https://мвд.рф/folder/101762

Информация об авторе

Е. В. Михайлова — доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Mikhailova — Associate Professor of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 10.07.2025.
The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 10.07.2025.

Научная статья
УДК 343.346.2
EDN: https://elibrary.ru/OVHWCH
NIION: 2007-0083-1/26-776
MOSURED: 77/27-005-2026-01-976

Правовое регулирование противодействия мошенничеству с цифровыми активами

Элиза Борисовна Михлина
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Москва, Россия, Mikhlina200@mail.ru

Аннотация. Исследуется комплекс правовых проблем, возникающих при квалификации и пресечении противоправных деяний с использованием цифровых активов. Особый акцент сделан на правовом регулировании квалификации мошеннических действий с цифровыми активами. Анализируется несоответствие традиционных составов преступлений, таких как мошенничество, специфике отношений в цифровой среде, выделены и проанализированы наиболее распространенные в настоящее время мошеннические схемы в данной сфере. Рассматриваются типичные схемы незаконного завладения криптовалютой и иными токенами. Предлагаются меры по совершенствованию отечественной правоприменительной практики и уголовно-правовых норм для эффективной защиты имущественных интересов в условиях цифровой трансформации экономики. Выделены определенные меры, способствующие развитию правоприменительной практики и методов борьбы с нарушениями законодательства в сфере обращения с цифровыми активами.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, мошенничество, противодействие мошенничеству, квалификация мошенничества

Для цитирования: Михлина Э. Б. Правовое регулирование противодействия мошенничеству с цифровыми активами // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 130–136. EDN: OVHWCH.

Original article

Legal regulation of countering digital asset fraud

Elisa B. Mikhlina
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia, Mikhlina200@mail.ru

Abstract. The complex of legal problems arising in the qualification and suppression of illegal acts using digital assets is being investigated. Special emphasis is placed on the legal regulation of the qualification of fraudulent actions with digital assets. The discrepancy between traditional crimes, such as fraud, and the specifics of relations in the digital environment is analyzed, and the most common fraudulent schemes in this area are identified and analyzed. Typical schemes of illegal acquisition of cryptocurrencies and other tokens are considered. Measures are proposed to improve domestic law enforcement practice and criminal law norms for the effective protection of property interests in the context of the digital transformation of the economy. Certain measures have been identified that contribute to the development of law enforcement practices and methods to combat violations of legislation in the field of digital asset management.

Keywords: digital financial assets, digital currency, fraud, fraud prevention, fraud qualification

For citation: Mikhlina E. B. Legal regulation of countering digital asset fraud. Criminological Journal. 2026;(1):130–136. (In Russ.). EDN: OVHWCH.

© Михлина Э. Б., 2026

В современную эпоху стремительный прогресс в области информационно-коммуникационных средств коренным образом трансформировал традиционные модели гражданско-правовых отношений. Появление и широкое распространение разнообразных технологических платформ и устройств для заключения соглашений способствовало формированию таких видов имущественных благ как криптовалюты, цифровые активы и иные, ранее неизвестные правовому полю, а также юридических возможностей по их истребованию. Правовая сущность этих новейших категорий остается предметом оживленных теоретических споров и неоднозначных трактовок среди представителей как научного сообщества, так и юридической практики [2; 5–8; 10].

Общественные отношения в текущий период характеризуются глубокой и всепроникающей цифровой трансформацией. Если проанализировать сферу денежного обращения через призму взаимодействия ее участников, то очевиден кардинальный сдвиг: на смену прямому личному контакту, доминировавшему в прошлом, пришли полностью дистанционные операции. Сегодня такие взаимодействия реализуются в пространстве виртуальной реальности посредством сложных информационно-телекоммуникационных систем, ярким примером чему служит использование активов, основанных на криптографических технологиях, таких как криптовалюты.

Феномен цифровых финансовых активов, включая криптовалюты, представляет собой принципиально новое явление для экономических и правовых систем. Государственная политика в настоящее время сфокусирована на создании комплексного нормативного регулирования для данной сферы, что находит прямое подтверждение в факте принятия специального закона — Федерального закона № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13].

В соответствии с этим нормативным актом, законодатель определяет цифровые финансовые активы как особый вид цифровых прав. К ним отнесены, в частности, требования денежного характера, возможности реализации прав из эмиссионных ценных бумаг, доли в уставном капитале непубличных акционерных обществ, а также права требования передачи подобных ценных бумаг. Ключевой технологической особенностью является то, что выпуск, учет и все операции с такими активами возможны исключительно путем фиксации записей в специальных информационных системах, в том числе построенных на основе распределенных реестров.

Динамика развития криптовалютного сегмента в условиях цифрового общества отличается исключительной скоростью и постоянным обновлением. Процесс создания новых видов цифровых валют непрерывен, что отчасти связано с возникновением технических, экономических и регуляторных сложностей, присущих более ранним их прототипам.

С точки зрения гражданско-правовой доктрины, под цифровыми правами подразумеваются субъективные имущественные права конкретного носителя, которые существуют не в материальной, а в цифровой форме, будучи выраженными в виде уникального кода или записи.

Таким образом, это по своей природе остается правом на имущественную ценность, но облеченным в специфическую, нематериальную форму. Данный законодательный подход порождает серьезные дискуссии в научной среде.

В этой связи является вполне обоснованной критика, высказанная рядом ученых, например, С. В. Сарбашем, который указывает на условность самой категории «цифровые права» [12]. По его мнению, вводимая законодателем конструкция может рассматриваться как юридическая фикция, потребность в которой не была должным образом аргументирована фундаментальными научными изысканиями и всесторонним анализом природы регулируемых отношений.

Существующие в юридической науке теоретические противоречия и пробелы в законодательстве напрямую осложняют работу правоприменительных органов при расследовании и юридической оценке действий недобросовестных финансовых операторов. Злоумышленники часто предлагают гражданам инвестиционные схемы, сулящие баснословную прибыль от торговли на криптовалютных биржах, а также вводят в оборот собственные цифровые единицы — токены, движение которых крайне сложно отследить и проконтролировать [11].

В контексте уголовно-правовой действительности России одним из наиболее массовых и социально опасных деяний продолжает оставаться мошенничество, ответственность за которое установлена ст. 159–159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации [14]. Согласно легальной дефиниции, под этим преступлением понимается противоправное изъятие имущества, принадлежащего другому лицу, либо незаконное получение юридических прав на такое имущество, осуществленное посредством введения потерпевшего в заблуждение или использования особых доверительных отношений.

Рост преступной активности в криптосфере, измеряемый в многократном увеличении числа инцидентов, обусловлен комплексом взаимосвязанных причин.

1. Колоссальный рост объемов нелегальных доходов закономерно порождает спрос на инновационные, высокотехнологичные методы их легализации, позволяющие скрыть происхождение средств [9].

2. Отсутствие четкого правового статуса виртуальных валют и действенных механизмов финансового надзора за их оборотом создает питательную среду для возникновения псевдофинансовых организаций. Эти структуры, используя технологию распределенного реестра, либо обеспечивают анонимное хранение денежных потоков, либо специализируются на конвертации криптоактивов в традиционные (фиатные) деньги.

3. К настоящему моменту на государственном уровне не сформирована единая и эффективная стратегия профилактики правонарушений в данной области.

В последние годы отмечается стремительная эскалация мошенничеств с применением цифровых валют. Важно подчеркнуть, что преступники постоянно эволюционируют, не ограничиваясь устоявшимися схемами, а активно изобретая новые, соответствующие последним технологическим трендам, методики реализации своих противоправных замыслов.

К числу наиболее распространенных разновидностей криптомошенничеств можно отнести следующие.

Фишинговые ресурсы и поддельные кошельки.

В условиях развития цифровых технологий злоумышленники освоили создание детально скопированных дубликатов легитимных веб-сайтов. На таких ресурсах пользователь, не подозревая об обмане, может заниматься майнингом или покупкой виртуальной валюты. Мошенники часто изменяют в адресе всего один символ, а идентичность дизайна и интерфейса делает подмену практически незаметной для жертвы. Регистрируясь на фишинговом портале, пользователь добровольно передает конфиденциальные данные в распоряжение киберпреступников [15].

Для хранения криптоактивов необходимы специальные электронные кошельки, которые содержат как сами цифровые ценности, так и историю всех операций в блокчейне. Злоумышленники разрабатывают и распространяют фальшивые приложения, маскирующиеся под известные кошельки (например, GreenAddress, Simple Bitcoin Wallet), цель которых — хищение средств. Установив такое приложение, пользователь активно им пользуется, а при достижении остатком на счете определенного порога средства автоматически переводятся разработчикам-мошенникам.

Схема Понци (криптопирамида).

Данная модель хищения имеет общие черты с классической финансовой пирамидой, где деньги новых вкладчиков используются для выплат «доходов» предыдущим участникам. Механизм Понци основан на перераспределении средств: выплаты «прибыли» ранним инвесторам осуществляются исключительно за счет взносов тех, кто присоединился позднее. Ярким примером является платформа Bitconnect, основатель которой, Сатиш Кумбхани, был привлечен к ответственности за организацию масштабного криптомошенничества [16]. В 2021 г. Банк России опубликовал перечень организаций, демонстрирующих признаки нелегальных финансовых пирамид, куда вошли, в частности, Crypto-Max, Crypto Inc и Exchange Coindesk [17].

Облачный майнинг.

Суть этого мошенничества заключается в привлечении инвестиций под ложные предлоги. Жертвам предлагают вложить деньги в развитие якобы существующего мощного дата-центра для добычи биткоинов, обещая регулярный процент от будущей «прибыли» [1].

Мошеннические обменные сервисы и биржи.

Добытая майнингом криптовалюта сама по себе не может служить законным средством платежа на территории РФ, где таковым является только рубль. Для ее конвертации используются специализированные площадки. Мошеннические биржи заманивают клиентов выгодными условиями: множеством способов пополнения депозита, низкими комиссиями и курсами. Однако после внесения средств и покупки криптовалюты (например, BTC) пользователь сталкивается с невозможностью их вывода обратно.

Практика «пампинга» (искусственного накачивания стоимости).

Отличительная черта этого мошенничества — целенаправленное манипулирование рыночной ценой цифрового актива. Преступная группа скупает большой объем малоизвестной криптовалюты, после чего начинает массовую рассылку ложных или вводящих в заблуждение сообщений. В них, часто под видом «инсайдерской» информации, инвесторов призывают срочно покупать данный актив, прогнозируя его взрывной рост. В результате ажиотажного спроса, созданного обманутыми пользователями, цена действительно растет, после чего организаторы схемы моментально продают свои запасы по завышенной стоимости, обрушая рынок и оставляя остальных владельцев с обесценившимися активами.

Анализ преступных схем, связанных с дистанционным хищением имущества, а также с манипуляциями разнообразными объектами, выраженными в цифровой форме, сопряжен для правоприменителей и исследователей со значительными сложностями в части юридической оценки этих деяний.

Это объясняется тем, что в условиях современной цифровой экономики злоумышленники активно внедряют ранее неизвестные методы нанесения имущественного вреда, применяя новейшие технологические решения. Правовой режим применения и использования таких технологий либо вообще не урегулирован действующим гражданским и финансовым законодательством России, либо их трактовка в нормативных актах отличается неопределенностью и порождает множество дискуссионных вопросов [18].

С позиции гражданско-правового и финансового регулирования процедура конвертации традиционных денежных средств в токены с их последующей трансформацией в виртуальные условные единицы сама по себе не образует состава правонарушения. Подобные активы находят свое отражение в ст. 128 и 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и легализуются в качестве так называемых «цифровых прав».

Диспозитивная природа гражданского права, закрепленная в ст. 8 ГК РФ, подразумевает, что юридически значимые права и обязанности могут возникать не только из прямо предусмотренных законом оснований, но и из действий субъектов, которые, не будучи прописаны в нормативных актах, соответствуют основным началам и смыслу всего гражданского законодательства.

Аналогично, в силу ст. 421 ГК РФ, физические и юридические лица обладают свободой договора и могут заключать как поименованные, так и непоименованные в законе соглашения. Однако в контексте подобных операций остро встает проблема идентификации правообладателя: какими доказательствами участники схемы могут подтвердить законность своих имущественных притязаний?

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 140 Гражданского кодекса РФ единственным законным платежным средством, обязательным к приему на всей территории страны, является российский рубль. В этом ключе различные титульные знаки, представляющие собой виртуальные единицы расчетов внутри конкретных электронных систем, эмитируемые самими пользователями, не признаются разрешенным средством платежа. Следовательно, они не могут являться объектом договора цессии (уступки права требования). Также их нельзя отнести к вещам, определяемым родовыми признаками, поскольку они лишены материальной формы и не существуют в физически осязаемом пространстве.

Важную правовую позицию по данному вопросу сформулировал Верховный Суд РФ в Определении от 1 июня 2021 г. № 48-КГ21-3-К7 [19]. Суд указал, что виртуальные расчетные единицы, вне зависимости от их валютного эквивалента, изначально приобретаются за вполне реальные денежные средства и, таким образом, обладают опосредованной, но очевидной материальной связью с имуществом как предметом преступного посягательства.

Из этого следует важный для квалификации вывод: при рассмотрении подобных действий как мошеннических, предметом преступления должны признаваться не сами виртуальные единицы, а те реальные денежные средства, которые потерпевший затратил на их приобретение, но не получил взамен ожидаемого актива или услуги.

После рассмотрения типичных способов совершения криптовалютных мошенничеств целесообразно перейти к вопросу о методике их выявления и расследования. Как отмечает И. И. Кучеров, традиционная методика расследования финансовых преступлений в значительной степени базируется на получении необходимой информации от кредитных организаций, которые предоставляют ее следственным органам в документарной форме на основании официальных запросов. Однако в случае с операциями, использующими криптовалюту, реализовать такой подход не представляется возможным [4, с. 19].

Это обусловлено фундаментальным отличием криптовалютных транзакций: в них полностью отсутствует посредническая функция как банков, так и небанковских кредитных учреждений. Все расчеты осуществляются по принципу peer-to-peer, т. е. напрямую между отправителем и получателем средств, что радикально усложняет традиционный следственный путь, связанный с отслеживанием денежных потоков через финансовые институты.

При осуществлении расследования уголовных дел, связанных с противоправными операциями с использованием цифровых валют, центральной задачей следствия становится установление первоначального источника, с которого произошло списание денежных средств. Для решения этой задачи в первую очередь требуется идентифицировать криптографический адрес кошелька, т. е. установить его открытый (публичный) и закрытый (приватный) ключи.

После этого уполномоченный орган традиционно формирует официальный запрос о предоставлении документации или сведений, касающихся операций с виртуальной валютой. Однако специфика альтернативных платежных инструментов, функционирующих в сети Интернет, заключается в отсутствии единого администратора или иного субъекта, который бы осуществлял централизованное управление всеми транзакциями. Вследствие этой децентрализованной архитектуры правоохранительные структуры лишены возможности адресного направления подобных запросов конкретному ответственному лицу или организации.

В рамках процессуальных действий крайне важно определить целевое назначение осуществленного перевода. Для достижения данной цели следователям необходимо проводить допросы, а также очные ставки с привлечением лиц, выступавших в роли отправителя и получателя средств. Каждая операция в данной сфере оставляет неизгладимый цифровой отпечаток в распределенном реестре — блокчейне. Этот факт предоставляет оперативным сотрудникам возможность путем проведения специализированных оперативно-розыскных мероприятий выявлять обстоятельства, свидетельствующие о противозаконном получении криптовалюты.

Важнейшими элементами, подлежащими установлению в процессе расследования для установления наличия состава преступления, являются: наименование криптовалютной биржи и данные учетной записи (аккаунта), с которых было произведено хищение финансовых активов; технический способ осуществления транзакции; точные суммы всех операций; а также все сопутствующие реквизиты и иная значимая информация.

Необходимо особо подчеркнуть, что цифровые технологии, в том числе лежащая в их основе система распределенного реестра (блокчейн), представляют собой принципиально инновационный феномен, коренным образом отличающийся от классических банковских механизмов. Технология блокчейн играет ключевую роль в процессах документирования и формирования доказательственной базы. Как отмечает В. П. Галушин [3, с. 91], оставляемые в цифровой среде следы создают новые, дополнительные возможности для доказывания фактов криминального использования виртуальных активов.

В текущих условиях обеспечение сохранности криптовалютных активов пользователя выступает в качестве приоритетной функции для сервисов онлайн-кошельков, а также локальных и мобильных приложений. В этих электронных системах повсеместно применяются такие средства защиты, как двухфакторная аутентификация и специальная seed-фраза (сид-фраза), предназначенная для восстановления доступа.

Согласно существующим прогнозам, в ближайшей перспективе ожидается рост уровня мошеннической активности с применением цифровых активов. Особую актуальность этот тренд приобретает в связи с внедрением цифрового рубля, который, начиная с 1 августа 2023 г., официально приобрел статус третьей формы национальной валюты наравне с наличными и безналичными деньгами.

Для противодействия дальнейшей эскалации преступности в сфере виртуальных активов государственным органам необходимо системно решать задачи, направленные, с одной стороны, на профилактику мошенничеств с использованием криптовалют, а с другой — на сохранение и поддержку инвестиционного потенциала граждан. Население традиционно стремится к повышению уровня личного благосостояния путем размещения свободных средств на банковских депозитах.

Однако с течением времени финансовые организации предлагают все менее привлекательные условия: процентные ставки снижаются, в то время как уровень инфляции в экономике сохраняется на значимом уровне. В результате граждане вынуждены искать альтернативные, более доходные способы инвестирования, зачастую не подозревая, что многие из предлагаемых в digital-среде схем носят откровенно мошеннический характер.

Помимо этого, можно сделать вывод о том, что для обеспечения эффективного противодействия мошенничеству с цифровыми активами необходимо активное совершенствование действующего законодательства. Одним из предложений может стать расширение полномочий Банка России с целью предоставления ему возможности производить блокировку подозрительных операций, что будем способствовать снижению уровня финансовых потерь как физических, так и юридических лиц.

Также представляется, что результативным механизмом в осуществлении вышеназванного противодействия может послужить усиление ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни, к которой может относиться торговля персональными данными лиц. Для того, чтобы совершить мошеннические действия с использованием, к примеру, банковских реквизитов лица, либо его криптовалютой, преступнику необходимо обладать информацией о реквизитах лица. Такую информацию можно найти в сети Интернет, так как зачастую ее продают на различных платформах. В связи с этим, усиление санкции за данные деяния в ст. 137 УК РФ представляется действенных механизмом.

Наконец, создание некой единой базы кибермошенников позволит правоохранительным органам более оперативно реагировать на выявленные признаки мошеннических действий, так как он будет содержать систематизированную информацию как о самих преступлениях, так и о лицах, их совершивших.

Таким образом, весь комплекс указанных мер будет способствовать адаптации правового регулирования противодействия мошенничеству с цифровыми активами к новым реалиям действительности. Такой комплексный подход, объединяющий в себе как правовое регулирование и достаточный уровень квалификации правоохранительных органов, так и сознательность самих людей, позволит значительным образом снизить уровень мошенничества с цифровыми активами.

Список источников

1. Архипов А. В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 5. С. 16–20.
2. Бурмистрова А. А., Осокин Р. Б. Уголовно-правовая характеристика провокации взятки либо коммерческого подкупа // Криминологический журнал. 2021. № 1. С. 35–38.
3. Галушин П. В., Карлов А. Л. Сведения об операциях с криптовалютами (на примере Биткойна) как доказательство по уголовному делу // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 2. № 4.
4. Кучеров И. И. К вопросу о методике расследования преступлений, совершенных с исполь-

зованием криптовалюты // Российский следователь. 2018. № 12. С. 17–21.
5. Осокин Р. Б., Немтинов Д. В. К вопросу о признаках преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 121–128.
6. Осокин Р. Б., Ковригин В. С. К вопросу о совершенствовании уголовного законодательства об ответственности за присвоение или растрату // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 118–123.
7. Осокин Р. Б. К вопросу о целесообразности применения конфискации имущества при назначении наказания за мошенничество (российский и таджикский опыт) // Вестник экономической безопасности. 2025. № 3. С. 104–108.
8. Осокин Р. Б. Психологические особенности личности мошенников // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сб. науч. тр. II междунар. конф. (Москва, 6–7 июня 2018 г.). М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. С. 600–602.
9. Иванцов С. В., Сидоренко Э. Л., Спасенников Б. А. и др. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 85–93.
10. Рожкова М. А. Цифровые права (digital rights) — что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // Закон.ру. 17 авг. 2020.
11. Урошлева А. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики // URL: https://www.garant.ru/article/1220358/
12. Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL: http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf
13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ч. I. Ст. 5018.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
15. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ // URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_20i4.pdf
16. Bits Media. Биткоин форум // URL: https://bits.media/organizatoru-piramidy-bitcon-nect-predyavleny-ofitsialnye-obvineniya/
17. В черный список ЦБ попали представители криптоиндустрии // URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/60b609409a7947268c5945
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
19. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 48-КГ21-3-К7 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401291417/

References

1. Arkhipov A. V. Fraud using electronic means of payment (art. 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal law. 2019. No. 5. P. 16–20.
2. Burmistrova A. A., Osokin R. B. Criminal and legal characteristics of provocation of a bribe or commercial bribery // Criminological Journal. 2021. No. 1. P. 35–38.
3. Galushin P. V., Karlov A. L. Information on operations with cryptocurrencies (using Bitcoin as an example) as evidence in a criminal case // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. Vol. 2. No. 4.
4. Kucherov I. I. On the issue of the methodology for investigating crimes committed using cryptocurrencies // Russian investigator. 2018. No. 12. P. 17–21.
5. Osokin R. B., Nemtinov D. V. On the issue of signs of crimes in the sphere of economic activity committed by deception and (or) abuse of trust // Society and Law. 2016. No. 2 (56). P. 121–128.
6. Osokin R. B., Kovrigin V. S. On the issue of improving criminal legislation on liability for embezzlement or embezzlement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1. P. 118–123.
7. Osokin R. B. On the question of the expediency of using confiscation of property when punishing fraud (Russian and Tajik experience) // Bulletin of Economic Security. 2025. No. 3. P. 104–108.
8. Osokin R. B. Psychological characteristics of

the personality of fraudsters // Professional education of law enforcement officers. Pedagogy and psychology of professional activity: current state and prospects: Collection of scientific papers of the II International Conference (Moscow, June 6–7, 2018). M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2018. P. 600–602.
9. Ivantsov S. V., Sidorenko E. L., Spasennikov B. A. and others. Crimes related to the use of cryptocurrencies: the main criminological trends // All-Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 85–93.
10. Rozhkova M. A. Digital rights — what are they and are they needed in the Civil Code? // Zakon. ru. August 17, 2020.
11. Uroshleva A. Objects on digital media, digital rights and money: trends in legal theory and practice // URL: https://www.garant.ru/article/1220358/
12. Expert opinion of the Presidential Council for the Codification and Improvement of Civil Legislation on the draft Federal Law No. 424632-7 «On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation» // URL: http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2018/04/meeting-190418-zakonoproekt-2-project-conclusion.pdf
13. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Part I. Art. 5018.
14. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
15. Key definitions and potential risks in the field of AML/CFT // URL: https://eurasian-group.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_20i4.pdf
16. Bits Media. Bitcoin Forum // URL: https://bits.media/organizatoru-piramidy-bitcon-nect-predyavleny-ofitsialnye-obvineniya/
17. Representatives of the crypto industry were blacklisted by the Central Bank // URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/60b609409a7947268c5945
18. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
19. Definition of the IC on Civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 1, 2021 No. 48-KG21-3-K7 // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401291417/

Информация об авторе

Э. Б. Михлина — аспирант Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Information about the author

E. B. Mikhlina — Postgraduate student of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 343.813:343.246
EDN: https://elibrary.ru/PBUAZH
NIION: 2007-0083-1/26-777
MOSURED: 77/27-005-2026-01-977

Технические средства надзора как инструмент обеспечения непенитенциарного режима: теоретико-прикладные аспекты

Александр Сергеевич Мякишев
Центр инженерно-технического обеспечения и вооружения Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Томской области, Томск, Россия, asmas@mail.ru

Аннотация. Активное развитие технических средств обуславливает необходимость переосмысления их роли в уголовно-исполнительной системе, выходящей за рамки традиционного карательного подхода. Проблема заключается в отсутствии единого теоретического подхода к их применению как инструменту обеспечения современного непенитенциарного режима, сочетающего контроль и ресоциализацию. Целью исследование выступает доказать гипотезу о том, что технические средства надзора являются комплексным инструментом, обеспечивающим реализацию не только карательной, но и предупредительной, управленческой и доказательственной функций непенитенциарного режима. Обоснована их многофункциональная роль в обеспечении непенитенциарного режима. Доказано, что их применение формирует доказательственную базу для корректировки исполнения наказания и оказывает психологическое превентивное воздействие. Выявлена дисперсность правовых норм, регламентирующих их использование. Результаты могут быть применены в нормотворческой деятельности для совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, а также в практической работе уголовно-исполнительных инспекций по организации надзора. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления в Общей части УИК РФ целей, принципов и порядка применения технических средств надзора. Цель исследования достигнута: гипотеза подтверждена, что технические средства являются ключевым элементом для обеспечения эффективности и достижения целей непенитенциарного режима.

Ключевые слова: технические средства надзора, непенитенциарный режим, электронный контроль, УИК РФ, ресоциализация

Для цитирования: Мякишев А. С. Технические средства надзора как инструмент обеспечения непенитенциарного режима: теоретико-прикладные аспекты // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 137–142. EDN: PBUAZH.

Original article

Technical means of supervision as a tool for ensuring a non-emergency regime: theoretical and applied aspects

Alexander S. Myakishev
Center for Engineering and Technical Support and Armament of the Federal Penitentiary Service Administration in the Tomsk Region, Tomsk, Russia, asmas@mail.ru

Abstract. The active development of technical means necessitates a rethinking of their role in the penal system, moving beyond the traditional punitive approach. The problem lies in the absence of a unified theoretical approach to their use as a tool for ensuring a modern non-penitentiary regime that combines control and resocialization. The aim of the study is to prove the hypothesis that technical supervision means are a comprehensive tool ensuring the implementation

© Мякишев А. С., 2026

of not only punitive but also preventive, managerial, and evidential functions of the non-penitentiary regime. Their multifunctional role in ensuring the non-penitentiary regime is substantiated. It is proven that their application forms an evidential basis for adjusting the execution of punishment and exerts a psychological preventive impact. The dispersion of legal norms regulating their use is revealed. The results can be applied in legislative activities to improve penal legislation, as well as in the practical work of penal inspectorates in organizing supervision. It is concluded that it is necessary to legislatively enshrine in the General Part of the Penal Code of the Russian Federation the goals, principles, and procedures for the use of technical supervision means. The research goal is achieved: the hypothesis is confirmed that technical means are a key element for ensuring the effectiveness and achieving the goals of the non-penitentiary regime.

Keywords: technical supervision means, non-penitentiary regime, electronic monitoring, Penal Code of the Russian Federation, resocialization

For citation: Myakishev A. S. Technical means of supervision as a tool for ensuring a non-emergency regime: theoretical and applied aspects. Criminological Journal. 2026;(1):137–142. (In Russ.). EDN: PBUAZH.

С учетом развития технических средств их использование в деятельности уголовно-исполнительной системы является как никогда актуальным. Историческим импульсом к внедрению технических средств в российскую пенитенциарную систему стал Циркуляр Главного Тюремного Управления от 9 января 1888 г. Этот документ, один из первых в своей области, устанавливал общие принципы организации тюремного надзора, которые подлежали реализации вместе с введением «Положения о тюремной страже». Согласно циркуляру, предписывалось не только создавать стационарные посты, но и формировать мобильный резерв из свободных от нарядов надзирателей, для которых оборудовалась специальная комната — так называемая «сборная». Ключевым техническим элементом этой системы стала сигнализация: для оперативного вызова подкрепления требовалось провести систему сигнальных звонков, соединяющих различные корпуса тюрьмы со сборной [13].

Технические средства охраны и надзора позволяют получать большой массив данных о подозреваемых, обвиняемых и осужденных, которые в последствии могут быть использованы для профилактики деструктивного поведения с их стороны. Как справедливо отмечал И. М. Рагимов успешное решение задач, стоящих перед администрацией исправительных учреждений возможно только при наличии достаточной информации об объекте исправительно-трудового воздействия [8].

Впервые в истории отечественного пенитенциарного законодательства, с принятием в 1997 г. УИК РФ, администрация исправительных учреждений была наделена законодательным правом использовать, в отношении осужденных к лишению свободы, технические средства надзора и контроля. Легальное определение технических средств закреплено в ст. 83 УИК РФ. Норма относит к данной категории аудио-, визуальные и прочие электронные устройства, функциональное назначение которых заключается в предотвращении побегов, преступных актов и иных нарушений тюремного режима, а также в сборе данных о поведении лиц, отбывающих наказание.

Актуальность вопросов контроля и надзора за осужденными подтверждается их значимостью не только в рамках непенитенциарного режима, но и в традиционных пенитенциарных учреждениях. Так, даже внутри системы лишения свободы, где уровень изоляции и контроля максимален, возникают сложные правоприменительные проблемы, связанные с оценкой поведения осужденных. Ярким примером служит дискуссионный институт «злостного нарушителя» установленного порядка отбывания наказания. Исследования показывают, что отсутствие четких законодательных процедур, в частности, для снятия данного статуса, приводит к произвольному применению правоограничений и нарушению прав осужденных [7]. Это свидетельствует о системной проблеме недостаточной регламентации контрольных механизмов в УИС России, что лишь подчеркивает необходимость тщательного научного осмысления и четкого нормативного закрепления подобных процедур, в том числе и при использовании технических средств надзора в непенитенциарном режиме. Как справедливо отмечает Е. А. Шамшилова, законодатель дает определение режима только применительно к лишению свободы, оставляя без внимания наказания, не связанные с изоляцией от общества [12]. В этой связи в научный оборот было введено понятие «непенитенциарный режим», под которым понимается правопорядок исполнения наказаний без изоляции от общества, направленный как на нейтрализацию криминогенных факторов, так и на создание условий для исправления [12]. Однако содержание и инструментарий этого режима остаются недостаточно изученными. Цель данного исследования — восполнить этот пробел, доказав, что технические средства надзора являются комплексным инструментом, обеспечивающим реализацию функций непенитенциарного режима, обе-

спечивающим реализацию не только карательной, но и предупредительной, управленческой и доказательственной функций непенитенциарного режима исполнения наказаний.

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования использован комплекс общенаучных и частнонаучных методов, применение которых обеспечило достоверность полученных результатов и возможность их воспроизведения.

Историко-правовой метод позволил проанализировать генезис и эволюцию применения технических средств в пенитенциарной системе России, начиная с первого нормативного регулирования (Циркуляр Главного тюремного управления 1888 г.) до современного этапа. Это обеспечило понимание преемственности и трансформации подходов к организации надзора.

Формально-юридический метод применялся для анализа действующих норм уголовного, уголовно-исполнительного и административного законодательства, регулирующих использование технических средств надзора. Метод включал догматический анализ текстов нормативных правовых актов, их системное толкование и выявление правовых пробелов.

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления правового регулирования применения технических средств в учреждениях пенитенциарной системы и при исполнении наказаний без изоляции от общества, что позволило выявить особенности их функционирования в разных режимах.

Системно-структурный метод обеспечил анализ непенитенциарного режима как комплексного института, выявление его структурных элементов (карательные, некарательные и факультативные требования) и установление взаимосвязей между ними.

Применение указанных методов в их сочетании обеспечило методологическую основу для формулирования теоретических выводов и практических рекомендаций, представленных в исследовании.

Несмотря на то, что использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля были включены в действующий уголовно-исполнительной кодекс, законодатель не обеспечил их применение особыми юридическими гарантиями, о чем справедливо отмечает в своих работах В. А. Уткин [10].

В классическом понимании, вышеуказанные средства направлены на поддержание режима, которое, в свою очередь, ранее имело исключительно пенитенциарное значение [6; 9]. В настоящее время в отечественной пенитенциарной науке, особенно среди представителей Томской школы уголовно-исполнительного права, происходит концептуальный пересмотр традиционного понимания тюремного режима. Классическая парадигма, рассматривающая режим исключительно как пенитенциарный (т. е. как строгую систему правоограничений, наказания и изоляции в местах лишения свободы), признается недостаточной и односторонней.

Ученые предлагают принципиально новую, дуальную модель, включающую два взаимосвязанных аспекта:

1. пенитенциарный режим — это ядро режима, обеспечивающее кару, безопасность и изоляцию. Он реализуется через четкие правила, строгий надзор, меры принуждения и предотвращение побегов;
2. непенитенциарный режим — это социально-реабилитационный компонент, нацеленный на исправление и ресоциализацию осужденного. Он проявляется в организации получения образования, профессиональной подготовки, психологической помощи, воспитательной работы и поддержании социально полезных связей осужденных, которым назначено наказание без изоляции от общества.

Авторство введения данного понятия в научный дискурс принадлежит М. А. Манаковой. Исследовательница раскрыла его через двуединую структуру: с одной стороны, это регламентированные порядок и условия реализации специфических прав и обязанностей осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества; с другой — установленные правила поведения для сотрудников соответствующих учреждений и органов [1].

Содержание непенитенциарного режима состоит из карательных и не обладающих свойствами кары требований и предписаний, а также из факультативных некарательных требований, применяемых к отдельным осужденным, способных минимизировать условия для совершения осужденным нового преступления и обеспечить благоприятные условия его исправления [5].

Главный тезис заключается в том, что непенитенциарный режим — это не полная противоположность карательному режиму, а сложный гибрид. Это важнейший нюанс. Автор утверждает, что даже в рамках режима, нацеленного на исправление, сохраняются элементы контроля и принуждения (карательные требования), что отражает реальную практику уголовно-исполнительной системы.

Автор выделяет три составные части непенитенциарного режима.

1. Карательные требования и предписания: это базовый уровень безопасности и правопорядка (например, отмечаться в уголовно-исполнительной инспекции, не выходить в ночное время из дома). Они ограничивают свободу, но являются необходимым фундаментом.
2. Некарательные требования: это обязательные элементы, направленные на исправление (на-

пример, обязанность трудоустроиться).

3. Факультативные некарательные требования: это ключевой элемент гибкости и индивидуализации. Они применяются выборочно (участие в пробационных мероприятиях).

Функционирование непенитенциарного режима обеспечивается обширным набором правовых инструментов. В отличие от режима лишения свободы, законодатель отказался от идеи единой нормы с исчерпывающим перечнем этих инструментов. Вместо этого правовой механизм рассредоточен (дисперсен) по нормам нескольких отраслей права: Уголовного (УК РФ), Уголовно-исполнительного (УИК РФ) и Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ) [4].

Анализ зарубежного опыта, проведенный Е. В. Наумовым, позволяет выделить технические средства контроля в качестве одной из трех основных составляющих системы обеспечения режима наряду с запретами и мерами поощрения/взыскания [2]. Этот вывод полностью коррелирует с результатами нашего исследования. Однако если в зарубежных тюрьмах технические средства служат прежде всего цели усиления «физической безопасности» и изоляции, то в рамках непенитенциарного режима их роль многократно расширяется. Они становятся не просто инструментом контроля, но и ключевым механизмом реализации доказательственной, предупредительной и управленческой функций, обеспечивая гибкость и индивидуализацию исполнения наказания.

Технические средства надзора за осужденными без изоляции от общества выполняют системообразующую функцию в механизме непенитенциарного режима. Они формируют инфраструктуру для постоянного мониторинга, обеспечивающего контроль за поведением, соблюдением установленных ограничений и возложенных судом обязанностей. Важнейшим компонентом этой системы является превентивно-психологическое воздействие: осознание всеобъемлющего контроля формирует установку на правопослушное поведение и интериоризацию социальных норм. В случае же совершения противоправных действий, технические средства обеспечивают фиксацию нарушения, что создает основу для законного и обоснованного применения санкций, вплоть до замены неотбытой части наказания лишением свободы.

Своевременное получение информации о нарушении и последующая незамедлительная реакция со стороны сотрудников уголовно-исполнительной инспекции выполняют важнейшую предупредительную функцию. Превентивный эффект достигается за счет неотвратимости наступления негативных последствий, что удерживает осужденного от совершения новых правонарушений.

Кроме того, порядок применения электронных средств контроля регламентирует деятельность всей системы уголовно-исполнительных инспекций, что отражает реализацию режимом его управленческой функции. Установленные процедуры определяют права и обязанности как осужденных, так и персонала, обеспечивая единообразие и законность исполнения наказания.

Наказание в виде принудительных работ представляет собой идеальную модель для апробации возможностей технических средств надзора. Как показано в исследованиях, контингент исправительных центров в значительной степени состоит из лиц, ранее отбывавших лишение свободы, в том числе за тяжкие и особо тяжкие преступления [3]. Это порождает риски распространения «тюремного уклада» и совершения повторных преступлений. В такой ситуации технические средства (например, электронные браслеты с GPS-мониторингом для контроля за перемещениями осужденных в нерабочее время, системы видеонаблюдения в общежитиях) выполняют не только традиционную контрольную функцию, но и становятся инструментом сбора объективных данных для предотвращения конфликтов и нарушений. Это напрямую соотносится с поднятой в литературе проблемой отсутствия законодательного закрепления раздельного содержания различных категорий осужденных в исправительных центрах [3]. Технические средства могут компенсировать этот пробел, обеспечивая дистанционный мониторинг и позволяя администрации гибко реагировать на изменения в поведении осужденных, не прибегая к жесткой физической сегрегации, которая зачастую невозможна из-за ограниченности площадей.

Важным аспектом является доказательственная функция технических средств. Данные, полученные с помощью аудиовизуальных и иных электронных устройств, формируют объективную доказательственную базу для принятия ключевых процессуальных решений: о возложении дополнительных ограничений, их смягчении или ужесточении меры пресечения. Это позволяет гибко и индивидуально корректировать карательный элемент наказания в зависимости от поведения осужденного. Кроме того, технические средства могут стать ключом к решению проблемы злоупотреблений при предоставлении права передвижения осужденным без конвоя или сопровождения (иногда называемый гибридный режим), на что указывает пример из судебной практики, приведенный Н. В Череминым [11]. Данные геолокации и аудиовизуального контроля создавали бы прозрачную и проверяемую доказательственную базу как для законного предоставления этого права, так и для его немедленного отзыва при нарушении установленных правил. Это повысило бы ответственность как осужденных, так и администрации учреждений, сделав процедуру предоставления БП более объективной и соответству-

ющей закону, что особенно актуально в свете предложения автора о необходимости согласования решения с прокурором.

На основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

Технические средства надзора актуализируют для осужденного обязательность соблюдения предписаний непенитенциарного режима, выступая постоянным напоминанием о его особом правовом статусе.

Данные средства являются комплексным инструментом обеспечения режима, способствующим реализации его карательной, предупредительной и управленческой функций.

Применение технических средств представляет собой динамическую систему корректирующего воздействия, направленную на достижение целей исправления и ресоциализации осужденного, а также на профилактику рецидивной преступности.

В целях унификации правового регулирования и усиления гарантий правоприменения, целесообразно включить в Общую часть УИК РФ отдельную норму. Данная норма должна закрепить цели, принципы и общий порядок применения технических средств надзора и контроля для предупреждения правонарушений, получения информации о поведении осужденных и обеспечения надлежащего исполнения наказаний.

Список источников

1. Мананкова М. А. Международные стандарты применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, и вопросы их реализации: дисс. … канд. юрид. наук. Томск, 1998.
2. Наумов Е. В. Организационные структуры обеспечения режима в уголовно-исполнительной системе зарубежных государств // V междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий): сборник дополнительных материалов (Рязань, 17–19 ноября 2021 г.). Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. С. 160–164.
3. Некрасов А. П. Некоторые вопросы правовой регламентации содержания осужденных к принудительным работам // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 216–225.
4. Ольховик Н. В. Принципы установления непенитенциарного режима // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2 (61). С. 75–81.
5. Ольховик Н. В. Содержание непенитенциарного режима // Уголовная юстиция. 2023. № 21. С. 64–68.
6. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923.
7. Прохорова М. В. Процедура снятия с осужденных правового статуса «злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания»: теоретико-правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3 (31). С. 451–458.
8. Рагимов И. М. Вопросы эффективности исправительно-трудового воздействия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1978. № 5.
9. Утевский Б. С. Советская исправительно-трудовая политика: учебник для правовых вузов и юридических курсов. М., 1934.
10. Уткин В. А. «Подводные камни» электронного мониторинга // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С. А. Елисеева, М. К. Свиридова, Р. Л. Ахмедшина. Ч. 44. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2009. С. 94–95.
11. Черемин Н. В. Сравнительно-правовой анализ института бесконвойного передвижения в странах, входящих в Содружество Независимых Государств // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2 (22). С. 211–218.
12. Шамшилова Е. А. Теоретико-правовые аспекты организации режима при исполнении различных видов наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 3 (238). С. 35–40.
13. Россия. Главное тюремное управление. Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. Ч. 1. Ч. 2. СПб. : Главное тюремное управление, 1911.

References

1. Manankova M. A. International standards for the application of non-custodial criminal law measures and issues of their implementation: diss. ... candidate of legal sciences. Tomsk, 1998.
2. Naumov E. V. Organizational structures for ensuring the regime in the penal enforcement system of foreign countries // V International Penitentiary forum «Crime, Punishment, Correction» (dedicated to the Year of Science and Technology in the Russian Federation in 2021): collection of additional materials (Ryazan, November 17–19, 2021). Ryazan : Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. 2021. P. 160–164.
3. Nekrasov A. P. Some issues of legal regulation of the detention of persons sentenced to forced

labor // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. 2021. Vol. 1. No. 2 (98). P. 216–225.
4. Olkhovik N. V. Principles of establishing a non-penitentiary regime // Siberian Law Bulletin. 2013. No. 2 (61). P. 75–81.
5. Olkhovik N. V. The content of the non-penitentiary regime // Criminal justice. 2023. No. 21. P. 64–68.
6. Poznyshev S. V. Fundamentals of penitentiary science. M., 1923.
7. Prokhorova M. V. The procedure for removing the legal status of a «malicious violator of the established order of serving a sentence» from convicts: theoretical, legal and organizational aspects // Actual problems of the state and law. 2024. Vol. 8. No. 3 (31). P. 451–458.
8. Ragimov I. M. Issues of effectiveness of correctional labor impact // News of higher educational institutions. Jurisprudence. No. 5. 1978.
9. Utevsky B. S. Soviet correctional labor policy: textbook for law schools and law courses. M., 1934.
10. Utkin V. A. «Pitfalls» of electronic monitoring // Legal problems of strengthening Russian statehood / Edited by S. A. Eliseev, M. K. Sviridov, R. L. Akhmedshin. Part 44. Tomsk : National Research Tomsk State University, 2009. P. 94–95.
11. Cheremin N. V. Comparative legal analysis of the institution of non-dual movement in the countries of the Commonwealth of Independent States // Actual problems of the state and law. 2022. Vol. 6. No. 2 (22). P. 211–218.
12. Shamshilova E. A. Theoretical and legal aspects of the organization of the regime in the execution of various types of punishments // Bulletin of the penal enforcement system. 2022. No. 3 (238). P. 35–40.
13. Russia. The Main Prison Administration. Collection of circulars issued on the Main Prison Administration in 1879–1910. Part 1. Part 2. St. Petersburg : Main Prison Administration, 1911.

Информация об авторе

А. С. Мякишев — начальник Центра инженерно-технического обеспечения и вооружения Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Томской области.

Information about the author

A. S. Myakishev — Head of the Center for Engineering and Technical Support and Armament of the Federal Penitentiary Service Administration in the Tomsk Region.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 20.11.2025.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 20.11.2025.

Научная статья
УДК 343
EDN: https://elibrary.ru/OJXTAB
NIION: 2007-0083-1/26-778
MOSURED: 77/27-005-2026-01-978

Признание несовершеннолетних потерпевшими при насилии в семейно-бытовой сфере, совершаемом в их присутствии

Роман Борисович Осокин
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, osokinr@mail.ru

Аннотация. Насилие в семейно-бытовой сфере оказывает разрушительное воздействие не только на прямых жертв, но и на детей, которые становятся свидетелями актов агрессии. Тем не менее российское уголовное право до сих пор не предусматривает прямого признания несовершеннолетних потерпевшими, если насилие происходит лишь в их присутствии, без непосредственного посягательства на ребенка. Проведен анализ современных законодательства и правоприменения Российской Федерации в сфере защиты детей от насилия в семейно-бытовой сфере. Выявлены пробелы правового регулирования и правоприменительной практики, связанные с отсутствием статуса потерпевшего у ребенка — свидетеля насилия. На основе сравнительного опыта постсоветских стран и международных стандартов обоснована необходимость законодательного признания психологического вреда, наносимого детям — свидетелям насилия в семейно-бытовой сфере. Предлагаются пути совершенствования уголовного закона и практики его применения для обеспечения эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетних в подобных ситуациях.

Ключевые слова: насилие в семейно-бытовой сфере, несовершеннолетние, свидетель, защита прав ребенка, психологическое насилие

Для цитирования: Осокин Р. Б. Признание несовершеннолетних потерпевшими при насилии в семейно-бытовой сфере, совершаемом в их присутствии // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 143–147. EDN: OJXTAB.

Original article

Recognition of minors as victims of domestic violence committed in their presence

Roman B. Osokin
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, osokinr@mail.ru

Abstract. Domestic violence has a devastating effect not only on direct victims, but also on children who witness acts of aggression. Nevertheless, Russian criminal law still does not provide for the direct recognition of minors as victims if violence occurs only in their presence, without direct encroachment on the child. The analysis of modern legislation and law enforcement of the Russian Federation in the field of protection of children from violence in the family and household sphere is carried out. Gaps in legal regulation and law enforcement practice related to the lack of victim status of a child witness to violence have been identified. Based on the comparative experience of post — Soviet countries and international standards, the need for legislative recognition of the psychological harm inflicted on child witnesses of violence in the family and household sphere is substantiated. The article suggests ways to improve the criminal law and the practice of its application to ensure effective protection of the rights and interests of minors in such situations.

Keywords: domestic violence, minors, witness, protection of children's rights, psychological violence

For citation: Osokin R. B. Recognition of minors as victims of domestic violence committed in their presence. Criminological Journal. 2026;(1):143–147. (In Russ.). EDN: OJXTAB.

© Осокин Р. Б., 2026

Проблема защиты несовершеннолетних от насилия в семейно-бытовой сфере является весьма актуальной для Российской Федерации. Ежегодно фиксируются десятки тысяч преступлений против детей: так, только в 2024 г. российскими следственными органами расследовано более 21 тыс. преступлений против несовершеннолетних, при этом жертвами этих преступлений были признаны почти 17 тыс. детей [6]. Значительная доля случаев насилия над детьми происходит в семье, причем жестокое обращение зачастую совершается близкими родственниками ребенка.

Важно учитывать, что дети в силу незрелости психики могут страдать от насилия в семейно-бытовой сфере не только когда являются прямыми объектами физической агрессии, но и когда они вынуждены наблюдать сцены насилия между другими членами семьи. В таких случаях насилие воспринимается несовершеннолетним как норма поведения и в будущем подобная модель может быть воспроизведена им в собственной семье. Таким образом, присутствие ребенка при актах насилия приводит к серьезному психологическому травмированию, формирует толерантность к жестокому обращению и порождает цикличную передачу насильственных моделей поведения из поколения в поколение.

Международные нормы в области прав человека обязывают государства принимать меры для защиты детей от любых форм насилия в семье. В частности, Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. [3] прямо предусматривает обязанность государства защитить ребенка от всех форм физического или психологического насилия со стороны родителей или лиц, их заменяющих. Тем не менее, в российском законодательстве по-прежнему отсутствует специальный механизм защиты детей, которые стали свидетелями насилия [9, с. 4]. В официальной статистике и правоприменении такие дети зачастую остаются «невидимыми» жертвами, не получая статуса потерпевших и соответствующей помощи. Это создает существенный пробел в системе защиты прав несовершеннолетних и препятствует привлечению виновных к ответственности за весь причиняемый ущерб.

Настоящая статья направлена на анализ данной проблемы и выработку предложений по ее разрешению на основе современного законодательства, судебной практики, а также зарубежного опыта и международных стандартов.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует специальный закон о противодействии насилию в семейно-бытовой сфере, а уголовное законодательство не содержит отдельного состава преступления, охватывающего все его проявления. Более того, совершение соответствующего преступления формально не отнесено к отягчающим обстоятельствам. Акты насилия в семье квалифицируются по общим статьям УК РФ (например, побои, умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести и т. п.) либо рассматриваются как административные правонарушения — например, первичное нанесение побоев близкому лицу теперь декриминализировано и влечет лишь административную ответственность.

Соответствующее законодательное решение существенно затрудняет защиту жертв насилия в семейно-бытовой сфере. Особое беспокойство вызывает положение несовершеннолетних, чьи права оказываются затронуты в результате подобных действий. Если ребенок непосредственно подвергся насилию (физическому, сексуальному и пр.), ему придается статус потерпевшего, и преступление квалифицируется как посягательство против несовершеннолетнего. Однако если ребенок «всего лишь» присутствовал при насильственных действиях между взрослыми (например, между родителями или другими сожителями), формально он не считается потерпевшим данного преступления. Ребенок в такой ситуации имеет процессуальный статус свидетеля, но не жертвы.

Российское уголовно-процессуальное законодательство содержит определенные гарантии для несовершеннолетних свидетелей — например, особый порядок их допроса, участие педагога или психолога, запрет привлекать детей до 16 лет к ответственности за отказ от дачи показаний и др. (ст. 191, 280 УПК РФ). Однако этих мер недостаточно, поскольку они направлены преимущественно на снижение травматичного воздействия уголовного судопроизводства на ребенка-свидетеля, но не учитывают сам факт причинения ребенку вреда преступлением. Психологический вред, пережитый ребенком, наблюдавшим насилие, на практике остается вне поля зрения правоохранительных органов. Более того, отсутствие у такого ребенка статуса потерпевшего означает, что он не обладает процессуальными правами потерпевшего (в том числе правом на представителя, на заявление ходатайств, на возмещение вреда и т. д.), а также не может рассчитывать на компенсацию морального вреда за счет виновного лица в рамках уголовного дела.

Таким образом, законодательство и правоприменение исходят из концепции «пассивности» ребенка, видя в нем лишь объект заботы и защиты со стороны взрослых, но не самостоятельного носителя прав. Как отмечает Н. В. Кравчук, заложенное в российском законодательстве понимание прав ребенка обусловливает недостаточные гарантии защиты детей — жертв и свидетелей насилия. Проанализированная исследовательницей практика демонстрирует, что права ребенка не защищены должным образом: наряду с пробелами законодательства негативную роль играет и отсутствие у правоохранителей должного понимания специфики защиты уязвимого ребенка в контексте

насилия в семейно-бытовой сфере [7, с. 89]. В итоге многие дети, живущие в обстановке систематического насилия, остаются без надлежащей помощи и вовремя не изымаются из небезопасной среды.

В противоположность российской практике, международные стандарты прав ребенка исходят из того, что каждый несовершеннолетний, чьи права затрагиваются преступлением, должен рассматриваться в качестве жертвы и пользоваться специальной защитой. Международно-правовые акты и руководящие принципы призывают государственные органы учитывать интересы детей — свидетелей преступлений. Так, Экономический и Социальный Совет ООН еще в резолюции 2005/20 утвердил Руководящие принципы по вопросам правосудия в отношении детей — жертв и свидетелей преступлений [2]. Эти принципы предусматривают, что дети-свидетели должны пользоваться теми же правами на защиту, поддержку и участие в уголовном судопроизводстве, что и потерпевшие. Ребенок рассматривается как полноценный субъект, которому должна быть обеспечена возможность эффективного участия в разбирательстве и предотвращения повторной виктимизации [8, с. 33–34]. Таким образом, с точки зрения международных стандартов, обязанностью государства является признание психотравмы, полученной ребенком-свидетелем, и предоставление ему особого статуса для гарантированной защиты.

Опыт иностранных государств, особенно близких Российской Федерации по правовым традициям, подтверждает эту тенденцию. В ряде постсоветских стран за последние годы были внесены прогрессивные изменения в законодательство о насилии в семейно-бытовой сфере, учитывающие права ребенка-свидетеля. Так, Республика Армения в 2024 г. приняла поправки к законодательству о насилии в семейно-бытовой сфере (домашнем насилии), согласно которым дети, являющиеся свидетелями насилия, официально признаются жертвами и получают право на защиту со стороны государства. Одновременно расширен перечень уголовно наказуемых деяний в контексте исследуемых деяний, введена ответственность за преследование (сталкинг) и др., что свидетельствует о комплексном подходе к проблеме [4]. Также ужесточены меры реагирования на факты насилия в семейно-бытовой сфере (бытовое насилие) в Республике Казахстан, где в 2024 г. криминализированы отдельные деяния, ранее охватывающиеся составом административного правонарушения. Эти примеры демонстрируют, что признание прав детей – свидетелей насилия — это не абстрактное требование международных организаций, а реальный путь развития национального законодательства для повышения эффективности защиты семьи и детей.

Кроме того, и понятие опосредованного психологического насилия в семейно-бытовой сфере все чаще получает юридическое признание. В некоторых юрисдикциях психологическое насилие над членами семьи криминализировано и ребенок, страдающий от атмосферы террора дома, признается потерпевшим такого преступления. Российская Федерация не присоединилась к Конвенции Совета Европы о предотвращении насилия в отношении женщин и домашнего насилия [1] (Стамбульской конвенции), признающей детей – свидетелей насилия в семейно-бытовой сфере потерпевшими вследствие опосредованного причинения им вреда, но отдельные принципы этой конвенции заслуживают внимания при реформировании национального законодательства.

На основе изложенного, можно выделить несколько ключевых направлений развития российского уголовного законодательства и практики для решения анализируемой проблемы.

1. Закрепление статуса потерпевшего за ребенком — свидетелем насилия.

Необходимо предусмотреть квалификацию действий виновного с учетом причинения опосредованного вреда находившемуся при этом ребенку. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ целесообразно разъяснить, что под потерпевшим от преступления понимается лицо, которому преступлением причинен как физический, так и моральный (психологический) вред. Это позволило бы официально признавать детей, переживших психологическую травму от наблюдения насилия, потерпевшими со всеми вытекающими процессуальными правами.

Кроме того, целесообразно дополнить ст. 63 УК РФ (обстоятельства, отягчающие наказание) указанием на совершение преступления в присутствии несовершеннолетнего. Такая мера усилит ответственность агрессора за то, что его действия нанесли вред не только прямой жертве, но и присутствовавшим при этом детям.

2. Принятие специального закона о профилактике семейно-бытового насилия.

Отсутствие комплексного правового механизма противодействия насилию в семейно-бытовой сфере в Российской Федерации нередко критиковалось как внутри страны, так и на международном уровне. Принятие специального закона позволило бы урегулировать порядок выдачи охранных ордеров, взаимодействие полиции и органов опеки, создание кризисных центров для жертв.

В проекте федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» [5], внесенном еще в 2016 г., указывалось, что «невозможно посчитать всех детей, которые страдают от атмосферы насилия в семье», хотя они формально не учтены в статистике.

Принятие нового закона, актуализированного с учетом нынешних реалий, стал бы важным шагом вперед. В новом законопроекте следовало бы прямо

указать, что ребенок, находящийся в обстановке насилия в семейно-бытовой сфере, относится к числу пострадавших и имеет право на защиту.

3. Совершенствование правоприменения и межведомственного взаимодействия.

Одного изменения норм закона недостаточно; необходима выработка психологического принятия и навыков у сотрудников правоохранительных органов, социальных служб, судей. Каждый случай сообщения о насилии в семейно-бытовой сфере должен рассматриваться комплексно: ОВД обязаны выявлять, присутствовали ли дети при инциденте, и оценивать состояние ребенка. Если выявлено, что ребенок стал свидетелем насилия, следует автоматически привлекать органы опеки, психологов для работы с ним, а также рассматривать возможность признания его потерпевшим по делу.

Следственному комитету и МВД Российской Федерации необходимо разработать методические рекомендации по документированию фактов психологического вреда детям в таких ситуациях (например, заключения психолога о стрессовом расстройстве у ребенка-свидетеля).

Судебным органам же целесообразно учитывать наличие психологической травмы у ребенка при вынесении приговоров: даже если норма уголовного закона не предусматривает отдельного состава по отношению к ребенку, суд может в мотивировочной части приговора отразить факт причинения вреда несовершеннолетнему и решить вопрос о компенсации.

4. Реабилитация и поддержка пострадавших детей.

Необходимым дополнением к юридическим мерам должна стать система социальной реабилитации детей, переживших травму вследствие насилия в семейно-бытовой сфере. Непосредственно после выявления случая насилия, произошедшего в присутствии ребенка, ему должна предоставляться квалифицированная психологическая помощь. Также важно информировать законных представителей ребенка о возможностях защиты его интересов, включая право требовать возмещения морального вреда. В тех случаях, когда агрессор является родителем, может вставать вопрос о лишении родительских прав или ограничении общения, если это требуется для безопасности ребенка.

Комплексный междисциплинарный подход — юридическая защита в совокупности с психологической и социальной помощью — позволит минимизировать негативные последствия травмы и предотвратить повторное вовлечение ребенка в ситуации насилия (принцип предотвращения ревиктимизации).

5. Учет зарубежного опыта и выполнение международных обязательств.

Российской Федерации следует ориентироваться на лучшие практики, уже зарекомендовавшие себя в других странах, а также на рекомендации международных органов. Выполнение положений Конвенции о правах ребенка, в частности обеспечение защиты детей от любых форм насилия, должно найти отражение не только на декларативном уровне, но и в конкретных правовых нормах и действиях государственных органов. Также заслуживают внимания инициативы отдельных государств СНГ: например, в Республике Армения и Республике Казахстан внедряются механизмы учета интересов детей при расследовании насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере. Российская Федерация, как правопреемник СССР, исторически принимала на себя обязательства защищать детство (ст. 38 Конституции РФ провозглашает детей приоритетом государственной защиты), поэтому развитие законодательства в направлении обеспечения безопасности каждого ребенка в семье было бы последовательным и обоснованным шагом.

Таким образом, совокупность рассмотренных аргументов свидетельствует о назревшей необходимости признания на законодательном уровне факта, что несовершеннолетний, присутствующий при акте насилия в семейно-бытовой сфере, должен признаваться потерпевшим. Игнорирование этой ситуации противоречит как фундаментальным принципам защиты прав ребенка, так и здравому смыслу, ведь психологический ущерб, причиненный ребенку, реален и может иметь длительные негативные последствия для его развития и социализации. Реализация предложенных мер позволит устранить существующий пробел, повысить эффективность противодействия насилию в семейно-бытовой сфере и обеспечить детям более безопасную среду для жизни и воспитания.

Реализация предложенных изменений позволит приблизить российское законодательство к международным стандартам, повысить эффективность защиты прав несовершеннолетних и выполнить конституционную обязанность государства по охране детства. Признание детей, ставших свидетелями насилия в семейно-бытовой сфере, потерпевшими — важный шаг на пути к нулевой толерантности к насилию в семье и формированию безопасной, благополучной среды для каждого ребенка. Это укрепит профилактику преступности, поскольку дети, выросшие без травмы насилия, реже становятся как будущими агрессорами, так и жертвами. В целом, совершенствование законодательства и практики в данном направлении будет способствовать реализации принципа приоритета прав и интересов ребенка в российской правовой системе.

Список источников

1. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11.V.2011) // URL: https://rm.coe.int/168046253f
2. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений (при-

няты резолюцией 2005/20 ЭКОСОС от 22 июля 2005 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/guidelines_justice_inv_child.shtml
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/
4. Закон Республики Армения от 3 мая 2024 г. № ЗР-169 «О внесении изменений и дополнений в Закон «О предотвращении насилия в семье, защите лиц, подвергшихся насилию в семье, и восстановлении солидарности в семье» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=159294
5. Законопроект № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6
6. Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС // URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409
7. Кравчук Н. В. Дети и домашнее насилие: не только жертвы, не только уголовный процесс // Международное правосудие. 2023. № 3 (47). С. 88–111.
8. Харламов В. С. Девиктимизация детей в семейных отношениях // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2019. № 18. С. 31–38.
9. Штефан А. В. Насилие в отношении несовершеннолетних в семье: уголовно-правовой и криминологический аспекты: по материалам Уральского Федерального Округа: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.

References

1. Council of Europe Convention on Preventing and Combating Violence against Women and Domestic Violence (Istanbul, 11.V.2011) // URL: https://rm.coe.int/168046253f
2. Guidelines on Justice in Matters involving Child Victims and Witnesses of Crime (adopted by ECOSOC resolution 2005/20 of July 22, 2005) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/guidelines_justice_inv_child.shtml
3. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (entered into force for the USSR on September 15, 1990) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/
4. The Law of the Republic of Armenia dated May 3, 2024 No. ZR-169 «On Amendments and Additions to the Law «On the Prevention of Domestic Violence, Protection of Persons Subjected to Domestic Violence, and Restoration of Solidarity in the Family» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=159294
5. Draft Law No. 1183390-6 «On the prevention of domestic violence» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6
6. Interview of the Chairman of the Investigative Committee of Russia to the TASU news agency // URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409
7. Kravchuk N. V. Children and domestic violence: not only victims, not only criminal proceedings // International justice. 2023. No. 3 (47). P. 88–111.
8. Kharlamov V. S. Devictimization of children in family relations // Social services for families and children: a scientific and methodological collection. 2019. No. 18. P. 31–38.
9. Stefan A.V. Violence against minors in the family: criminal law and criminological aspects: based on the materials of the Ural Federal District: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences. Chelyabinsk, 2011.

Информация об авторе

Р. Б. Осокин — начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

R. B. Osokin — Head of the Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/NJHMAG
NIION: 2007-0083-1/26-779
MOSURED: 77/27-005-2026-01-979

К вопросу об основных элементах оперативно-розыскной характеристики насильственно-агрессивных преступлений против личности в условиях современных реалий

Олег Викторович Пауков
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается необходимость и значимость подробного изучения оперативно-розыскной характеристики насильственно-агрессивных преступлений против личности в условиях современных реалий. Проанализированы и представлены позиции ученых в области оперативно-розыскной науки, обозначены текущие элементы оперативно-розыскной характеристики (уголовно-правовой, криминалистический, криминологический и оперативно-розыскной), а также предложен ряд современных оперативно-значимых признаков для понимания существующих проблем и организации эффективного противодействия насильственно-агрессивным преступлениям против личности.

Ключевые слова: насильственно-агрессивные преступления против личности, убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, оперативно-розыскная характеристика, личность преступника, оперативно-розыскные признаки, элементы оперативно-розыскной деятельности

Для цитирования: Пауков О. В. К вопросу об основных элементах оперативно-розыскной характеристики насильственно-агрессивных преступлений против личности в условиях современных реалий // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 148–154. EDN: NJHMAG.

Original article

On the issue of the main elements of the operational-investigative characteristics of violent and aggressive crimes against the individual in modern realities

Oleg V. Paukov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The necessity is being considered and the importance of a detailed study of the operational-investigative characteristics of violent and aggressive crimes against the individual in modern realities. The positions of scientists are analyzed and presented In the field of operational investigative science, the current elements of operational investigative characteristics (criminal law, criminology, criminology and operational investigative) are identified, as well as a number of modern operationally significant features are proposed for understanding existing problems and organizing effective counteraction to violent and aggressive crimes against the individual.

Keywords: violent-aggressive crimes against the person, murder, infliction of serious bodily harm, rape, operational-search characteristics, criminal personality, operational-search features, elements of operational-search activity

For citation: Paukov O. V. On the issue of the main elements of the operational-investigative characteristics of violent and aggressive crimes against the individual in modern realities. Criminological Journal. 2026;(1):148–154. (In Russ.). EDN: NJHMAG.

На сегодняшний день в сложившейся политической обстановке в России, вопрос совершения злоумышленниками насильственно-агрессивных преступлений против личности является определенной угрозой безопасности граждан, соблюдения их незыблемых конституционных прав и свобод. Эскалация политической напряженности способна вызвать общественные волнения, которые, опираясь на проведение

© Пауков О. В., 2026

ретроспективного анализа в части изучения конфронтации государств — могут привести к неблагоприятным последствиям, в том числе в виде увеличения количества совершаемых насильственно-агрессивных преступлений против личности.

Важно отметить, что насильственно-агрессивные преступления против личности — одна из наиболее опасных и социально значимых форм криминогенной активности. Прежде всего указанный тезис обусловлен тем фактом, что при совершении преступлений против личности вред наносится не только здоровью или жизни человека, но и психическому, а также моральному состоянию потерпевшего с определенной мотивацией. Противоправные деяния, совершаемые против личности, причиняют сильные страдания родным и близким лица, подверженного преступному посягательству. Несомненно, родные люди потерпевших нуждаются в том, чтобы их чаяния и беды нашли отклик сопереживания в лице карающего «меча правосудия» правоохранительной системы.

С целью организации эффективной реализации оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), применению соответствующих профилактических и превентивных мер по недопущению совершения противоправных деяний [6, с. 9–10], совершаемых против личности, а также для их непосредственного выявления и документирования, необходимо конкретно и подробно изучить оперативно-розыскную характеристику указанного блока уголовно-наказуемых деяний в условиях современных реалий [3, с. 172].

Как правило, преступления против личности вызывают общественный резонанс, особенно в ситуациях, когда потерпевшими становятся наиболее уязвимые слои общества — пожилые люди и дети, либо, когда преступления совершаются жестоким образом (расчленение) или в отношении нескольких потерпевших (массовые убийства и т. п.).

На сегодняшний день наблюдается тенденция снижения количественных показателей, совершаемых насильственно-агрессивных преступлений против личности, в частности рассматриваемых нами составов — ст. 105, 111, 131 и ч. 4 ст. 132 УК РФ. Однако, на наш взгляд, общественная опасность таких преступлений не снижается, а все также остается на предельно высоком уровне, что и определяет необходимость их своевременного выявления и раскрытия.

Теория ОРД рассматривает оперативно-розыскную характеристику как совокупность уголовно-правовых, криминологических, криминалистических и оперативно-розыскных признаков, необходимых для раскрытия преступлений того или иного вида [11, с. 44–48]. Для более подробного изучения сущности оперативно-розыскной характеристики обратимся к фундаментальным позициям известных исследователей в области науки ОРД.

Прежде всего, надлежит отметить позицию известного ученого в области юриспруденции — Д. В. Гребельского, который под оперативно-розыскной характеристикой предлагает понимать «совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, почерпнутых из различных информационных источников, входящих прежде всего в криминалистическую, криминологическую, психологическую, социологическую, экономическую и другие характеристики преступлений» [2, с. 73]. В нашем исследовании мы опираемся на его позицию и считаем ее фундаментальной.

По мнению В. Н. Кнайкина, В. А. Кудина и А. Б. Свистильникова глубинный смысл оперативно-розыскной характеристики заключается в том, что она выступает частным учением теории оперативно-розыскной деятельности, которая позволяет изучать и анализировать всю совокупность отличительных признаков каждого уголовно-наказуемого деяния, главным образом с позиции дифференциации поисковых признаков, необходимых для последующей грамотно и поэтапно выстроенной организации оперативно-розыскной работы в части предупреждения, выявления и документирования противоправных деяний. [4, с. 16]. Ученые отмечают, что оперативно-розыскная характеристика выполняет ряд важнейших и конкретных функций: ориентирующую, информационную, организационную и поисковую, которые в своей совокупности позволяют с максимальной эффективностью противодействовать преступности в любой из форм ее проявления.

В своих научных изысканиях, авторы — К. М. Тарсуков и В. П. Шиенок, отмечают, что сущность понятия оперативно-розыскной характеристики ключевым образом заключается в обобщении оперативно-значимой информации о преступном поведении граждан, с последующим проведением аналитической работы по выявлению и последующему установлению конкретных закономерностей и тенденций их деятельности, способствующих наиболее эффективной реализации оперативно-розыскных задач в контексте борьбы с преступностью [10, с. 54–63].

Следует отметить, что позиции ученых в изучении вопроса понимания оперативно-розыскной характеристики и ее фундаментальных признаков — в некоторых аспектах различаются. Тем не менее, на сегодняшний день существует широкий перечень научных толкований понятия оперативно-розыскной характеристики, в том числе отдельно взятых преступлений. Особенно интересным представляется тот факт, что структурной, научно-обоснованной, современной оперативно-розыскной характеристики насильственно-агрессивных преступлений против личности до настоящего времени предложено не было.

Подробно изучив и проанализировав позиции ведущих ученых в области ОРД, мы предлагаем под оперативно-розыскной характеристикой понимать комплекс признаков конкретного преступления, позволяющих сделать выводы о качественной и количе-

ственной характеристике рассматриваемого уголовно-наказуемого деяния, что в свою очередь позволяет эффективно решать задачи оперативно-розыскной деятельности при их выявлении и раскрытии. В рамках исследования, нами будут использоваться признаки, наиболее полно и всесторонне характеризующие составы преступлений с точки зрения ОРД: уголовно-правовые признаки (в меньшей степени); криминологические признаки; криминалистические признаки; оперативно-розыскные признаки.

В нашем научном исследовании, мы не будем особенно акцентировать внимание на уголовно-правовом элементе оперативно-розыскной характеристики каждого из наиболее актуальных составов насильственно — агрессивных преступлений против личности: ст. 105, 111, 131, 132 УК РФ, поскольку указанный вопрос неоднократно и подробно освещался учеными в области уголовного права. Мы, в свою очередь хотим представить комплексную и актуальную информацию об особенностях ряда признаков оперативно-розыскной характеристики, углубившись в корреляцию теории и практики наук: криминологии, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Прежде всего, в рамках настоящего исследования, предлагается подробно рассмотреть криминологические признаки. Акцентировать внимание следует на следующие аспекты: социальную и психологическую характеристики личности потерпевшего и преступника, детерминанты преступления, виктимологические признаки.

Убийства и причинение тяжкого вреда здоровью чаще всего, совершаются в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, совместно с потерпевшим. Наиболее опасными видами убийств являются убийства по найму, массовые убийства, убийства несовершеннолетних, а также серии убийств, совершаемые лицами с маниакальными наклонностями. Убийцами, чаще всего, становятся мужчины. Возраст убийц колеблется от 14 до 65 лет. Как правило, большинство убийств совершаются при внезапно возникающем умысле в помутненном от алкоголя или наркотиков рассудке. Наибольшая часть убийств также носит бытовой характер, нередки случаи убийств на почве ревности, зависти, кровной мести.

Наиболее часто жертвами убийств становятся мужчины в возрасте от 25 до 45 лет, с образованием на уровне среднего или среднего специального, без постоянного места работы, злоупотребляющие алкоголем.

Чаще всего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью совершается лицами мужского пола. При последовательном изучении широкого перечня уголовных дел, следует заключить, что статистически, количество совершаемых уголовно-наказуемых деяний мужчинами достигает 86,2 %. Касаемо женской насильственной преступности, стоить обратить внимание на содержание доводов, сформулированных в совместной работе Г. И. Молева и М. С. Анисимова, которые говорят о том, что сравнительно новой в женской преступности является практика совершения убийств по найму, связанно это в первую очередь с использованием женщин-снайперов, что наблюдалось во время проведения контртеррористической операции на территории Северного Кавказа, в частности Чеченской Республики [6, с. 99–107].

Возраст, как один из основных аспектов изучения личности злоумышленника, характерный для ст. 111 УК РФ можно разделить на 2 группы. Преимущественно, он колеблется от 18 до 30 лет и составляет 41,4 % и от 31 до 50 лет — 44 %. В большей степени, все зависит от преступной мотивации каждого злоумышленника, от его образа жизни, положения дел в семье, а также от условий воспитания — данный вопрос является дискуссионным, тем не менее, правоприменительная практика и опыт общения с фигурантами по данным составам преступлений доказывают, что социально-бытовые условия воспитания влияют на восприятие окружающей действительности и последующее избрание человеком жизненного пути.

У большинства преступников также отмечается наличие излишнего нарциссизма и чувства превосходства, стремления доминирования, а также отсутствия уважения к правам других людей. Такие психологические особенности поведения часто проявляются у лиц, злоупотребляющих алкоголем и наркотическими веществами, а также лиц, росших в неблагоприятных семейных условиях и ведущих антисоциальный образ жизни в целом [5, с. 80].

При подробном изучении мотивов совершения уголовно-наказуемых деяний по ст. 105 и 111 УК РФ, надлежит представить некую иерархию:

- лидирующую позицию в процентном соотношении занимают неприязненные отношения — 82 %;
- по мотивам ревности — 5,7 %;
- из хулиганских побуждений — 4,5 %;
- по мотивам мести — 3,7 %;
- корыстный мотив — 4,1 % [1, с. 76].

В структуре общей преступности, удельный вес преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности по ст. 131 и 132 УК РФ, находится на достаточно невысоком уровне — менее 1 %. Изнасилования и насильственные действия сексуального характера, чаще всего совершаются в отношении лиц женского пола, при этом в большинстве случаев совершаются знакомыми лицами: друзьями-сверстниками, родителями или родственниками (в том числе приемными), нередки случаи, когда на вечеринке или в общем кругу знакомых, на потерпевшую обращают внимание старшие друзья знакомых.

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, помимо проявлений жестокости и агрессивности, часто сопряжены с психологическими расстройствами личности не исключающих вменяемость, к таким расстройствам относятся: геронтофилия (влечение к лицам пожилого возраста), педофилия

(влечение к несовершеннолетним), эксгибиционизм (половое удовлетворение путем демонстрации гениталий, вне половой близости), садомазахизм.

Проведя выборочные эмпирические исследования, К. И. Масленников пришел к выводу о том, что изнасилования, как правило, совершаются в жилых квартирах (20,2 %), на улицах (10,9 %), в лесопарковых зонах (15,3 %); в подвалах, на чердаках (13.9 %), в местах массового досуга (9,3 %), на дачах (15,9 %), в других местах (14,2 %). В большинстве случаев подобные преступления совершаются в темное время суток, когда большинство людей находится в своих домах [7].

Особую распространенность совершения действий сексуального характера получила информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Посредством данной сети злоумышленники, не находясь в непосредственном контакте с жертвой, могут либо создавать предпосылки для дальнейшего совершения преступления, против половой свободы или неприкосновенности личности, либо непосредственно совершать подобные преступления.

Чаще всего, опираясь на практический опыт, используются социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники», «Фэйсбук»[1] и т. д.), мессенджеры («WhatsApp»), мобильные приложения («Инстаграмм»[2]), сайты знакомств («Badoo», «Mamba», «Tinder») в целях поиска возможных жертв, общения и сближения с ними, вхождения в доверие. Вторым этапом в данном случае будет уже совершение непосредственного сексуального насилия с использованием доверия жертвы, которое было получено ранее. Также в указанных информационно-сетевых приложениях и программах злоумышленники в режиме реального времени (посредством использования функции видеосвязи) принуждают лиц к обнажению. Как правило, жертвами подобных преступлений становятся несовершеннолетние лица.

Общими факторами, повышающими виктимность жертв по преступлениям, предусмотренным ст. 105, 111, 131 и 132 УК РФ являются: нахождение потерпевшего (потерпевшей) в беспомощном состоянии ввиду различных обстоятельств (болезненное состояние психики, состояние опьянения и т. п.); несовершеннолетие или малолетство; не способность дать физический или психический отпор преступнику; доступность алкогольной или наркотической продукции вблизи мест концентрации криминальных элементов; вызывающее поведение самого потерпевшего (потерпевшей); внешние признаки лица, указывающие, что никто из родных или близких его искать не будет; высокая концентрация мест криминального характера [9, с. 47–78].

Далее предлагается рассмотреть криминалистические признаки вышеобозначенных составов преступлений против личности, под которыми понимаются: способ совершения преступления; орудия совершения преступления; следы, оставляемые на месте совершения преступления; способы совершения и сокрытия следов преступления.

Способы совершения преступлений, а также наиболее часто используемые при этом орудия преступлений: физическая сила, путем удушения или нанесения ударов по жизненно важным частям тела; при помощи бытовых или подручных предметов (кухонные ножи, шнурки, веревка, камень или кирпич, целлофановый пакет и т. п.); совершение преступления группой лиц путем группового избиения; использование специальных средств, а также оружия или предметов, конструктивно схожих с ними (ножи, огнестрельное оружие, взрывные устройства).

Изнасилования и насильственные действия сексуального характера, чаще всего совершаются при физическом превосходстве преступника; с использованием сети Интернет, получение порнографического материала с участием потерпевшего (потерпевшей) для дальнейшего использования в качестве компромата и принуждения к половому сношению; извращенные виды полового сношения с удушением, избиением, высокой степенью жестокости и др.

Наиболее важными следами преступления по общественно опасным деяниям, предусмотренным ст. 105, 111, 131 и 132 УК РФ являются: показания свидетелей и очевидцев; наличие записей с камер видеонаблюдения или мобильных устройств; наличие на месте преступления следов пальцев рук, обуви и т. п.; оставленные на месте орудия преступлений (огнестрельное оружие, холодное оружие, пули и гильзы, предметы, использованные в качестве оружия); наличие на теле жертвы характерных следов преступления, а также биологических следов подозреваемого лица: следы пальцев рук (потожировые выделения), крови, слюны, спермы и иные биологические следы; показания самого потерпевшего (потерпевшей) в случаях, когда они остаются живы; материалы тщательно осмотра места происшествия и трупа и др. [8, с. 51–73].

Можно выделить следующие наиболее часто используемые способы и средства сокрытия преступления злоумышленниками по рассматриваемым уголовно-наказуемым деяниям.

1. Скрыться с места происшествия на территории другого субъекта Российской Федерации или выехать за границу. На сегодняшний день, на практике большое количество лиц, находящихся в федеральном розыске за совершение насильственно-агрессивных преступлений против личности являются гражданами других государств (к примеру — Кыргызстан или Грузия). В случае, если злоумышленник пересекает границу посредством использования «доверенных лиц» и «подпольных механизмов». Государство, гражданином которого является фигурант, отказывается

[1] Компания Meta, которой принадлежат соцсети «Фэйсбук» и «Инстаграмм», признана экстремистской организацией в РФ. Ее деятельность на территории России запрещена.

[2] Признан экстремистской организацией и запрещен на территории РФ.

его выдавать. Теоретически — возможно направить уголовное дело в государство, где скрывается злоумышленник для дальнейшего расследования, но как происходит на практике — переданные дела чаще всего «затухают» и остаются без контроля над их исполнением.

2. Дача ложных показаний.

3.Использование радиостанций или одноразовых телефонов (с одноразовыми обезличенными абонентскими номерами) для связи между злоумышленниками или с жертвой преступления, также в современных условиях наиболее часто используются мессенджеры, социальные сети и иные Интернет-сервисы для связи, которые значительно усложняют процесс отслеживания оперативными подразделениями средств связи как преступников, так и жертв.

4. В случаях с маргинальными личностями поиск осложняется тем, что у них при себе могут отсутствовать документы, удостоверяющие личность, а также мобильные устройства, по которым путем проведения оперативно-технических мероприятий, можно было бы установить их личность и место их нахождения.

5. Изменение анкетных данных путем подделывания документов, удостоверяющих личность (особенно прост в осуществлении данный способ у иностранных граждан (наиболее часто граждане СНГ), которые выезжая в свое государство, могут поменять одну или две буквы в фамилии или имени и это будет уже совершенно другой человек. Опираясь на практический опыт, следует упомянуть о ряде ситуаций, когда по факту задержания гражданина с последующим проведением следственного действия — обыск в его жилище, можно обнаружить несколько действующих паспортов с кардинально различающимися личными данными.

6. Искусственное создание алиби злоумышленниками — как заранее спланированный и целенаправленный процесс противоправной деятельности, который включает в себя подготовку соответствующих доказательств, привлечение соучастников (друзей и знакомых, определение им соответствующих ролей — в зависимости от ситуации) с последующим поддержанием «легенды». На стадии проверки поступившей информации сотрудниками уголовного розыска, у фигурантов появляется «окно» (время) для последующих тактических действий с целью избежать привлечения к уголовной ответственности.

7. Скрыть факт смерти потерпевшего и другие. В указанном случае, мы говорим о таких ситуациях, когда, к примеру, злоумышленники разрезают или распиливают тело потерпевшего, перевозят его части в различные места (леса, водоемы, поля) и избавляются от следов преступления.

Перейдем к рассмотрению оперативно-розыскных признаков насильственно-агрессивных преступлений против личности, поскольку связующие звенья были нами подробно рассмотрены, а в свою очередь указанный элемент — выступает фундаментальным и значимым в организации оперативной работы с подбором наиболее эффективных тактических способов и методов противодействия преступности в рассматриваемой сфере.

1. Серьезная непосредственная зависимость раскрытия насильственно-агрессивных преступлений против личности от уровня организации использования негласных оперативно-розыскных сил и методов оперативно-розыскной деятельности.

2. Негативное влияние организации незаконной миграции (в том числе лиц, вербуемых ГУР Украины) на уровень выявления и раскрытия преступлений против личности.

3. Слабый уровень организации информационно-аналитической работы сотрудниками подразделений уголовного розыска. До настоящего времени возникают сложности по изучению и грамотной оценке оперативной обстановки, в частности касающейся преступной деятельности лиц ранее судимых, мигрантов, незаконно находящих на оперативно обслуживаемой территории, не позволяющей реально оценить их угрозу и планировать проведение оперативно-розыскных мероприятий по их нейтрализации.

4. Проблема эффективности существующих профилактических мер в рамках проведения работы по предупреждению совершения насильственно-агрессивных преступлений против личности.

5. Недостаточный уровень оказания содействия со стороны гражданского населения при противодействии преступлениям в указанной сфере.

6. Активная противоправная деятельность глубоко законспирированных преступных групп иностранных граждан, незаконно находящихся на территории Российской Федерации. Главной целью злоумышленников по-прежнему выступает тщательное и последовательное планирование совершения тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе с использованием различного оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, массовое устрашение населения, подбор соучастников преступной деятельности, в том числе посредством использования различных информационных платформ в сети «Интернет», а также организация попыток подрыва авторитета государственной власти посредством совершения террористических актов, антиидеологических экстремистских шествий и диверсий.

Важно также отметить факторы, серьезно осложняющие оперативно-розыскную характеристику насильственно-агрессивных преступлений против личности: слабая информированность оперативного состава о состоянии оперативной обстановки на криминогенных объектах; активное функционирование организованных преступных групп; эскалация проблем миграционной политики государства; создание и последующее усиление криминального бизнеса на фоне обеспокоенности государства внешнеполи-

тическими проблемами (к примеру — проведения Специальной военной операции); активное создание международными террористическими организациями каналов нелегального проникновения на территорию России с последующим совершением противоправных деяний против жизни и здоровья граждан, аппарата государственной власти и незыблемых конституционных ценностей.

Обозначенные в настоящем исследовании оперативно-значимые признаки оперативно-розыскной характеристики насильственно-агрессивных преступлений против личности демонстрируют реальную необходимость разработки организационно-тактических форм и методов для своевременной организации оперативно-розыскного противодействия.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что подробное изучение и последующее знание оперативно-розыскной характеристики насильственно-агрессивных преступлений против личности позволяет сотрудникам уголовного розыска разрешать существующие практические проблемы; проводить комплекс оперативно-розыскных и технических мероприятий, направленных на противодействие преступности в указанной сфере; расширять возможности по документированию преступной деятельности подозреваемых лиц; последовательно и полно предугадать и пресечь попытки преступников активного противодействия правоохранительным органам, тем самым лишая их возможности уйти от установленной законом ответственности.

Список источников

1. Бурданова В. С., Никитин Л. Н. Расследование умышленного причинения вреда здоровью: учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 2018.
2. Гребельский Д. В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М. : Юрайт, 1984.
3. Драпезо Р. Г., Кондратьев М. В. Типовая структура оперативно-разыскной характеристики преступлений и особенности ее построения на примере отдельных видов противоправных деяний // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2024.
4. Кнайкин В. Н., Кудин В. А., Свистильников А. Б. Организация борьбы с незаконным предпринимательством: монография. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России, 2004.
5. Серова Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против личности: учебное пособие. Ч. 2. Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018.
6. Молев Г. И., Анисимов М. С. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 4 (32). С. 99–107.
7. Масленников К. И. Оперативно-розыскные и криминологические проблемы предупреждения насильственных действий сексуального характера: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
8. Наумов А. В., Кибальник А. Г. Преступления против личности: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 51–73.
9. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. Горяинова К. К., Синилова Г. К., Овчинского С. С. М., 2021. С. 47–48.
10. Тарсуков К. М., Шиенок В. П. Анализ теоретического подхода к выработке понятия «оперативно-тактическая характеристика» в теории оперативно-розыскной деятельности // Актуальные вопросы получения, оценки и использования информации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Киев, 1986. С. 54–63.
11. Кузьмин Н. А., Завьялов И. А. Особенности оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 141–148.

References

1. Burdanova V. S., Nikitin L. N. Investigation of intentional harm to health: A textbook. 4th edition, revised and expanded. St. Petersburg, 2018.
2. Grebelsky D. V. On the state of criminalistic and operational-investigative characteristics of crimes // Criminalistic characteristics of crimes. M. : Yurayt, 1984.
3. Drapezo R. G., Kondratiev M. V. The typical structure of the operational-investigative characteristics of crimes and the features of its construction on the example of certain types of illegal acts // Bulletin of St. Petersburg University, 2024.
4. Kneikin V. N., Kudin V. A., Svistilnikov A. B. Organization of the fight against illegal entrepreneurship: the monograph. Belgorod : Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004.
5. Serova E. B. Criminalistic aspects of countering crimes against the individual: a textbook. Part 2. Criminalistic aspects of countering crimes against health, sexual integrity and sexual freedom of the

individual. St. Petersburg : St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2018.
6. Molev G. I., Anisimov M. S. The state and trends of female crime in Russia at the present stage // Science. Society. State. 2020. Vol. 8. No. 4 (32). P. 99–107.
7. Maslennikov K. I. Operational-investigative and criminological problems of preventing violent acts of a sexual nature: diss. ... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 1999.
8. Naumov A. V., Kibalnik A. G. Crimes against the person: textbook for universities. M : Yurayt, 2025. P. 51–73.
9. Theory of operational investigative activities. Textbook / edited by Goryainov K. K., Sinilov G. K., Ovchinsky S. S. M., 2021. P. 47–48.
10. Tarsukov K. M., Shienok V. P. Analysis of the theoretical approach to the development of the concept of «operational and tactical characteristics» in the theory of operational investigative activities // Actual issues of obtaining, evaluating and using information in the operational search activities of the internal affairs bodies. Kiev, 1986. P. 54–63.
11. Kuzmin N. A., Zavyalov I. A. Features of operational investigative activities of operational units of internal affairs bodies to solve crimes of previous years // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (94). P. 141–148.

Библиографический список

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Уткин Н. И. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 1 (66). С. 73–79.
2. Ларичев В. Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 179–187.
3. Завьялов И. А., Кузьмин Н. А. К вопросу о содержании частной оперативно-разыскной методики раскрытия преступлений прошлых лет // В сборнике: Актуальные вопросы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: сб. науч. тр. Межведомственной науч.-практ. конф. М., 2023. С. 84–88.
4. Хромов И. Л., Кузьмин Н. А., Завьялов И. А. Перспективные направления использования искусственного интеллекта в оперативно- розыскной деятельности // В сборнике: Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборники научных трудов. М., 2021. С. 94–103.

Bibliographic list

1. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Utkin N. I. Illegal migration as a threat to Russia's national security // Right. Safety. Emergency situations. 2025. No. 1 (66). P. 73–79.
2. Larichev V. D. The content of operational-investigative characteristics of crimes in the sphere of economics // Society and law. 2013. No. 2 (44). P. 179–187.
3. Zavyalov I. A., Kuzmin N. A. On the issue of the content of a private operational investigative methodology for solving crimes of previous years // In the collection: Current issues of theory and practice of operational investigative activities: collection of scientific papers of the Interdepartmental scientific and practical conference. M., 2023. P. 84–88.
4. Khromov I. L., Kuzmin N. A., Zavyalov I. A. Promising areas of using artificial intelligence in operational investigative activities // In the collection: Operational investigative activities in the digital world: collections of scientific papers. M., 2021. P. 94–103.

Информация об авторе

О. В. Пауков — начальник Управления внутренних дел по Центральному административному округу Главного управления МВД России по г. Москве, соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. V. Paukov — Head of the Department of Internal Affairs for the Central Administrative District of the Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Moscow, Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 21.01.2026.
The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 21.01.2026.

Научная статья
УДК 342.951
EDN: https://elibrary.ru/LBANEA
NIION: 2007-0083-1/26-780
MOSURED: 77/27-005-2026-01-980

Особенности правового регулирования прав трудящихся-мигрантов в современной России

Анатолий Семенович Прудников
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Исследуются актуальные проблемы правового регулирования прав трудящихся-мигрантов в Российской Федерации. Анализируется существующая нормативно-правовая база, выявляются системные противоречия и пробелы, а также рассматриваются социально-экономические и политические особенности, связанные с массовой трудовой миграцией. Особое внимание уделяется вопросам интеграции мигрантов, противодействия нелегальной миграции и обеспечения национальной безопасности государства. На основе проведенного анализа формулируются выводы и предлагаются направления для совершенствования миграционного законодательства.

Ключевые слова: трудящиеся-мигранты, правовое регулирование, миграционная политика, национальная безопасность, трудовые права, нелегальная миграция, интеграция, Российская Федерация

Для цитирования: Прудников А. С. Особенности правового регулирования прав трудящихся-мигрантов в современной России // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 155–158. EDN: LBANEA.

Original article

Features of legal regulation of the rights of migrant workers in modern Russia

Anatoly S. Prudnikov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The current problems of legal regulation of the rights of migrant workers in the Russian Federation are investigated. The existing regulatory framework is analyzed, systemic contradictions and gaps are identified, and socio-economic and political features associated with mass labor migration are considered. Special attention is paid to the integration of migrants, countering illegal migration and ensuring the national security of the state. Based on the analysis, conclusions are formulated and directions for improving migration legislation are proposed.

Keywords: migrant workers, legal regulation, migration policy, national security, labor rights, illegal migration, integration, Russian Federation

For citation: Prudnikov A. S. Features of legal regulation of the rights of migrant workers in modern Russia. Criminological Journal. 2026;(1):155–158. (In Russ.). EDN: LBANEA.

Анализ правоприменительной практики показывает, что миграционная ситуация в Российской Федерации характеризуется значительной интенсивностью и сложной структурой миграционных процессов, где определяющую роль играет трудовая миграция. Россия, являясь одним из крупнейших реципиентов рабочей силы на постсоветском пространстве, сталкивается с необходимостью поиска баланса между

© Прудников А. С., 2026

экономической целесообразностью привлечения иностранных работников и императивами обеспечения национальной безопасности, общественного порядка и социальной стабильности. В этом контексте правовое регулирование положения трудящихся-мигрантов приобретает характер стратегической государственной задачи.

Несмотря на существование развитой нормативной правовой базы, регламентирующей пребывание и трудовую деятельность иностранных граждан, в законодательстве констатируется отсутствие легального определения понятия «трудовая миграция», что создает существенные трудности в правоприменительной практике и формировании последовательной государственной политики. Как следствие, в научном дискурсе доминируют доктринальные подходы к определению данного феномена, которые рассматривают его как территориальное перемещение экономически активного населения, детерминированное, в первую очередь, экономическими факторами — стремлением к получению более высокого дохода и улучшению условий жизни [4].

Правовой статус трудящихся-мигрантов в России определяется комплексом нормативных актов, среди которых ключевое место занимают Трудовой кодекс РФ [1], Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2], Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [3], а также международные соглашения, такие как Договор о Евразийском экономическом союзе и др. Действующее законодательство устанавливает для работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу, ряд обязывающих норм, включая обязанность уведомлять компетентные органы о приеме на работу и увольнении мигрантов. Однако, многие положения носят декларативный характер и не подкреплены эффективными механизмами реализации и контроля [5, с. 4].

Одной из проблем является нелегальная миграция, что создает питательную среду для теневой экономики, коррупционных и грубых нарушений трудовых прав самих мигрантов. Последние часто оказываются в тяжелых условиях: проживание в помещениях с антисанитарным состоянием, отсутствие должного доступа к медицинскому обслуживанию, изъятие документов, несвоевременная и неполная выплата заработной платы [6]. Правовая незащищенность и зависимость от работодателей и диаспоральных структур делают данную категорию работников крайне уязвимой.

Экономические аспекты трудовой миграции носят двойственный характер. С одной стороны, мигранты заполняют ниши на рынке труда, непривлекательные для местного населения (строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера услуг), тем самым внося вклад в функционирование ключевых отраслей экономики. С другой стороны, тезис о безусловной экономической выгоде массового привлечения, низкоквалифицированной иностранной рабочей силы требует организационно-научного переосмысления. Существующие расчеты, согласно которым совокупные затраты государства, связанные с пребыванием мигранта и членов его семьи (нагрузка на социальную и правоохранительную инфраструктуру), могут превышать производимый им экономический эффект. Кроме того, значительный ущерб экономике наносится масштабным оттоком капитала в виде денежных переводов, который, по данным Банка России, достигает 2–2,5 млрд долларов США ежегодно [7].

Системным вызовом национальной безопасности и общественной стабильности является слабая степень адаптации трудящихся-мигрантов в российское социокультурное и правовое поле. Формирование замкнутых этнических анклавов, где действуют альтернативные правовые и социальные нормы, ведет к росту межэтнической напряженности и создает угрозу социальному согласию. Недостаточная эффективность государственных программ в субъектах Российской Федерации, направленных на языковую, культурную и социальную адаптацию, усугубляет эти риски.

В целях поддержания и укрепления национальной безопасности с 1 сентября 2025 г. трудящиеся-мигранты, прибывающие в Москву или Подмосковье, обязаны регистрироваться в мобильном приложении «Амина», разработанном для дополнительного контроля за местонахождением иностранных граждан. В течение 2025 г. данный проект будет реализовываться в столичном регионе, чтобы в сентябре 2026 г. вывести его на общероссийский масштаб.

Следует подчеркнуть, что главной функцией этого приложения станет обязательная передача в МВД России данных о геолокации устройства, на котором оно установлено, и позволяющий в автоматическом режиме сверять заявленный адрес пребывания с фактическим местоположением трудящегося-мигранта. Особенностью приложения является доступ к фото- и видеоданным, хранящимся в телефоне иностранца, чтобы исключить проблемы с верификацией его личности.

«Амина» станет обязательной для всех иностранцев, прибывших в Россию в безвизовом порядке для работы на территории Московского региона, исклю-

чения предусмотрены для граждан Республики Беларусь, несовершеннолетних, сотрудников дипломатических миссий и членов их семей. Если мигрант прибывает в Москву или Московскую область не для работы, но впоследствии принимает решение начать трудовую деятельность, он будет обязан зарегистрироваться в данном приложении.

Процесс цифровизации «Амина» позволяет эффективно контролировать трудящихся-мигрантов, кроме того, в целях оптимизации миграционной политики представляется целесообразным реализация следующих мер:

- разработка и законодательное закрепление четкого понятийного аппарата, включающего дефиниции «трудящийся мигрант» и «трудовая миграция»;
- ужесточение контроля за соблюдением миграционного и трудового законодательства с одновременным усилением ответственности работодателей за эксплуатацию нелегальных мигрантов;
- стимулирование притока миграционных потоков из теневого сектора экономики в легальный через упрощение процедур легализации и создание прозрачных механизмов трудоустройства;
- создание логистических центров (хабов) для совершенствования механизмов целевого организованного набора иностранных работников, в том числе обеспечивающих отбор и подготовку иностранных граждан в государствах их проживания;
- внедрение селективного подхода к предоставлению российского гражданства, ориентированного на привлечение высококвалифицированных специалистов в стратегически важные отрасли экономики;
- разработка и финансирование комплексной государственной программы адаптации и интеграции трудящихся-мигрантов, включающей изучение русского языка, основ законодательства и культурных норм;
- модернизация программы переселения соотечественников, направленная на усовершенствование административных процедур и оказание адресной поддержки в решении жилищных и социальных вопросов.

Таким образом, современное правовое регулирование прав трудящихся-мигрантов в России характеризуется наличием ряда пробелов и внутренних противоречий. Доминирование краткосрочных экономических интересов отдельных корпоративных групп над стратегическими задачами национального развития приводит к росту нелегальной миграции, усилению криминогенной обстановки и созданию долгосрочных демографических и этнополитических рисков.

Только комплексный и сбалансированный подход, при котором экономическая целесообразность будет неразрывно связана с приоритетами национальной безопасности и социальной стабильности, позволит трансформировать миграцию из источника рисков в ресурс устойчивого и долгосрочного развития экономики Российской Федерации.

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29 сентября 2025 г.) // URL: http://publication.pravo.gov.ru
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // URL: http://publication.pravo.gov.ru
3. Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Дутов П. О. О некоторых вопросах правового регулирования нестандартных форм трудовой деятельности иностранных работников // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 50–53.
5. Правонарушения в сфере миграции: классификация, доказательства, производство: учеб. пособие / под ред. А. С. Прудникова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
6. Серпионова А. И. Особенности влияния вынужденной миграции на миграционные процессы в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2024. № 2. С. 183–185.
7. URL: https://мвд.рф/

References

1. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on September 29, 2025) // URL: http://publication.pravo.gov.ru
2. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on July 31, 2025) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // URL: http://publication.pravo.gov.ru
3. Decree of the President of the Russian Federation

dated October 15, 2025 No. 738 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030» // LRS «ConsultantPlus».
4. Dutov P. O. On some issues of legal regulation of non-standard forms of labor activity of foreign workers // Bulletin of Economic Security. 2025. No. 2. P. 50–53.
5. Offenses in the field of migration: classification, evidence, production: training manual / edited by A. S. Prudnikov. M. : UNITI-DANA, 2017.
6. Serpionova A. I. Features of the impact of forced migration on migration processes in the Russian Federation // Criminological Journal. 2024. No. 2. P. 183–185.
7. URL: https://мвд.рф/

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // URL: http://publication.pravo.gov.ru

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 702 dated August 19, 2024 «On providing humanitarian support to persons who Share Traditional Russian Spiritual and moral values» // URL: http://publication.pravo.gov.ru

Информация об авторе

А. С. Прудников — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России.

Information about the author

A. S. Prudnikov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 30.10.2025; принята к публикации 07.11.2025.
The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 30.10.2025; accepted for publication 07.11.2025.

Научная статья
УДК 342.951
EDN: https://elibrary.ru/TKGOFR
NIION: 2007-0083-1/26-781
MOSURED: 77/27-005-2026-01-981

О некоторых аспектах дополнительного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации

Татьяна Анатольевна Прудникова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, tanya_198307@mail.ru

Аннотация. Обозначены содержание, особенности и актуальные проблемы правил учета иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках эксперимента по миграционному учету. Проводимая апробация нацелена на валидацию сквозного процесса идентификации иностранных физических лиц в пунктах пропуска через государственную границу РФ. Ядром системы является технология дактилоскопической идентификации, которая применяется для строгой аутентификации личности.

Ключевые слова: иностранный гражданин, статус, эксперимент, учет, перемещение, контроль, миграция, порядок, приложение, регистрация, процедура

Для цитирования: Прудникова Т. А. О некоторых аспектах дополнительного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 159–162. EDN: TKGOFR.

Original article

On some aspects of additional registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation

Tatiana A. Prudnikova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tanya_198307@mail.ru

Abstract. The content, features and actual problems of the accounting rules for foreign citizens and stateless persons in the framework of the migration accounting experiment are outlined. The ongoing testing is aimed at validating the end-to-end process of identifying foreign individuals at checkpoints across the state border of the Russian Federation. The core of the system is fingerprint identification technology, which is used for strict identity authentication.

Keywords: foreign citizen, status, experiment, accounting, relocation, control, migration, procedure, application, registration, procedure

For citation: Prudnikova T. A. On some aspects of additional registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. Criminological Journal. 2026;(1):159–162. (In Russ.). EDN: TKGOFR.

Начиная с сентября 2025 г. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ были предусмотрены особые формы контроля (надзора) за перемещением и пребыванием иностранных граждан, реализация которых необходима для достижения целей миграционного учета и снижения количества совершаемых правонарушений в сфере миграции [1].

При этом опыт реализации пилотных проектов в сфере миграции, таких как: осуществление трудовой деятельности иностранных граждан в организованной форме; введение домиграционных процедур, направленных на недопущение въезда в РФ лиц с опасными инфекционными заболеваниями, является эффективным механизмом миграционной политики и имеет

© Прудникова Т. А., 2026

первостепенное значение для национальной безопасности.

Главная функция эксперимента учета состоит в том, чтобы с помощью цифрового инструмента в автоматическом режиме сверять заявленный адрес пребывания иностранных граждан с фактическим его местоположением. Данный эксперимент проводится с помощью искусственного интеллекта, который позволяет выявлять иностранных граждан, пытающихся после скачивания приложения удалить его, и повышает эффективность мероприятий, направленных на повышение качества контроля за соблюдением установленных правил в сфере миграции.

Стоит отметить, что миграционное законодательство устанавливает обязанность граждан информировать уполномоченные органы о смене адреса фактического пребывания в трехдневный срок. Ключевым инструментом мониторинга перемещений иностранных граждан является отслеживание геолокации их средств связи. Фиксация отсутствия актуальных геоданных на протяжении периода, превышающего три рабочих дня, служит основанием для применения санкций в форме аннулирования регистрации с последующим включением субъекта в реестр контролируемых лиц.

Уже начиная с декабря 2024 г. начался пробный этап эксперимента по апробации правил и условий въезда иностранных граждан и лиц без гражданства в пунктах пропуска московского транспортного авиасообщения («Шереметьево», «Домодедово», «Жуковский») в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» [2], в рамках которого осуществляется сбор биометрических персональных данных иностранных граждан (фотографического изображения лица и папиллярных узоров пальцев рук человека) при въезде в Российскую Федерацию и выезде из нее.

Предварительным этапом процедуры выступает обязательная дистанционная подача электронного заявления о намерении въезда для категорий иностранцев, пользующихся безвизовым режимом. Интеграция всех стадий процесса — от предиктивного сбора данных до финальной биометрической верификации — в единый программный интерфейс позволяет формализовать и алгоритмизировать миграционную политику. Сбор и анализ эмпирических данных в рамках апробации предоставляет репрезентативную основу для формирования единообразных, обоснованных и гибких административных решений по модификации существующих правил въезда и выезда, обеспечивая их адекватность текущим вызовам и угрозам.

Указанная положительная тенденция продолжилась и нашла закрепление в нормах национального законодательства, в котором предусмотрены правила проведения эксперимента, цели, места и периоды его проведения, а также особенности пребывания (проживания) в РФ иностранных граждан в местах проведения, а обработка собранных в рамках эксперимента данных осуществляется с использованием программного обеспечения биометрической идентификации иностранных граждан.

Стоит отметить, что при привлечении к подобным экспериментам органов исполнительной власти субъектов РФ их полномочия, порядок, требования и иные особенности также определяются нормами законодательства по согласованию с высшими должностными лицами субъектов РФ.

Срок данного эксперимента предусмотрен четыре года (до сентября 2029 г.) на территориях субъектов Российской Федерации — г. Москвы и Московской области, а целями его проведения являются: апробация средств и способов фиксации и обобщения сведений об иностранных гражданах и о их перемещениях; определение эффективности предусмотренных экспериментом дополнительных механизмов учета иностранных граждан, пребывающих в России; формирование предложений о внесении изменений в законодательство РФ о введении дополнительных механизмов учета и др.

Правовыми последствиями в отношении иностранных граждан, включенных в реестр контролируемых лиц, является режим высылки, при котором контролируемые лица, в частности, не могут управлять транспортными средствами, открывать банковские счета и осуществлять иные банковские операции (за исключением переводов в целях уплаты обязательных платежей, переводов в сумме не более 30 тыс. руб. в месяц), изменять место жительства или место пребывания в России без соответствующего разрешения. В случае неоднократного нарушения режима высылки, контролируемое лицо может быть подвергнуто мерам административной ответственности.

В рамках реализации экспериментального правового режима устанавливается особый порядок учета иностранных граждан. Ключевым элементом данного порядка является обязанность по прохождению регистрации в специализированной информационной системе. Лица, обладающие гражданством иностранного государства и находящиеся на миграционном учете по месту пребывания на момент инициирования эксперимента, обязаны пройти процедуру регистрации в указанной системе. Срок для выполнения данной обязанности ограничивается тридцатью календарными днями, исчисляемыми с даты истечения действующего срока миграционного учета при условии сохранения легальных оснований для нахождения на территории Российской Федерации. Иная процедура предусмотрена для иностранных граждан, пребывающих на территории эксперимента на законных основаниях, но не поставленных на миграционный учет. Данная категория лиц обязана зарегистрироваться в установленном порядке в течение 90 календарных дней с момента вступления в силу нормативного правового акта, уч-

реждающего экспериментальный правовой режим.

Важнейшей характеристикой вводимого режима является его эксклюзивность по отношению к общим нормам миграционного законодательства. На территории проведения эксперимента положения федерального законодательства о миграционном учете приостанавливают свое действие. Исключение составляют случаи размещения иностранных граждан в средствах коллективного размещения (гостиницах, санаториях, хостелах и иных аналогичных организациях), где стандартные правила постановки на учет сохраняют свою актуальность. Прекращение действия экспериментального режима в отношении конкретного индивида, вследствие его выезда за пределы обозначенной территории, влечет за собой правовую обязанность немедленного восстановления стандартного административного статуса путем постановки на миграционный учет в соответствии с общеустановленным порядком.

Кроме того, начиная с сентября 2025 г. также предусмотрена возможность иностранным гражданам осуществлять трудовую деятельность по одному патенту в двух соседних субъектах РФ в г. Москва и Московской области, а также в г. Санкт-Петербург и Ленинградской области. Данное право возникнет у иностранных граждан в случае заключения соглашения между этими субъектами РФ, но эти соглашения могут ограничить перечень профессий лиц, имеющих право работать в двух субъектах, ограничить время работы и установить иные условия.

С учетом изменений работодателям предоставлено право привлекать к трудовой деятельности, а иностранным гражданам трудиться на территории двух субъектов РФ, заключивших соответствующее соглашение (в случае если иностранный гражданин прибыл в РФ в порядке, не требующем получения визы). Вместе с тем привлечение к трудовой деятельности иностранных работников осуществляется с учетом запретов на привлечение хозяйствующими субъектами иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов по отдельным видам экономической деятельности.

В настоящее время такие соглашения не заключены, в случае их заключения такие соглашения должны быть опубликованы на официальных сайтах органов высшего исполнительного власти субъекта и начнут действовать по истечении 15 дней с даты опубликования.

После снятия всех ограничений на проведение контрольно-надзорных мероприятий в 2024 г. фиксируется рост принятых территориальными органами МВД России решений об аннулировании ранее выданных разрешений на временное проживание на 35 % и вида на жительство — на 97 % [3].

Использование биометрических параметров человека в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации позволяет не допустить на территорию Российской Федерации лиц, въезд которым запрещен, и выявить лиц, представляющих интерес для правоохранительных органов Российской Федерации, использующих при этом другие установочные данные.

За время с начала проведения эксперимента покинули территорию Российской Федерации в 2025 г. свыше 9 млн иностранных граждан.

Порядок принятия территориальным органом МВД России решения о снятии с вышеуказанного учета устанавливается МВД России по согласованию с высшими должностными лицами субъектов РФ — г. Москвы и Московской области. Иностранные граждане, выбывшие в субъекты РФ, на территориях которых проведение эксперимента не предусмотрено, подлежат постановке на миграционный учет по месту жительства или месту временного пребывания в стандартном порядке, а обработка их биометрических персональных данных может осуществляться без согласия субъекта персональных данных также в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Кроме того, планируется создание пунктов миграционного контроля в территориальных органах МВД России, целью которых является противодействие незаконного пересечения иностранными гражданами государственной границы РФ и сопровождение иностранных работников на территории РФ, начиная от встречи по прибытию в аэропорт, контроля за получением всех необходимых разрешительных документов, уплатой налогов и иных обязательных платежей и размещение в специальном жилом фонде, что исключит их бесконтрольное нахождение на территории нашей страны. А создание за рубежом единой инфраструктуры по предоставлению комплекса услуг доммиграционной подготовки иностранным граждан от первичной консультации до подготовки документов, необходимых для въезда в РФ и дальнейшего трудоустройства (по «принципу одного окна») сделает процедуру въезда в РФ прозрачной, простой и удобной.

Следует подчеркнуть, что в ходе реализации эксперимента выявляются проблемные технические моменты в работе приложения и информационных систем, которые не влияют на его результативность. При этом, если иностранный гражданин оформил трудовые отношения с организацией, расположенной в субъекте, который не является участником эксперимента, и при этом фактически осуществляет трудовую деятельность и пребывает в жилом или ином помещении, в том числе временном, в Москве и Московской области, он является участником эксперимента и подлежит постановке на учет.

Необходимо отметить, что в целях упрощения существующих режимов реализации иностранными гражданами права на трудовую деятельность предлагается отказаться от выдачи разрешений на привлечение и использование иностранных работников и ввести универсальный механизм, реализуемый на основе

двух электронных реестров: реестра работодателей, привлекающих иностранных работников и реестра иностранных работников.

Введение реестра иностранных работников будет осуществляться МВД России, а реестра работодателей, привлекающих иностранных работников, — Рострудом.

В заключении следует отметить, что проведение эксперимента учета позволит:

- обеспечить защиту персональных данных при использовании геолокации и биометрии;
- сформировать единые стандарты взаимодействия регионов при заключении соглашений о межрегиональных патентах;
- выработать критерии эффективности эксперимента и возможности его масштабирования на другие регионы;
- обобщать сведения о перемещениях иностранных граждан с использованием современных цифровых технологий.

Особую роль необходимо обращать при проведении подобных экспериментов на реализацию прав иностранных граждан, соразмерность вмешательства в их в частную жизнь и достижение баланса между обеспечением миграционной безопасности и соблюдением прав иностранных граждан.

Усиление федерального государственного контроля (надзора) над миграционными потоками должно быть ориентировано не только на его эффективность, но и ориентированно на защиту прав иностранных граждан.

Список источников

1. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // СПС «КонсультантПлюс».
3. URL: https://мвд.рф/

References

1. Federal Law No. 109-FZ of July 18, 2006 (as amended on July 31, 2025) «On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1510 dated November 7, 2024 «On conducting an experiment to test the rules and conditions for entry into and exit from the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons» // LRS «ConsultantPlus».
3. URL: https://мвд.рф/

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 5 февраля 2025 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on February 5, 2025) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law No. 260-FZ of August 8, 2024 (as amended on December 28, 2024) «On Amendments amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 738 dated October 15, 2025 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Т. А. Прудникова — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Prudnikova — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья
УДК 314.7
EDN: https://elibrary.ru/QWYIDE
NIION: 2007-0083-1/26-782
MOSURED: 77/27-005-2026-01-982

Адаптация и интеграция русскоязычных мигрантов в России: социально-экономические аспекты

Наталия Васильевна Пухова
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, nata-nattella2012@yandex.ru

Аннотация. Анализируются процессы адаптации и интеграции русскоязычных мигрантов из стран СНГ в России с акцентом на социально-экономические факторы и роль государственной миграционной политики как ключевого инструмента формирования этих процессов. Рассмотрены исторические предпосылки миграции — от постсоветской репатриации до современных тенденций трудовой и образовательной миграции. Особое внимание уделено влиянию базового уровня владения русским языком на интеграцию, а также вызовам, связанным с бюрократическими барьерами, конкуренцией на рынке труда, этнокультурными различиями и ксенофобными настроениями. Предложены меры по совершенствованию интеграционной политики: упрощение процедур легализации, развитие языковых программ, педагогическая поддержка детей мигрантов и стимулирование положительного восприятия многоязычия в обществе. Дополнительно проанализировано влияние эмиграционных волн на сохранение и трансформацию русского языка за рубежом.

Ключевые слова: миграционные процессы, русскоязычные мигранты, трудовая миграция, образовательная миграция, миграционная политика России, русский язык, языковые курсы, языковой ландшафт, социально-экономическая адаптация

Для цитирования: Пухова Н. В. Адаптация и интеграция русскоязычных мигрантов в России: социально-экономические аспекты // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 163–173. EDN: QWYIDE.

Original article

Adaptation and integration of Russian-speaking migrants in Russia: socio-economic aspects

Nataliia V. Pukhova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, nata-nattella2012@yandex.ru

Abstract. Analyzes the processes of adaptation and integration of Russian-speaking migrants from the CIS countries in Russia with an emphasis on socio-economic factors and the role of state migration policy as a key tool for shaping these processes. The historical background of migration is considered, from post—Soviet repatriation to current trends in labor and educational migration. Special attention is paid to the impact of the basic level of Russian language proficiency on integration, as well as the challenges associated with bureaucratic barriers, competition in the labor market, ethnic and cultural differences and xenophobic sentiments. Measures to improve integration policy are proposed: simplification of legalization procedures, development of language programs, pedagogical support for migrant children and stimulation of positive perception of multilingualism in society. Additionally, the impact of emigration waves on the preservation and transformation of the Russian language abroad is analyzed.

Keywords: migration processes, Russian-speaking migrants, labor migration, educational migration, migration policy of Russia, Russian language, language courses, language landscape, socio-economic adaptation

For citation: Pukhova N. V. Adaptation and integration of Russian-speaking migrants in Russia: socio-economic aspects. Criminological Journal. 2026;(1):163–173. (In Russ.). EDN: QWYIDE.

© Пухова Н. В., 2026

Введение

Миграция русскоязычного населения из стран СНГ в Россию — одно из ключевых социально-экономических явлений постсоветского периода. Этот процесс был обусловлен комплексом факторов: распадом СССР, экономическими кризисами, политической нестабильностью и этническими конфликтами. Это классический набор факторов «притяжения-выталкивания», усиленный уникальным постсоветским контекстом.

Русскоязычные мигранты, включая этнических русских и представителей других народов, свободно владеющих русским языком, составляют значительную часть миграционного потока.

С конца XIX в. Центральная Азия, ранее бывшая регионом приема мигрантов, превратилась в зону активного исхода населения. В 1990-е гг. репатриация в Россию усилилась на фоне процессов «национализации» в новых независимых государствах. Параллельно наблюдалась значительная эмиграция из самой России, что оказало влияние на развитие русского языка за ее пределами [1; 2]. Русский язык выполняет роль «человеческого капитала» для мигрантов: он снижает транзакционные и адаптационные издержки (поиск работы, образование, взаимодействие с властями). Это делает Россию естественным приемным рынком для русскоязычных из Украины, Казахстана, Узбекистана и др.

Миграционная политика России, которая регулируется рядом федеральных законов и нормативных актов [3–11], а также государственными программами переселения, выступает ключевым фактором, определяющим условия адаптации и интеграции мигрантов, формируя как возможности, так и барьеры для их включения в российское общество. Особое значение имеет адаптация детей мигрантов в российских школах, где иноэтничность и инофобность создают дополнительные препятствия, требующие специальных педагогических подходов [12].

Теоретико-методологическая основа исследования

Данное исследование опирается на комплексный подход, объединяющий миграциологический, социологический и демографический подходы, что позволяет рассматривать миграцию как многоуровневую систему, охватывающую трудовую и образовательную миграцию, языковую и социокультурную адаптацию.

В свою очередь, адаптация представляет собой процесс приспособления мигрантов к новой социальной и экономической среде. Мы взяли за основу определение, представленное в диссертационном исследовании В. А. Медведь: адаптация — «начальный процесс включения и интеграции мигранта в социальную, профессиональную и образовательную среду. Социальная адаптация не предполагает отказа от своей национальной идентичности» [13, с. 42]. В данной статье подчеркивается, что российская миграционная политика формирует как стимулы (например, упрощенные процедуры для граждан ЕАЭС), так и барьеры (например, обязательные экзамены по русскому языку), влияющие на социально-экономическую адаптацию мигрантов.

В качестве теории первого порядка применяется концепция «притяжения-выталкивания» Э. Ли (1966 г.) [14] человеческого капитала (Дж. Беккер) [15] и миграционных сетей (Д. Массеи и др.) [16], объясняющие роль русского языка и социальных связей в интеграции, поддерживаемой или ограниченной миграционной политикой России.

Теориям второго порядка служит гравитационная модель Г. Ципфа (1946 г.) [17], которая является одной из ранних теоретических моделей для объяснения миграционных потоков и пространственного распределения населения, а также модель «промежуточных возможностей» С. А. Стоуффера (1940 г.) [18]. Данные модели используются для анализа концентрации мигрантов в крупных городах и их выбора регионов с высоким спросом на рабочую силу, что часто регулируется региональными аспектами российской миграционной политики.

Эмпирическая база исследования включает данные Росстата [19]; бюллетени по миграции, труду, образованию. Для владения языком — итоги переписи 2021 г. [20], индекс интеграции IOM/IPL [21], а также социологические исследования, которые акцентируют внимание на значении социальных сетей и языковых навыков для успешной интеграции в контексте российской политики.

Исторический контекст миграции русскоязычного населения

Миграционные процессы на территории России имеют многовековую историю, формировавшуюся под воздействием геополитического положения страны, ее социально-экономических потребностей и меняющейся государственной политики регулирования перемещений населения. Если рассматривать их в рамках теории «притяжения-выталкивания» [14], можно отметить, что на протяжении веков сочетание внешних факторов (политические союзы, военные угрозы, экономические возможности) и внутренних условий (потребность в рабочей силе, освоение новых территорий, демографический баланс) формировало комплекс стимулов и барьеров для миграции.

Еще в эпоху Киевской Руси международные связи способствовали притоку иностранцев — торговцев, воинов, духовенства, — что можно рассматривать как ранний этап институционализации миграционных норм. Договоры с Византией (X–XI вв.) включали положения о военной службе русских дружин и выкупе пленных, а обычное право закрепляло принципы гостеприимства к мирным переселенцам. Кочевые

племена (печенеги, половцы) оседали на русских землях или участвовали в военных походах, что, по сути, являлось прообразом трудовой миграции.

Развитие торговли мехами, кожей и специями привлекало купцов из Европы и Азии; языковые барьеры в этот период преодолевались посредством переводчиков, зачастую из числа самих мигрантов.

В период монголо-татарского ига (XIII–XV вв.) сохранялась относительная открытость для иностранных купцов и дипломатов, но с усилением централизованной власти при Иване III и Василии III (XV–XVI вв.) миграционные потоки начали регулироваться с позиций безопасности и религиозного контроля [22]. В XVI в. появляются «проезжие грамоты» — прообраз современных виз, направленные на контроль перемещений. Соборное уложение 1649 г. впервые комплексно закрепило правила выдачи таких документов и санкции за их отсутствие.

В XVIII в. реформы Петра I, включая введение «пашпартов», ужесточили контроль за мобильностью населения, но при Екатерине II политика вновь смягчилась: манифесты 1762 и 1763 гг. предоставили иностранцам право на поселение и земельные наделы в целях экономического развития. Создание Канцелярии опекунства иностранных способствовало институциональной поддержке мигрантов, хотя религиозные ограничения для евреев и мусульман сохранялись вплоть до конца XVIII в.

XIX в., в логике гравитационной модели Г. Циппфа, демонстрировал рост внутренних перемещений в направлении экономически более развитых центров, особенно после отмены крепостного права (1861 г.). Закон 1904 г. о добровольном переселении сельских жителей стимулировал аграрную миграцию, а революционные события 1905–1907 гг. и экономические кризисы усилили отток населения из бедных регионов [23].

В советский период миграция приобрела индустриально-массовый характер. С одной стороны, она включала эвакуацию и трудовую мобилизацию в годы Второй мировой войны, а также насильственные депортации этнических групп (немцев Поволжья, крымских татар) по мотивам военной безопасности. С другой стороны, происходили репатриации соотечественников и миграция армян из Турции после геноцида [24]. В первой половине XX в. началась и эмиграция высококвалифицированных специалистов и интеллигенции, что впоследствии будет рассматриваться как предтеча постсоветских миграционных волн. Советская миграционная политика была жестко централизована и институционально закреплена, что обеспечивало полный государственный контроль над передвижением.

Постсоветский период и репатриация

Распад СССР в 1991 г. радикально изменил структуру и динамику миграционных потоков. С точки зрения модели промежуточных возможностей Стоуффера (1940 г.), исчезновение единого политического пространства увеличило «миграционную дистанцию» между бывшими союзными республиками, но при этом Россия осталась ближайшей и наиболее доступной страной для перемещения русскоязычного населения. По данным Росстата, в 1990-е гг. в Россию ежегодно прибывало от 500 тыс. до 1 млн мигрантов, значительная часть которых были этническими русскими или русскоязычными гражданами Украины, Казахстана, Узбекистана и др. [25].

Ключевыми факторами репатриации стали экономические кризисы, дискриминация по языковому и этническому признаку, политическая нестабильность в странах происхождения; в качестве факторов притяжения выступали упрощенные правовые процедуры и культурно-языковая близость.

В странах Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан) русскоязычное население столкнулось с ограничениями на занятие государственных должностей и сужением сферы применения русского языка в образовании, что ускорило эмиграцию [25]. Одновременно в 1990-е гг. усилилась эмиграция из России — около 1,5–2 млн человек, включая значительную долю высококвалифицированных специалистов, покинули страну из-за экономической и политической нестабильности [26]. Это создало парадоксальную ситуацию, когда миграционная политика одновременно способствовала притоку соотечественников и утрате собственного человеческого капитала.

К 2000-м гг. миграционные потоки стабилизировались, но сохраняли значительную долю русскоязычных мигрантов. Перепись 2010 г. зафиксировала 4,8 млн этнических русских, прибывших из стран СНГ, преимущественно расселенных в Центральном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. К 2020 г. их число снизилось до 4,2 млн, что связано как с демографическим спадом в странах происхождения, так и с ужесточением правил (например, обязательные экзамены по русскому языку).

Среднегодовой миграционный прирост сократился с 465 тыс. человек в 1990-е до 295 тыс. в 2000-е и 257 тыс. в 2011–2019 гг. Особенно заметным стало снижение во второй половине 2010-х гг., когда в 2018 г. прирост упал до рекордных 124 тыс. из-за сбоев межведомственного обмена данными между МВД и Росстатом [27]. В 2019 г. он вновь вырос до 285,8 тыс., частично за счет фиксации ранее неучтенной миграции из Украины. Пик в возрастной группе 20–24 года (рост на 38 % в 2019 г.) отражает значительный вклад образовательной миграции, хотя модель человеческого капитала Дж. Беккера позволяет предположить, что часть этой молодежи после окончания обучения может покинуть страну в поисках лучших экономических возможностей.

Таким образом, современная миграция русскоязычного населения в Россию является результатом длительной исторической эволюции, где пересекаются закономерности, описанные теориями «притяжения-выталкивания», человеческого капитала и миграционных сетей, а также специфические институциональные факторы постсоветского пространства.

Государственные программы переселения

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, запущенная в 2006 г., стала ключевым элементом миграционной политики России, направленным на поддержку русскоязычных мигрантов. Программа предоставляет льготы, включая ускоренное получение гражданства, субсидии на переезд и жилье, а также помощь в трудоустройстве, что отражает стремление государства облегчить интеграцию соотечественников.

К 2020 г. в рамках программы переселилось около 1,2 млн человек, преимущественно из Украины, Казахстана и Узбекистана. Однако реализация программы сталкивается с проблемами, такими как недостаточное финансирование и бюрократические сложности, особенно в регионах с низкой экономической активностью, таких как Дальний Восток. Эти вызовы перекликаются с мотивами эмиграции из России, где бюрократические и экономические барьеры побуждали квалифицированных специалистов искать возможности за рубежом, подчеркивая необходимость совершенствования миграционной политики для удержания и привлечения человеческого капитала [13].

Тенденции трудовой миграции

Русскоязычные мигранты активно участвуют в российском рынке труда, занимая как низкоквалифицированные, так и квалифицированные позиции, в значительной степени благодаря миграционной политике России, упрощающей доступ к рынку труда для граждан ЕАЭС. По данным Росстата за 2017 г., ежегодно в Россию прибывало около 200 тыс. трудовых мигрантов из стран СНГ, значительная часть которых владела русским языком. Основные отрасли занятости включают строительство, где мигранты из Узбекистана и Таджикистана часто работают на строительных объектах, торговлю и сферу услуг, привлекающие мигрантов из Украины и Казахстана, образование и переводческую деятельность, где заняты русскоязычные мигранты из Белоруссии и Украины, а также IT и инженерные специальности, в которых квалифицированные специалисты из Казахстана и Украины вносят вклад в технологические отрасли.

Согласно исследованию А. А. Гребенюка и др., 86 % трудовых мигрантов из Центральной Азии владеют русским языком на уровне «хорошо» или «свободно», 12 % могут с трудом объясняться, а 2 % очень плохо говорят по-русски. Наибольший уровень владения языком наблюдается среди мигрантов из Узбекистана (46,6 % свободно владеют) и Киргизии (47,3 %), тогда как в Таджикистане этот показатель составляет 39 % [28].

Эти данные подтверждают, что русскоязычные мигранты имеют преимущество на рынке труда благодаря минимальному языковому барьеру, что поддерживается политикой России, упрощающей легализацию для таких мигрантов. По данным А. Х. Рахмонова, мигранты из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана составляют более 61 % от общего числа мигрантов в России, преимущественно занимая низкоквалифицированные позиции в строительстве, коммунальных услугах, торговле и транспорте, где местное население менее охотно работает [29]. В то же время эмиграция высококвалифицированных специалистов из России, особенно в 2001–2005 гг., способствовала потере человеческого капитала, что подчеркивает двойственную природу миграционных процессов и необходимость их регулирования.

Проблемы трудовой интеграции

Несмотря на языковое преимущество и упрощенные процедуры для некоторых категорий мигрантов, русскоязычные мигранты сталкиваются с рядом проблем, обусловленных миграционной политикой России. Введение в 2015 г. обязательных экзаменов по русскому языку, истории и законодательству РФ усложнило процесс легализации даже для тех, кто свободно владеет языком, создавая дополнительные барьеры.

Исследование А. А. Гребенюка и др. отмечает, что 14 % мигрантов испытывают культурную депривацию из-за слабых коммуникативных навыков, что затрудняет социокультурную адаптацию. В абсолютных цифрах около 1,1 млн трудовых мигрантов, плохо владеющих русским языком, сосредоточены в крупных городах, что способствует формированию замкнутых этнических сообществ, что частично связано с ограничениями миграционной политики [28].

Конкуренция за рабочие места также является проблемой. Мигранты с высоким уровнем владения русским языком могут занимать позиции, доступные местному населению, что вызывает напряженность, особенно в регионах с высоким уровнем безработицы, таких как Дальний Восток. Кроме того, исследование показывает, что уровень знания русского языка не влияет на размер ежемесячного дохода мигрантов (p-value 0,176), так как многие работают в низкоквалифицированных сегментах, где языковые навыки не являются критически важными.

Новые экономические санкции, введенные против России в связи с украинским конфликтом, также повлияли на трудовую миграцию. По данным Министерства внутренних дел РФ, в первой половине

2023 г. число мигрантов сократилось на 2 млн по сравнению с второй половиной 2022 г., включая снижение числа мигрантов из Таджикистана (0,85 млн) и Киргизии (0,05 млн). Параллельно эмиграция из России, особенно среди молодежи, стремящейся к лучшим экономическим перспективам, усилилась в 2014 г. после присоединения Крыма, что создало дополнительные вызовы для внутренней экономики.

Экономическая интеграция

Экономическая интеграция русскоязычных мигрантов оценивается как умеренно высокая, во многом благодаря миграционной политике России, которая предоставляет определенные льготы, такие как упрощенные процедуры для граждан ЕАЭС. По данным IOM/IPL, они получают средний балл 0,55 по экономическим показателям, включая доход, занятость и удовлетворенность работой. Русскоязычные мигранты, особенно из Белоруссии и Украины, быстро находят работу в сферах, требующих квалифицированного труда, таких как образование и IT. Однако доступ к высокооплачиваемым позициям ограничен из-за бюрократических барьеров, таких как необходимость получения патентов, что является прямым следствием миграционной политики. По данным Е. Тюрюкановой, около 30 % трудовых мигрантов из СНГ работали в неформальном секторе, что снижает их социальные гарантии [30].

Мигранты из Центральной Азии вносят значительный вклад в экономику России. Например, за 2015–2022 гг. платежи за трудовые патенты в Москве составили около 14 млрд руб., что эквивалентно 7 % поступлений от подоходного налога, одного из ключевых источников формирования городского бюджета. В 2021–2023 гг. мигранты из Узбекистана и Таджикистана внесли около 60,8 млрд руб. в бюджет РСФСР за счет патентов, а в 2022 г. их вклад в бюджет Москвы составил 32 млрд руб. в виде налогов.

В то же время эмиграция высококвалифицированных специалистов из России, особенно в 2001–2005 гг., привела к потере человеческого капитала, что подчеркивает необходимость привлечения квалифицированных мигрантов для восполнения дефицита рабочей силы, что поддерживается государственной политикой.

Тенденции образовательной миграции

Образовательная миграция русскоязычных студентов из стран СНГ в Россию остается значимой, поддерживаемая миграционной политикой, предусматривающей квоты на обучение. По данным Министерства образования и науки РФ, в 2014 г. в российских вузах обучалось около 70 тыс. студентов из СНГ, преимущественно из Казахстана, Узбекистана и Украины. Квоты на обучение составляли около 15 тыс. мест ежегодно в 2014–2017 гг.

Ведущие вузы, такие как МГУ, СПбГУ и НИУ ВШЭ, привлекают студентов программами в области экономики, инженерных наук и гуманитарных дисциплин. Русскоязычные студенты имеют преимущество благодаря языковой близости, что облегчает адаптацию к учебной среде, что особенно заметно в возрастной группе 20–24 года, где в 2019 г. наблюдался рост числа прибывших на 38 %. Однако эмиграция российских студентов за рубеж, особенно в 2001–2005 гг., когда образовательная миграция стала популярным способом поиска лучших возможностей, создала конкуренцию за квалифицированные кадры [31].

Несмотря на языковое преимущество, студенты сталкиваются с административными барьерами, такими как длительное подтверждение иностранных дипломов и ограниченный доступ к стипендиям, что является следствием бюрократических аспектов миграционной политики. Только 20 % иностранных студентов, включая русскоязычных, получают государственные стипендии. Исследование А. А. Гребенюка подчеркивает необходимость диагностики уровня владения русским языком у детей мигрантов, особенно из Таджикистана (39 % свободно владеют языком), для улучшения образовательных результатов [28].

Социальная интеграция

Социальная интеграция русскоязычных мигрантов облегчается языковой и культурной близостью, а также миграционной политикой России, предоставляющей льготы для определенных групп мигрантов. По данным IOM/IPL, они получают оценку 4 из 5 по метрике социальной интеграции, активно взаимодействуя с местным населением и участвуя в общественных инициативах. Например, мигранты из Белоруссии и Украины интегрируются в городские сообщества Москвы и Санкт-Петербурга. Однако в регионах, таких как Дальний Восток, ксенофобия и предубеждения создают барьеры, усиливая формирование замкнутых этнических сообществ, что частично связано с недостатками миграционной политики, не обеспечивающей достаточной социальной поддержки. По данным Института социологии РАН, в 2011 г. 68 % россиян выражали раздражение или неприязнь к представителям других национальностей, что подчеркивает рост ксенофобных настроений.

Русский язык является ключевым фактором интеграции. Показательно, что 86 % мигрантов из Центральной Азии владеют русским языком на достаточном уровне, что облегчает их адаптацию. Длительность пребывания в России положительно влияет на языковые навыки: среди мигрантов, находящихся в стране более 5 лет, 50 % свободно владеют языком, по сравнению с 18,4 % среди тех, кто прожил менее года. Однако 1,1 млн мигрантов, плохо говорящих по-русски, сталкиваются с коммуникативными барьерами, что требует разработки языковых курсов, поддерживаемых государственной политикой. Только 18 %

мигрантов посещали такие курсы, а 16 % не знали об их существовании. Эмиграция из России также повлияла на языковую идентичность: исследования показывают, что русскоязычные эмигранты за рубежом часто сталкиваются с языковой интерференцией, что приводит к трансформациям в использовании русского языка.

Отмечается, что многоязычный ландшафт в Санкт-Петербурге, включая вывески на узбекском, таджикском и киргизском языках, способствует социальной интеграции, предоставляя мигрантам доступ к информации и услугам. Например, объявления в чайханах или на рынках, таких как Апраксин двор, ориентированы на мигрантов, что облегчает их взаимодействие с городской средой. Однако использование языков мигрантов в публичных пространствах может также усиливать негативные стереотипы, связывая их с низкостатусными профессиями, что требует корректировки в рамках миграционной политики для нормализации многоязычия.

Е. А. Железнякова подчеркивает, что адаптация детей мигрантов в российских школах осложняется иноэтничностью и инофобностью, а также личностными факторами, такими как интеллектуальные способности и эмоционально-волевые особенности. Эти барьеры особенно заметны в начальной школе, где дети мигрантов, плохо владеющие русским языком, сталкиваются с трудностями в коммуникации с учителями и сверстниками, что может приводить к социальной изоляции. Для преодоления этих барьеров необходимы специальные педагогические программы, направленные на развитие языковых навыков и социокультурной адаптации, а также подготовка учителей к работе с иноэтничными детьми, что должно быть поддержано миграционной политикой России [12].

Миграционные намерения также связаны с уровнем владения языком. Среди мигрантов, планирующих остаться в России, 55 % свободно владеют русским, а среди тех, кто плохо говорит, 34,6 % не имеют четких миграционных планов. Это подчеркивает важность языковой подготовки для формирования устойчивых интеграционных стратегий, что может быть усилено государственной поддержкой. Аналогично, исследования эмиграции показывают, что русскоязычные эмигранты, стремящиеся интегрироваться в принимающие страны, часто изучают местные языки, что влияет на их использование русского языка.

Влияние миграционной политики России

Законодательная база

Миграционная политика России, закрепленная Федеральным законом № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [4] от 25 июля 2002 г., устанавливает правила для трудовой миграции и является ключевым фактором, определяющим адаптацию и интеграцию мигрантов. Этот закон регулирует правовой статус иностранных граждан, включая требования к занятости, квоты на привлечение иностранной рабочей силы, обязанности работодателей по уведомлению органов власти о найме иностранных работников, а также процедуры получения видов на жительство и разрешений на работу. Исключения предусмотрены для определенных категорий, таких как высококвалифицированные специалисты, с упрощенными процедурами для граждан ЕАЭС. Для русскоязычных мигрантов из стран ЕАЭС (например, Белоруссии и Казахстана) действуют упрощенные процедуры, что облегчает их доступ к рынку труда и социальной инфраструктуре, включая право на работу без разрешения на работу в рамках ЕАЭС.

Федеральный закон № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18 июля 2006 г. устанавливает систему миграционного учета как форму государственного регулирования миграционных процессов, обеспечивая реализацию конституционных прав на свободу передвижения и выбор места пребывания.

Закон определяет цели учета, включая фиксацию адреса пребывания или места жительства иностранных граждан, что способствует их адаптации через обеспечение легального статуса, хотя конкретные процедуры регистрации подразумевают обязательства для мигрантов.

Федеральный закон № 163-ФЗ от 27 июня 2018 г. вносит изменения в Федеральный закон № 109-ФЗ [7], обновляя определения «место пребывания» (включая жилые помещения, не являющиеся местом жительства, или организации, где мигрант фактически проживает) и «принимающая сторона» (расширяя на российских граждан, юридических лиц, органы власти и высококвалифицированных специалистов). Это уточняет основания для регистрации по месту пребывания, включая адрес организации для трудящихся мигрантов, что влияет на трудовую миграцию и интеграцию.

Проблемы с учетом миграции, особенно в 2018 г., когда миграционный прирост упал до 124 тыс. человек из-за сбоев в передаче данных от МВД России Росстату, подчеркивают несовершенство регистрационной системы. Это привело к недоучету миграции, хотя в 2019 г. показатель восстановился до 285,8 тыс. человек, частично за счет фиксации ранее недоучтенной миграции из Украины.

Исследователи отмечают, что после изменения методики учета миграции в 2011 г., Росстат может переучитывать долговременных мигрантов, что усложняет точную оценку миграционных потоков и требует совершенствования миграционной политики. С 2015 г. введение обязательной покупки трудовых патентов для граждан Таджикистана и Узбекистана, не входящих в ЕАЭС, увеличило стоимость легально-

го пребывания в России, составив в среднем 4900 руб. (67,6 долларов США) в 2022 г., что создает финансовые трудности для мигрантов.

Программа переселения соотечественников, запущенная в 2006 г., является важным инструментом миграционной политики, привлекшим около 1,2 млн человек к 2020 г. Она предоставляет льготы, такие как ускоренное получение гражданства и субсидии, но сталкивается с проблемами, такими как недостаток рабочих мест в некоторых регионах, например, на Дальнем Востоке, где мигранты часто не находят обещанных возможностей трудоустройства. Политические события, такие как конфликт на Украине в 2014–2015 гг., увеличили миграцию из Украины (150 тыс. человек в 2014 г.), но к 2020 г. поток сократился до 110 тыс. из-за ужесточения миграционных правил. Экономические санкции и спад экономики также ограничили возможности для трудоустройства мигрантов.

Новые санкции, введенные в связи с украинским конфликтом, привели к сокращению числа мигрантов из Центральной Азии на 3 % в первой половине 2023 г. по сравнению с 2022 г., что отражает экономическую нестабильность и снижение привлекательности российского рынка труда (Рахмонов, 2024 г.). Эмиграция из России, особенно после 2014 г., была обусловлена экономическими и политическими факторами, что усилило отток квалифицированных кадров, подчеркивая необходимость реформирования миграционной политики для удержания и привлечения человеческого капитала [32].

В 2025 г. миграционная политика претерпела дальнейшие изменения: с 1 января сокращен срок пребывания безвизовых иностранных граждан до 90 дней в календарный год. С 30 июня введена обязательная цифровая регистрация за 72 часа до прибытия для безвизовых мигрантов, что усиливает контроль. Кроме того, запрещена деятельность, наносящая ущерб интересам РФ, с усилением мер депортации за нарушения

Вызовы и перспективы интеграции

Русскоязычные мигранты сталкиваются с множеством сложностей при интеграции в российское общество, несмотря на потенциальное культурное и языковое сходство с принимающим населением: конкуренция на рынке труда, особенно в регионах с высоким уровнем безработицы, таких как Дальний Восток, зачастую усугубляется тем, что приезжие с хорошим знанием русского языка занимают рабочие места, доступные местному населению; сложные бюрократические процедуры, включая обязательные экзамены по русскому языку, истории и законодательству, введенные в 2015 г. и ужесточенные в 2025 г., ограничивают доступ мигрантов к формальной занятости и способствуют коррупции и расширению неформального рынка труда; наличие системных пробелов в учете миграции, как показал недоучет в 2018 г., затрудняет планирование интеграционных мер, а ксенофобия усиливает социальную изоляцию, особенно детей мигрантов, которые сталкиваются с предубеждениями в школах и испытывают затруднения при обучении [32].

Языковой барьер остается центральной проблемой: по данным Минпросвещения, 12 %, или около 25 тыс. детей-мигрантов к концу учебного года не владеют или слабо владеют русским языком (в качестве итоговой оценки), тогда как в некоторых исследованиях, в том числе по выборке из школ, этот показатель достигает 18 %, а успешное владение языком подтверждает лишь 58 % протестированных детей; по заявлениям спикера Госдумы, выборочная проверка показала, что 41 % детей-мигрантов либо не знают, либо плохо знают русский язык [33], заместитель председателя Совбеза Дмитрий Медведев констатировал, что более 40 % из более чем 200 тыс. детей мигрантов имеют недостаточный уровень владения языком для успешного обучения [34]. Среди педагогов сомнения в языковой готовности гораздо более распространены: почти 53 % учителей отметили проблемы с владением языком и с освоением предметов у детей-мигрантов, что требует индивидуального подхода.

Таким образом, можно подчеркнуть, что язык является ключевым маркером успешной адаптации и влияет не только на коммуникацию, но и на психологическое благополучие и доступ к образованию, трудоустройству и социальным институтам, становится ясно, что языковой барьер — фундаментальная детерминанта сегрегации и ограниченной мобильности мигрантов; подобные сценарии наблюдаются и в образовательной практике: несмотря на ограниченные публичные стратегии поддержки, большинство детей языково изолированы и не получают полноценной интеграции.

Кроме того, ограниченная видимость языков мигрантов в публичной сфере способствует их стигматизации, где многоязычные вывески ассоциировались с низкостатусными профессиями, а утечка высококвалифицированных кадров в 2001–2005 гг. подчеркивает необходимость привлечения квалифицированных мигрантов и улучшения миграционной политики.

Для преодоления этих вызовов нужна комплексная реформа миграционной политики. В частности, необходимо упростить процедуры легализации, снизить требования к сдаче экзаменов для русскоязычных мигрантов, уменьшить административные издержки и плату за патенты. Следует масштабно развивать бесплатные курсы русского языка как неродного, особенно в отраслях с высокой долей мигрантов (строительство, сельское хозяйство), где до 20–25 % работников испытывают языковые трудности.

Кроме того, важно внедрять специализированные школьные программы для детей-мигрантов, расширить образовательные квоты для студентов из СНГ и

упростить признание иностранных дипломов, а также создавать центры с бесплатной юридической и психологической поддержкой. Не менее значима нормализация языков мигрантов в общественной жизни посредством культурных и образовательных инициатив, поддержка русского языка в зарубежной диаспоре, и подготовка педагогов к работе в многонациональных классах должны стать приоритетными элементами интеграционной стратегии, способствующей не только экономической, но и социокультурной интеграции.

Заключение

Русскоязычные мигранты из стран СНГ вносят значительный вклад в экономику и культурное разнообразие России, а миграционная политика России выступает ключевым фактором, определяющим их адаптацию и интеграцию. Их языковое преимущество облегчает адаптацию, но бюрократические барьеры, проблемы учета миграции, конкуренция на рынке труда, ксенофобия и инофобность создают вызовы. Подчеркивается, что 86 % мигрантов из Центральной Азии владеют русским языком на достаточном уровне, но 1,1 млн человек нуждаются в языковой поддержке.

Также можно сделать вывод, что многоязычный ландшафт в городах, таких как Санкт-Петербург, играет двойственную роль: он облегчает доступ мигрантов к информации и услугам, но также может усиливать стереотипы, связывая языки мигрантов с низкостатусными профессиями.

Адаптация детей мигрантов в школах осложняется иноэтничностью, инофобностью и личностными факторами, что требует специальных педагогических подходов. Мигранты из Центральной Азии играют ключевую роль в демографическом развитии России, предотвращая более значительное снижение численности населения. В 2020–2021 гг. их вклад составил рост населения на 0,08 % и 0,02 % соответственно, а без учета мигрантов население могло бы сократиться на 1,53 %. Эмиграция из России, особенно высококвалифицированных специалистов и молодежи, создала вызовы для сохранения человеческого капитала и языковой идентичности, подчеркивая необходимость поддержки русского языка в диаспоре.

Реформирование миграционной политики России, включая упрощение процедур, улучшение учета миграции, развитие языковых курсов, повышение видимости языков мигрантов в позитивных контекстах, педагогическую поддержку детей мигрантов и борьбу с ксенофобией, может усилить интеграцию, способствуя устойчивому развитию России и укреплению ее позиций в постсоветском пространстве.

Список источников

1. Алешковский И. А. Периодизация эмиграции из России в постсоветский период // Журнал исследований в прикладной лингвистике. Специальный выпуск. 2016. Т. 11. С. 465–472.
2. Рязанцев С. В. Эмиграция из России: о концептуальной категории // Социологические исследования. 2018. № 883. С. 48–53.
3. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
5. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/
6. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 110-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61570/
7. Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301047/
8. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 215-ФЗ «О внесении изменения в статью 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=317104
10. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421935/
11. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/51023
12. Железнякова Е. А. Языковая адаптация детей из семей мигрантов в российской школе // Вестник Вятского государственного университета. 2023. Т. 8. № 3 (149). С. 261–269.
13. Медведь В. А. Адаптация и интеграция русскоязычных мигрантов в контексте миграционной политики: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2024.
14. Everett S. Lee A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
15. Becker G S. Human Capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. 3d ed. Chicago : The University of Chicago Press, 1992.
16. Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466.
17. Zipf G. K. The P 1 P 2 D Hypothesis: On the Intercity Movement of Persons // American Sociological Review. 1946. No. 11. P. 677–686.
18. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5. No. 6. P. 845–867.
19. URL: https://rosstat.gov.ru/
20. Андреев Е. М., Чурилова Е. В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (3). С. 4–20.
21. The IPL Integration Index // URL: https://immigrationlab.org/ipl-integration-index/
22. Ткачева Н. А. Роль миграций в становлении и развитии российского государства: ретроспективный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-3. С. 767–771.
23. Engel B. A. Russian Peasant Views of City Life, 1861–1914 // Slavic Review. 1993. No. 52 (3). P. 446–459.
24. Lewis H. Siegelbaum The ‘flood’ of 1945: regimes and repertoires of migration in the Soviet Union at war’s end // Social History. 2017. Vol. 42. No. 1. P. 52–72.
25. Общие итоги миграции населения (человек) // URL: https:// 14.rosstat.gov.ru/ storage/ mediabank/ 16_%D0% 9E%D0 %B1%D 1%89% D0%B8 %D0%B 5%20% D0%B8 %D1%8 2%D0% BE%D0 %B3%D 0%B8% 20%D0 %BC%D 0%B8% D0%B3 %D1%8 0%D0% B0%D1 %86%D 0%B8% D0%B8 %20%D 0%BD% D0%B0 %D1%8 1%D0% B5%D0 %BB%D 0%B5%D 0%BD% D0%B8 %D1%8 F%20 (6)(2).doc
26. Aleshkovski I. A., Gasparishvili A., Grebenyuk A. The Changing Landscape of Russia’s Emigration from 1990 to 2020: Trends and Determinants // Journal of Globalization Studies. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–62.
27. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф., Абылкаликов С. И. Миграция населения в России: новейшие тенденции и опыт поколений // Население России 2019. 2022. С. 276–326.
28. Гребенюк А. А., Максимова А. С., Агеенко А. Ю. Русский язык в контексте социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 167–187.
29. Рахмонов А. Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 82–90.
30. Тюрюканова Е. Рабочие руки: справедливая цена. Россия будет все сильнее зависеть от труда мигрантов // О влиянии миграции на рынок труда. 2007. № 4 (36).
31. Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья // Демоскоп Weekly. 2012. № 513–514.
32. Юн С. М., Погорельская А. М., Трофимов В. А., Таалайбек кызы Ж. Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в условиях международного кризиса 2022–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 133–142.
33. Более 10 % детей-мигрантов по завершении учебного года не владеют русским языком // URL: https://tass.ru/obschestvo/20989605
34. Медведев: 40 % детей мигрантов недостаточно владеют русским языком // URL: https://www.kommersant.ru/doc/7404385

References

1. Aleshkovsky I. A. Periodization of emigration from Russia in the post-Soviet period // Journal

of Research in Applied Linguistics. Special issue. 2016. Vol. 11. P. 465–472.
2. Ryazantsev S. V. Emigration from Russia: on the conceptual category // Sociological research. 2018. No. 883. P. 48–53.
3. Federal Law No. 114-FZ of August 15, 1996 «On the procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/
4. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
5. Federal Law No. 109-FZ of July 18, 2006 «On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/
6. Federal Law No. 110-FZ of July 18, 2006 «On Amendments to the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» and on Invalidation of Certain Provisions of the Federal Law «On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61570/
7. Federal Law No. 163-FZ of June 27, 2018 «On Amendments to the Federal Law «On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301047/
8. Federal Law No. 216-FZ of July 19, 2018 «On Amendments to Article 16 of the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
9. Federal Law No. 215-FZ of July 19, 2018 «On Amendments to Article 18.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=317104
10. Federal Law No. 357-FZ of July 14, 2022 «On Amendments to the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421935/
11. Federal Law No. 260-FZ of August 8, 2024 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: http://kremlin.ru/acts/bank/51023
12. Zheleznyakova E. A. Linguistic adaptation of children from migrant families in Russian schools // Bulletin of Vyatka State University. 2023. Vol. 8. No. 3 (149). P. 261–269.
13. Medved V. A. Adaptation and integration of Russian-speaking migrants in the context of migration policy: diss. ... candidate of economic sciences. M., 2024.
14. Everett S. Lee A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
15. Becker G S. Human Capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. 3d ed. Chicago : The University of Chicago Press, 1992.
16. Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466.
17. Zipf G. K. The P 1 P 2 D Hypothesis: On the Intercity Movement of Persons // American Sociological Review. 1946. No. 11. P. 677–686.
18. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5. No. 6. P. 845–867.
19. URL: https://rosstat.gov.ru/
20. Andreev E. M., Churilova E. V. Results of the All-Russian population census of 2021 in the light of statistics of current population registration and censuses of previous years // Demographic overview. 2023. No. 10 (3). P. 4–20.
21. The IPL Integration Index // URL: https://immigrationlab.org/ipl-integration-index/
22. Tkacheva N. A. The role of migration in the formation and development of the Russian state: a retrospective analysis // Fundamental Research. 2014. No. 8-3. P. 767–771.
23. Engel B. A. Russian Peasant Views of City Life, 1861–1914 // Slavic Review. 1993. No. 52 (3). P. 446–459.
24. Lewis H. Siegelbaum The ‘flood’ of 1945: regimes and repertoires of migration in the Soviet Union at war’s end // Social History. 2017. Vol. 42. No. 1. P. 52–72.
25. General results of population migration (people) // URL: https:// 14.rosstat.gov.ru/ storage/ mediabank/ 16_%D0% 9E%D0 %B1%D 1%89% D0%B8 %D0%B 5%20% D0%B8 %D1%8 2%D0% BE%D0 %B3%D 0%B8% 20%D0 %BC%D 0%B8% D0%B3 %D1%8 0%D0% B0%D1 %86%D 0%B8% D0%B8 %20 %D 0%BD% D0%B0 %D1%8 1%D0% B5%D0 %BB%D 0%B5%D 0%BD% D0%B8 %D1%8 F%20 (6)(2).doc

26. Aleshkovski I. A., Gasparishvili A., Grebenyuk A. The Changing Landscape of Russia's Emigration from 1990 to 2020: Trends and Determinants // Journal of Globalization Studies. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–62.
27. Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F., Abylkalikov S. I. Population migration in Russia: the latest trends and generational experience // Population of Russia 2019. 2022. P. 276–326.
28. Grebenyuk A. A., Maksimova A. S., Ageenko A. Yu. The Russian language in the context of socio-economic adaptation of labor migrants from Central Asia in Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 167–187.
29. Rakhmonov A. H. The role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges // Management. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 82–90.
30. Tyuryukanova E. Working hands: a fair price. Russia will increasingly depend on migrant labor // On the impact of migration on the labor market. 2007. No. 4 (36).
31. Denisenko M. Emigration from Russia to foreign countries // Demoscope Weekly. 2012. No. 513-514.
32. Yun S. M., Pogorelskaya A. M., Trofimov V. A., Taalaibek kyzy Zh. Labor and educational migration from Kyrgyzstan to Russia in the context of the international crisis of 2022-2023 // Bulletin of Tomsk State University. History. 2024. No. 89. P. 133–142.
33. More than 10 % of migrant children do not speak Russian at the end of the school year // URL: https://tass.ru/obschestvo/20989605
34. Medvedev: 40 % of migrant children do not speak Russian well enough // URL: https://www.kommersant.ru/doc/7404385

Информация об авторе

Н. В. Пухова — старший преподаватель кафедры русского языка Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. V. Pukhova — Senior lecturer of the Russian Language Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК 342
EDN: https://elibrary.ru/PNTAWM
NIION: 2007-0083-1/26-783
MOSURED: 77/27-005-2026-01-983

Социальное обеспечение иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации на современном этапе

Анастасия Игоревна Серпионова
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, anastasia.serpionova@gmail.com

Аннотация. Проведен комплексный анализ актуальных тенденций и правовых коллизий в сфере социального обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации на современном этапе. Актуальность исследования обусловлена динамичным реформированием законодательства в контексте оптимизации бюджетных расходов и усиления страховых принципов социального обеспечения иностранных граждан. Исследуются предлагаемые новации, в частности, введение пятилетнего страхового ценза для временно пребывающих иностранных работников для доступа к системе обязательного пенсионного страхования и полная отмена права на социальную пенсию по старости для постоянно проживающих иностранных граждан.

Ключевые слова: социальное обеспечение, иностранные граждане, лица без гражданства, пенсионное страхование, социальная пенсия, миграционное законодательство, правовой статус, вид на жительство, страховой стаж, бюджетная нагрузка

Для цитирования: Серпионова А. И. Социальное обеспечение иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации на современном этапе // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 174–177. EDN: PNTAWM.

Original article

Social security of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation at the present stage

Anastasia I. Serpionova
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, anastasia.serpionova@gmail.com

Abstract. A comprehensive analysis of current trends and legal conflicts in the field of social security for foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation at the present stage has been carried out. The relevance of the study is due to the dynamic reform of legislation in the context of optimizing budget expenditures and strengthening the insurance principles of social security for foreign citizens. The proposed innovations are being investigated, in particular, the introduction of a five-year insurance qualification for temporary foreign workers to access the compulsory pension insurance system and the complete abolition of the right to an old-age social pension for permanent residents of foreign citizens.

Keywords: social security, foreign citizens, stateless persons, pension insurance, social pension, migration legislation, legal status, residence permit, insurance record, budget burden

For citation: Serpionova A. I. Social security of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation at the present stage. Criminological Journal. 2026;(1):174–177. (In Russ.). EDN: PNTAWM.

© Серпионова А. И., 2026

Актуальность темы социального обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации обусловлена комплексом факторов, среди которых ключевыми являются процессы глобализации и интенсификация международной трудовой миграции, демографические вызовы, требующие оптимизации использования трудовых ресурсов, а также необходимость поддержания устойчивости национальной пенсионной и социальной системы. Правовое регулирование в данной сфере представляет собой динамично развивающийся институт, находящийся на стыке конституционного, административного, трудового права. Российская Федерация, будучи участником международных соглашений, стремится выстроить сбалансированную модель, которая, с одной стороны, гарантировала бы соблюдение прав человека и соответствовала международным стандартам, а с другой — защищала бы экономические интересы государства и его граждан. Современный этап развития законодательства характеризуется переходом от политики широкой социальной включенности к принципу целесообразности и обусловленности социальных выплат реальным вкладом лица в социально-экономическое развитие страны. Данная тенденция наглядно прослеживается в анализе последних законодательных инициатив, внесенных на рассмотрение в высший законодательный орган власти.

Основу правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в сфере социального обеспечения составляют положения Конституции Российской Федерации, которая закрепляет принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. В то же время, законодатель, руководствуясь ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [1], вправе устанавливать ограничения прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Именно в этой правовой плоскости формируется дифференцированный подход к предоставлению социальных прав иностранным гражданам, зависящий от их правового режима пребывания.

Фундаментальную роль в регулировании данного вопроса играет Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2]. Данный нормативный правовой акт закладывает базовые критерии для доступа к системе социального обеспечения, увязывая его, прежде всего, с наличием разрешительных документов — разрешения на временное проживание и вида на жительство. Постоянно проживающие иностранные граждане и лица без гражданства, т. е. обладающие видом на жительство, в целом уравнены в социальных правах с гражданами России, за некоторыми законодательно установленными исключениями. Однако, как показывает анализ последних законодательных тенденций, именно эта группа, а также временно пребывающие иностранные работники, становятся объектом повышенного внимания законодателя в контексте оптимизации бюджетных расходов.

Знаковым событием, обозначившим новый вектор в политике социального обеспечения иностранных граждан, стало бы принятие ряда законодательных актов, которые были бы направлены на реформирование условий предоставления пенсионных прав временно пребывающим иностранным работникам.

По нашему мнению, рассматриваемая категория лиц могла бы признаваться застрахованными лицами в системе обязательного пенсионного страхования не с момента начала трудовой деятельности, как это было ранее, а лишь при наличии у них сформированного страхового стажа на территории Российской Федерации продолжительностью не менее пяти лет. Важно подчеркнуть, что данное нововведение не распространяется на высококвалифицированных специалистов, а также на иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в соответствии со ст. 13.5 Федерального закона № 115-ФЗ, что свидетельствует о селективном подходе, направленном на стимулирование притока в страну высококвалифицированных специалистов и сохранение для них льготного режима.

Кроме того, важным изменением в сфере межведомственного информационного взаимодействия, было бы урегулирование обмена персонифицированными данными между Фондом пенсионного и социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования в отношении временно пребывающих иностранных работников. Речь идет об оперативном информировании об изменении их статуса (работающий/неработающий). Данная мера призвана повысить эффективность контроля за уплатой страховых взносов, предотвратить случаи необоснованного получения социальных и медицинских услуг, а также обеспечить прозрачность и актуальность учета данной категории лиц. Это соответствует общемировой практике усиления административного контроля в сфере миграции и социального обеспечения.

Так, в соответствии с действующим российским законодательством, данная категория лиц, при наличии вида на жительство и постоянном проживании на территории России не менее 15 лет, а также достижении общеустановленного пенсионного возраста (70 лет для мужчин и 65 лет для женщин), имела право на назначение социальной пенсии по старости.

В качестве основного обоснования такой меры актуализируется значительное увеличение нагрузки на федеральный бюджет, что приводит к усложнению социальной обстановки в обществе и дестабилизации экономического развития государства.

Если ранее постоянное проживание как таковое могло рассматриваться в качестве достаточного основания для предоставления минимальной социальной гарантии в виде пенсии, то теперь возникает необходимость активного, а не пассивного участия в социально-экономической жизни страны. Пенсия позиционируется не как автоматическое следствие длительного легального пребывания, а как результат трудовой деятельности, уплаты налогов и страховых взносов, т. е. реального вклада в экономику и социальную сферу Российской Федерации.

Так, акцентируется внимание на необходимости рационализации бюджетных расходов на социальные цели в условиях ограниченных финансовых ресурсов. Она указывает, что система социального обеспечения должна быть не только справедливой, но и финансово устойчивой. По ее мнению, дифференциация в предоставлении социальных прав между гражданами и иностранными гражданами, особенно в части нестраховых выплат, таких как социальная пенсия, является объективной необходимостью. Логика здесь заключается в том, что базовые социальные гарантии для граждан финансируются, в том числе за счет многолетних налоговых отчислений предыдущих поколений, в формировании которых иностранные граждане, недавно получившие вид на жительство, не участвовали. Следовательно, предоставление им полного объема социальных прав без учета данного обстоятельства создает дисбаланс и несправедливую нагрузку на действующих налогоплательщиков.

Анализ юридической специальной литературы показывает, что правовой статус иностранного гражданина по своей природе является производным и ограниченным по сравнению со статусом гражданина. Это в полной мере относится и к праву на социальное обеспечение. Как показывает изучение правоприменительной практики, в основе ограничений лежит принцип взаимности и принцип защиты национального рынка труда и социальных фондов [5]. Введение ценза оседлости и страхового стажа для получения пенсионных прав является общепринятой мировой практикой, направленной на предотвращение «социального туризма» — явления, когда миграция мотивируется исключительно целью получения более выгодных социальных выплат.

В работах Т. А. Прудниковой, посвященных административно-правовому регулированию миграционных процессов, автор обращает внимание на необходимость комплексного подхода. Она утверждает, что ужесточение законодательства в социальной сфере должно сопровождаться мерами по интеграции и адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства, желающих связать свою жизнь с Россией на долгосрочной основе [3].

С другой стороны, нельзя игнорировать аргументы, связанные с долгосрочной демографической и экономической стратегией России. Установление высокого барьера для получения социальной пенсии (как по возрасту, так и по сроку проживания) могло быть оправдано в условиях иной демографической ситуации. В настоящее же время, когда Россия заинтересована в привлечении на постоянное место жительства трудоспособного населения для компенсации естественной убыли, полное лишение данной категории лиц одной из гарантий государственной поддержки в старости может снизить миграционную привлекательность страны для потенциальных переселенцев, ориентированных не только на трудовые, но и на долгосрочные жизненные стратегии.

Таким образом, эти и другие предложения будут знаменовать новый этап в развитии законодательства о социальном обеспечении иностранных граждан в России. Этот этап характеризуется отчетливым переходом от модели, в определенной степени, копирующей права граждан для постоянно проживающих, к модели, основанной на строгом страховом принципе и концепции «заработанного» права. Основными векторами реформирования являются, во-первых, ужесточение условий доступа временно пребывающих работников к системе обязательного пенсионного страхования через введение пятилетнего страхового ценза, и, во-вторых, полное исключение постоянно проживающих иностранных граждан из числа получателей социальной пенсии по старости.

Рассматриваемые инициативы, с одной стороны, будут направлены на решение вполне конкретных задач: снижение нагрузки на бюджет Пенсионного фонда России, борьбу со злоупотреблениями в миграционной сфере, укрепление страховых принципов пенсионной системы [4]. С другой стороны, предлагаемые изменения носят достаточно жесткий характер и порождают серьезные вопросы относительно дальнейшей судьбы института постоянного проживания и стратегии интеграции иностранных граждан. Потенциальным следствием может стать переориентация миграционных потоков: сокращение числа иностранцев, планирующих переезд в Россию на постоянной основе и, возможно, некоторое снижение интереса к получению вида на жительство среди определенных категорий мигрантов.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
3. Прудникова Т. А., Брунер Р. А. Реестр контро-

лируемых лиц — иностранных граждан и лиц без гражданства: понятие, особенности // Современное право. 2025. № 8. С. 67–70.
4. Интервью с И. Д. Кальбфляйш // URL: https://мвд.рф/
5. Аналитические материалы МВД России // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.
2. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3032.
3. Prudnikova T. A., Bruner R. A. Register of controlled persons — foreign citizens and stateless persons: the concept, features // Modern law. 2025. No. 8. P. 67–70.
4. Interview with I. D. Kalbfleisch // URL: https://мвд.рф/
5. Analytical materials of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ст. 4832.
3. Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3686.
4. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6965.
5. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ст. 4831.
6. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 49. Ст. 6422.
7. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // URL: http://publication.pravo.gov.ru

Bibliographic list

1. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated December 30, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (P. 1). Art. 3.
2. Federal Law No. 167-FZ of December 15, 2001 «On Compulsory Pension Insurance in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 51. Art. 4832.
3. Federal Law No. 165-FZ of July 16, 1999 «On the basics of compulsory Social Insurance» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 29. Art. 3686.
4. Federal Law No. 400-FZ of December 28, 2013 «On Insurance Pensions» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 52 (P. I). Art. 6965.
5. Federal Law No. 166-FZ of December 15, 2001 «On State Pension Provision in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 51. Art. 4831.
6. Federal Law No. 326-FZ of November 29, 2010 «On Compulsory medical Insurance in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 49. Art. 6422.
7. Decree of the President of the Russian Federation dated October 15, 2025 No. 738 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030» // URL: http://publication.pravo.gov.ru

Информация об авторе

А. И. Серпионова — Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. I. Serpionova — Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.
The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9
EDN: https://elibrary.ru/QCRNNP
NIION: 2007-0083-1/26-784
MOSURED: 77/27-005-2026-01-984

Цифровой профиль мигранта как инструмент управления миграционными процессами в современной России

Юлия Николаевна Сосновская[1], Мария Николаевна Рязанцева[2]
[1,2] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] lisenok1214@yandex.ru
[2] ryazantseva.mashulya@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются положения миграционной политики, сформулированной на 2019–2025 гг., а также анализ последствий проводимых мероприятий в текущем году в рамках миграционной концепции страны. Исходя из статистических сведений, предоставляемых государственными органами исполнительной власти, анализируется необходимость создания цифрового профиля мигранта и его роль в обеспечении удобного доступа к необходимым услугам и информации, возможность реализации эффективного контроля и надзора за миграционными потоками на территории нашего государства. Особое внимание уделено нормативной правовой базе создания и внедрения цифровых профилей мигрантов.

Определены ключевые составляющие цифрового профиля мигранта, куда входит и механизм идентификации, методы защиты персональных данных мигрантов, интеграция данных из разных источников и аккумулирование в единый документ.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, цифровизация, цифровое профилирование, цифровая трансформация, персональные данные, цифровая идентификация, инновационные технологии

Для цитирования: Сосновская Ю. Н., Рязанцева М. Н. Цифровой профиль мигранта как инструмент управления миграционными процессами в современной России // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 178–182. EDN: QCRNNP.

Original article

The digital profile of a migrant as a tool for managing migration processes in modern Russia

Yulia N. Sosnovskaya[1], Maria N. Ryazantseva[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] lisenok1214@yandex.ru
[2] ryazantseva.mashulya@bk.ru

Abstract. The provisions of the migration policy formulated for 2019–2025 are considered, as well as an analysis of the consequences of the measures carried out this year within the framework of the country's migration concept. Based on the statistical information provided by state executive authorities, the article analyzes the need to create a digital profile of a migrant and its role in providing convenient access to necessary services and information, as well as the possibility of effective control and supervision of migration flows in our country. Special attention is paid to the regulatory framework for the creation and implementation of digital profiles of migrants.

The key components of the migrant's digital profile have been identified, which include an identification mechanism, methods for protecting migrants' personal data, integrating data from different sources and accumulating it into a single document.

Keywords: migration, migration processes, digitalization, digital profiling, digital transformation, personal data, digital identification, innovative technologies

For citation: Sosnovskaya Yu. N., Ryazantseva M. N. The digital profile of a migrant as a tool for managing migration processes in modern Russia. Criminological Journal. 2026;(1):178–182. (In Russ.). EDN: QCRNNP.

© Сосновская Ю. Н., Рязанцева М. Н., 2026

На сегодняшний день вопросы регулирования миграционного процесса продолжают оставаться значимыми как для нашего государств, так и для всего мира в целом. Исторически сложилось так, что миграция является определяющим фактом в развитии социальных, экономических и культурных показателей страны, что вызывает необходимость эффективного контроля и совершенствования реализации данного института в условиях, отвечающих современным требованиям жизнедеятельности общества посредством цифровой трансформации. Как известно, цифровизация, которая подразумевает под собой стремительное развитие информационных технологий и глобализацию инновационных методов, внедряемых в жизнь людей, за последние несколько лет XXI в. стала значимой тенденцией, о чем свидетельствуют принимаемые федеральные и региональные программы. В качестве примера, приведем Указ Президента Российской Федерации (далее — РФ) от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», закрепляющий одну из основных целей национального развития — развитие цифровой трансформации, а также достижение цифровой зрелости в ключевых отраслях экономики, социальной сферы и, конечно же, государственного управления [1]. Таким образом, отметим, что процесс цифровой трансформации в настоящее время охватывает все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и миграцию, реализуемую на государственном и международном уровне.

Ввиду сложившихся социально-экономических кризисов и обострившихся политических отношений, миграционные потоки стремительно увеличиваются, а цифровые возможности регулирования миграционных потоков, предоставляемые иностранным гражданам и лицам без гражданства, используются не по назначению, что, безусловно, оказывает воздействие на криминогенную обстановку страны. Согласно статистическим данным, которые мы рассмотрим далее, в РФ данная проблема приобретает особую актуальность в условиях интенсификации миграционных потоков в страну. Для подтверждения данной мысли проанализируем сведения по миграционной ситуации, сложившейся в России, которые предоставляются ежегодно Советом руководителей миграционных органов государств-участников СНГ. В аналитической справке указано [2]:

Следовательно, мы понимаем, что миграционная ситуация на протяжении 6 лет существенно видоизменялась. Данный факт в разные периоды времени обусловлен конкретными причинами. Например, снижение количества въехавших иностранных граждан и лиц без гражданства в 2020 г. обусловлено закрытием границ в связи со стремительно распространяющейся коронавирусной инфекции-2019 (COVID-19), а затем увеличение показателя в результате снятия определенных ограничений. Таким образом, на сегодняшний день наибольшее внимание органов государственной власти в общем и правоохранительных органов в частности обращено на показатели за 2023 г., поскольку за 2024 г., хоть и подводятся ежемесячные итоги деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД, результаты по точному числу прибывших в Россию иностранных граждан не представляется возможным, поскольку в каждом субъекте такие показатели разнятся, например, «за четыре месяца этого года в Москву прибыло 1,2 млн мигрантов, в Санкт-Петербург — 860 тыс. человек» [3]. Возможно предположить, что показатель за 2024 г. будет выше по сравнению с предыдущими аналогичными периодами более чем на 12 млн. В июне 2024 г. на проходившем в Санкт-Петербурге юридическом форуме, глава Следственного комитета России А. И. Бастрыкин отметил, что в России на данный момент проживают и работают от 14,5 или 16,5 млн трудовых мигрантов. Это примерно 10 % от общего населения страны [3]. Следовательно, мы понимаем, что на сегодняшний день увеличиваются не просто миграционные потоки, но и изменяются цели пребывания в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, ввиду чего прослеживается тенденция, во-первых, по увеличению деятельности ведомственных органов, к компетенции которых относится регулирование миграционных потоков, а также отсутствие взаимодействия между данными органами, направленного на эффективную работу; во-вторых, по негативным последствиям проводимой миграционной политики в виду прироста числа правонарушений и преступлений, степени общественной опасности, которые видоизменяются в условиях цифровизации. Данный аспект значительно отражается на авторитете государства, которое общество может ставить под сомнение, поскольку именно государство создает все условия для принятия иностранных граждан, которые в свою очередь позволяют вызывающее, неправомерное поведение, несоблюдение норм общества нашего государства, а также все меньше и меньше используют механизм по пребыванию в стране в трудовых целях. Ярким примером, подтверждающим данную мысль, является дело по совершенному в Крокус Сити Холле 22 марта 2024 г. террористическому акту (уголовное дело № 12402007703000467, возбужденное по ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 205 УК России) [4]. Согласно излагаемым в деле сведениям, иностранные граждане, ставшие субъектом данного преступления, прибыли на территорию нашей страны для осуществления трудовой деятельности, однако злоупотребили данным правом, что еще раз подтверждает мысль о необходимости усовершенствования миграционного законодательства в части касающейся более качественной проверки личности, аккумулировании

информации о ней. Другой, не менее важный аспект, на который обратили внимание правоохранительные органы и на сегодняшний день озвучивают в своих докладах — предоставление ложных персональных данных фигурантами вышеуказанного уголовного дела. Рачабализода Саидакрам, являясь одним из задержанных террористов совершенного преступления, находился в СИЗО некоторое время под этим именем. Однако в скором времени правоохранительные органы, в ходе расследования уголовного дела сообщили, что это не настоящее имя данного человека и в списках подозреваемых спецслужб Таджикистана он числился под другими именем [5]. И такие случаи, к сожалению, не единичны. Исходя из вышеизложенного, отметим, что проблемы миграционной сферы требуют поиска новых тенденций, решений и инновационных методов усовершенствования, которые необходимы для осуществления контрольно-надзорной функции государства за миграционными процессами РФ.

Таблица 1

Миграционная ситуация в Российской Федерации за 2018–2023 гг. (официальный сайт Интернет-портал СНГ)

Год	На территорию РФ въехало (иностр. граждан и лиц без гражданства)
2018	16 784 320
2019	16 008 091
2020	5 824 787
2021	7 285 408
2022	9 135 729
2023	12 075 116

Идея создания цифрового профиля мигранта послужила началом пути трансформации цифровой миграции. Согласно Указу Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 году» [6], создание единой информационной платформы, которая могла бы объединить все сведения о пребывающем иностранном гражданине (от миграционного учета до единой биометрической системе) не только с целью безопасности страны, но и быстрого и эффективного решения личных задач иностранного гражданина — основная задача, реализация которой происходит постепенно, начиная с 2019 г. [7]. Ярким примером, подтверждающим данную мысль, стоит считать ежегодно утверждаемый План мероприятий, куда задача по созданию цифрового профиля мигранта, который станет инструментом управления миграционными процессами в современной России, первостепенно входила последние 5 лет. В 2024 г. такой План утвержден Распоряжением Правительства РФ от 16 января 2024 г. № 30-р «О плане мероприятий по реализации в 2024–2025 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [8], что позволяет говорить о задаче по созданию цифрового профиля мигранта как об актуальной, и о возможности достоверного сбора и подтверждения личности иностранных граждан и лиц без гражданства посредством их аутентификации с использованием биометрических персональных данных, размещенных в единой биометрической системе, агрегирования сопоставимых сведений миграционного учета в различных ведомственных системах по каждому иностранному гражданину, а также осуществления профилактических мероприятий по совершению правонарушений и преступлений в сфере миграции, а значит, стабилизировать административно-деликтную и криминогенную ситуацию в данной сфере [9]. Возникает вопрос: а что подразумевается под «цифровым профилем мигранта»?

В законодательстве нет официального закрепления вышеуказанному термину. В нормативных документах и научной литературе на сегодняшний день существует множество интерпретаций определения «цифрового профиля», однако единого мнения по этому поводу нет, что в значительной степени затрудняет не только внедрение в конкретную сферу деятельности, но и разработку положений. По своей сути цифровой профиль представляет из себя аналог ковидного QR-кода, только с более обширным перечнем данных.

В результате мониторинга определенных научных трудов в данной сфере отметим, что цифрового профиля мигранта можно интерпретировать, как совокупность актуальных, достоверных данных и иных сведений о гражданах и юридических лицах, формируемых в единой системе идентификации и аутентификации или других информационных систем органов государственной власти и местного самоуправления, а также подведомственных им организаций, взаимодействующих с ней посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, в целях их предоставления с согласия соответствующих граждан или юридических лиц субъектам, запросившим доступ к этим сведениям посредством инфраструктуры цифрового профиля [10]. С этим невозможно не согласиться, поскольку действительно, понятие «цифровой профиль мигранта» достаточно многогранно. Представляется возможным ввести не только данный понятийный аппарат, но и разграничить виды цифровых профилей, имеющих ряд особенностей, которые спустя определенное время станут основными едиными документами: цифровой профиль гражданина России, цифровой профиль иностранного гражданина, цифровой профиль лица без гражданства, цифровой профиль организации (учреждения). Следовательно, сфера цифрового профилирования с годами

существенно возрастает. Стоит учесть, что попытка законодательного закрепления данного понятия была осуществлена в 2019 г., когда вышеуказанная идея была сформулирована и выдвинута на обсуждение Государственной Думой в соответствующем законопроекте Федерального закона «О внесении изменений в отельные законодательные акты» (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации), который предусматривал, что цифровой профиль является совокупностью сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации [11]. Однако данный Проект был отклонен еще в первом чтении и, соответственно, термин потерял актуальность.

Стоит отметить, что идея о создания цифрового профиля мигранта, который будет включать в себя статус пребывания иностранного гражданина и биометрические данные, была рассмотрена и ведомственными государственными органами исполнительной власти, к компетенциям которых относится и регулирование миграционными процессами, в частности МВД России. Подробно регламентированные положения регулирования миграционных потоков в условиях цифровой трансформации были аккумулированы в Проекте федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства» [12], однако данная инициатива находится на стадии рассмотрения, что в значительной степень затрудняет процесс реализации запланированной задачи на текущий год.

Стоит отметить, что с 2019 г. идея по созданию цифрового профиля мигранта не была реализована по ряду причин, часть из которых была перечислена ранее. Во-первых, это отсутствие четкого понятийного аппарата данного субъекта; во-вторых, риск смешивания еще не совсем изученных институтов в сфере цифровизации — цифровой профиль и, например, виртуальный субъект цифровых правоотношений [7]; в-третьих, введение в действие цифрового профилирования мигрантов станет началом внесения изменений ряды других законодательных актов, например, по вопросам, касающихся защиты персональных данных. Представляется возможным, что при утверждении новой Концепции миграционной политики в 2025 г., часть вопросов может быть решена.

В соответствии с вышеизложенным отметим, что на сегодняшний день процесс цифровой трансформации в настоящее время охватывает все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и миграцию, реализуемую, как на государственном, так и на международном уровне. Однако актуальные вопросы миграционной политики на территории нашего государства требуют поиска новых решений и инновационных методов усовершенствования, необходимых для осуществления контрольно-надзорной функции государства за миграционными процессами ввиду увеличения работы ведомственных органов, к компетенциям которых относится и регулирование миграционных потоков, в результате негативных последствий, проводимой миграционной политики в виде прироста числа правонарушений и преступлений, степени общественной опасности, которые видоизменяются в условиях цифровизации. Для решения данных актуальных вопросов на сегодняшний день разрабатывается цифровой профиль мигранта, который в ближайшем будущем позволит оптимизировать процесс регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, оперативно получать информацию об указанных лицах, а также аккумулировать информацию о них. Однако, следует обратить внимание и на аспекты гарантирования защиты персональных данных иностранных граждан и ли без гражданства, поскольку для них будет предоставлена возможность входа в личный кабинет на сайте Госуслуг, который на сегодняшний день подвергается мошенническим атакам.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2020. № 159 (8213).
2. Миграционная ситуация в Российской Федерации // URL: https://e-cis.info/cooperation/3958/117931/
3. Быстрыкин призвал изменить миграционную политику России // URL: https://www.kp.ru
4. Список совершенных преступлений террористической направленности за 2024 г. // URL: https://goo.su/1X1pfl
5. Оцифровать мигрантов: помогут ли новые меры контролировать их жизнь в России // URL https://goo.su/8eYEM
6. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации» // Российская газета. 2018.
7. Какохо Т. Г. Правовые основы единого цифрового профиля гражданина // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 3 (43). С. 80–90.
8. Распоряжение Правительства РФ от 16 января 2024 г. № 30-р «О плане мероприятий по реализации в 2024–2025 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // URL: http://www.consultant.ru/
9. Ковалишина К. В., Евсикова Е. В. Цифровой

профиль мигранта: особенности и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). С. 110–112.
10. Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 110–116.
11. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации» (подготовлен Минкомсвязью России) // URL: http://www.consultant.ru/
12. МВД России разработан проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // URL: https://мвд.рф

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030» // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 159 (8213).
2. Migration situation in the Russian Federation // URL: https://e-cis.info/cooperation/3958/117931/
3. Bystrokin called for a change in Russia's migration policy // URL: https://www.kp.ru
4. List of terrorist crimes committed in 2024 // URL: https://goo.su/1X1pfl
5. Digitize migrants: will new measures help to control their lives in Russia // URL https://goo.su/8eYEM
6. Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018 No. 622 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2018.
7. Kakokho T. G. The legal foundations of a unified digital profile of a citizen // Science. Society. State. 2023. Vol. 11. No. 3 (43). P. 80–90.
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated January 16, 2024 No. 30-r «On the action Plan for the implementation in 2024–2025 of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» // URL: http://www.consultant.ru/
9. Kovalishina K. V., Evsikova E. V. The digital profile of a migrant: features and prospects of development // Agrarian and land law. 2024. No. 8 (236). P. 110–112.
10. Minbaleev A. V. The concept and legal nature of a digital human profile // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 110–116.
11. Draft Federal Law «On Amendments to Hotel Legislative Acts (in terms of Clarifying identification and authentication procedures» (prepared by the Ministry of Communications of the Russian Federation) // URL: http://www.consultant.ru/
12. The Ministry of Internal Affairs of Russia has developed a draft federal law «On the conditions of entry (exit) and stay (residence) in the Russian Federation of foreign citizens and Stateless persons» // URL: https://мвд.рф

Информация об авторах

Ю. Н. Сосновская — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

М. Н. Рязанцева — слушатель международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

Yu. N. Sosnovskaya — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

M. N. Ryazantseva — Student of the International Law Faculty of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 02.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 343.1
EDN: https://elibrary.ru/BELEKU
NIION: 2007-0083-1/26-785
MOSURED: 77/27-005-2026-01-985

Специфика нормативного регулирования и практического применения мер пресечения, требующих судебного решения по законодательству Российской Федерации

Анастасия Игоревна Ступникова
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия,
Stup.nastya.1999@yandex.ru

Аннотация. Правовое регулирование применения мер пресечения, подлежащих санкционированию судом, представляет собой один из наиболее чувствительных механизмов в уголовном процессе, напрямую затрагивающий фундаментальные конституционные права личности. Установление баланса между задачами уголовного судопроизводства и соблюдением принципов законности, справедливости и презумпции невиновности требует от законодателя и правоприменителя особой точности. Рассматриваются теоретико-правовые и практические аспекты применения мер пресечения, реализация которых в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации требует обязательного судебного решения. Акцентируется внимание на правовой специфике таких мер, как заключение под стражу, домашний арест и запрет определенных действий, подчеркивается их особая значимость в системе мер пресечения ввиду непосредственного воздействия на конституционные права и свободы личности. Проведен анализ действующих нормативных актов, регламентирующих порядок избрания указанных мер, а также изучены актуальные подходы, сформированные в судебной практике. Особое внимание уделено проблемным аспектам, возникающим при реализации судебного контроля: несоответствие между положениями закона и практическими реалиями, отсутствие единообразия в применении критериев необходимости применения мер пресечения, а также недостаточная аргументация решений судов в ряде случаев.

Ключевые слова: меры пресечения, судебный контроль, арест, домашний арест, запрет определенных действий, ст. 108, 109, 97 УПК РФ, презумпция невиновности, Конституционный Суд РФ, судебная практика

Для цитирования: Ступникова А. И. Специфика нормативного регулирования и практического применения мер пресечения, требующих судебного решения по законодательству Российской Федерации // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 183–190. EDN: BELEKU.

Original article

The specifics of regulatory regulation and practical application of preventive measures requiring a court decision under the legislation of the Russian Federation

Anastasia I. Stupnikova
Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia, Stup.nastya.1999@yandex.ru

Abstract. The legal regulation of the use of preventive measures subject to court approval is one of the most sensitive mechanisms in the criminal process, directly affecting the fundamental constitutional rights of the individual. The establishment of a balance between the tasks of criminal proceedings and the observance of the principles of legality, justice and the presumption of innocence requires special precision from the legislator and law enforcement officer. The article considers the theoretical, legal and practical aspects of the application of preventive measures, the implementation of which, in accordance with the criminal procedure legislation of the Russian Federation, requires a mandatory court decision. Attention is focused on the legal specifics of such measures as detention, house arrest and prohibition of certain actions, and their special importance in the system of preventive measures is emphasized due to their direct impact on the constitutional rights and freedoms of the individual. The analysis of the current regulations governing the procedure

© Ступникова А. И., 2026

for the election of these measures has been carried out, as well as the current approaches formed in judicial practice have been studied. Special attention is paid to problematic aspects that arise during the implementation of judicial control: inconsistencies between the provisions of the law and practical realities, lack of uniformity in the application of criteria for the need to apply preventive measures, as well as insufficient argumentation of court decisions in some cases.

Keywords: preventive measures, judicial control, arrest, house arrest, prohibition of certain actions, Art. 108, 109, 97 of the Code of Criminal Procedure, presumption of innocence, Constitutional Court of the Russian Federation, judicial practice

For citation: Stupnikova A. I. The specifics of regulatory regulation and practical application of preventive measures requiring a court decision under the legislation of the Russian Federation. Criminological Journal. 2026;(1):183–190. (In Russ.). EDN: BELEKU.

Введение. Проблематика мер процессуального принуждения, ограничивающих свободу личности, на протяжении длительного времени занимает одно из центральных мест в уголовно-процессуальной науке и практике. Особую значимость в этом контексте приобретают меры пресечения, применение которых возможно исключительно по решению суда. Их специфика заключается не только в высокой степени вмешательства в сферу личной неприкосновенности, но и в необходимости соблюдения особого порядка, гарантирующего соблюдение прав и законных интересов обвиняемых и подозреваемых. Такая необходимость обусловлена, как международными правовыми стандартами, выработанными в рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, так и конституционно-правовыми установками, закрепленными в Основном законе Российской Федерации.

Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации [11], арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются лишь на основании судебного решения. Указанное положение воплощает фундаментальный принцип приоритета прав личности и соответствует обязательствам России в рамках международных договоров. В уголовно-процессуальном законодательстве данная норма получила развитие в положениях ст. 97, 99, 100, 108, 109 УПК РФ [12], устанавливающих как основания, так и порядок применения указанных мер пресечения. Особое внимание уделяется их соразмерности, необходимости, а также возможностям применения более мягких альтернатив, в том числе запрета определенных действий и домашнего ареста. Однако правоприменительная практика, складывающаяся в последние годы, свидетельствует о наличии устойчивых проблем в части обоснования и мотивации судебных решений, что вызывает обеспокоенность с точки зрения соблюдения принципов справедливости и презумпции невиновности.

Современная уголовно-процессуальная доктрина указывает на тенденцию к расширительной трактовке оснований для заключения под стражу, что порождает риск злоупотреблений и подмены задач уголовного судопроизводства репрессивными мерами обеспечения. Суды нередко исходят не из оценки индивидуальных обстоятельств конкретного дела, а из тяжести предъявленного обвинения, что противоречит позиции Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно подчеркивавшего необходимость мотивированного подхода при оценке целесообразности ограничений прав личности. Так, в Постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П [13] указано, что судебное решение должно основываться на анализе конкретных обстоятельств дела, а не на формальных признаках категории преступления.

В этих условиях приобретает актуальность всесторонний анализ особенностей нормативного регулирования и практического применения мер пресечения, требующих судебного решения. От степени их правовой урегулированности и отработанности судебной процедуры напрямую зависит уровень обеспечения прав и свобод граждан, оказавшихся в положении обвиняемых, а также степень доверия общества к институтам правосудия. Вопросы избрания, продления, изменения или отмены таких мер требуют высокой степени юридической аргументации, недопущения произвола и унификации подходов на уровне всей судебной системы.

Также заслуживает внимания вопрос соблюдения баланса между необходимостью обеспечения надлежащего хода уголовного судопроизводства и охраной интересов личности. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в редакции с учетом последних изменений, предоставляет суду широкий инструментарий для выбора наиболее адекватной меры, однако на практике данный потенциал не всегда реализуется.

Таким образом, исследование специфики судебного регулирования и применения мер пресечения позволяет не только выявить правовые пробелы и коллизии, но и предложить направления совершенствования правоприменительной практики. Системное осмысление действующего механизма является важным условием для повышения степени правовой защищенности личности и укрепления принципов справедливого судопроизводства в Российской Федерации.

Материалы и методы исследования. В качестве основного нормативного материала использовались положения Конституции Российской Федерации,

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ и акты Конституционного Суда РФ.

Методологическую основу исследования составили диалектический метод научного познания, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Также применялись системный и логико-правовой подходы к анализу правовых норм и судебной практики.

Материалом для эмпирического анализа стали конкретные постановления судов общей юрисдикции, вынесенные в 2020–2024 гг., опубликованные в «КонсультантПлюс» и «Росправосудие».

Результаты исследования и обсуждение. Правовая природа мер пресечения, подлежащих судебному контролю, базируется на конституционном постулате о недопустимости произвольного ограничения личной свободы. Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации, арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по решению суда. В уголовно-процессуальном законодательстве эта норма конкретизируется положениями ст. 108 УПК РФ, регламентирующей порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также ст. 107.1, регулирующей применение меры в виде запрета определенных действий [8].

Законодатель прямо указывает, что без судебного решения применение указанных мер невозможно, что подтверждается и положениями ст. 10 УПК РФ, закрепляющей принцип уважения чести и достоинства личности, и ст. 7, провозглашающей законность в уголовном судопроизводстве. Применение меры пресечения, ограничивающей свободу, возможно только при наличии достаточных оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, где в числе оснований указаны факторы, свидетельствующие о возможном сокрытии от органов предварительного расследования и суда, воспрепятствовании производству по делу или продолжении преступной деятельности [8].

Формально процедура соблюдается: ходатайство следователя направляется в суд с обоснованием необходимости применения меры, к которому прилагаются материалы, подтверждающие наличие процессуальных рисков. Однако на практике, как показывает анализ судебных актов, представленные доказательства нередко носят общий и шаблонный характер, без привязки к конкретной личности обвиняемого [4]. В ряде случаев судебные решения о заключении под стражу основываются на формальных аргументах о тяжести инкриминируемого деяния, без анализа возможности применения альтернативных мер.

Наряду с этим, в судебной практике сохраняется проблема надлежащей оценки доказательств, представляемых в обоснование ходатайства следствия. Судебные решения зачастую не содержат мотивированного обоснования невозможности применения более мягкой меры пресечения, что противоречит позиции, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 [14], согласно которому при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд обязан рассмотреть возможность применения менее строгих мер и мотивировать отказ от них.

Серьезные вопросы вызывает практика продления сроков содержания под стражей. Согласно ст. 109 УПК РФ, обоснованием продления должно служить наличие исключительных обстоятельств, препятствующих завершению расследования. Однако, как показал анализ материалов 50 судебных решений, в большинстве случаев следствие ограничивается указанием на большой объем дела и необходимость проведения ряда следственных действий, без конкретизации причин затягивания. Подобный подход осуждается в правовых позициях ЕСПЧ, а также критикуется в научной литературе [3].

В соответствии со ст. 107 УПК РФ, домашний арест должен применяться с учетом условий проживания, состояния здоровья, возможностей контроля со стороны органов дознания и следствия. Тем не менее, практика показывает, что ограничение контактов, контроль за перемещением и невозможность посещения медицинских учреждений нередко делают эту меру практически тождественной содержанию под стражей, особенно при технических ограничениях работы УИС.

Анализ действующей судебной практики позволяет выделить количественные и качественные тенденции в применении мер пресечения, требующих судебного решения. Ниже представлена сводная таблица, составленная по результатам выборки из 100 судебных решений, размещенных в базе «КонсультантПлюс» за период 2022–2024 гг., с акцентом на первую инстанцию в судах общей юрисдикции.

Представленные данные позволяют констатировать преобладание меры в виде заключения под стражу, которая применяется в двух третях случаев, несмотря на то, что альтернативные меры предусмотрены законом. Ст. 108 УПК РФ устанавливает, что заключение под стражу должно применяться лишь при невозможности применения иных, более мягких мер, однако судебные акты показывают инерционную практику, ориентированную на наиболее жесткую форму ограничения свободы.

Высокий процент шаблонности в мотивационной части решений (59 из 67 случаев) указывает на формализм в оценке доводов следствия, что противоречит правовым позициям Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым каждое решение должно быть индивидуализировано с учетом личности обвиняемого, тяжести обвинения, его поведения и других значимых обстоятельств.

Таблица 1

Применение судебных мер пресечения по уголовным делам (по материалам судебной практики 2022–2024 гг.)

№	Вид меры пресечения	Кол-во применений (из 100 дел)	Доля от общего числа (%)	Частота обоснованных отказов суда	Частота мотивированных альтернатив (домашний арест, запрет действий)	Признаки шаблонности в мотивах суда
1	Заключение под стражу	67	67 %	4	6	59
2	Домашний арест	12	12 %	3	12 (совпадает)	9
3	Запрет определенных действий	7	7 %	2	7	5
4	Отказ в применении меры пресечения	14	14 %	14	–	–

Источник: составлено по данным судебных актов, доступных в «КонсультантПлюс», 2022–2024 гг. [6].

Интерес представляет также сравнительно низкий процент применения меры в виде запрета определенных действий (7 %), которая введена в законодательство как промежуточная альтернатива между подпиской о невыезде и домашним арестом. Несмотря на потенциал этой меры в плане соблюдения баланса между целями уголовного судопроизводства и правами личности, суды прибегают к ней крайне редко.

Отказы в удовлетворении ходатайства следствия составили 14 %, что свидетельствует о наличии тенденции к усилению судебного контроля. Однако следует учитывать, что почти все отказы обусловлены грубыми процессуальными ошибками в оформлении материалов, а не активной правозащитной позицией суда. В большинстве отказов отсутствует системный анализ альтернатив, несмотря на положения ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Современное уголовно-процессуальное регулирование мер пресечения, требующих судебного решения, формально обеспечивает базовые правовые гарантии лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Однако анализ действующих норм, а также обобщение практики их применения показывают, что фактическая реализация этих гарантий носит ограниченный характер, во многом обусловленный как пробелами в законодательстве, так и стереотипами судебного правоприменения. Особую актуальность приобретает проблема формального подхода к мотивировке решений о применении мер пресечения, особенно в виде заключения под стражу. Несмотря на то, что ст. 108 УПК РФ прямо предусматривает необходимость наличия достаточных оснований, обосновывающих невозможность применения иных мер, в реальной практике суды ограничиваются ссылками на тяжесть предъявленного обвинения или абстрактные риски воспрепятствования расследованию, уклонения от следствия или продолжения преступной деятельности [10].

Нормативное уточнение ст. 108 УПК РФ может заключаться в закреплении требования об обязательной конкретизации в ходатайстве следователя и в судебном решении индивидуальных обстоятельств, подтверждающих наличие указанных рисков. Такое изменение позволило бы исключить практику шаблонных формулировок и сделать судебный контроль подлинным инструментом защиты прав личности. Необходимость перехода к обоснованным и содержательным судебным актам подчеркивалась и Конституционным Судом Российской Федерации, в том числе в Постановлении от 22 марта 2005 г. № 4-П, где была зафиксирована недопустимость использования формального подхода при вынесении решения о лишении свободы.

В контексте обеспечения принципа индивидуализации меры пресечения особое значение имеет нормативное закрепление обязанности суда мотивированно рассматривать возможность применения альтернативных мер. Хотя соответствующие указания содержатся в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, в частности, в Постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41, положения самого УПК РФ не обязывают суд включать в решение анализ менее жестких мер. В связи с этим требуется дополнение ст. 108 УПК РФ положением о необходимости прямого указания причин, по которым невозможным признается применение домашнего ареста, запрета определенных действий либо иной меры, не связанной с лишением свободы.

Постановление № 1 от 27 мая 2025 г. [15] вносит коррективы в подход к применению заключения под стражу и другим мерам пресечения, усиливая ориентиры на более бережное отношение к свободе че-

ловека. Изменения показывают, что Верховный Суд РФ стремится узаконить более строгую фильтрацию случаев, когда допускается содержание под стражей, особенно по преступлениям средней и небольшой тяжести.

Ранее законодательство давало более широкие возможности использовать заключение под стражу, иногда с минимальными основаниями; теперь судебной практике предписывается более щепетильный подход. Особенно это касается подозреваемых/обвиняемых, у которых есть место жительства в РФ, чья личность известна, кто не нарушал ранее мер пресечения и не уклонялся от суда или следствия — в таких случаях нельзя автоматически применять стражу без дополнительных оснований. Усиливается требование мотивированности — чтобы суд ясно обосновывал, почему другие, менее строгие меры невозможны; чтобы были конкретные доказательства, а не формальные или фактические «подставки».

Отдельный акцент — на предпринимателях и лицах, участвующих в коммерческой деятельности. Если преступление может быть связано с предпринимательской деятельностью, то ходатайство об аресте таких лиц должно четко показать, что связь с предпринимательством отсутствует либо что преступление не связано с их коммерческой деятельностью; иначе — отказ. Это проявление заботы о праве на предпринимательство, о том, чтобы мера пресечения не разрушала бизнес без достаточных оснований. Также усиливается защита особо уязвимых категорий: несовершеннолетних, беременных женщин, женщин с малолетним ребенком и др., когда преступления — средней или небольшой тяжести. Т. е., закон поощряет альтернативы заключению под стражу для таких лиц.

Наконец, становится более обязательным соблюдение требований о времени меры пресечения: суды должны указывать конкретный срок, мотивировать претензии к продлению и, если возможно, смягчать меру.

Проблема недостаточной обоснованности решений особенно выражена при продлении срока содержания под стражей. Согласно ст. 109 УПК РФ, такое продление допускается при наличии обстоятельств, препятствующих завершению расследования в установленные законом сроки. Однако действующая редакция не устанавливает критериев допустимости ссылок на такие обстоятельства и не содержит ограничений по количеству продлений, что открывает возможность к неоднократному формальному продлению без анализа объективной необходимости [1]. Уточнение данной нормы должно выражаться в законодательном требовании прилагать к ходатайству следствия перечень незавершенных процессуальных действий с указанием причин их невыполнения, а также в обосновании связи между действиями и необходимостью дальнейшего содержания под стражей. Дополнительно представляется оправданным введение ограничения на общее число возможных продлений, за исключением дел, отнесенных к категории особо сложных. Такой подход позволил бы устранить практику затягивания предварительного расследования без надлежащей мотивации и снизить уровень нарушения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленного в ст. 22 Конституции Российской Федерации.

Необходимо отметить, что возникает необходимость законодательного закрепления критериев, подлежащих учету при выборе данной меры [5]. К таким критериям может относиться информация о постоянном месте жительства, характеристика личности, наличие иждивенцев и состояние здоровья. В ст. 107 УПК РФ должно быть прямо указано, что при наличии оснований, исключающих необходимость полной изоляции, суд обязан рассмотреть возможность применения домашнего ареста с установлением конкретных ограничений.

Наряду с этим возникает вопрос о расширении процессуальных гарантий в ходе судебного рассмотрения вопроса об избрании или продлении меры пресечения. Судебные заседания по таким вопросам не всегда обеспечивают полноценную состязательность и прозрачность. В целях усиления контроля за качеством судебного разбирательства и повышения доверия к принимаемым решениям целесообразно внести изменения в ст. 241 УПК РФ, обязав суд осуществлять аудиофиксацию заседаний, касающихся мер пресечения, с последующим приобщением записей к материалам уголовного дела. Такая мера повысит уровень подотчетности суда и будет способствовать недопущению нарушений прав стороны защиты [7].

Актуальной представляется и идея разработки единого правового стандарта оценки доказательств, представляемых следствием в обоснование необходимости применения меры пресечения. В отличие от стадии разрешения уголовного дела по существу, где оценка доказательств осуществляется по определенным критериям допустимости и достоверности, в рамках рассмотрения вопроса о мере пресечения такие стандарты фактически отсутствуют. Это приводит к тому, что суды принимают к сведению неформализованные заявления следователя без необходимой проверки их подтверждения [9, с. 18]. Создание разъ-

яснений Верховного Суда РФ либо внесение в УПК РФ специальной нормы, регулирующей требования к доказательствам на этой стадии, будет способствовать более строгой и обоснованной правовой оценке доводов стороны обвинения и защите интересов личности.

Законодательные инициативы, направленные на укрепление системы судебного контроля в сфере применения мер пресечения, не смогут быть реализованы в отрыве от институциональных изменений. Только при наличии независимого, компетентного и мотивированного судебного корпуса возможно построение правоприменительной практики, отвечающей современным требованиям правового государства. В этой связи важным направлением становится внедрение в программу повышения квалификации судей специальных модулей, ориентированных на международные стандарты избрания меры пресечения, в том числе практику Европейского суда по правам человека, решения которого не раз выявляли системные проблемы российского уголовного судопроизводства, связанные с применением изоляционных мер [2].

Таким образом, комплексный подход к совершенствованию нормативной базы и практики применения мер пресечения должен учитывать, как специфику уголовного судопроизводства, так и необходимость соблюдения баланса между публичными интересами уголовного преследования и защитой прав и свобод личности. Реформирование соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства, подкрепленное единообразием судебной практики и развитием правовой культуры судейского сообщества, способно существенно повысить качество судебного контроля и укрепить доверие общества к судебной системе Российской Федерации.

Выводы. Проведенное исследование позволяет заключить, что механизм судебного санкционирования мер пресечения, ограничивающих свободу личности, формально выстроен на конституционных началах правовой определенности и презумпции невиновности. Однако в реальной практике правоприменения сохраняется уклон в сторону формального подхода, что снижает эффективность судебного контроля и создает угрозу нарушения прав личности.

Основными проблемами остаются шаблонность обоснований ходатайств следствия, недостаточность мотивировки судебных решений, а также ограниченное использование альтернативных мер пресечения. Продление содержания под стражей часто производится без надлежащего анализа хода расследования, что также противоречит требованиям ст. 109 УПК РФ и правовым позициям Конституционного Суда РФ.

Для повышения эффективности правоприменения необходимо обеспечить более строгие стандарты обоснования, как на стадии первичного избрания меры, так и при продлении. Целесообразно усиление роли института судебного контроля путем установления практики обязательного анализа альтернатив, а также введение независимых механизмов мониторинга соблюдения условий применения мер пресечения, включая домашний арест.

Таким образом, только системное развитие правовых механизмов судебного санкционирования и повышение стандартов доказывания со стороны следствия способны обеспечить баланс между публичными интересами уголовного преследования и охраной прав личности, что и должно стать приоритетом законодательной и судебной политики в данной сфере.

Список источников

1. Буфетова М. Ш., Лукошкина С. В. Проблемы и дальнейшие перспективы применения меры пресечения в виде запрета определенных действий // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 4. С. 1476–1485.
2. Гук П. А. Право есть, да закона нет: поиск решения избежать судебной ошибки в правоприменении // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 4 (72). С. 132–142.
3. Ежова Е. В., Шагеева Р. М. Предупреждение преступлений как задача суда при производстве по уголовным делам // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 4. С. 370–378.
4. Кутуев Э. К., Чабукиани О. А., Латыпов В. С. Меры пресечения на досудебных стадиях в российском уголовном процессе, избрание которых не требует судебного решения. М., 2022.
5. Махмудова Д. К. и др. Сравнительно-правовой анализ домашнего ареста в качестве меры пресечения в уголовном судопроизводстве РФ и некоторых стран СНГ // Актуальные проблемы публичного права. 2022. С. 97–100.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г.) (ред. от 27 ноября 2024 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477436/
7. Поликарпова О. С. Ретроспектива института обвинения в условиях развития института подозрения в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Белгородского юриди-

ческого института МВД России. 2024. № 1. С. 72–79.
8. Реди нова Е. А. Институт мер пресечения в России // Мир науки и мысли. 2023. № 2. С. 128–132.
9. Хлызова Т. С. Актуальные проблемы избрания и применения меры пресечения заключения под стражу в уголовном судопроизводстве России // Юридический факт. 2022. № 9.
10. Чубуков Б. А., Костенко Д. С. Соотношение правовой природы домашнего ареста и запрета определенных действий в контексте развития института мер пресечения в Российской Федерации // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 2. С. 64–75.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/2950c594efb40e078dae8c442921ed204ac92c03/
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52496/
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 г. № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // URL: https://www.vsrf.ru/

References

1. Bufetova M. Sh., Lukoshkina S. V. Problems and further prospects of applying a preventive measure in the form of a ban on certain actions // Baikal Research Journal. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 1476–1485.
2. Guk P. A. There is a right, but there is no law: finding a solution to avoid judicial error in law enforcement // News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2024. No. 4 (72). P. 132–142.
3. Yezhova E. V., Shageeva R. M. Crime prevention as a court task in criminal proceedings // All-Russian Journal of Criminology. 2024. Vol. 18. No. 4. P. 370–378.
4. Kutuev E. K., Chabukiani O. A., Latypov V. S. Preventive measures at pre-trial stages in the Russian criminal process, the election of which does not require a court decision. M., 2022.
5. Makhmudova D. K. et al. Comparative legal analysis of house arrest as a preventive measure in criminal proceedings in the Russian Federation and some CIS countries // Actual problems of public law. 2022. P. 97–100.
6. Review of judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024) (as amended on November 27, 2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477436/
7. Polikarpova O. S. A retrospective of the Institute of prosecution in the context of the development of the institute of suspicion in Russian criminal proceedings // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1. P. 72–79.
8. Redinova E. A. Institute of preventive Measures in Russia // The world of science and thought. 2023. No. 2. P. 128–132.
9. Khlyzova T. S. Actual problems of choosing and applying a preventive measure of detention in criminal proceedings in Russia // Legal fact. 2022. No. 9.
10. Chubukov B. A., Kostenko D. S. The relationship between the legal nature of house arrest and the prohibition of certain actions in the context of

the development of the institution of preventive measures in the Russian Federation // Legal Bulletin. 2023. Vol. 8. No. 2. P. 64–75.
11. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
12. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on July 31, 2025) (as amended and supplemented, intro. effective from September 1, 2025) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/2950c594efb40e078dae8c442921ed204ac92c03/
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 22, 2005 No. 4-P «On the case of Checking the Constitutionality of a Number of Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Regulating the Procedure and Timing of the Use of detention as a preventive measure at the stages of criminal proceedings following the completion of the preliminary investigation and referral of the criminal case to court, in in connection with the complaints of a number of citizens» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52496/
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 No. 41 (as amended on May 27, 2025) «On the practice of courts applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/
15. Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 27, 2025 «On Amendments to Resolution No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 «On the Practice of Courts Applying Legislation on preventive measures in the Form of Detention, House Arrest, Bail and Prohibition of Certain Actions» // URL: https://www.vsrf.ru/

Информация об авторе

А. И. Ступникова — юрист управления правового обеспечения и имущественных отношений департамента по стратегическому развитию Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Information about the author

A. I. Stupnikova — Lawyer of the Department of Legal Support and Property Relations of the Department for Strategic Development of Tambov State University named after G. R. Derzhavin.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 09.10.2025.

The article was submitted 25.09.2025; approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 09.10.2025.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/ASTBKY
NIION: 2007-0083-1/26-786
MOSURED: 77/27-005-2026-01-986

Уголовно-процессуальные аспекты участия представителя иностранного гражданина на этапе обращения с заявлением о преступлении

Александр Николаевич Тепленко
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова, Казань, Россия, teplenkouly2014@mail.ru

Аннотация. Посвящена комплексному анализу уголовно-процессуальных особенностей участия иностранных граждан в уголовном судопроизводстве на стадии возбуждения уголовного дела. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса в условиях современных геополитических реалий. Вовлечение иностранных граждан в орбиту уголовного судопроизводства Российской Федерации требует от законодателя и правоприменителей отлаженного механизма реализации уголовного-процессуальных прав и обязанностей участников уголовного процесса. В результате проведенного анализа нормативных правовых актов, регламентирующих порядок работы с обращениями о преступлениях, выявлены проблемы в ограничении доступа к правосудию иностранным гражданам. В целях устранения данных проблем обосновываются предложения о привлечении представителя иностранного гражданина на этапе подачи заявления о преступлении.

Ключевые слова: представительство, представитель, иностранный гражданин, представитель иностранного гражданина, доступ к правосудию, заявитель о преступлении, представитель заявителя, уголовно-процессуальное представительство

Для цитирования: Тепленко А. Н. Уголовно-процессуальные аспекты участия представителя иностранного гражданина на этапе обращения в уполномоченный государственный орган с сообщением о преступлении // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 191–199. EDN: ASTBKY.

Original article

Criminal procedural aspects of the participation of a representative of a foreign citizen at the stage of filing a criminal complaint

Alexander N. Teplenko
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia, teplenkouly2014@mail.ru

Abstract. Is devoted to a comprehensive analysis of the criminal procedural features of the participation of foreign citizens in criminal proceedings at the stage of initiating a criminal case. The relevance of the research topic is due to the need to increase the effectiveness of compliance with the rights and legitimate interests of participants in the criminal process in the conditions of modern geopolitical realities. The involvement of foreign citizens in the orbit of criminal proceedings in the Russian Federation requires the legislator and law enforcement agencies to have a well-established mechanism for the implementation of criminal procedural rights and obligations of participants in the criminal process. The author conducted a comprehensive analysis of the regulatory legal acts of the Russian Federation regulating the process of submitting, registering, and resolving reports of crimes, taking into account the existing features of the participation of a foreign citizen as a crime complainant. The results of this analysis revealed problems in ensuring the rights and legitimate interests of the latter, as well as problems in ensuring proper access to justice for a foreign citizen acting as a crime complainant. Based on the identified problems, it is proposed to consider the possibility of involving a representative of a foreign citizen at the stage of initiating a criminal case, in particular at the stage of reporting a crime.

Keywords: representation, representative, foreign citizen, representative of a foreign citizen, access to justice, crime complainant, representative of the complainant, initiation of a criminal case, criminal procedural representation

© Тепленко А. Н., 2026

For citation: Teplenko A. N. Criminal procedural aspects of the participation of a representative of a foreign citizen at the stage of filing a criminal complaint. Criminological Journal. 2026;(1):191–199. (In Russ.). EDN: ASTBKY.

Введение.

Этап возбуждения уголовного дела с участием иностранных граждан [11] имеет некоторые особенности уголовно-процессуального свойства и, в первую очередь, это касается процесса приема и регистрации сообщений и заявлений о преступлениях. При возникновении необходимости у иностранного гражданина сообщить о преступлении согласно нормам российского законодательства последний должен понимать соответствующий порядок и условия данной процедуры. Кроме этого, иностранному гражданину следует ориентироваться или достоверно знать государственные органы Российской Федерации, которые уполномочены осуществлять прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях.

Во-первых, согласно положениям УПК РФ [12], не каждый государственный орган России уполномочен осуществлять данную деятельность. Перечень уполномоченных органов является исчерпывающим исходя из положений отечественного законодательства. В силу этого иностранному гражданину необходимо заранее знать или уметь самостоятельно определить перечень данных уполномоченных государственных органов. В случае обращения иностранного гражданина с заявлением о преступлении в необходимый орган, не уполномоченный осуществлять прием такого рода заявлений, последний может получить отказ в его принятии на основании отсутствия у такого государственного органа соответствующих полномочий для осуществления данного вида деятельности [13]. В таком случае иностранному гражданину следует повторно обратиться уже в необходимый уполномоченный государственный орган для прохождения соответствующей процедуры подачи заявления.

Однако повторное обращение иностранного гражданина для подачи заявления о преступлении может привести к потере большого количества времени (ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ), к несвоевременному проведению проверочных мероприятий (ч. 1, 1.2 ст. 144 УПК РФ), к переносу проведения процессуальных и следственных действий (ст. 74 УПК РФ), к нарушениям, допускаемым в процессе сбора вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ), к появлению возможности у лица, подозреваемого в совершении преступления, скрыться от уголовного преследования (ст. 210 УПК РФ).

Во-вторых, возможны нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства (например: прав потерпевшего, прав подозреваемого, прав лица, в жилище которого проведен обыск) [14; 32]. Так, в случае обжалования участниками уголовного судопроизводства принятых процессуальных решений должностных лиц или произведенных процессуальных действий на основании указанных решений предметом исследования в процедуре обжалования будет выступать весь комплекс событий, послуживших поводом и основанием для вынесения данных решений [15].

При установлении нарушений, такое решение будет отменено как вынесенное незаконно и необоснованно (например, прокурором п. 5.1 ч. 1 ст. 37 УПК РФ, руководителем следственного органа п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, судом п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ). Отмена данного процессуального решения повлечет за собой не только нарушение прав участников уголовного судопроизводства и признание недопустимыми собранных доказательств, но и наступление ответственности должностных лиц, допустивших данные нарушения, а также необходимость принятия мер для устранения выявленных нарушений (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) [1, с. 59].

Процесс участия представителя иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве на сегодняшний день не подвергался комплексному исследованию. Проведенные исследования представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве России носят выборочный характер и затрагивают лишь некоторые области данного уголовно-процессуального института. Так, отдельным аспектам приема и регистрации сообщения о преступлении, совершенном иностранным гражданином или в отношении него, посвящены работы Р. В. Беспамятого [2, с. 202], Н. А. Жуковой [3, с. 10]. Ряд отдельных вопросов представительства иностранных граждан в уголовном судопроизводстве затрагиваются в исследованиях А. В. Майорова [4, с 429]. Особенности криминалистических характеристик личности иностранных граждан, влияющих на уголовное судопроизводство, изучались в многочисленных трудах Е. И. Фойгель [5, с. 48]. Проблемы проведения процессуальных проверок сообщений о преступлениях на территории зарубежных представительств государств рассмотрены в работах П. А. Литвишко [6, с. 151–152]. Международный опыт цифровизации процессов приема, регистрации сообщений о преступлениях проанализирован в исследованиях Н. О. Никурадзе, Е. В. Мищенко, Е. А. Мариной [7, с. 542], Т. С. Демичевой [8, с 212]. Перспективы оптимизации процессуального статуса заявителя о преступлении подвергались изучению Е. Н. Клещиной, Д. С. Крыловой [8, с. 239].

Таким образом, имеется необходимость в ком-

плексном изучении всех аспектов уголовно-процессуального представительства иностранных граждан на всех этапах уголовного судопроизводства России, начиная с момента обращения с сообщением о преступлении.

Результаты исследования.

Иностранный гражданин, не владеющий русским языком, не имеющий знаний в области отечественной юриспруденции, в случае установленных ограничений во времени пребывания на территории Российской Федерации при отсутствии возможности иметь бесплатную юридическую помощь адвоката или представителя самостоятельно и точно определить необходимый уполномоченный орган для подачи соответствующего сообщения не сможет, что существенно ограничивает его права на доступ к правосудию [13]. Так, перечень государственных органов Российской Федерации, уполномоченных на прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях, определен, однако для иностранного гражданина сложность заключается в том, что ни в одном нормативном правовом акте России не приведен полный перечень данных уполномоченных государственных органов, что может быть значительной проблемой, так как вызывает необходимость поиска и анализа сведений о данных государственных органах, которые содержатся в многочисленных нормативных правовых актах, регламентирующих данный вид деятельности.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ обозначено только то, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Таким образом, иностранному гражданину следует знать структуру органов государственной власти России, их функции, а также штатное расписание данных органов, в состав которых входят должностные лица, осуществляющие полномочия дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа.

При таких обстоятельствах иностранный гражданин, желающий подать письменное заявление о преступлении, столкнется с существенными трудностями, так как будет вынужден самостоятельно осуществлять поиск необходимой информации в различных правовых источниках. Так, согласно положениям ст. 40 УПК РФ к органам дознания России относятся: органы внутренних дел, органы принудительного исполнения, начальники органов Военной полиции, органы государственного пожарного надзора. Также исходя из анализа положений ст. 151 УПК РФ, к их числу относят органы исполнительной власти, в состав которых входят должностные лица, производящее дознание. Кроме того, к числу органов дознания России согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ относят федеральные органы, наделенные полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность [16]. Поэтому иностранный гражданин должен быть осведомлен о внутренней структуре указанных государственных органов и нормативных правовых актах, определяющих их штатное построение и структуру, так как это потребует от него глубоких познаний в данной области.

Также согласно п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ имеется необходимость обращаться к отдельным нормативным актам, регламентирующим внутреннюю структуру [17; 18] и возложенные функции отдельных органов исполнительной власти [19].

Кроме этого, не следует упускать из виду государственные органы, в структуру которых входят должностные лица, наделенные полномочиями следователя и руководителя следственного органа (ст. 151 УПК РФ).

Таким образом, положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривают регламентацию деятельности лишь части органов, уполномоченных на осуществление приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. Данное обстоятельство указывает на разрозненность норм, регламентирующих данные правоотношения, что может стать существенной проблемой для иностранного гражданина при отсутствии знаний в данной области отечественного права.

Кроме того, специфическим видом подачи письменного заявления о преступлении является процесс обращение заявителя к мировому судье в порядке ст. 318 УПК РФ. Данные особенности российского уголовно-процессуального законодательства также необходимо учитывать иностранному гражданину в процессе обращения с заявлением о преступлении.

Отдельного внимания заслуживает разнообразная ведомственная нормативно-правовая база указанных органов, регулирующих их деятельность в данной области. Так, совместным межведомственным приказом «О едином учете преступлений» [20], регламентирующим порядок приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, определены органы Российской Федерации, на которые распространяется положения данного приказа, к их числу также относятся: органы прокуратуры, Министерство юстиции, Минэкономразвития, а также суды общей юрисдикции.

При этом, положения данного нормативного правового акта позволяют органам, являющимся субъектами действия данного приказа, с учетом специфики деятельности данных органов, самостоятельно разработать инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях в своих ведомствах. Например, такого рода инструкции разработаны и применяются в деятельности: Министерства внутренних дел [21], в Следственном комитете [22], в органах принудительного исполнения [23], в таможенных органах [24], в органах уголовно-исполнительной системы [25], в органах государственной противопожарной службы по делам гражданской обороны, чрез-

вычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [26], в органах федеральной службы безопасности [27], в Вооруженных Силах России [28], в органах судебной системы [29], в органах прокуратуры [30].

Кроме этого, иностранному гражданину необходимо знать некоторые частные случаи подачи заявления о преступлении, предусматривающие возможность обращения с заявлением к определенным лицам, указанным в ч. 3 ст. 40 УПК РФ: капитаны морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководители геологоразведочных партий и зимовок, главы дипломатических представительств и консульских учреждений.

Таким образом, проведенный анализ отечественного законодательства, определяющего порядок приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, показывает, что нормы права, в которых закреплен перечень государственных органов, наделенных полномочиями осуществлять данный вид деятельности, не консолидированы в одном нормативном правовом акте. Данное обстоятельство может вызвать трудности для иностранного гражданина, по причине необходимости осуществления самостоятельного поиска, изучения и анализа большого количества нормативных правовых актов в данной области права.

Поэтому иностранный гражданин, желающий самостоятельно без помощи представителя сообщить о совершенном или готовящемся преступлении в соответствующий орган, должен обладать знаниями действующего законодательства России, а также некоторыми нормами международного права, регламентирующими порядок обращения с заявлениями о преступлениях. Так, при ошибочном выборе компетентного органа возможно наступление негативных последствий:

Во-первых, получение отказа в принятии заявления о преступлении по причине отсутствия у органа соответствующих полномочий, что повлечет необходимость повторного обращения в иной орган (например, иностранный гражданин обратился в территориальный орган МВД России с заявлением о совершении в отношении него преступления по ч. 1 ст. 115 УК РФ, которое относится к уголовному делу частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) и возбуждается путем подачи заявления в мировой суд (ч. 1 ст. 318 УПК РФ). Должностное лицо территориального органа МВД России может посоветовать иностранному гражданину обратиться непосредственно в мировой суд, что будет являться нарушением прав иностранного гражданина на доступ к правосудию. Повторное обращение иностранного гражданина с данным заявлением уже в мировой суд может быть затруднено по причине имеющегося ограничения во времени нахождения иностранного гражданина на территории России, территориальной удаленности мирового суда, особенностей режима деятельности мирового суда (например, режима служебной деятельности, перераспределения нагрузки между мировыми судьями по причине необходимости замещения вакантных должностей мировых судей) либо ввиду отсутствия желания и возможности у иностранного гражданина повторно обратиться с подобным сообщением [31].

Во-вторых, получить отказ в принятии заявления о преступлении по причине допущенных нарушений в деятельности должностных лиц уполномоченного государственного органа (например, несоблюдение подследственности заявленного преступления в соответствии с положениями ст. 151 УПК РФ, несоблюдение территориальной юрисдикции преступления, нежелание оказать помощь в надлежащем оформлении заявления)[1].

В-третьих, принятое заявления о преступлении в последующем направляется по территориальности или подследственности в соответствующий уполномоченный орган, при этом сроки принятия указанных решений должностных лиц могут быть продлены в соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ, либо в случае возникновения споров о передаче по подследственности сообщения (ч. 4 ст. 145 УПК РФ).

В-четвертых, по поступившему заявлению о преступлении принимается незаконное или преждевременное решений об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ), что влечет за собой возникновение необходимости в отмене таких решений (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), а также в последующем направлении указанных материалов в соответствующий уполномоченный орган (ч. 4 ст. 145 УПК РФ).

Например, в пути следования из одного населенного пункта в другой, расположенных на территории России, в отношении иностранного гражданина совершено преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ. Иностранный гражданин точно не может указать в какой момент и на какой территории было совершено в отношении него преступление. По прибытии в пункт назначения иностранный гражданин обращается с заявлением в ближайший территориальный орган МВД России, где подает заявление о совершенном в отношении него преступлении. При выяснении обстоятельств, необходимых для доказывания, должностные лица территориального органа МВД России могут направить заявление о совершенном преступлении в отношении иностранного гражданина в иной тер-

[1] «Об оставлении без изменения Решения Верховного Суда РФ от 10 февраля 2014 г. № АКПИ13-1285, которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим абзацев первого и второго пункта 20 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утв. Приказом СК России от 11 октября 2012 г. № 72» // СПС «КонсультантПлюс».

риториальный или линейный орган МВД России, по территории которых проходил маршрут следования иностранного гражданина. Данные действия должностных лиц МВД России могут привести к увеличению сроков рассмотрения сообщения о преступлении, к неоднократным продлениям данных сроков, к вынесению преждевременных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, к повторным направлениям заявления по территориальности и подследственности, к возникновению споров о подследственности и территориальности (ч. 4 ст. 145 УПК РФ).

Результатом подобных действий должностных лиц могут стать нарушения прав и законных интересов иностранного гражданина, выразившиеся в нарушении разумных сроков доследственной проверки (п. 3.3 ч. 3 ст. 6 УПК РФ), в нарушении доступа к правосудию (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), в нарушениях, допущенных при вынесении необоснованных и преждевременных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 1 ст. 145 УПК РФ), в нарушениях, допущенных при передаче сообщения по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ), в отсутствии возможности своевременно обжаловать незаконные действия и решения должностных лиц (ч. 2 ст. 145 УПК РФ).

Таким образом, иностранный гражданин на этапе подачи сообщения о преступлении без необходимой юридической помощи представителя существенно ограничен в реализации имеющихся прав на доступ к правосудию. Участие представителя иностранного гражданина на данном этапе уголовного судопроизводства позволит:

- в соответствии с действующем законодательством Российской Федерации, регулирующим процесс принятия, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, правильно определить государственный орган, уполномоченный осуществлять данный вид деятельности, с учетом правильной квалификации совершенного преступления, определения подследственности, подсудности преступления, места совершения преступления, иных особенностей в деятельности уполномоченных государственных органов;
- не допустить нарушений закона при неправильном определении уполномоченного государственного органа, а также в случаях отказа в принятии и регистрации заявления о преступлении;
- не допустить нарушений прав в результате действий (бездействий) должностных лиц при передаче сообщения о преступлении по территориальности, подследственности или при возникновении соответствующих споров между компетентными органами;
- реализовать в полной мере имеющиеся права и обязанности участников уголовного судопроизводства, путем своевременной подачи необходимых заявлений, ходатайств и жалоб [10, с. 213];
- устранить возможные трудности, связанные с невладением или недостаточным владением иностранным гражданином языком уголовного судопроизводства России путем осуществления перевода необходимой информации, осуществления юридической консультации, поиска необходимого переводчика, устранения языкового барьера при взаимодействии с иными участниками уголовного судопроизводства;
- устранить возможные проблемы, связанные с ограничениями в сроках, правилах и условиях пребывания на территории Российской Федерации.

Список источников

1. Тепленко А. Н. Особенности участия представителя иностранного гражданина при подаче заявления о преступлении в письменном виде // Вестник экономики, управления и права. 2025. № 19 (3). С. 56–63.
2. Беспамятов Р. В. Особенности приема и регистрации сообщения о преступлении, совершенном иностранным гражданином и в отношении него // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 198–202.
3. Жукова Н. А., Кононцов В. И. Особенности возбуждения уголовных дел с участием иностранцев // Проблемы правоохранительной деятельности. 2011. № 1. С. 7–11.
4. Майоров А. В. Представительство иностранных граждан в уголовном судопроизводстве России // Социальное управление. 2025. Т. 7. № 6. С. 425–432.
5. Фойгель Е. И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2022.
6. Литвишко П. А. Проведение проверок сообщений о преступлениях и производство следственных действий на территории зарубежных представительств // Библиотека криминалистики. 2012. № 1. С. 145–162.
7. Никурадзе Н. О. Мищенко Е. В., Марина Е. А. Направления цифрового развития уголовного судопроизводства: позиции теории и практики часть I (электронное уголовное дело) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 541–544.

8. Демичева Т. С. Начальный этап уголовного судопроизводства в условиях цифровизации: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и государств – участников СНГ // В сборнике: Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Г. А. Аванесова. В 2-х частях. М., 2024. С. 210–216.
9. Клещина Е. Н. Крылова Д. С. Процессуальный статус заявителя о преступлении в Российском уголовном процессе: основные вопросы и вопросы оптимизации правовой регламентации // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 237–241.
10. Тепленко А. Н. Особенности представительства иностранных граждан на этапе приема и регистрации заявления о преступлении // Юристъ-Правоведъ : науч. теоретич. и информац.-методич. журнал. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). С. 208–214.
11. Федеральный закон № 115 от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 329-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ). // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № АПЛ14-151; «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. Постановлений Пленума Верховного суда РФ от 09 декабря 2025 г. № 33) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
16. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. Федерального закона от 01 апреля 2025 г. № 41-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 669 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» (в ред. от 26 сентября 2025 г.). // СПС «КонсультантПлюс».
18. Приказ МВД РФ от 05 июня 2017 г. № 355 (в ред. от 25 апреля 2023 г.) «Об утверждении типового положения о территориальном органе министерства внутренних дел Российской Федерации на районом уровне» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29 декабря 2025 г. № 533-ФЗ) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Совместный Приказ Генеральной прокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСНК России № 399 от 29 декабря 2005 г. (в ред. от 15 декабря 2019 г.) «О едином учете преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».
21. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (ред. от 09 октября 2019 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС «КонсультантПлюс».
22. Приказ СК России от 11 октября 2012 г. № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».
23. Приказ Федеральной службы судебных приставов от 24 декабря 2024 г. № 826 «Об утверждении Порядка организации приема, регистрации и проверки в Федеральной службе судебных приставов сообщений о преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».
24. Приказ ФТС России от 12 января 2007 г. № 23 (ред. от 18 марта 2019 г.). «Об утверждении

Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».
25. Приказ Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250 (ред. от 15 августа 2016 г.) «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» // СПС «КонсультантПлюс».
26. Приказ МЧС РФ от 02 мая 2006 г. № 270 (ред. от 22 июня 2010 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иных происшествиях в органах Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // СПС «КонсультантПлюс».
27. Приказ ФСБ РФ от 16 мая 2006 г. № 205 «Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности» СПС «КонсультантПлюс».
28. Приказ Генпрокуратуры России от 23 октября 2014 г. № 150 (ред. от 20 июля 2017 г.) «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // СПС «КонсультантПлюс».
29. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 (в ред. от 30 декабря 2025 г.). «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // СПС «КонсультантПлюс».
30. Приказ Генпрокуратуры РФ от 27 декабря 2007 г. № 212. «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».
31. Решение Верховного Суда РФ от 13 января 2010 г. № ГКПИ09-1542 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании пункта 2.4. Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе прокуратуры Российской Федерации, утв. Приказом Генпрокуратуры РФ от 17 декабря 2007 г. № 200, и абзаца четвертого пункта 33 Инструкции о едином порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, утв. Приказом Следственного комитета при прокуратуре РФ от 07 сентября 2007 г. № 14» // СПС «КонсультантПлюс».
32. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2022 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультанПлюс».

References

1. Teplenko A. N. Features of the participation of a representative of a foreign citizen when submitting a written statement about a crime // Bulletin of Economics, Management and Law. 2025. No. 19 (3). P. 56–63.
2. Bespamyatov R. V. Features of receiving and registering reports of a crime committed by and against a foreign citizen // Civil Service and Personnel. 2023. No. 4. P. 198–202.
3. Zhukova N. A., Konontsov V. I. Features of the initiation of criminal cases involving foreigners // Problems of law enforcement. 2011. No. 1. P. 7–11.
4. Mayorov A. V. Representation of foreign citizens in criminal proceedings in Russia // Social management. 2025. Vol. 7. No. 6. P. 425–432.
5. Voigel E. I. Conceptual foundations of the criminalistic study of ethnic personality characteristics and the practice of their implementation in the investigation of crimes: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. sciences': 12.00.12. Rostov-on-Don, 2022.
6. Litvishko P. A. Conducting checks on crime reports and conducting investigative actions on the territory of foreign representative offices // Library of Criminology. 2012. No. 1. P. 145–162.
7. Nikuradze N. O. Mishchenko E. V., Marina E. A. Directions of digital development of criminal proceedings: positions of theory and practice part I (electronic criminal case) // Law and the State: theory and practice. 2025. No. 2. P. 541–544.
8. Demicheva T. S. The initial stage of criminal proceedings in the context of digitalization: a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the CIS member states // In the collection: Criminal policy of Russia at the present stage: state, trends, prospects. Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor G. A. Avanesov. In 2 parts. M., 2024. P. 210–216.
9. Kleshchina E. N. Krylova D. S. The procedural

status of the applicant for a crime in the Russian criminal process: the main issues and issues of optimizing legal regulation // Civil service and personnel. 2024. No. 1. P. 237–241.
10. Teplenko A. N. Features of the representation of foreign citizens at the stage of receiving and registering statements about a crime // Jurist-Pravoved: nauch. theoretical and informative-methodical. journal. Rostov-on-Don. 2025. No. 3 (114). P. 208–214.
11. Federal Law No. 115 of July 25, 2002 «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» (as amended Federal Law No. 329-FZ of July 31, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
12. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended. Federal Law No. 535-FZ of December 29, 2025). // LRS «ConsultantPlus».
13. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 22, 2014 No. APL14-151 «On the practice of consideration by courts of complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022 No. 20 «On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes against justice» // LRS «ConsultantPlus».
15. Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 10, 2009 (as amended Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 dated December 09, 2025) «On the practice of Court consideration of complaints in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
16. Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 «On Operational Investigative Activities» (as amended Federal Law No. 41-FZ dated April 01, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
17. Decree of the President of the Russian Federation dated December 21, 2016 No. 669 «On Approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Subject of the Russian Federation» (as amended dated September 26, 2025). // LRS «ConsultantPlus».
18. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated June 05, 2017 No. 355 (as amended dated April 25, 2023) «On approval of the model regulation on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level» // LRS «ConsultantPlus».
19. Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 (as amended Federal Law No. 533-FZ of December 29, 2025) «On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
20. Joint Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 39, the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1070, the Ministry of Emergency Situations of Russia No. 1021, the Ministry of Justice of Russia No. 253, the Federal Security Service of Russia No. 780, the Ministry of Economic Development of Russia No. 353, the Federal Tax Service of Russia No. 399 dated December 29, 2005 (as amended dated December 15, 2019) «On the unified accounting of crimes» // LRS «ConsultantPlus».
21. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 736 dated August 29, 2014 (as amended on October 09, 2019) «On Approval of Instructions on the Procedure for Receiving, Registering and Resolving Applications and reports of crimes, Administrative offenses, and Incidents in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
22. Order of the Investigative Committee of Russia dated October 11, 2012 No. 72 «On the organization of reception, registration and verification of crime reports in investigative bodies (Investigative units) of the Investigative Committee of the Russian Federation" (together with the «Instructions on the organization of reception, registration and verification of crime reports in investigative bodies (investigative units) of the Investigative Committee system Committee of the Russian Federation») // LRS «ConsultantPlus».
23. Order of the Federal Bailiff Service No. 826 dated December 24, 2024 «On Approval of the Procedure for Organizing the Reception, Registration and Verification of Crime Reports in the Federal Bailiff Service» // LRS «ConsultantPlus».
24. Order of the Federal Customs Service of Russia dated January 12, 2007 No. 23 (as amended on March 18, 2019) «On approval of the Instructions on the procedure for receiving, registering and verifying reports of crimes in the customs authorities of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
25. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 250 dated July 11, 2006 (as amended on August 15, 2016) «On Approval of

Instructions on receiving, registering and verifying reports of crimes and incidents in institutions and bodies of the Penal Enforcement system» // LRS «ConsultantPlus».
26. Order of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation No. 270 dated May 02, 2006 (as amended on June 22, 2010) «On Approval of Instructions on the Procedure for Receiving, Registering and Verifying Reports of Crimes and Other Incidents in the State Fire Service Bodies of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters» // LRS «ConsultantPlus».
27. Order No. 205 of the FSB of the Russian Federation dated May 16, 2006 «On Approval of Instructions for the Organization in the Federal Security Service of reception, registration and verification of reports of crimes and other information about crimes and events Threatening personal and public safety» // LRS «ConsultantPlus».
28. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated October 23, 2014 No. 150 (as amended on July 20, 2017) «On approval of the Instructions on the procedural activities of the bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies» // LRS «ConsultantPlus».
29. Order No. 36 of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated April 29, 2003 (as amended dated December 30, 2025) «On approval of Instructions on judicial record keeping in the district Court» // LRS «ConsultantPlus».
30. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated December 27, 2007 No. 212. «On the procedure for recording and reviewing reports of crimes in the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
31. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 13, 2010 No. GKPI09-1542 «On the refusal to satisfy the application for recognition of paragraph 2.4. of the Instructions on the Procedure for Considering Appeals and admitting Citizens in the system of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, approved by By Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No. 200 dated December 17, 2007, and paragraph four of paragraph 33 of the Instruction on the Unified Procedure for Receiving, Registering and Verifying Reports of Crimes in the system of the Investigative Committee under the Prosecutor's Office of the Russian Federation, approved by By Order of the Investigative Committee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation dated September 07, 2007 No. 14» // LRS «ConsultantPlus».
32. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022 No. 22 «On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal matters» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. Н. Тепленко — соискатель кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирясова.

Information about the author

A. N. Teplenko — Applicant of the Department of Criminal Law and Procedure of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 349.2
EDN: https://elibrary.ru/BFVPRG
NIION: 2007-0083-1/26-787
MOSURED: 77/27-005-2026-01-987

Соотношение профессиональных стандартов и профессиональных компетенций с федеральными государственными образовательными стандартами

Светлана Евгеньевна Титор
Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. Намерения России о выходе из Болонского процесса и возврату к классическому исторически сложившемуся профессиональному образованию побуждает пересмотреть те правовые институты, механизмы, которые «родились» в результате актуализации профессионально-квалификационных навыков. Одним из таковых институтов стали «профессиональные квалификации», порожденные желанием работодателей самостоятельно проводит оценку квалификационных знаний и умений работников через систему независимой оценки квалификаций. В исследовании проанализирован результат этих нововведений: что из этого получилось.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, профессиональные квалификации, образовательные стандарты, независимая оценка квалификаций, советы по профессиональным квалификациям

Для цитирования: Титор С. Е. Соотношение профессиональных стандартов и профессиональных компетенций с федеральными государственными образовательными стандартами // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 200–207. EDN: BFVPRG.

Original article

The ratio of professional standards and professional competencies with federal state educational standards

Svetlana E. Titor
State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. Russia's intentions to withdraw from the Bologna process and return to classical, historically established professional education prompt a review of those legal institutions and mechanisms that were «born» as a result of updating professional skills. One of these institutions has become «professional qualifications», generated by the desire of employers to independently assess the qualification knowledge and skills of employees through an independent qualifications assessment system. The study analyzes the result of these innovations: what came of it.

Keywords: professional standards, professional qualifications, educational standards, independent assessment of qualifications, professional qualifications councils

For citation: Titor S. E. The ratio of professional standards and professional competencies with federal state educational standards. Criminological Journal. 2026;(1):200–207. (In Russ.). EDN: BFVPRG.

Началом образовательно-трудовых изменений в России послужили соответствующие изменения образовательной системы в европейских странах, где был принят ряд правовых документов, который получил название Болонский процесс [5; 6]. Перед Болонским процессом ставилась задача формирования единой системы высшего образования европейских стран. Россия присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г. [7]. Болонский процесс воспринимался в России в рассматриваемый период как возможность интегра-

© Титор С. Е., 2026

ции российского образования в европейскую систему, признание российских дипломов на территории других стран и наоборот. В 2005 году был утвержден План по реализации Болонского процесса в системе высшего образования в России [8]. Предполагалось, что к концу 2017 г. завершится процесс реформирования образования, продиктованного необходимостью сближения образовательного процесса с требованиями рынка труда [1]. В связи с этими процессами вводились новые правовые институты: «профессиональные стандарты», «профессиональные квалификации», которые должны были взамен устаревших ЕКС и ЕТКС, отразить в себе обновленные требования рынка труда в профессиональных навыках [2].

Профессиональные квалификации как самостоятельная единица в национальной системе квалификаций зародились с принятием закона о независимой оценке квалификаций (ст. 6 п. 4) [9]. Порядок разработки наименований профессиональных квалификаций определен приказом Минтруда России [10; 11]. Профессиональные квалификации утверждаются приказом АНО НАРК по предложению Советов по профессиональным квалификациям. Предназначение профессиональных квалификаций заключается в том, что на их основе проводится независимая оценка квалификаций. Независимая оценка квалификаций — это независимая проверка соответствия квалификации работника или соискателя работы положениям профессиональных стандартов или иных квалификационных требований, которая осуществляется уполномоченными Советами по профессиональным квалификациям и Центрами оценки квалификаций [9].

Легальное определение понятия «профессиональная квалификация» в законе отсутствует. Согласно Порядку разработки их наименований, утвержденному приказом Минтруда [11], «профессиональные квалификации» представляют собой «выдержку» из профессионального стандарта, содержащую в себе единицу или «характеристику» квалификации, которая обобщает несколько трудовых действий и требования к знаниям и умениям по ним и составляет законченную трудовую функцию как элемент бизнес-процесса. В соответствии с первоначальным Положением о разработке профессиональных квалификаций (приказ действовал до 16 октября 2022 г.) описание квалификации должно было выглядеть следующим образом:

- наименование квалификации;
- наименование и реквизиты профессионального стандарта, на основе которого разрабатывается профессиональная квалификация;
- уровень квалификации, который присваивается профессиональной квалификации в соответствии с профстандартом;
- трудовые функции, отобранные из профессионального стандарта под разрабатываемую квалификацию, с указанием их кода и квалификационных требований по ним (необходимых знаний и умений);
- перечень документов, необходимых для прохождения независимой оценки квалификаций, включая документы об образовании, о квалификациях;
- срок действия свидетельства о прохождения независимой оценки квалификаций;
- дополнительные характеристики: например, привязка профессиональной квалификации к ЕТКС, ЕКС.

Анализ содержания утвержденных профессиональных квалификаций в соответствии с Положением об их разработке (в редакции до 16 октября 2022 г.) и в их привязке к ЕТКС и ЕКС (пример: «Наладчик полиграфического оборудования» [14] и профессия из ЕТКС «наладчик полиграфического оборудования 4 разряда» [15]) показал следующее:

- наименование профессиональной квалификации в точности совпадает с наименованием профессии/должности в ЕТКС и ЕКС;
- трудовые действия, закрепленные за указанной профессиональной квалификацией из профстандарта, идентичны трудовым действиям, изложенным в ЕТКС по соответствующей профессии/должности: наладка, ремонт, регулирование полиграфического оборудования.

Рассмотрим еще один пример сравнения профессиональной квалификации «Трубочист» [16] и профессии/должности «Чистильщик дымоходов, боровов и топок» [17]. Сравнительный анализ показал следующее:

- профессиональная квалификация имеет иное наименование, чем аналогичная профессия определена в ЕТКС, хотя по содержанию работ они идентичны: наблюдение или проверка; очистка и т. д.;
- профессиональная квалификация не привязана приказом АНО НАРК к ЕТКС (как это сделано в вышеуказанном примере), в то же время в профессиональном стандарте такая привязка имеется;
- профессиональный стандарт соотносит «обобщенную трудовую функцию», из которой выделена рассматриваемая профессиональная квалификация, 3 уровня квалификации с 2, 3 и 4 разрядами по ЕТКС;
- в ЕТКС более подробно описаны трудовые действия по рассматриваемой профессии.

Рассмотрим еще один пример сравнения профессиональной квалификации «Младший контролер качества материалов, полуфабрикатов полиграфического производства и печатной продукции» [14] и про-

фессии/должности в соответствии с ЕТКС «контролер полуфабрикатов и готовой продукции 2–3-го разряда» [15]. Анализ профессиональной квалификации и профессии из ЕТКС показывает следующее:

- в наименовании профессиональной квалификации по отношению к наименованию профессии в ЕТКС введен квалификационный признак «младший»;
- выделенная профессиональная квалификация соотнесена с профессией в ЕТКС 2 и 3 разрядов;
- трудовые действия, закрепленные в профессиональной квалификации, идентичны трудовым действиям по рассматриваемой профессии из ЕТКС, и заключаются в: сортировке, контроле и отбраковке полиграфической продукции;
- трудовой функционал в ЕТКС расписан более подробно, чем в профессиональной квалификации.

В 2022 г. приказом Минтруда [10] был введен новый порядок разработки наименований квалификаций. Новый порядок предусматривает возможность разработки профессиональных квалификаций одновременно с разработкой профессионального стандарта, т. е. на основе его проекта.

В описание «профессиональной квалификации» в соответствии с обновленным порядком добавлены следующие разделы:

- область профессиональной деятельности и вид профессиональной деятельности, уровень квалификации в соответствии с профстандартом;
- более подробно расписаны трудовые функции, теперь в них включен перечень трудовых действий, необходимых знаний и умений;
- появился раздел «возможные наименования должностей» с привязкой к основным Общероссийским классификаторам в сфере труда и образования: ОКЗ, ОКВЭД, ОКПДТР, ЕТКС, ЕКС, ОКСО, ОКСВНК;
- появился раздел: основные пути получения профессиональной квалификации, которые могут достигаться как формальным, так и неформальным образованием, а также опытом практической работы;
- и иные особые требования: например, особые условия к допуску до работы, наличие специального права и т. д.

Анализ профессиональных квалификаций, разработанных по новым правилам, показал, что они формируются путем технического вычленения из профессионального стандарта одной обобщенной трудовой функции и переименования ее в профессиональную квалификацию.

Рассмотрим на примере профессиональных квалификаций «водолаз 4-го разряда (4-й уровень квалификации)» [19], «водолаз 5-го разряда (4-й уровень квалификации)» [19], «водолаз 6-го разряда (4-й уровень квалификации)» [19], «водолаз 7-го разряда (4-й уровень квалификации)» [19], «водолаз 8-го разряда (4-й уровень квалификации)» [19]. Анализ показал следующее:

- все пять профессиональных квалификаций разработаны на основании одного профессионального стандарта «Водолаз» [20];
- профессиональные квалификации «разблюдованы» в соответствии с разрядами, установленными в ЕТКС: водолаз 4, 5, 6, 7 и 8 разряда;
- профессиональные квалификации сгруппированы, в основном, по обобщенным трудовым квалификациям: водолаз 4 разряда — ОТФ «А», водолазы 5, 6, 7 разрядов делят между собой ОТФ «В», водолаз 8 разряда соответствует ОТФ «С».

Для соотнесения трудовых функций сравним их изложение в профессиональной квалификации и в соответствующем ЕТКС (табл. 29). Сравнительный анализ показывает следующее:

- все трудовые действия «водолаза», подробно расписанные в профессиональных квалификациях (которые взяты из профстандарта), соответствуют нескольким «укрупненным» обязанностям, определенным в ЕТКС, и они сводятся к:
- умению использовать соответствующее оборудование для водолазных работ, знание устройства этого оборудования, осуществление его мелкого ремонта;
- осуществлению погружения под воду и выполнению работы под водой;
- оказанию первой помощи пострадавшим;
- тарификация работ по ЕТКС соответствует установленному разряду в профессиональной квалификации;
- предлагаются единые пути получения квалификации для работы водолазом 5, 6, 7 разрядов, различия заключаются лишь в наличии опыта работы.

Нововведением актуализированного Положения о разработке профессиональных квалификаций стало то, что профессиональные квалификации могут разрабатываться на основании:

- проекта профессионального стандарта, т. е. одновременно с ним;
- иных квалификационных требований, определенных законодательством.

В этой связи в Перечне появились профессиональные квалификации, не привязанные к профессиональному стандарту, т. е. существующие без последнего. Можно привести следующие примеры подобных профессиональных квалификаций: машинист экскавато-

ра на электрическом приводе с прямой лопатой [20]; шлифовщик в прокатном производстве [21]; специалист по техническому обслуживанию и ремонту легковых автомобилей [22] и др.

Утверждение профессиональных квалификаций без профессионального стандарта не имеет массового характера, но, тем не менее, свидетельствует о том, что профессиональные квалификации могут существовать и разрабатываться и без профстандарта на основе иных квалификационных требований.

На сегодняшний день разработано и утверждено более 1600 профессиональных стандартов и около 4000 профессиональных квалификаций[1].

Анализ соотношения разработанных профессиональных квалификаций в производственной и непроизводственной сферы составляет 11 734 / 1 250, или где-то 9:1.

Расчетный анализ показывает, что в отношении имеющихся профессий по ЕТКС разработано только 2 418 профессиональных квалификаций, или 60 % от общего числа, или 21 % от закрепленных профессий/должностей в ЕКС и ЕТКС. Соотношение производственной и непроизводственной отраслей составляет: 1,5: 1 (рис. 1).

Как видно из рис. 1, количество разработанных профессиональных квалификаций в непроизводственной сфере уже на данный момент превышает количество профессий/должностей, закрепленных в ЕКС и ЕТКС. Содержательный анализ профессиональных стандартов и профессиональных квалификаций показал, что это происходит по следующим причинам, которые можно определить как объективные и необъективные.

[1] Здесь и далее статистические данные анализировались по Справочным системам «КонсультантаПлюс»: «Профессиональные стандарты», «Профессиональные квалификации», «Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих»; «Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих».

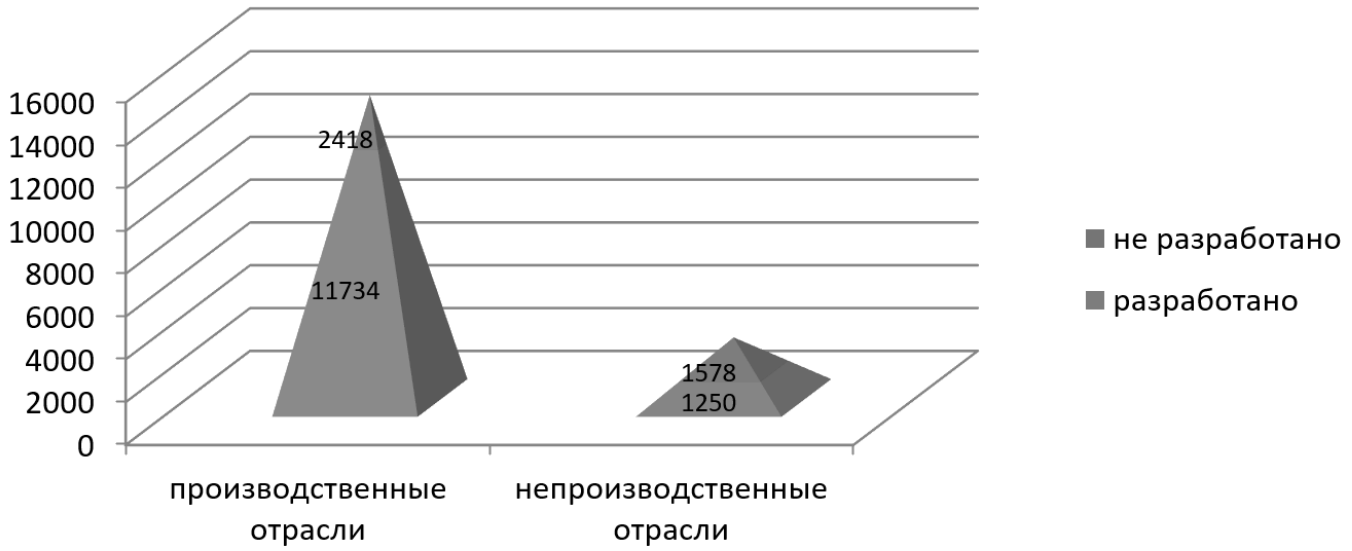

Рис. 1. Соотношение разработанных профессиональных квалификаций к должностям/профессия, закрепленным в ЕКС и ЕТКС

К *объективным* следует отнести:

- появление новых профессий/должностей. Так, в сфере «Финансы» развитие новых финансовых механизмов, финансовых продуктов, новых финансовых институтов и игроков рынка привело к появлению специалистов в области казначейства, банковской сфере, сфере закупок и т. д. Соответственно, появились новые профессии/должности, которые ранее не были определены в ЕКС;
- рост некоторых востребованных видов услуг, которые отнесены к непроизводственным отраслям, например, «социальная работа». В России растет количество и качество социальных услуг, поскольку государство наращивает развитие принципа социального государства, стремится к повышению помощи нуждающимся гражданам. Соответственно, появляются новые специализации труда: например, «помощник по уходу», «специалист по работе с молодежью», «специалист по разработке и адаптации ассистивных технологий для лиц с ограниченными возможностями» и т. д.

К *необъективным* следует отнести:

1) искусственное «размножение» профессиональных компетенций по одной и той же должности с учетом разных отраслей, круга обязанностей. Например, утверждено 28 (!) профессиональных квалификаций

«Главного бухгалтера», в то время как ЕКС содержит только одно описание этой должности. Анализ всех 28-ми профессиональных квалификаций показывает, что разница в них заключается лишь во внутриорганизационном распределении обязанностей между финансовыми руководителями предприятия, или способах финансирования (бюджет/не бюджет), или отраслевой особенностью. Так выделены профессиональные квалификации «главный бухгалтер» для:

- бюджетной организации;
- финансовой организации;
- с функциями внутреннего контроля;
- с функциями налогообложения;
- с функцией управления финансами;
- организации бюджетной сферы с функцией управления финансами;
- с функцией составления и предоставления бухгалтерской (финансовой) отчетности экономического субъекта, имеющего обособленное подразделение;
- с функцией составления и предоставления консолидированной финансовой отчетности;
- с функцией оказания экономическим субъектам услуг по ведению бухгалтерского учета, включая составление бухгалтерской (финансовой) отчетности и т. д.

Следуя логике разработчиков, можно «раздробить» профессиональные квалификации «главного бухгалтера» еще на два десятка единиц: например, «главный бухгалтер с упрощенной системой налогообложения», «главный бухгалтер некоммерческой организации» и т. д. в том же ракурсе. Очевидно, что такое деление «главных бухгалтеров» абсолютно неоправданно. Квалифицированный бухгалтер должен знать все названные участки и формы бухгалтерского и финансового учета.

Аналогичный пример: утверждена профессиональная квалификация «юрист в саморегулируемой организации, основанной на членстве лиц, выполняющих инженерные изыскания (6-й уровень квалификации)» на основании профстандарта «Специалист в области саморегулирования в градостроительной деятельности» [12]. В документах закреплены обычные юридические обязанности работника с учетом специфики организации. Это не что иное, как должностная инструкция юрисконсульта саморегулируемой организации.

Такой подход приведет к тому, что каждая отрасль, подотрасль, направление экономической деятельности начнут разрабатывать профессиональные квалификации под каждого своего работника, под каждую должность, и их количество будет насчитывать миллионы! АНО НАРК, как организация, утверждающая своим приказом профессиональные квалификации, вынуждена будет расширять свои штаты до невероятных размеров. *Очевидно, что такой подход к утверждению профессиональных компетенций не только не оправдан, но и абсурден!*

2) выделение в отдельную самостоятельную профессиональную квалификацию каждого уровня, категории, разряда специалиста. Например, как рассматривалось выше, выделены несколько профессиональных квалификаций «водолаз» — 4, 5, 6, 7, 8 разрядов. Анализ профессиональных квалификаций показывает, что водолазы 5, 6, 7 разрядов осуществляют практически одни и те же трудовые функции, к их квалификации предъявляются одни и те же требования. Различаются они лишь в уровне самостоятельности и ответственности.

На наш взгляд, оценить такие личностные качества, как «ответственность» и «самостоятельность», в ходе проведения профессионального экзамена в рамках невзаимной оценки квалификаций, для которой и формируются профессиональные квалификации, *не представляется возможным*. Любая подобная оценка может быть расценена как «предвзятость», поскольку не относится непосредственно к профессиональным знаниям, умениям и навыкам.

Следует напомнить, что профессиональные квалификации разрабатываются на основании закона о независимой оценке квалификаций (ст. 6, п. 4) [9], и их основная окончательная цель — проведение на их основе независимой оценки работника на предмет его соответствия квалификации. Сами по себе профессиональные квалификации не вносят ничего нового, они, в основном, являются «выдержками» из профессионального стандарта. Именно оттуда вычленяются основные квалификационные требования по конкретному виду работы. Работодатель при применении профессионального стандарта в организации работы с персоналом делает то же самое: конструирует должностные требования на основе тех требований, которые отражены в профессиональном стандарте. При этом, как отмечалось выше, профессиональный стандарт не является догмой для работодателя, а является лишь конструктором, конкретные требования работодатель формирует самостоятельно. Соответственно, утвержденные профессиональные квалификации содержательно так же могут не соответствовать должностным обязанностям и квалификационным требованиям, разработанным у работодателя. Логично возникает вопрос в целом о необходимости их разработки.

Более того, работодатель имеет правовой механизм оценки квалификации работника — его аттестацию на предмет соответствия занимаемой должности по квалификации. Этот механизм отработан долголетним применением. В обязательном порядке в целях превентивной защиты работника в аттестационные комиссии включаются представители работ-

ников – профсоюзы. Аттестация, проводимая работодателем, учитывает все особенности предприятия, учитывает конкретику обязанностей работника. При этом, сложившаяся практика проведения аттестаций работников предполагает включение в аттестационную комиссию и независимых экспертов из числа ученых, преподавателей вузов и т. д.

Независимая оценка квалификаций проводится Центрами оценки квалификаций, правом на проведение которых уполномочивают Советы по профессиональным квалификациям, т. е. сами работодатели. Оценочные средства разрабатывают также СПК, причем законодательно не предусмотрено участие в их разработке ученых или иных высококвалифицированных специалистов. Сам профессиональный экзамен проводится с участием комиссии, которую также инициируют СПК, т. е. работодатели. Участие в комиссии представителей профсоюза или иных представителей работников не предусмотрено, что на наш взгляд, неверно.

Результаты проведения независимой оценки квалификаций аккумулируются в Реестре, ведением которого занимается АНО НАРК. В настоящий момент (с 2020 г.) разработана [13] программа электронного «онлайн-экзамена». По данным АНО НАРК, с 2020 г. на начало 2025 г. «онлайн-экзамен» прошли 4114 соискателей [3]. По сравнению с общей численностью работающего населения в России — на конец 2024 г. она составила 74,1 млн человек [4], цифра соискателей, прошедших независимую оценку квалификаций, ничтожно мала!

По данным РСПП, в течение 2023 г. [18] независимую оценку квалификаций прошли 169,1 тыс. человек (0,2 %). Увеличение числа прошедших НОК происходит за счет того, что в отношении отдельных категорий работников установлено ее обязательное прохождение. Однако эта цифра ничтожно мала даже с учетом того, что некоторые отрасли ввели обязательность проведения независимой оценки квалификаций при трудоустройстве и в последующем с определенной периодичностью.

Выводы.

1. Анализ института «профессиональная квалификация» показывает, что, в целом, это институт не привносит ничего нового или существенного в дело по развитию системы национальных квалификаций. В большинстве своем профессиональные компетенции — это:
   - «выдержки» из разработанных профессиональных стандартов;
   - подобие должностных инструкций конкретного работника в конкретной отрасли;
   - перефразированное изложение описания профессий/должностей из ЕКС, ЕТКС.
2. Практическое применение профессиональных квалификаций не имеет четкого понимания: согласно законодательству, они разрабатываются для проведения независимой оценки квалификаций, однако, как показывают цифры, этот институт не нашел широкого применения.
3. Разрабатываемые профессиональные квалификации имеют отраслевую направленность, даже в отношении общеприменимых профессий/должностей: как пример — профессиональные квалификации «главного бухгалтера».

Независимая оценка квалификаций, для проведения которой разрабатываются профессиональные квалификации, имеет законодательно и правоприменительно устоявшийся аналог — аттестацию работника на предмет соответствия занимаемой должности по квалификации, которая в правозащитном смысле более независима и объективна: в состав комиссии включаются представители ученых и профсоюза.

Список источников

1. Караваева Е. В. Квалификации высшего образования и профессиональные квалификации: «Сопряжение с напряжением» // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 5–12.
2. Титор С. Е. Советы по профессиональным квалификациям, профессиональные стандарты и независимая оценка квалификаций // Инвалиды и общество. 2016. № 3 (21). С. 10–14.
3. О проекте // URL: https://ok.nark.ru/about/
4. Рост числа трудоустроенных в России // URL: https://lenta.ru/news/2024/07/10/putin-otmetil-rost-chisla-trudoustroennyh-v-rossii/
5. Совместная Декларация Европейских министров образования «Европейское пространство высшего образования» (Болонья, 19 июня 1999 г.) // URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/other/declaration_1999
6. Декларация Европейской Комиссии и министров профессионального образования европейских стран по развитию сотрудничества в области профессионального образования и обучения в Европе, принятая на заседании 29–30 ноября 2002 г. в Копенгагене (Копенгагенская декларация) // URL: https://official-europass.narod.ru/docs/1.2.1/3.htm
7. Коммюнике Конференции министров высшего образования «Формирование общеевропейского пространства высшего образования», принятое 19 сентября 2003 г. в Берлине // URL: https://kdu.md/images/Files/18-19-09-2003-formirovanie-obshcheevropejskogo-prostranstva-vysshego-obrazovaniya-kommyunike-konferencii-ministrov-vysshego-obrazovaniya.pdf
8. Приказ от 15 февраля 2005 г. № 40 «О реализации положений болонской декларации в

системе высшего профессионального образования Российской Федерации» // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=85662
9. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации». // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200485&dst=0&edition=etD&rnd=wupA3nUiZnEGIC59#8P1E3nUgbVvjA2bF1
10. Приказ Минтруда России от 12 декабря 2016 г. № 726н «Об утверждении положения о разработке наименований квалификаций и требований к квалификации, на соответствие которым проводится независимая оценка квалификации» (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Приказ Минтруда России от 11 июля 2022 г. № 410 н «Об утверждении Положения о разработке наименований квалификаций и требований к квалификации, на соответствие которым проводится независимая оценка квалификации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Государственная регистрация программы // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39318820_82142770.PDF
14. Приказ АНО НАРК от 26 июня 2020 г. № 44/20-ПР // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Минтруда РФ от 30 января 2002 г. № 4 «Об утверждении Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, выпуск 55, разделы: «Общие профессии полиграфического производства», «Формные процессы полиграфического производства», «Печатные процессы», «Брошюровочно-переплетные и отделочные процессы», «Шрифтовое производство» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Приказ АНО НАРК от 13 мая 2022 г. № 54/22-ПР // URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-ano-nark-ot-13052022-n-5422-pr-ob-utverzhdenii/
17. Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 27 декабря 1984 г. № 381/23-157 «Об утверждении разделов: «Общие профессии черной металлургии», «Доменное производство», «Сталеплавильное производство», «Прокатное производство», «Трубное производство», «Ферросплавное производство», «Коксохимическое производство», «Производство огнеупоров», «Переработка вторичных металлов» Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, выпуск 7» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78567/
18. Доклад Национального совета при Президенте РФ по профессиональным квалификациям // URL: https://spkobr.ru/upload/docs/Доклад%20НСПК%20о%20развитии%20НСК%202024.pdf
19. Приказ АНО НАРК от 19 февраля 2024 г. № 19/24-ПР // URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-ano-nark-ot-19022024-n-1924-pr-ob-utverzhdenii/
20. Приказ Минтруда России от 8 августа 2022 г. № 471н «Об утверждении профессионального стандарта «Водолаз» // URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2419
21. Приказ АНО НАРК от 20 января 2025 г. № 03/25-ПР // СПС «КонсультантПлюс».
22. Приказ АНО НАРК от 2 апреля 2025 г. № 45/25-ПР // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Karavaeva, E. V. Higher education qualifications and professional qualifications: «Coupling with stress» // Higher education in Russia. 2017. No. 12. P. 5–12.
2. Titor S. E. Professional qualifications councils, professional standards, and independent assessment of qualifications // Disabled people and society. 2016. No. 3 (21). P. 10–14.
3. About the project // URL: https://ok.nark.ru/about/
4. Growth in the number of employed people in Russia // URL: https://lenta.ru/news/2024/07/10/putin-otmetil-rost-chisla-trudoustroennyh-v-rossii/
5. Joint Declaration of the European Ministers of Education «The European Higher Education Area» (Bologna, 19 June 1999) // URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/other/declaration_1999
6. Declaration of the European Commission and the Ministers of Vocational Education and Training of the European countries on the development of cooperation in the field of vocational education and training in Europe, adopted at their meeting on 29–30 November 2002 in Copenhagen (Copenhagen Declaration) // URL: https://official-europass.narod.ru/docs/1.2.1/3.htm
7. Communiqué of the Conference of Ministers of Higher Education «Formation of a Common European Higher Education Area», adopted on 19 September 2003 in Berlin // URL: https://kdu.md/images/Files/18-19-09-2003-formirovanie-obshcheevropejskogo-prostranstva-vysshego-obrazovaniya-kommyunike-konferencii-ministrov-vysshego-obrazovaniya.pdf

8. Order of 15 February 2005 No. 40 «On the implementation of the provisions of the Bologna Declaration in the system of higher professional education of the Russian Federation» // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=85662
9. Federal Law of 3 July 2016, No. 238-FZ «On Independent Qualification Assessment» // URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200485&dst=0&edition=etD&rnd=wupA3nUiZnEGIC59#8P1E3nUgbVvjA2bF1
10. Order of the Ministry of Labor of Russia dated December 12, 2016, No. 726n «On approval of the regulation on the development of names of qualifications and requirements for qualifications, for compliance with which an independent qualification assessment is carried out» (no longer in effect) // LRS «ConsultantPlus».
11. Order of the Ministry of Labor of Russia dated July 11, 2022 No. 410 n «On Approval of the Regulation on the Development of Qualification Names and Qualification Requirements for Compliance with Which an Independent Qualification Assessment is Conducted» // LRS «ConsultantPlus».
12. Federal Law dated July 3, 2016 No. 238-FZ «On Independent Qualification Assessment» // LRS «ConsultantPlus».
13. State Registration of the Program // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39318820_82142770.PDF
14. Order of ANO NARK dated June 26, 2020 No. 44/20-PR // LRS «ConsultantPlus».
15. Resolution of the Ministry of Labor of the Russian Federation of January 30, 2002 No. 4 «On Approval of the Unified Tariff and Qualification Handbook of Jobs and Professions of Workers, Issue 55, Sections: «General Professions in Printing Production», «Printing Processes in Printing Production», «Printing Processes», «Binding and Finishing Processes», «Font Production» // LRS «ConsultantPlus».
16. Order of ANO NARK of May 13, 2022 No. 54/22-PR // URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-ano-nark-ot-13052022-n-5422-pr-ob-utverzhdenii/
17. Resolution of the USSR State Committee on Labor, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions of December 27, 1984 No. 381/23-157 «On approval of the sections: «General Professions in Ferrous Metallurgy», «Blast Furnace Production», «Steelmaking Production», «Rolling Production», «Pipe Production», «Ferroalloy Production», «Coke and Chemical Production», «Refractory Production», «Recycling of Secondary Metals» of the Unified Tariff and Qualification Handbook of Jobs and Professions of Workers, Issue 7» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78567/
18. Report of the National Council under the President of the Russian Federation for Professional qualifications // URL: https://spkobr.ru/upload/docs/Доклад%20НСПК%20о%20развиви%20НСК%202024.pdf
19. Order of ANO NARK dated February 19, 2024 No. 19/24-PR // URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-ano-nark-ot-19022024-n-1924-pr-ob-
20. Order of the Ministry of Labor of Russia dated August 8, 2022 No. 471н «On approval of the professional standard «Diver» // URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2419
21. Order of ANO NARK dated January 20, 2025 No. 03/25-PR // LRS «ConsultantPlus».
22. Order of the ANO NARK dated April 2, 2025 No. 45/25-PR // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

С. Е. Титор — заместитель директора Института государственного управления и права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor — Deputy Director of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 31.10.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication 31.10.2025.

Научная статья
УДК 343.364
EDN: https://elibrary.ru/JMSAKO
NIION: 2007-0083-1/26-788
MOSURED: 77/27-005-2026-01-988

Юридическая ответственность за распространение фейков: границы допустимого регулирования в демократическом обществе

Александр Владимирович Токолов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
altok45@mail.ru

Аннотация. Посвящена необходимости установления юридической ответственности за распространение фейковой информации, так как современные технологии, основанные на технологиях искусственного интеллекта, способны создавать крайне реалистичные видеозаписи, аудиофайлы, рукописные документы, что ставит под сомнение достоверность представленных доказательств, подвергает угрозе взлома банковских систем, компрометации частных лиц или компаний, манипуляции общественным мнением и создания фейковых новостей, а также используется в целях шантажа и вымогательства. С ростом популярности фейков возросли и риски их использования в мошенничестве, клевете и других уголовных правонарушениях.

Ключевые слова: информационное право, информационная безопасность, искусственный интеллект, фейки, цифровизация, цифровая трансформация. социально-опасная деятельность, проникновение криминала в сферу информационных технологий

Для цитирования: Токолов А. В. Юридическая ответственность за распространение фейков: границы допустимого регулирования в демократическом обществе // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 208–211. EDN: JMSAKO.

Original article

Legal responsibility for spreading fakes: the limits of acceptable regulation in a democratic society

Alexander V. Tokolov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
altok45@mail.ru

Abstract. Is devoted to the need to establish legal liability for the dissemination of fake information, as modern technologies based on artificial intelligence are capable of creating extremely realistic video recordings, audio files, and handwritten documents, which casts doubt on the authenticity of the presented evidence, poses a threat to the hacking of banking systems, the compromise of individuals or companies, the manipulation of public opinion, and the creation of fake news, as well as being used for the purposes of blackmail and extortion. With the growing popularity of fakes, the risks of their use in fraud, libel, and other criminal offenses have also increased

Keywords: information law, information security, artificial intelligence, fake news, digitalization, digital transformation. socially dangerous activities, the penetration of crime into the field of information technology

For citation: Tokolov A. V. Legal responsibility for spreading fakes: the limits of acceptable regulation in a democratic society. Criminological Journal. 2026;(1):208–211. (In Russ.). EDN: JMSAKO.

© Токолов А. В., 2026

Развитие цифровых коммуникаций радикально изменило способы распространения информации. Сегодня для обмена данными используются основные технологии, связанные с применением телекоммуникационной сети Интернет, мобильной и спутниковой связи, а также технологии, осуществляющие передачу данных по беспроводным сетям с помощью света (Li-Fi). К ним, в первую очередь, относятся социальные сети, различные сайты знакомств, публичные каналы в мессенджерах и др. В связи с этим данные интернет-платформы и приложения, предназначенные для построения виртуального общения и обмена информацией между субъектами информационных правоотношений, представляют из себя информационную систему, т. е. совокупность цифровых платформ и программно-технических средств, а также технологических инструментов. Внедрение этих цифровых решений имеют две принципиальные противоположные стороны: позитивную — кратно увеличивает возможности субъектов правоотношений для реализации свободы слова и свободного обсуждения актуальных вопросов; негативную — значительный рост рисков массового распространения недостоверных сведений, деструктивной информации и создание проблем в сфере информационной безопасности, тая в себе различные уязвимости и опасности.

Фейки — заведомо ложные или искаженные сообщения, подаваемые как достоверные факты. Их распространение несет следующие угрозы:

- дезориентация граждан в ключевых социальных и политических вопросах; подрыв доверия к государственным институтам и СМИ;
- провоцирование социальной напряженности и противоправных действий.

В связи с этим перед демократическим государством возникает важнейший правовой вызов: как защитить общественный порядок и права граждан, не нарушая при этом конституционных свобод — свободы слова, право искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и права на выражение мнений?

Цель исследования — проанализировать правовые механизмы противодействия фейкам, определить допустимые границы государственного регулирования в цифровой среде и оценить их соответствие демократическим принципам.

Под фейками в юридическом [1] поле обычно понимают:

- заведомо ложные сообщения, распространяемые с умыслом (например, дезинформация о действиях госорганов);
- искаженные факты, поданные как достоверные (например, монтаж видео с целью дискредитации лица);
- непроверенную информацию, распространяемую без злого умысла, но с последствиями для общественной безопасности.

Кроме того, как разновидность фейков существу такая категория, как дипфейк (от англ. deepfake). Эти технологии, основанные на технологиях искусственного интеллекта, способны создавать крайне реалистичные видеозаписи, аудиофайлы, рукописные документы, что ставит под сомнение достоверность представленных доказательств, подвергает угрозе взлома банковских систем, компрометации частных лиц или компаний, манипуляции общественным мнением и создания фейковых новостей, а также используется в целях шантажа и вымогательства. С ростом популярности дипфейков возросли и риски их использования в мошенничестве, клевете и других уголовных правонарушениях.

Идея создания дипфейков зародилась благодаря разработке генеративно-состязательной сети (Generative adversarial network, сокращенно GAN), т. е. технологии «глубокого обучения» двух одновременно обучающихся генеративной и дискриминативной моделей, создающих и анализирующих фотографии, молодым исследователем Яном Гудфеллоу в 2014 г. [5]. Технология GAN используется во многих прогрессивных разработках в различных сферах деятельности человека. Например, StarGAN можно использовать для улучшения качества фотографий или создания различных выражений лица на них, CycleGAN (где уже двойной набор моделей: две генеративные и две дискриминативные) — создает, раскрашивает, придает определенный стиль полученным изображениям, GigaGAN — преобразует текст в изображение, 3DGAN — позволяет на основе 2D объекта изготовить объемную 3D модель [6], а в медицине с успехом может применяться «метод создания реалистичных биомедицинских изображений с помощью GAN для увеличения ограниченного набора данных» [2], что позволяет улучшить качество и информативность медицинских снимков.

Но, эти технологии не всегда используется во благо. Особенно опасной ее делает скорость улучшения этой технологии и масштабы ее распространения, а также ее массовая доступность. Например, появился новый вид мошенничества с использованием технологии дипфейк для создания видеосообщений в телеграмм, так называемых «кружочков» [3], которые записываются в режиме онлайн, т. е. сразу в момент отправления. Но современные технологии позволяют сделать любое видео, в том числе заранее созданный дипфейк, в таком же формате (кружочка). «Свободный доступ к крупномасштабным публичным базам данных вместе с быстрым прогрессом методов глубокого обучения, в частности генеративно-состязательных сетей, привели к созданию очень реалистичного фейкового контента с соответствующими последствиями для общества в эту

эпоху фейковых новостей». Зачастую такие технологии применяются в политических гонках с целью дискредитации оппонентов на выборах, но, в то же время, есть случаи использования технологии дипфейк не во вред другим оппонентам. Например, индийский политик Маной Тивари в 2020 г. использовал эту технологию с целью охвата большего количества избирателей, создав дипфейк своего же выступления на разных языках и местных диалектах [4].

В российском законодательстве ответственность за фейки закреплена в нескольких нормах:

- ст. 207.1 УК РФ — публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, угрожающих жизни и безопасности граждан;
- ст. 207.2 УК РФ — распространение ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия;
- ст. 13.15 КоАП РФ — злоупотребление свободой массовой информации (в том числе распространение фейков в СМИ и соцсетях).

Баланс свобод и ограничений: принципы демократического регулирования.

Демократическое общество исходит из приоритета свободы слова, однако допускает ее ограничение в целях:

- защиты прав и репутации других лиц;
- обеспечения государственной безопасности;
- предотвращения беспорядков или преступлений.

Применительно к фейкам это означает, что правовое регулирование должно быть:

- четко сформулированным (нормативные правовые акты не должны допускать произвольного толкования);
- необходимым (ограничения оправданы только при наличии реальной угрозы);
- соразмерным (указывать на то, что наказание соответствует тяжести совершенного деяния).

Необходимо определить проблемы правоприменения, а также выяснить, где проходят границы правового регулирования фейковой информации?

На практике регулирование фейков сталкивается с рядом вызовов : Во первых, существует сложность доказывания умысла. Как отличить злонамеренный фейк от ошибки или интерпретации? Например, репост новости из сомнительного источника может быть следствием невнимательности, а не умысла. Во-вторых, присутствуют риски цензуры. Широкие формулировки законов (например, «угроза общественной безопасности») могут использоваться для подавления критики власти. Кроме того, возросла скорость распространения информации. Правовые механизмы реагируют медленнее, чем вирусные фейки, что снижает их превентивный эффект. Также хочется отметить фактор трансграничности интернета. Фейки часто генерируются за рубежом, что затрудняет определение юрисдикции.

Оптимальные механизмы борьбы с фейками.

Для гармонизации правового регулирования можно предложить следующее.

1. Необходимо определить четкие критерии ложной информации. Законодательство должно разграничивать: умышленную дезинформацию, непроверенные данные и оценочные суждения.

2. Направить усилия на повышение медиаграмотности. В первую очередь это профилактика эффективнее репрессий: образовательные программы помогут гражданам распознавать фейки.

3. Осуществлять независимый надзор. Это создание органов (например, при Роскомнадзоре), которые будут оценивать обоснованность блокировок контента.

4. Важно уделять внимание международному сотрудничеству. Выработать и согласовать стандарты борьбы с трансграничной дезинформацией (например, в рамках ООН или ОБСЕ).

Борьба с фейками является необходимой задачей государства, но ее решение не должно подрывать демократические принципы. Юридическая ответственность за распространение ложной информации допустима лишь при трех условиях:

- доказанный умысел распространителя;
- реальная угроза общественным интересам; 2) соразмерность наказания совершенному деянию.

Оптимальная модель регулирования включает три элемента.

- Четкие правовые рамки: ясные критерии определения фейков, конкретный перечень правонарушений и прозрачные процедуры доказывания.
- Саморегулирование платформ: а) премодерация (процесс проверки пользовательского контента модератором перед его публикацией) и постмодерация (способствует текущим обсуждениям от членов онлайн-сообщества) контента; б) алгоритмы выявления ложной информации; в) механизмы оперативного опровержения.
- Медиаобразование: а) обучение методам проверки информации; б) повышение осведомленности о рисках дезинформации; в) развитие критического мышления.

Такой подход позволяет одновременно защитить общество от дезинформации, сохранить свободу слова и не допустить превращения антифейкового законодательства в инструмент цензуры. Ключевой принцип здесь — поддержание баланса между защитой общественных интересов и соблюдением конституционных прав граждан в цифровой среде.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 декабря 2025 г.).
2. Новоселов И. Э., Смирнов А. А. Генерация биомедицинских изображений для аугментации данных с помощью генеративно-состязательных сетей // МНИЖ. 2024. № 5 (143)
3. Фролова М. Под видео друга: мошенники стали подделывать «кружочки» в Telegram // URL: https://iz.ru/
4. Иванов В. Г. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности / В. Г. Иванов, Я. Р. Игнатовский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. № 4. С. 379–386.
5. Гудфеллоу Я., Бенджио И., Курвилль А. Глубокое обучение / пер. с англ. А. А. Слинкина. 2-е изд., испр. М. : ДМК Пресс, 2018.
6. Choi Y., Choi M., Kim M., Ha J. W., Kim S., & Choo J. Stargan: Unified generative adversarial networks for multi-domain image-to-image translation. In Proceedings of the IEEE conference on computer vision and pattern recognition. 2018. P. 8789–8797.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on December 25, 2025).
2. Novoselov I. E., Smirnov A. A. Generation of biomedical images for data augmentation using generative-adversarial networks // MNIZH. 2024. No. 5 (143)
3. Frolova M. Under the video of a friend: scammers began to fake «circles» in Telegram // URL: https://iz.ru /
4. Ivanov V. G. Deepfakes: prospects for application in politics and threats to personality and national security / V. G. Ivanov, Ya. R. Ignatovsky // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration. 2020. No. 4. P. 379–386.
5. Goodfellow Ya., Bendjio I., Courville A. Deep learning / translated from English by A. A. Slinkin. 2nd ed., ispr. M. : DMK Press, 2018.
6. Choi Y., Choi M., Kim M., Ha J. W., Kim S., & Choo J. Stargan: Unified generative adversarial networks for multi-domain image-to-image translation. In Proceedings of the IEEE conference on computer vision and pattern recognition. 2018. P. 8789–8797.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25 декабря 2025 г.).

Bibliographic list

1. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on December 25, 2025).

Информация об авторе

А. В. Токолов — доцент кафедры противодействия преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Tokolov — Associate Professor of the Department of Crime Prevention in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 10.02.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 10.02.2026.

Научная статья
УДК 342
EDN: https://elibrary.ru/BOHTOW
NIION: 2007-0083-1/26-789
MOSURED: 77/27-005-2026-01-989

Совершенствование уголовно-правового регулирования противодействия незаконной миграции сотрудниками органов внутренних дел

Михаил Андреевич Ушаков[1], Денис Вячеславович Золотухин[2], Полина Петровна Силуянова[3]
[1,2,3] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
[1] fizpo-mosumvd@yandex.ru
[2] Ys_Nova@Mail.Ru
[3] spoly_2011@mail.ru

Аннотация. Проведен комплексный анализ последних изменений уголовного законодательства Российской Федерации в сфере противодействия незаконной миграции. Исследуются ключевые законодательные новеллы 2024 г., включая введение конфискации имущества за организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), дополнение перечня отягчающих обстоятельств (п. «в.1» ч. 1 ст. 63 УК РФ), ужесточение санкций за преступления миграционной направленности и реформирование системы миграционного тестирования. Особое внимание уделено правовой природе внесудебного порядка ограничения доступа к противоправному контенту в сети Интернет.

Ключевые слова: незаконная миграция, уголовно-правовое противодействие, конфискация имущества, отягчающие обстоятельства, миграционное тестирование, информационная безопасность, законодательные новеллы

Для цитирования: Ушаков М. А., Золотухин Д. В., Силуянова П. П. Совершенствование уголовно-правового регулирования противодействия незаконной миграции сотрудниками органов внутренних дел // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 212–215. EDN: BOHTOW.

Original article

Improving the criminal law regulation of countering illegal migration by law enforcement officers

Mikhail A. Ushakov[1], Denis V. Zolotukhin[2], Polina P. Siluyanova[3]
[1,2,3] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia
[1] fizpo-mosumvd@yandex.ru
[2] Ys_Nova@Mail.Ru
[3] spoly_2011@mail.ru

Abstract. A comprehensive analysis of recent changes in the criminal legislation of the Russian Federation in the field of combating illegal migration has been carried out. The key legislative innovations of 2024 are being investigated, including the introduction of confiscation of property for organizing illegal migration (art. 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), the addition of a list of aggravating circumstances (paragraph «v.1» of p. 1 of art. 63 of the Criminal Code), tougher sanctions for migration-related crimes and the reform of the migration testing system. Special attention is paid to the legal nature of the extrajudicial procedure for restricting access to illegal content on the Internet.

Keywords: illegal migration, criminal law enforcement, confiscation of property, aggravating circumstances, migration testing, information security, legislative innovations

For citation: Ushakov M. A., Zolotukhin D. V., Siluyanova P. P. Improving the criminal law regulation of countering illegal migration by law enforcement officers. Criminological Journal. 2026;(1):212–215. (In Russ.). EDN: BOHTOW.

© Ушаков М. А., Золотухин Д. В., Силуянова П. П., 2026

В условиях ускорения глобализационных процессов и интенсификации трансграничных перемещений проблема незаконной миграции приобретает особую актуальность для обеспечения правопорядка и национальной безопасности Российской Федерации. Проведенный анализ эволюции законодательного регулирования в данной сфере свидетельствует о кардинальной трансформации государственной политики, выражающейся в последовательном переходе от преимущественно административно-правовых методов регулирования к формированию комплексной уголовно-правовой системы противодействия. Особую значимость в этом процессе приобретает принятие 9 ноября 2024 г. пакета законодательных инициатив, направленных на системную модернизацию механизмов миграционного контроля и существенную интенсификацию мер уголовно-правового воздействия.

Современный этап развития миграционного законодательства характеризуется качественным ужесточением ответственности за организацию незаконной миграции, что отражает общемировую тенденцию криминализации соответствующих деяний. Принятые законодательные акты вводят дифференцированные составы преступлений, учитывающие степень общественной опасности, масштабы деятельности и наличие коррупционной составляющей. Особое внимание уделяется противодействию транснациональным преступным сетям, специализирующимся на организации каналов незаконного перемещения, что потребовало гармонизации национального законодательства с международно-правовыми стандартами в рамках борьбы с трафикингом и современными формами рабства.

Параллельно с усилением уголовной ответственности наблюдается системная модернизация механизмов миграционного контроля, включающая внедрение передовых цифровых технологий идентификации и учета мигрантов. Создание единого информационного пространства миграционного контроля, интегрированного с пограничными и правоохранительными системами, позволяет осуществлять оперативный мониторинг миграционных потоков и пресекать противоправную деятельность на ранних стадиях. При этом особое значение приобретает совершенствование межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества в сфере обмена оперативной информацией и выявления трансграничных преступных схем.

Современная уголовно-правовая парадигма противодействия незаконной миграции в Российской Федерации развивается в русле балансирования между мерами репрессивного характера и превентивными механизмами, направленными на устранение причин и условий, способствующих незаконной миграционной деятельности. Особый акцент делается на дифференциации ответственности с учетом степени общественной опасности деяний, что соответствует принципам справедливости и соразмерности уголовно-правового воздействия. Перспективы дальнейшего совершенствования законодательства видятся в развитии комплексного подхода, сочетающего уголовно-правовые, административные и профилактические меры с учетом динамики глобальных миграционных процессов и новых вызовов международной безопасности [3].

Содержательный анализ законодательных изменений позволяет выделить их комплексный характер, затрагивающий как материально-правовые, так и процессуальные аспекты уголовно-правового регулирования, что актуализирует необходимость их углубленного научного осмысления. Особого внимания заслуживает нормативное закрепление возможности применения конфискации денежных средств, ценностей и иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], регламентирующей ответственность за организацию незаконного въезда, пребывания либо транзитного проезда через территорию государства. Введение данного правового инструмента, применяемого при установлении корыстной мотивации противоправного поведения, демонстрирует соответствие фундаментальному принципу уголовного права о соразмерности применяемых мер принуждения степени общественной опасности совершенного деяния.

Институт конфискации имущества, регламентированный ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой значимый элемент современной системы уголовно-правового воздействия, выполняющий полифункциональную роль в механизме противодействия преступности. Будучи формализован в качестве дополнительного вида наказания, данный правовой инструмент обладает выраженным превентивным потенциалом, реализуя не только ретроспективную карательную функцию, но и проспективную предупредительную, посредством лишения субъектов противоправной деятельности их материальной базы. Экономическая детерминация значительного массива преступлений, особенно в сфере организованной и корыстной преступности, обусловливает необходимость применения механизмов, направленных на подрыв финансовых основ противоправного поведения, что и обеспечивает конфискационная санкция.

Нормативное закрепление рассматриваемого института в российском законодательстве соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности положениям Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (2000 г.), которая в ст. 12 устанавливает обязательства государств-участников по принятию мер, позволяющих конфисковывать доходы от преступной деятельности, инструменты и предметы преступлений. Международно-правовые стандарты в данной сфере развиваются в направлении расширения оснований и процедур конфискации, что нашло отражение в ряде последующих документов, включая Варшавскую конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфи-

скации доходов от преступной деятельности (2005 г.). Российская правовая система, имплементируя эти положения, демонстрирует эволюцию от традиционной модели конфискации как дополнительного наказания к более сложной системе, включающей расширенную конфискацию и специальную конфискацию, что позволяет более эффективно противодействовать экономически мотивированной преступности [2]. Следует отметить, что имплементация указанных международных стандартов в национальное законодательство способствует формированию единого правового пространства в сфере противодействия организованной преступности и создает дополнительные гарантии обеспечения национальной безопасности [4].

Развитие уголовно-правовых мер противодействия незаконной миграции проявляется также в дополнении перечня отягчающих обстоятельств (п. «в.1» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации) таким квалифицирующим признаком, как совершение преступления лицом, находящимся на территории страны с нарушением миграционного законодательства [1]. Данная законодательная новация отражает тенденцию к дифференциации уголовной ответственности с учетом не только степени общественной опасности деяния, но и правового статуса правонарушителя, что соответствует принципам индивидуализации наказания.

Так, современная уголовная политика Российской Федерации в сфере противодействия преступлениям миграционной направленности характеризуется существенной трансформацией системы санкций, что нашло наиболее яркое выражение в модернизации ст. 322.1 Уголовного кодекса РФ. Проведенная законодательная реформа свидетельствует о переходе к качественно новому уровню репрессивного воздействия на организацию незаконной миграции, что проявляется как в радикальном повышении санкций в виде значительного увеличения сроков лишения свободы, так и в структурном усложнении системы квалифицирующих признаков. Введение дополнительных квалифицированных составов, учитывающих совершение преступления организованной группой или с использованием служебного положения, отражает стремление законодателя создать дифференцированную систему уголовной ответственности, адекватную степени общественной опасности различных форм противоправной деятельности в миграционной сфере.

Анализ новелл уголовного законодательства позволяет констатировать формирование целенаправленной стратегии по созданию эффективных правовых барьеров для профессиональной преступной деятельности, связанной с организацией незаконных миграционных потоков. Особое значение приобретает криминализация использования служебного положения при совершении данных преступлений, что обусловлено необходимостью противодействия коррупционным проявлениям в системе миграционного контроля. Усиление санкционной составляющей соответствует международным тенденциям уголовно-правовой политики, направленным на борьбу с транснациональной организованной преступностью, и находит свое отражение в ряде международно-правовых актов, включая Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

Особого внимания заслуживает реформирование системы миграционного тестирования, выразившееся в установлении запрета на участие посреднических организаций в проведении экзаменов по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации [1]. Данная мера направлена на устранение коррупциогенных факторов в процедуре легализации иностранных граждан и повышение качества контроля за уровнем их интеграции в российское общество, что полностью соответствует стратегическим целям государственной миграционной политики на текущее десятилетие.

Проведенный анализ законодательных новаций в сфере противодействия незаконной миграции позволяет констатировать формирование комплексной модели уголовно-правового регулирования, характеризующейся качественно новым уровнем системности репрессивно-превентивного воздействия. Современная парадигма правового регулирования выстраивается как многоуровневая система, интегрирующая традиционные карательные механизмы с инновационными инструментами экономического и информационного характера. Особого внимания заслуживает параллельное развитие различных элементов данной системы: ужесточение санкционных режимов сопровождается внедрением института конфискации имущества как средства подрыва экономических основ преступной деятельности, а также совершенствованием механизмов противодействия цифровизации противоправной деятельности через блокировку онлайн-ресурсов, используемых для организации незаконной миграции.

При этом эффективность реализуемой модели носит принципиально зависимый характер от двух ключевых факторов: качества правоприменительной практики и уровня международно-правовой кооперации. Вопросы правоприменения требуют особого внимания к проблемам квалификации составов преступлений, доказывания организованного характера деятельности и установления коррупционных связей. Международное сотрудничество должно развиваться по следующим направлениям: гармонизация законодательных подходов, создание единых баз данных о преступных сетях, разработка трансграничных оперативно-розыскных мероприятий. Перспективы дальнейшего совершенствования рассматриваемой модели видятся в углублении межотраслевого взаимодействия уголовного, административного и финансового законодательства, а также в развитии предиктивных механизмов миграционного контроля на основе анализа больших данных и искусственного интеллекта, что позволит перейти от реагирования на свершившиеся правонарушения к предотвращению потенциальных угроз в сфере незаконной миграции.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21 мая 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15 ноября 2000 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2024 г. № 383 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Серпионова А. И. Особенности влияния вынужденной миграции на миграционные процессы в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 105–108.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on May 21, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
2. Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on November 15, 2000 Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) (as amended dated November 15, 2000) // LRS «ConsultantPlus».
3. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2024 No. 383 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
4. Serpionova A. I. Features of the impact of forced migration on migration processes in the Russian Federation // Civil service and personnel. 2024. No. 2. P. 105–108.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» (as amended on December 28, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the Government of the Russian Federation of November 7, 2024 No. 1510 «On conducting an experiment on testing rules and Conditions entry into the Russian Federation and exit from the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

М. А Ушаков — заместитель начальника кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Д. В. Золотухин — старший преподаватель кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

П. П. Силуянова — слушатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

M. A. Ushakov — Deputy Head of the Department of Physical Training of the educational and scientific complex of special training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

D. V. Zolotukhin — Senior lecturer of the Department of Physical Training of the educational and scientific complex of special training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

P. P. Siluyanova — Student of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 343.9
EDN: https://elibrary.ru/CEUHCM
NIION: 2007-0083-1/26-790
MOSURED: 77/27-005-2026-01-990

Отдельные вопросы криминологической типологизации лиц, совершающих преступления, связанные с диверсионной деятельностью

Артем Альбертович Цветков
Международный юридический институт, Москва, Россия, A.A.2015doc@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются детерминанты преступности, связанной с диверсионной деятельностью, среди которых главенствующую роль занимают современные методики реализации гибридных конфликтов, осуществляемые путем вербовки граждан Российской Федерации к совершению диверсионных преступлений. Рассматриваются примеры названных форм деликвентного поведения, с привязкой к характеристикам личности преступника. Делается авторский вывод о необходимости научной разработки типологии лиц, совершающих преступления, связанные с диверсионной деятельностью.

Ключевые слова: диверсия, преступления, связанные с диверсионной деятельностью, вербовка, преступность, личность преступника, типология, классификация

Для цитирования: Цветков А. А. Отдельные вопросы криминологической типологизации лиц, совершающих преступления, связанные с диверсионной деятельностью // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 216–219. EDN: CEUHCM.

Original article

Certain issues of criminological typology of persons committing crimes related to sabotage activities

Artyom A. Tsvetkov
International Law Institute, Moscow, Russia, A.A.2015doc@yandex.ru

Abstract. The determinants of crimes related to sabotage, with modern methods of implementing hybrid conflicts through the recruitment of Russian citizens to commit sabotage crimes playing a leading role. Examples of these forms of delinquent behavior are examined, with links to the perpetrator's personality characteristics. The author concludes that it is necessary to scientifically develop a typology of individuals who commit crimes related to sabotage.

Keywords: sabotage, crimes related to sabotage activities, recruitment, criminality, personality of the criminal, typology, classification

For citation: Tsvetkov A. A. Certain issues of criminological typology of persons committing crimes related to sabotage activities. Criminological Journal. 2026;(1):216–219. (In Russ.). EDN: CEUHCM.

Преступность, являясь социально-правовым явлением, имеет присущие ей характерные черты — закономерности, отражающие ее связь с иными социальными явлениями. Одной из важнейших таких закономерностей связана с эволюционностью изучаемого явления.

Так, преступность находится в постоянной зависимости от происходящих общественных процессов. На ее характеристики непосредственным образом влияют развитие механизмов цифровизации, степень существующих в обществе противоречий, проблемы экономического, политического и иного характера [1].

Постоянная эволюция различных форм деликвентного поведения, происходящая под призмой изменения различных общественных процессов, как правило, проявляется посредством:

© Цветков А. А., 2026

Во-первых, появления новых форм общественного опасного поведения с последующей их криминализацией в рамках новых норм Уголовного закона. В качестве примера следует привести ряд уголовно-правовых запретов в области публичного распространения фейковой информации, введение которых в 2020 г. было обусловлено распространением новой короновирусной инфекцией (ст. 207.1 УК РФ и 207.2 УК РФ), а в 2022 г. массой информационных вопросов о деятельности вооруженных сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции (ст. 207.3 УК РФ).

Во-вторых, изменения способов существующих посягательств, что купируется совершенствованием уже имеющихся инструментов (в том числе и нормативных) противодействия преступлениям. Указанная деятельность фактически, осуществляется всеми ветвями государственной власти. Законодательной — посредством внесения изменений в существующие уголовно-правовое механизмы, исполнительной — путем совершенствования практики применения соответствующих уголовно-правовых норм, судебной — через механизмы нормативного и казуального толкования права [2].

В то же время, зачастую, аспекты эволюционирования как преступности в целом, так и конкретных уголовно-наказуемых деяний сопряжены не с социальными проблемами конкретного общества в границах суверенного государства, а в значительной степени с геополитическими тенденциями и деструктивным влиянием соответствующих разведывательных структур зарубежных государств, действующих в рамках механизмов современных гибридных конфликтов.

Следует констатировать, что в последнее пятилетние Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны стран запада и их сателлитов. Санкции против нашей страны измеряются тысячами, а их количество кратно превышает число ограничений, вводимых в отношении всех стран в мировой истории [3].

В то же время, беспрецедентное давление на страну связано не только с экономическими мерами. Все чаще с целью ослабления России вокруг ее границ реализуются проекты цветных революций на примере Грузии 2003 г., ставшей первой цветной революцией на постсоветском пространстве [4], Украины 2004–2005 и 2014 г. Итогами указанных государственных переворотов, зачастую является потеря государственного суверенитета и переход власти в руки стран коллективного запада. Как следствие — открытая пропаганда идей русофобии, наращивание военного присутствия военно-политического блока НАТО у границ России, развязывание прямых военных столкновений, провоцирующих адекватные вмешательства, в том числе и с использованием Вооруженных сил Российской Федерации, которыми являются как миротворческая операция в Южной Осетии и Абхазии, так и Специальная военная операция.

В то же время, деструктивная деятельность ведется и в глубинной территории России.

Указанный довод в полной мере подтверждается как результатами изучения материалов следственной и судебной практики, так и положениями концептуальных, государственно ориентирующих документов. В частности, в п. 29 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, констатируется наращивание деструктивного воздействие разведывательных служб иностранных стран на граждан Российской Федерации, и в значительной степени на несовершеннолетних [5].

Необходимо признать, что под влиянием указанной деятельности в России за последнее пятилетие существенно возрастает количество преступлений, сопряженных с поджогами и взрывами военкоматов, транспортной инфраструктуры, связи, военных и иных объектов.

В то же время, исследование материалов следственной и судебной практики показывает, что, несмотря на все признаки диверсии в контексте ст. 281 УК РФ «Диверсия», практика идет по пути квалификации содеянного по признакам преступлений террористической направленности, в частности ст. 205 УК РФ «Террористический акт» [6].

Таким образом, в рамках проводимого исследования учитываются и деяния, квалифицируемые по ст. 205 УК РФ, при реализации объективной стороны классической диверсии, описанной в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы.

Одной из причин указанного подхода в разрезе развития уголовно-правовой политики противодействия рассматриваемым формам деликвентного поведения выступает допустимый возраст привлечения к уголовной ответственности, установленный в ст. 20 УК РФ. В частности, надлежащим субъектом состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ является лицо, достигшее к времени совершения преступления возраста 14 лет, в то время как в рамках ст. 281 УК РФ этот возраст является таковым только с 17 ноября 2025 г. в связи с вступлением в силу Федерального закона от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ, т. е. изучаемая практика формировалась исходя предыдущих нормативных положений, устанавливающий критерий возраста в 16 лет.

Вместе с тем, последние тенденции говорят о вербовке отдельных лиц 11, 12 и 13-ти летнего возраста, не подпадающие под признаки субъекта преступления, даже с учетом приведенных законодательных нововведений [7].

Необходимо отметить, что следственными органами на транспорте Следственного комитета Российской Федерации в 2025 г. расследовалось 10 уголовных дел в отношении 20 несовершеннолетних, возбужденных по фактам поджогов и взрывов локомотивов и объектов транспортной инфраструктуры [8].

В значительной степени преступления совершались с корыстной целью, причем вознаграждение измерялось денежными суммами в размере от 15 до 30 тыс. руб.

При этом реализация задуманного осуществлялась под четким руководством кураторов из зарубежных стран, в том числе и Украины. В то же время, реализуя классические подходы разведывательной деятельности, зачастую, вербовка несовершеннолетнего сводилась к тому, что он сам в дальнейшем подбирал несовершеннолетних, являющихся его знакомыми для совершения рассматриваемых деяний.

Говоря о получении оплаты за совершаемую диверсионную деятельность, необходимо подчеркнуть, что зачастую она сопряжена с использованием нетрадиционных финансовых инструментов. В частности, криптовалюты. В таких случаях, рассматривается вопрос о реальной совокупности преступлений, связанных с диверсионной деятельностью со ст. 174.1 УК РФ.

В то же время, следует признать, что рассматриваемые виды уголовно-наказуемых деяний совершаются не только несовершеннолетними с корыстными мотивами, но и лицами, достигшими 18 летнего возраста ввиду физического или психического принуждения, связанных с угрозами расправы, распространения сведений о частной жизни.

Значительная категория таких лиц, это как участвующие ранее в совершении преступлений в сфере оборота наркотических средств и мошенничеств, так и потерпевшие от такого вида хищений, согласившиеся на участие в диверсионной деятельности под предлогам возврата денежных средств.

Самой малочисленной является группа завербованных на идеологической основе, как правило, связанной с приверженностью праворадикальных взглядов.

Так, например, осенью 2023 г. задержали гражданина Российской Федерации 1986 г. рождения, завербованного представителями украинских террористических организаций, за приготовление к взрыву военкомата в Воронеже. Указанное лицо после реализации задуманного, планировал выехать за пределы страны и участвовать в военных действий на стороне Украины [9].

Несмотря на то, что в значительной степени, по гендерной принадлежности такие лица относятся к мужскому полу, существуют факты совершения диверсий и женщинами.

Таким образом, субъектный состав современного диверсанта представлен лицами, в том числе несовершеннолетними, совершающими соответствующие действия:

- из корыстной заинтересованности;
- под влиянием угроз физической расправы, распространения порочащих их сведений, а также сведений о частной жизни;
- ввиду введения в заблуждения о легальном характере предстоящей деятельности;
- исходя из невозможности отказа от предлагаемых диверсионных акций, ввиду возможности распространения информации об участии в совершении хищений, сбыте наркотических средств и иных преступлений, совершенных ранее;
- в связи с обещаниями возвращения денежных средств и иного имущества, похищенного в результате мошенничеств, совершенных с использованием сетей телекоммуникации.

Таким образом, следует констатировать значительную вариативность факторов, определяющих субъектный состав преступлений, сопряженных с диверсионной деятельностью, что требует дополнительной научной разработки рассматриваемого вопроса, в том числе посредством создания научной топологии таких лиц.

Список источников

1. Малков В. Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России // Общество и право. 2007. № 3 (17). С. 61–70.
2. Нешатаева Т. Н. Судебное толкование // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 121–144.
3. Герейханова А. Путин: Против России введено 28595 санкций // URL: https://rg.ru/2025/03/18/putin-protiv-rossii-vvedeno-28595-sankcij.html
4. Елков И. Двадцать один год спустя: Влияние «Революции роз» на постсоветское пространство // URL: https://rg.ru/2024/12/16/kak-roza-upala-na-ploshchad-svobody.html
5. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 30 декабря 2024. № 53. Ч. I. Ст. 8669.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Миронова М. Ульяновский пятиклассник пытался поджечь релейный шкаф на Императорском мосту // URL: https://www.ul.kp.ru/daily/27582/4852322/
8. Чеботарев В. В. Вовлечение несовершенно-

летних в совершение преступлений террористической направленности // Актуальные вопросы расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: программа всерос. межведомственного науч.-практ. круглого стола (Ростов-над-Дону, 18 ноября 2025 г.). Ростов н/Д : Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, 2025.
9. Кошкин В. ФСБ предотвратила теракт в военкомате в Воронеже // URL: https://rg.ru/2023/11/29/fsb-predotvratila-terakt-v-voenkomate-v-voronezhe.html

References

1. Malkov V. D. Crime as a Socio-Legal Phenomenon, Its Criminological Characteristics, and Main Trends in Modern Russia // Society and Law. 2007. No. 3 (17). P. 61–70.
2. Neshataeva T. N. Judicial Interpretation // Perm Legal Almanac. 2023. No. 6. P. 121–144.
3. Gereykhanova A. Putin: 28,595 Sanctions Imposed Against Russia // URL: https://rg.ru/2025/03/18/putin-protiv-rossii-vvedeno-28595-sankcij.html
4. Elkov I. Twenty-one Years Later: The Impact of the Rose Revolution on the Post-Soviet Space // URL: https://rg.ru/2024/12/16/kak-roza-upala-na-ploshchad-svobody.html
5. On the approval of the Strategy for countering extremism in the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation. December 30, 2024. No. 53. P. I. Art. 8669.
6. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. No. 25. Art. 2954.
7. Mironova M. Ulyanovsk fifth grader tried to set fire to a relay cabinet on the Imperial Bridge // URL: https://www.ul.kp.ru/daily/27582/4852322/
8. Chebotarev V. V. Involvement of minors in the commission of terrorist crimes // Current issues of investigation of crimes committed by minors and against minors: program of the All-Russian interdepartmental scientific and practical round table (Rostov-on-Don, November 18, 2025). Rostov n/D. : Rostov branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, 2025.
9. Koshkin V. The FSS prevented a terrorist attack at the military enlistment office in Voronezh // URL: https://rg.ru/2023/11/29/fsb-predotvratila-terakt-v-voenkomate-v-voronezhe.html

Информация об авторе

А. А. Цветков — аспирант Международного юридического института.

Information about the author

A. A. Tsvetkov — Postgraduate student at the International Law Institute.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.
The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья
УДК 34
EDN: https://elibrary.ru/CPPYNN
NIION: 2007-0083-1/26-791
MOSURED: 77/27-005-2026-01-991

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении профилактических мероприятий по противодействию незаконной миграции

Парвиз Махмадович Шарипов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, parviz.sharipov.95@list.ru
Научный руководитель: профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского ниверситета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор Ш. М. Нурадинов.

Аннотация. Рассматриваются правовые основы в сфере регулирования прав и свобод человека и гражданина при проведении профилактических мероприятий по противодействию незаконной миграции. Рассмотрены сходства и отличия и особенности регулирования данной сферы в Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Ключевые слова: права человека, иностранные граждане, лица без гражданства, миграционная политика, незаконная миграция, юридическая помощь, нарушение прав, профилактические мероприятия

Для цитирования: Шарипов П. М. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении профилактических мероприятий по противодействию незаконной миграции // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 220–223. EDN: CPPYNN.

Original article

Observance of human and civil rights and freedoms during preventive measures to combat illegal migration

Parviz M. Sharipov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, parviz.sharipov.95@list.ru
Research supervisor: Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor Sh. M. Nuradinov.

Abstract. Considers the legal framework in the field of regulation of human and civil rights and freedoms during preventive measures to combat illegal migration. The similarities and differences and peculiarities of regulation of this sphere in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan are considered.

Keywords: human rights, foreign citizens, stateless persons, migration policy, illegal migration, legal aid, violation of rights, preventive measures

For citation: Sharipov P. M. Observance of human and civil rights and freedoms during preventive measures to combat illegal migration. Criminological Journal. 2026;(1):220–223. (In Russ.). EDN: CPPYNN.

Современный мир не отличается особой стабильностью и верховенством права на международной арене. Беспрецедентное давление, которое было оказано на Российскую Федерацию (далее — Россия), а также возникающие вызовы национальной безопасности, на которые необходимо отвечать, способствовали, в том числе, и развитию кадрового голода на рынке труда в России [1].

© Шарипов П. М., 2026

Необходимость восполнения вакантных трудовых мест, высокий интерес граждан к российскому рынку труда, а также процессы глобализации, происходящие в мире, существенно сказались на уровне международной миграции. Для урегулирования на правовом уровне происходящих миграционных процессов, в России был разработан и в настоящее время действует широкий спектр НПА, регламентирующих правоотношения, складывающиеся в области миграции.

Миграционная политика России основана на положениях Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), а также на заключенных Россией международных договорах и соглашениях. Конституция РФ закрепляет приоритет обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина, определяя смысл, содержание и применение нормативно-правовых актов и длительность всех органов власти исходя из принципа постоянного действия данных прав. Согласно тексту Конституции РФ, иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в России правами и несут обязанности на ровне с гражданами России, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором России [2].

Аналогично, в Республике Таджикистан (далее — Таджикистан) положения ее Конституции выступают в качестве основы миграционной политики страны. Содержание ст. 16 Конституции Республики Таджикистан (далее — Конституция РТ), закрепляющей правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, практически в полном объеме идентичны аналогичным положениям ч. 3 ст. 62 Конституции РФ за исключением лишь указания, в том числе равной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства с гражданами Таджикистана [3].

Вместе с тем, и Россия и Таджикистан имеют национальное миграционное законодательство, которое посвящено регулированию миграционных процессов. Так, названные выше положения Конституции РФ нашли свое отражение в Федеральном законе Российской Федерации «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) (далее — ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»), который регулирует правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, а также отношения между ними и органами государственной власти [4].

Учитывая недалекое общее историческое и правовое прошлое, большая часть нормативно-правовых актов современного Таджикистана в качестве основы имеют действующие ранее положения правовых актов, актуализированные под современное название страны. Центральное место среди множества национальных нормативно-правовых актов миграционного законодательства занимает Закон Республики Таджикистан «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан» от 2 января 2017 г. № 1471 (в редакции Закона Республики Таджикистан от 17 мая 2018 г. № 1525) (далее — Закон «О правовом статусе иностранцев»). Содержательный анализ данного правового акта позволяет сделать вывод о большей его схожести с ФЗ «О правовом положении иностранных граждан». Однако, мы считаем выделить одно существенное отличие, которое заключается в предусмотренной, на законодательном уровне, возможности государства ограничивать права иностранных граждан какого-либо государства, если в этом государстве каким-либо образом ущемляются права граждан Таджикистана [5].

Отметим, что реализация указанных выше положений Конституции РФ и РТ, а также положений, упомянутых ранее ФЗ «О правовом положении иностранных граждан» и Закона «О правовом статусе иностранцев», возможно лишь в том случае, когда мигрант легально пересек государственную границу и соблюдает миграционное законодательство страны пребывания, иными словами — при условии законной миграции. Миграция, совершаемая в нарушение установленных норм миграционного законодательства (нарушение порядка въезда, проезда, выезда, пребывания в стране) является незаконной. Такая миграция вызывает большую обеспокоенность со стороны государственных органов. Связано это в первую очередь с повышающимся уровнем криминализации общества, так как среди незаконно прибывших в страну мигрантов могут быть преступники, скрывающиеся от уголовного преследования в своей стране, а также с ростом уровня коррупции, нарушением трудового законодательства и т. д.

В этой связи, государственные органы стран, заинтересованных в борьбе с нелегальной миграцией на своей территории, проводят профилактические мероприятия различного характера и содержания. Например, в России с целью предупреждения незаконной миграции подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России) проводится ряд оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций («Миграция», «Розыск», «Нелегал», «Нелегальный мигрант», «Иностранец», «Резиновая квартира», «Фиктивная регистрация», «Патент», «Трудовой мигрант» и т. д.). Как нами уже было отмечено, ключевым фактором выбора мигрантами в качестве страны назначения России является ее высокая привлекательность в качестве рынка труда для трудоустройства. Это обуславливает приоритетный выбор мест для проведения оперативно-профилактических мероприятий: места компактного проживания (хостелы), строительные объекты, места торговли, объекты сферы обслуживания, производственные и другие объекты, где используется иностранная рабочая сила.

Как правило, по завершению проведения таких мероприятий сотрудниками МВД России выявляются лица, нарушающие миграционное законодательство страны. Исходя из положений Конституции РФ, иностранные граждане пользуются и несут равные с гражданами России права и обязанности. Соответственно, при привлечении мигрантов к административной ответственности применяются все положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), в том числе и закрепляющие права лица, в отношении которого ведется административное производство.

Помимо оперативно-профилактических мер, в России также проводится ряд административных процедур, направленных на профилактику незаконной миграции. Среди них особое место занимает выдача разрешения на работу, ввиду большого количества на территории России именно трудовых мигрантов, среди прочих профилактических мер, особое место занимает выдача разрешений на работу/патентов. Данная профилактическая мера также применяется и в Таджикистане.

Отмечая положительную сторону указанной меры профилактики незаконной миграции, мы считаем важным и необходимым отметить то, что данная мера позволяет государству реализовать все доступные правовые способы для обеспечения законных прав трудового мигранта, а в случае нарушения его прав — позволяет применить механизм восстановительного характера для восстановления нарушенных прав. Вместе с тем, несмотря на положительный характер рассматриваемой меры, в России данная мера имеет ряд недостатков, которые не характерны для Таджикистана.

Согласно Конституции РФ, каждый, кто законно находится на территории России имеет право свободно передвигаться, выбирать место жительства, а также свободно распоряжаться своими способностями к труду. По нашему мнению, процедура выдачи разрешения на работу/патента частично ограничивает мигрантов в реализации их законных прав. В данном случае, мы хотим указать на территориальную привязанность к субъекту России, в котором было выдано разрешение или патент. Проживая на границе двух субъектов и получив разрешение на работу или патент в одном из субъектов, трудовой мигрант становится ограниченным в выборе места работы и при желании трудоустроиться на работу в соседнем субъекте будет вынужден заново проходит бюрократические процедуры, связанные с получением разрешения на работу или патента. Вместе с этим, выдача патента/разрешения на труд, действующего только в пределах одного субъекта, не позволяет мигрантам осуществлять трудовую деятельность, связанную с частыми и длительными командировками. Несмотря на то, что законодателем России предусмотрены случаи, когда трудовой мигрант может осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта, где ему выдано разрешение на работу, установленные законодателем сроки не всегда могут позволить своевременно и качестве выполнить поставленную задачу [6]. Еще одной негативной составляющей, связанной с выдачей разрешений на работу, по нашему мнению, является законодательное ограничение для работодателей количества мест, которые они могут выделить трудовым мигрантам. Предполагаем, что подобное ограничение, может способствовать повышению заинтересованности работодателей в приеме на работу трудовых мигрантов без их официального трудоустройства.

Подводя итог сказанному, отметим, что Россия и Таджикистан имеют схожую правовую базу, применительно правого положения мигрантов. Отличия, связанные с особенностями реализации некоторых профилактик, по нашему мнению, обусловлены различием в административно-территориальном устройстве двух стран и размерах занимаемых территорий.

Список источников

1. Как же без рук: дефицит работников в 2023 году составил 4,8 млн // URL: https://iz.ru/1624816/mariia-stroiteleva/kak-zhe-bez-ruk-defitcit-rabotnikov-v-2023-godu-sostavil-48-mln
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
3. Конституция Республики Таджикистан (в редакции референдума от 26 сентября 1999 г., от 22 июня 2003 г., от 22 мая 2016 г.) // URL: https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 7 января 2024 г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
5. Закон Республики Таджикистан от 2 января 2017 г. № 1471 (в редакции Закона Республики Таджикистан от 17 мая 2018 г. № 1525) «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=103402
6. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 28 июля 2010 г. № 564н (ред. от 19 октября 2011 г.) «Об установлении случаев осуществления трудовой деятельности иностранным гражданином или лицом без гражданства, временно пре-

бывающими (проживающими) в Российской Федерации, вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого им выдано разрешение на работу (разрешено временное проживание)» (зарегистрировано в Минюсте РФ 30 августа 2010 г. № 18283) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104249/

References

1. How about without hands: the shortage of workers in 2023 amounted to 4,8 million // URL: https://iz.ru/1624816/mariia-stroiteleva/kak-zhe-bez-ruk-defitcit-rabotnikov-v-2023-godu-sostavil-48-mln
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
3. The Constitution of the Republic of Tajikistan (as amended by the referendum of September 26, 1999, June 22, 2003, May 22, 2016) // URL: https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya
4. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on July 10, 2023) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» (with amendments and additions that entered into force on January 7, 2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
5. Law of the Republic of Tajikistan dated January 2, 2017 No. 1471 (as amended by the Law of the Republic of Tajikistan dated May 17, 2018 No. 1525) «On the Legal Status of foreign citizens and stateless persons in the Republic of Tajikistan» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=103402
6. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated July 28, 2010 No. 564н (as amended on October 19, 2011) «On the Establishment of Cases of Employment by a Foreign Citizen or a Stateless Person Temporarily Staying (Residing) in the Russian Federation outside the Borders of the Subject of the Russian Federation in whose Territory they have been granted a work permit (Temporary residence)» (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 30, 2010, No. 18283) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104249/

Информация об авторе

П. М. Шарипов — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

P. M. Sharipov — Adjunct of the Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.
The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Научная статья
УДК 336.8
EDN: https://elibrary.ru/FBBZXI
NIION: 2007-0083-1/26-792
MOSURED: 77/27-005-2026-01-992

Совершенствование участия банковского сектора в государственных программах кредитования малого и среднего предпринимательства

Дмитрий Андреевич Михеев
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Miheev.DA@rea.ru

Аннотация. Диссертационное исследование посвящено развитию механизмов участия банков в программах государственной кредитной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) в современных экономических условиях. Актуальность темы обусловлена ключевой ролью МСП в экономике, обострением проблемы доступности финансирования на фоне высокой ключевой ставки и необходимостью повышения эффективности государственной поддержки. В работе проведен комплексный анализ организационно-институциональных аспектов взаимодействия банков и МСП, инструментов государственной поддержки и правовых основ регулирования. Выявлены системные проблемы, ограничивающие эффективность программ: дисбаланс рисков банков и потребностей МСП, административные барьеры, региональные и отраслевые диспропорции, низкая информированность предпринимателей. На основе анализа динамики кредитования МСП и международного опыта предложены направления совершенствования механизмов участия банков. Ключевые рекомендации включают развитие цифровых платформ и AI-скоринга, внедрение гибких гарантийных механизмов, стимулирование банков через налоговые льготы и дифференцированное резервирование, а также развитие альтернативных инструментов, таких как краудфандинг с государственным участием. Цель предлагаемых мер — повышение доступности финансирования для МСП и обеспечение устойчивого развития сектора.

Ключевые слова: Государственная поддержка МСП, кредитование малого и среднего бизнеса, банковские механизмы, льготное кредитование, программы поддержки МСП, гарантийные механизмы, доступность финансирования, региональные диспропорции, цифровизация кредитования, краудфандинг, эффективность программ, совершенствование механизмов

Для цитирования: Михеев Д. А. Совершенствование участия банковского сектора в государственных программах кредитования малого и среднего предпринимательства // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 224–231. EDN: FBBZXI.

Original article

Improving the participation of the banking sector in government lending programs for small and medium-sized enterprises

Dmitry A. Miheev
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Miheev.DA@rea.ru

Abstract. The dissertation research is devoted to the development of mechanisms for banks' participation in government credit support programs for small and medium-sized enterprises (SMEs) in modern economic conditions. The relevance of the topic is due to the key role of SMEs in the economy, the aggravation of the problem of accessibility of financing against the background of a high key interest rate and the need to increase the effectiveness of government

© Михеев Д. А., 2026

support. The paper provides a comprehensive analysis of the organizational and institutional aspects of interaction between banks and SMEs, government support tools and the legal framework for regulation. Systemic problems limiting the effectiveness of the programs have been identified: an imbalance of banks' risks and the needs of SMEs, administrative barriers, regional and sectoral imbalances, and low awareness of entrepreneurs. Based on the analysis of the dynamics of SME lending and international experience, the directions for improving the mechanisms of banks' participation are proposed. Key recommendations include the development of digital platforms and AI scoring, the introduction of flexible guarantee mechanisms, incentives for banks through tax incentives and differentiated redundancy, as well as the development of alternative tools such as crowdfunding with government participation. The aim of the proposed measures is to increase the availability of finance for SMEs and ensure the sustainable development of the sector.

Keywords: Government support for SMEs, lending to small and medium-sized businesses, banking mechanisms, concessional lending, SME support programs, guarantee mechanisms, availability of financing, regional imbalances, digitalization of lending, crowdfunding, program effectiveness, improvement of mechanisms

For citation: Miheev D. A. Improving the participation of the banking sector in government lending programs for small and medium-sized enterprises. Criminological Journal. 2026;(1):224–231. (In Russ.). EDN: FBBZXI.

Актуальность исследования механизмов участия банков в программах государственной кредитной поддержки малого и среднего предпринимательства обусловлена стратегической значимостью данного сектора для экономики страны. Субъекты МСП обеспечивают существенный вклад в формирование валового внутреннего продукта, способствуют решению проблем занятости населения и стимулируют инновационное развитие. Однако в условиях современной экономической нестабильности, характеризующейся высокой ключевой ставкой Банка России и ужесточением денежно-кредитной политики, проблема доступности кредитных ресурсов для малого и среднего бизнеса приобрела особую остроту.

Несмотря на наличие разветвленной системы государственной поддержки, включающей программы льготного кредитования, гарантийные механизмы и субсидирование процентных ставок, их эффективность остается ограниченной. Сохраняется значительный дисбаланс между потребностями предпринимателей в финансировании и реальными объемами банковского кредитования. Ключевыми проблемами выступают неравномерное распределение кредитных ресурсов по регионам и отраслям, высокие требования к залоговому обеспечению, а также недостаточная адаптация банковских продуктов к специфике различных категорий МСП.

Целью исследования является разработка научно обоснованных направлений развития механизмов участия банков в программах государственной кредитной поддержки малого и среднего предпринимательства. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- анализ современных форм взаимодействия банков и субъектов МСП;
- исследование инструментов государственной кредитной поддержки;
- систематизация правовых основ регулирования;
- оценка динамики и структуры кредитования МСП;
- выявление проблем и перспективных направлений развития.

Объект исследования являются программы государственной кредитной поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации.

Предмет исследования являются механизмы участия банков в программах государственной кредитной поддержки малого и среднего предпринимательства, их организационно-институциональные особенности и направления развития.

Современная система взаимодействия банковской системы и субъектов малого и среднего предпринимательства представляет собой сложный комплекс отношений, опосредованных как рыночными механизмами, так и инструментами государственного регулирования. Институциональная структура данного взаимодействия включает многоуровневую систему участников: от федеральных органов власти и регулятора до региональных институтов развития и отдельных кредитных организаций.

Банки в этой системе выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они выступают как коммерческие организации, ориентированные на извлечение прибыли, с другой — как агенты государственной политики, реализующие социально-экономические задачи. Эта двойственность порождает существенные противоречия в их деятельности. С точки зрения экономической теории, кредитование МСП характеризуется повышенными рисками, обусловленными асимметрией информации, недостаточностью залогового обеспечения и высокой зависимостью от рыночной конъюнктуры.

В этих условиях традиционные подходы к оценке кредитоспособности заемщиков оказываются мало-

эффективными. Банки вынуждены разрабатывать специализированные методики скоринга, сочетающие формальные и неформальные методы оценки. Особое значение приобретает анализ деловой репутации предпринимателей, экспертные оценки перспективности бизнес-моделей и учет отраслевой специфики.

Развитие цифровых технологий способствует трансформации традиционных моделей взаимодействия. Внедрение автоматизированных платформ для подачи заявок и скоринга позволяет сократить сроки принятия решений и снизить операционные издержки. Однако применение автоматизированных систем связано с рядом ограничений, прежде всего — недостаточностью данных для оценки начинающих предпринимателей и рисками кибербезопасности.

Современные формы взаимодействия банков и субъектов МСП включают широкий спектр финансовых инструментов, каждый из которых обладает специфическими характеристиками и областью применения. Систематизация данных инструментов позволяет выявить их взаимодополняемость и потенциал для комплексного использования.

Таблица 1

Сравнительная характеристика основных финансовых инструментов для субъектов МС

Инструмент	Сущность и экономическая природа	Ключевые преимущества	Основные ограничения	Наиболее релевантные типы заемщиков
Кредитование	Классические долговые отношения (ссуды, кредитные линии, овердрафт)	Знакомый инструмент, возможность финансирования различных нужд	Высокие требования к залогу и кредитной истории	Стабильно работающие МСП с подтвержденной отчетностью
Лизинг	Комбинация арендных и кредитных отношений для приобретения ОС	Сохранение оборотных средств, ускоренная амортизация, господдержка ставок	Ограниченность использования (только для ОС), риск удорожания	Производственные, транспортные, строительные компании
Факторинг	Финансирование под уступку денежного требования	Ускорение оборачиваемости оборотного капитала, решение проблемы кассовых разрывов	Стоимость выше кредита, зависимость от надежности дебитора	Компании с длинным циклом производства/ поставок (торговля, услуги)
Гарантийные механизмы	Перераспределение кредитного риска между банком и гарантийной организацией	Снижение требований к залогу, повышение вероятности одобрения кредита	Сложность процедуры, ограниченный лимит покрытия	МСП с недостаточным залоговым обеспечением, стартапы
Микрофинансирование	Упрощенные краткосрочные займы	Скорость и доступность, минимальные требования	Очень высокая стоимость, небольшие суммы	Микропредприятия, предприниматели на старте
Краудфандинг	Платформенное привлечение средств от множества инвесторов	Демократизация доступа к капиталу, маркетинговый эффект	Непредсказуемость результата, риски для инвесторов	Инновационные, социальные, творческие проекты

Кредитование остается основным инструментом финансирования, однако его эффективность ограничена высокими требованиями к залоговому обеспечению. В последние годы наблюдается диверсификация кредитных продуктов — наряду с традиционными кредитами активно развиваются овердрафты, кредитные линии и револьверные кредиты, позволяющие гибко управлять оборотным капиталом.Лизинговые программы представляют собой альтернативный механизм финансирования, особенно востребованный в производственном секторе. Государственное субсидирование лизинговых ставок позволяет снизить финансовую нагрузку на заемщиков и стимулировать обновление основных фондов. Теоретической основой лизинга выступает сочетание элементов арендных и кредитных отношений, что создает синергетический эффект для предприятий, нуждающихся в модернизации оборудования.

Факторинговые операции решают проблему кассовых разрывов, возникающих из-за несовпадения сроков отгрузки продукции и поступления платежей. Экономическая природа факторинга основывается на принципах ускорения оборачиваемости оборотного капитала и диверсификации кредитных рисков. Особенностью данного инструмента является его регрессный или безрегрессный характер, существенно влияющий на распределение финансовых рисков между участниками сделки.

Гарантийные механизмы играют ключевую роль в снижении кредитных рисков для банков. Система государственных и региональных гарантийных фондов позволяет перераспределить ответственность за невозврат

кредитов, что особенно важно для МСП с недостаточным залоговым обеспечением. Теоретически такие механизмы минимизируют проблему асимметрии информации, поскольку государственные структуры берут на себя часть функций по оценке надежности заемщиков.

Микрофинансирование ориентировано на удовлетворение краткосрочных потребностей в ликвидности и характеризуется упрощенными процедурами одобрения займов. Данный инструмент особенно востребован среди микропредприятий и стартапов, не соответствующих критериям банковского скоринга.

Краудфандинг трансформирует традиционную модель привлечения инвестиций через платформенные решения. С точки зрения теории коллективного инвестирования данный инструмент демократизирует доступ к капиталу, позволяя предпринимателям привлекать средства от множества инвесторов. В России краудплатформы функционируют под надзором Банка России, обеспечивая легитимность сделок.

Анализ динамики кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства за период 2020–2024 гг. позволяет выявить устойчивые тенденции и структурные изменения. Несмотря на экономическую турбулентность, вызванную санкционным давлением и изменением макроэкономической конъюнктуры, рынок демонстрировал положительную динамику. Объем задолженности по кредитам субъектов МСП увеличился с 8,45 трлн руб. в 2020 г. до 14,5 трлн руб. в 2024 г., что свидетельствует о возрастающей роли банковского сектора в финансировании малого бизнеса.

Однако структурный анализ выявляет существенные диспропорции. Значительную долю в кредитном портфеле (около 50 %) занимают так называемые квазиМСП — компании, формально относящиеся к малому и среднему бизнесу, но обладающие признаками крупных заемщиков. Без учета этой категории задолженность субъектов МСП составила 7,5 трлн руб., что указывает на искажение реальной картины кредитования малого бизнеса.

Отраслевая структура кредитного портфеля отличается значительной неоднородностью. Наибольшая доля задолженности (45 %) сосредоточена в секторах, связанных со строительным комплексом: непосредственно строительство (16,1 %), операции с недвижимостью (15,5 %) и профессиональные услуги в этой сфере (17,5 %). Такая концентрация обусловлена как спецификой финансирования строительных проектов, требующих значительных капиталовложений, так и активным использованием механизма счетов эскроу.

Динамика кредитования по отраслям также неоднородна. Максимальный прирост задолженности за 2023 г. зафиксирован в торговле (+ 0,63 трлн руб.), строительстве (+ 0,49 трлн руб.) и обрабатывающих производствах (+ 0,37 трлн руб.). При этом сельское хозяйство, несмотря на льготные ставки, продемонстрировало умеренный рост (+ 0,18 трлн руб.), что связано с сезонностью спроса и ограниченным доступом к залоговому обеспечению у мелких агропредприятий.

Качество кредитного портфеля остается относительно высоким: доля просроченной задолженности снизилась до 4,7 % в 2024 г. Однако рост числа заемщиков с просрочкой (+ 33,5 % за 2023 г.) сигнализирует о нарастании напряженности, особенно среди микропредприятий, чувствительных к удорожанию кредитов.

Государственная поддержка кредитования МСП реализуется через систему льготных программ, важнейшими из которых являются программа «1764», программа стимулирования кредитования (ПСК) и программа «1528». Анализ динамики их реализации выявляет существенные структурные изменения.

Программа «1764» сохраняет лидирующее положение в структуре льготного кредитования, однако ее доля демонстрирует устойчивую отрицательную динамику — с 59,7 % в 2020 г. до 48,8 % в 2023 г. Это снижение свидетельствует о постепенной диверсификации инструментов поддержки МСП. Одновременно отмечается стремительный рост значимости программы ПСК, чья доля увеличилась с 1,8 % до 10,4 % за аналогичный период.

Объем льготного кредитования в 2023 г. составил около 1,6 трлн руб., что на 7,9 % превысило показатель предыдущего года, однако его доля в совокупной выдаче кредитов сократилась с 13 % до 10 %. Эта динамика отражает принцип контрцикличности государственной поддержки: в периоды ужесточения денежно-кредитной политики объемы льготного кредитования сокращаются, чтобы не создавать дополнительных инфляционных рисков.

Отраслевая структура льготного кредитования свидетельствует о выраженной селективности поддержки. Основными получателями льготных кредитов являются предприятия обрабатывающей промышленности (35,2 %) и сельского хозяйства (30,7 %). При этом в сельском хозяйстве доля льготных кредитов достигает 66,8 %, тогда как в торговле этот показатель не превышает 3 %.

Географическое распределение кредитных ресурсов остается неравномерным. На Центральный федеральный округ, несмотря на постепенное снижение доли с 38 % до 31 %, продолжает приходиться значительная часть финансирования, тогда как Дальневосточный ФО и Северо-Кавказский ФО стабильно получают лишь 5 % и 2 % соответственно. Такая диспропорция ограничивает возможности регионального развития и способствует сохранению межрегиональных экономических различий.

Проведенный анализ позволяет выявить комплекс системных проблем, ограничивающих эффективность механизмов участия банков в программах государственной поддержки МСП (рис. 1).

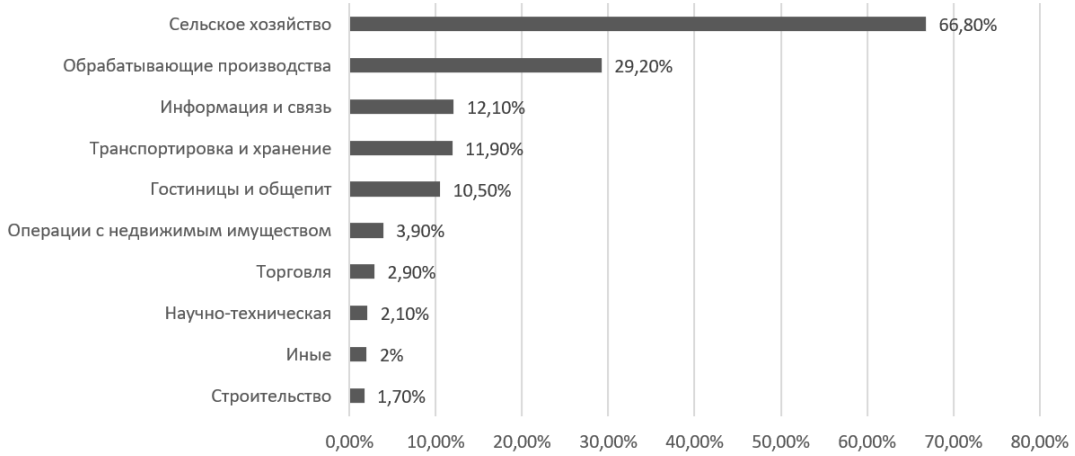

Рис. 1. Доля льготных кредитов в объеме выданных кредитов по отдельным отраслям МСП в 2024 г.

Ключевой проблемой является дисбаланс между потребностями МСП в доступном финансировании и рисками, которые несут банки при кредитовании малого бизнеса. В условиях высокой ключевой ставки Банка России стоимость заемных ресурсов для предпринимателей существенно возрастает, что снижает эффективность льготных программ. Банки, руководствуясь принципами риск-менеджмента, вынуждены ужесточать требования к заемщикам, включая необходимость предоставления ликвидного залога и подтверждения стабильной кредитной истории.

Административные и бюрократические барьеры существенно ограничивают вовлеченность банков в государственные программы поддержки. Многоступенчатые процедуры согласования заявок, сложные требования к документации и длительные сроки рассмотрения кредитных заявок увеличивают транзакционные издержки как для банков, так и для заемщиков. Участие в программах субсидирования процентных ставок требует от банков соблюдения строгих отчетных процедур, включая предоставление детализированных данных о каждом заемщике и целевом использовании средств.

Низкая информированность предпринимателей о доступных мерах поддержки и условиях участия в программах дополнительно ограничивает их востребованность. Многие субъекты МСП, особенно в регионах, не имеют доступа к актуальной информации о льготных кредитах, гарантийных механизмах или возможностях реструктуризации задолженности. Даже существующие цифровые платформы, такие как «МСП.РФ», не всегда обеспечивают прозрачность и удобство взаимодействия.

Проблемы координации между институтами развития и банками также негативно влияют на реализацию кредитных программ. Отсутствие единой методологии оценки рисков, дублирование функций различных организаций и несогласованность критериев отбора заемщиков приводят к фрагментации поддержки. Например, в 2024 г. только 17 из 100 банков, участвовавших в программе льготного кредитования, соответствовали новым требованиям по кредитным рейтингам, что резко сократило доступность финансирования для МСП в ряде регионов.

Совершенствование механизмов участия банков в программах государственной поддержки МСП требует комплексного подхода, включающего модернизацию системы регулирования и разработку эффективных стимулов для кредитных организаций.

Перспективным направлением является внедрение дифференцированного регулирования, учитывающего специфику кредитования малого бизнеса. Снижение нормативов резервирования по льготным кредитам МСП с 100 % до 50 % позволило бы высвободить значительные ресурсы для расширения кредитования. Одновременно целесообразно рассмотреть возможность применения понижающих коэффициентов при расчете нормативов достаточности капитала для портфелей кредитов МСП, прошедших государственное гарантирование.

Важным элементом стимулирования банков могло бы стать введение налоговых преференций для кредитных организаций, направляющих значительную часть портфеля на финансирование малого бизнеса. Аналогично ст. 427 Налогового кодекса Российской Федерации для IT-сектора, возможно установление пониженных тарифов страховых взносов или налоговых вычетов для банков, выполняющих установленные квоты по кредитованию МСП.

Развитие системы гарантийных механизмов представляет собой ключевое направление повышения доступности финансирования. Целесообразно расширение гарантийного покрытия до 70–80 % от суммы кредита при одновременной дифференциации усло-

вий предоставления гарантий в зависимости от отраслевой принадлежности заемщика и стадии развития бизнеса. Особое внимание следует уделить созданию специализированных гарантийных продуктов для стартапов и инновационных предприятий, чьи активы часто носят нематериальный характер.

Активное внедрение цифровых технологий в процессы кредитования МСП способно кардинально изменить подходы к оценке кредитоспособности заемщиков и снижению операционных издержек.

Перспективным направлением является развитие скоринговых систем на основе анализа больших данных. Использование альтернативных источников информации — оборотов по счетам, динамики онлайн-продаж, репутационных показателей — позволяет формировать более объективную картину финансового состояния предприятия, не ограничиваясь традиционной отчетностью. Опыт зарубежных стран (ОАЭ, Саудовская Аравия) демонстрирует эффективность подобных подходов при кредитовании малого бизнеса.

Создание единой государственной цифровой платформы взаимодействия между предпринимателями, банками и институтами развития способно устранить существующие информационные разрывы. Такая платформа должна обеспечивать не только техническую возможность дистанционного оформления займов, но и интегрированную аналитику, позволяющую прогнозировать потенциальные риски и эффективность использования выделяемых средств.

Внедрение технологий распределенных реестров для фиксации кредитных историй и отслеживания целевого использования средств могло бы существенно повысить прозрачность всей системы. Одновременно требуется разработка гибких нормативных рамок, позволяющих использовать инновационные методы оценки заемщиков без ущерба для стабильности финансовой системы.

Особую значимость приобретает создание интеллектуальных систем поддержки принятия решений, способных анализировать не только финансовые показатели, но и качественные характеристики бизнеса — инновационность, устойчивость бизнес-модели, квалификацию управленческой команды. Такой подход позволит перейти от формальных критериев отбора к комплексной оценке перспективности финансируемых проектов.

Наряду с совершенствованием традиционных банковских инструментов, перспективным направлением является развитие альтернативных механизмов финансирования МСП, способных диверсифицировать источники привлечения ресурсов.

Краудфандинг с государственным софинансированием представляет собой эффективный механизм привлечения средств для малого бизнеса. Опыт Бахрейна демонстрирует успешность гибридных моделей, где государство покрывает до 50 % доходности инвесторов, вкладывающихся в микро-предприятия. В российских условиях внедрение аналогичной схемы возможно через МСП Банк с выделением квот на софинансирование, что позволит снизить риски для частных вкладчиков и увеличить поток капитала в малый бизнес.

Синдицированное кредитование с участием государственных институтов развития позволяет объединять преимущества государственных и частных ресурсов. Модель, при которой Банк России рефинансирует часть кредита МСП по льготной ставке, а банк привлекает остальные средства по рыночной стоимости, способна существенно расширить доступность финансирования. Пилотные проекты такого механизма уже реализуются ВЭБ.РФ для сельхозпроизводителей и могут быть масштабированы на другие сектора экономики.

Развитие рынка цифровых финансовых активов открывает новые возможности для привлечения финансирования малыми предприятиями. Банки могли бы выступать операторами выпуска токенизированных обязательств МСП, обеспечивая ликвидность через вторичные рынки и используя смарт-контракты для автоматизации выплат. Однако для массового распространения данного инструмента требуется совершенствование нормативной базы и создание депозитария цифровых прав под надзором Банка России.

Интеграция ESG-критериев в факторинговые операции, по примеру сингапурского DBS Bank, позволяет стимулировать устойчивое развитие малого бизнеса. Внедрение системы скидок для поставщиков, соответствующих критериям устойчивого развития, могло бы стать элементом государственной политики в рамках нацпроекта «Экология».

Заключение.

Проведенное исследование позволило выявить комплексный характер механизмов участия банков в программах государственной кредитной поддержки малого и среднего предпринимательства. Несмотря на значительные достижения в развитии данной системы, сохраняется ряд структурных проблем, требующих комплексного решения.

Анализ динамики кредитования МСП показал устойчивый рост объемов финансирования, однако выявил существенные структурные диспропорции. Значительная часть кредитного портфеля приходится на квазиМСП, что искажает реальную картину кредитования малого бизнеса. Сохраняется концентрация кредитных ресурсов в строительном секторе и центральных регионах страны, тогда как сельское хозяйство и отдаленные регионы испытывают дефицит финансирования.

Государственные программы поддержки демонстрируют контрцикличный характер, сокращаясь в периоды ужесточения денежно-кредитной политики. Это соответствует мировой практике, однако создает дополнительные сложности для малого бизнеса в условиях высокой ключевой ставки. Выраженная отраслевая селективность поддержки, хотя и отражает стратегические приоритеты развития, ограничивает доступ к финансированию для предприятий других секторов экономики.

Ключевыми направлениями совершенствования выступают модернизация системы регулирования и стимулирования банков, активная цифровизация процессов кредитования, а также развитие альтернативных механизмов финансирования. Реализация предложенных мер позволит повысить доступность кредитных ресурсов для малого бизнеса, обеспечить более сбалансированное распределение средств по отраслям и регионам, и в конечном счете — усилить вклад МСП в экономическое развитие страны.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть связаны с разработкой конкретных механизмов внедрения предложенных инструментов, оценкой их эффективности в различных экономических условиях, а также анализом зарубежного опыта с точки зрения возможностей адаптации в российской практике. Особого внимания заслуживает изучение вопросов интеграции ESG-принципов в систему кредитования МСП и развития зеленого финансирования малого бизнеса.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1706 «О порядке предоставления субсидий кредитным организациям» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Данные Банка России по кредитованию субъектов МСП за 2020–2024 годы // URL: https://cbr.ru/
4. Кондрина А. М. Источники финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 11-2 (105).
5. Амиралиева Д. М. Анализ банковского кредитования малого и среднего бизнеса // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 8.
6. Левина Е. И. Проблемы финансирования предпринимательства и механизмы государственной поддержки // URL: https: // cyberleninka. ru / article / n / problemy-finansirovaniya-predprinimatelstva-i-mehanizmy-gosudarstvennoy-podderzhki
7. Байыев И., Баллыев Ч. О мерах государственной поддержки для развития малого и среднего бизнеса // Символ науки. 2024. № 11-2-1.
8. Блинов А. О., Шапкин И. Н. Малое предпринимательство: теория и практика. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2003.
9. Поддубная М. Н., Саркисова В. К. Финансирование сектора малого и среднего предпринимательства в российской практике: современные инструменты и приоритеты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-1.
10. Рахманов С. Р., Агаев С., Магтымов М. Растущее значение цифрового кредитования в цифровой экономике // Вестник науки. 2024. № 12 (81).
11. Самородский Д. С. Сравнительный анализ российских и зарубежных мер государственного стимулирования высокотехнологичных субъектов мсп путем совершенствования доступности кредитных ресурсов под залог объектов интеллектуальной собственности // Образование и право. 2021. № 8.
12. Смирнова А. В. Отечественный и зарубежный опыт государственной поддержки малого и среднего бизнеса: монография. М., 2012.
13. Цифровая платформа МСП.РФ государственная платформа поддержки предпринимателей, самозанятых и тех, кто планирует начать свой бизнес // URL: https://xn--l1agf.xn--p1ai/
14. Виды кредитов для малого и среднего бизнеса // URL: https://gba.business.ru/blog/vidy-kreditov-dlya-malogo-i-srednego-biznesa/?csopid=5d1f1735-70ae-4794-9969-9c472a0ad6d9&targetcookiesync=a492bf81-579a-41f1-8312-303727b999a3
15. Льготный кредит: как в 2025 году получить субсидию от государства на лизинг // URL: https://campus.stt.ru/articles/kak-v-2025-godu-poluchit-subsidiyu
16. Краудфандинг: цифровые инвестиции // URL: https://vaael.ru/article/view?id=2956
17. Программы господдержки для вашего бизнеса // Официальный сайт ПАО «Сбербанк» // URL: https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/credits/gos_program
18. ВТБ расширит меры господдержки для среднего и малого бизнеса // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6747965
19. РСХБ делает господдержку аграриев ближе // URL: https://www.rshb.ru/news/21032024-000002

20. Аналитический обзор рынка кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/54978/inf_material_msp_fh_2024.pdf

Bibliographic list

1. Federal Law No. 209-FZ dated July 24, 2007 «On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2017 No. 1706 «On the procedure for granting subsidies to credit organizations» // LRS «ConsultantPlus».
3. Data from the Bank of Russia on lending to SMEs for 2020–2024 // URL: https://cbr.ru/
4. Kondrina A. M. Sources of financing for small and medium-sized enterprises in Russia // Economics and Business: theory and practice. 2023. No. 11-2 (105).
5. Amiralieva D. M. Analysis of bank lending to small and medium-sized businesses // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. No. 8.
6. Levina E. I. Problems of financing entrepreneurship and mechanisms of state support // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-finansirovaniya-predprinimatelstva-i-mehanizmy-gosudarstvennoy-podderzhki
7. Bayyev I., Ballyev Ch. On measures of state support for the development of small and medium-sized businesses // Symbol of Science. 2024. No. 11-2-1.
8. Blinov A. O., Shapkin I. N. Small business: theory and practice. M. : Publishing and Trading Corporation Dashkov and K, 2003.
9. Poddubnaya M. N., Sarkisova V. K. Financing of the small and medium-sized business sector in Russian practice: modern tools and priorities // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 10-1.
10. Rakhmanov S. R., Agaev S., Magtymov M. The growing importance of digital lending in the digital economy // Bulletin of Science. 2024. No. 12 (81).
11. Samorodskiy D. S. Comparative analysis of Russian and foreign government incentive measures for high-tech SMEs by improving the availability of credit resources secured by intellectual property objects // Education and Law. 2021. No. 8.
12. Smirnova A. V. Domestic and foreign experience of state support for small and medium-sized businesses: monograph. M., 2012.
13. Digital SME platform.Russian Federation state support platform for entrepreneurs, the self-employed and those who plan to start their own business // URL: https://xn--l1agf.xn--p1ai/
14. Types of loans for small and medium-sized businesses // URL: https://gba.business.ru/blog/vidy-kreditov-dlya-malogo-i-srednego-biznesa/?csopid=5d1f1735-70ae-4794-9969-9c472a0ad6d9&targetcookiesync=a492bf81-579a-41f1-8312-303727b999a3
15. Preferential loan: how to get a subsidy from the state for leasing in 2025 // URL: https://campus.stt.ru/articles/kak-v-2025-godu-poluchit-subsidiyu
16. Crowdfunding: digital investments // URL: https://vaael.ru/article/view?id=2956
17. Government support programs for your business // Official website of Sberbank PJSC // URL: https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/credits/gos_program
18. VTB will expand state support measures for medium and small businesses // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6747965
19. RSHB makes state support for farmers closer // URL: https://www.rshb.ru/news/21032024-000002
20. Analytical review of the lending market for small and medium-sized businesses // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/54978/inf_material_msp_fh_2024.pdf

Информация об авторе

Д. А. Михеев — лаборант-исследователь кафедры государственных и муниципальный финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Information about the author

D. A. Mikheev — Research Laboratory Assistant at the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 27.11.2025.
The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 27.11.2025.

Научная статья
УДК 657.6.012.16
EDN: https://elibrary.ru/EFYDEX
NIION: 2007-0083-1/26-793
MOSURED: 77/27-005-2026-01-993

Особенности судебно-экономической экспертизы начисления амортизации на основные средства

Гамлет Яковлевич Остаев[1], Борис Николаевич Хосиев[2], Эльбрус Борисович Хосиев[3]
[1] Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия, ostaeff@yandex.ru
[2,3] Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия
[2] hosiev.b@yandex.ru
[3] elbrushosiev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются методологические и практические аспекты проведения судебно-экономической экспертизы в области начисления амортизации на основные средства. Представлен анализ нормативно-правовой базы, регулирующей порядок начисления амортизации в соответствии с ФСБУ 6/2020, с акцентом на ключевые элементы, подлежащие экспертной оценке. Определены цель, задачи и предмет судебно-экономической экспертизы амортизации, а также идентифицированы объекты исследования, включающие первичную учетную документацию, регистры бухгалтерского учета, налоговую отчетность и техническую документацию. Проведен сравнительный анализ основных методов начисления амортизации, выявляются критерии выбора оптимального метода в контексте конкретных экономических условий. Особое внимание уделено вопросам пересмотра методов и параметров амортизации, а также учету ликвидационной стоимости основных средств. Подчеркивается значимость проведения судебно-экономической экспертизы для установления достоверности и соответствия законодательству операций по начислению амортизации, а также для выявления фактов нарушений, влияющих на финансовые результаты и налоговые обязательства организации.

Исследование представляет собой вклад в развитие теоретических и практических основ судебно-экономической экспертизы в области учета основных средств и может быть полезно экспертам, аудиторам, бухгалтерам и юристам, занимающимся вопросами финансово-хозяйственной деятельности организаций.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, основные средства, начисление амортизации

Для цитирования: Остаев Г. Я., Хосиев Б. Н., Хосиев Э. Б. Особенности судебно-экономической экспертизы начисления амортизации на основные средства // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 232–240. EDN: EFYDEX.

Original article

Features of forensic economic expertise of depreciation of fixed assets

Gamlet Ya. Ostaev[1], Boris N. Khosiev[2], Elbrus B. Khosiev[3]
[1] Udmurt State Agrarian University, Izhevsk, Russia, ostaeff@yandex.ru
[2,3] Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia
[2] hosiev.b@yandex.ru
[3] elbrushosiev@mail.ru

Abstract. The methodological and practical aspects of conducting a forensic economic examination in the field of depreciation on fixed assets are considered. An analysis of the regulatory framework governing the procedure for calculating depreciation in accordance with FSBI 6/2020 is presented, with an emphasis on key elements subject to expert assessment. The purpose, objectives and subject of the forensic economic examination of depreciation are determined, as well as the objects of research, including primary accounting documentation, accounting registers, tax reporting and

© Остаев Г. Я., Хосиев Б. Н., Хосиев Э. Б., 2026

technical documentation, are identified. A comparative analysis of the main methods of depreciation is carried out, the criteria for choosing the optimal method in the context of specific economic conditions are identified. Special attention is paid to the revision of depreciation methods and parameters, as well as accounting for the residual value of fixed assets. The importance of conducting a forensic economic examination is emphasized in order to establish the reliability and compliance of depreciation operations with the legislation, as well as to identify violations affecting the financial results and tax obligations of the organization.

The research is a contribution to the development of the theoretical and practical foundations of forensic economic expertise in the field of fixed asset accounting and may be useful to experts, auditors, accountants and lawyers involved in the financial and economic activities of organizations.

Keywords: forensic economic examination, fixed assets, depreciation

For citation: Ostaev G. Ya., Khosiev B. N., Khosiev E. B. Features of forensic economic expertise of depreciation of fixed assets. Criminological Journal. 2026;(1):232–240. (In Russ.). EDN: EFYDEX.

Введение. В современное время судебная экономическая экспертиза играет важную роль в разрешении споров, связанных с микро- и макроэкономическими аспектами [2].

Судебно-экономическая экспертиза — это процессуальное действие, заключающееся в проведении исследований специалистом в области экономики (экспертом) на основе специальных экономических знаний с целью дачи заключения по вопросам, имеющим значение для рассмотрения уголовного, гражданского, арбитражного или административного дела [3].

К основным характеристикам судебно-экономической экспертизы относятся: процессуальный характер; специальные знания; независимость и объективность; заключение эксперта.

Судебно-экономическая экспертиза назначается и проводится в рамках установленного законом процессуального порядка. Эксперт должен обладать глубокими знаниями в области экономики, бухгалтерского учета, налогообложения, финансового анализа и других смежных дисциплин. Эксперт должен быть независимым от сторон процесса и давать заключение, основанное на объективном анализе представленных материалов. Результатом судебно-экономической экспертизы является заключение эксперта, которое является одним из видов доказательств по делу [4; 5].

Как нам представляется, судебно-экономическая экспертиза представляет собой процессуально регламентированную процедуру, осуществляемую квалифицированным специалистом в области экономики, направленную на проведение комплексных исследований экономической информации с использованием специальных профессиональных знаний.

Основные средства представляют собой активы, посредством которых хозяйствующий субъект осуществляет свою производственную деятельность. Ключевыми признаками указанных активов являются материально-вещественная форма и эксплуатационный срок не менее 12 месяцев [6]. Амортизация в бухгалтерском учете представляет собой систематический процесс постепенного погашения стоимости основных средств в течение их полезного срока службы [11].

В соответствии с п. 27 ФСБУ 6/2020, начисление амортизации не предусмотрено по следующим категориям имущественных активов:

- инвестиционная недвижимость, учитываемая по переоцененной стоимости;
- основные средства, сохраняющие свои потребительские свойства со временем, такие как земельные участки, музейные экспонаты и иные объекты, не подлежащие амортизации;
- законсервированные и неиспользуемые в производственном процессе основные средства, предназначенные для реализации мероприятий мобилизационной подготовки и мобилизационной мобилизации.

По остальным объектам основных средств, которые либо временно не используются, либо законсервированы, амортизация начисляется в общем порядке. В частности, начисление допускается даже при временной простое производственного процесса (п. 30 ФСБУ 6/2020)[1]. Аналогичные разъяснения содержатся в информационном сообщении Минфина от 3 ноября 2020 г. № ИС-учет-29[2].

Что касается начала, прекращения и особенностей начисления амортизации в бухгалтерском учете:

- начало начисления амортизации происходит с даты первичного признания объекта ОС в бухгалтерском учете. При наличии учетной политики организации допускается старт начисления с первого числа месяца, следующего за месяцем признания актива (пп. «а» п. 33 ФСБУ 6/2020) [1];
- прекращение начисления осуществляется с даты списания объекта ОС из учета. В случае если учетная политика предусматривает старт с первого числа следующего за месяцем списания, то окончание начисления происходит

[1] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365338/76123180f1200d66eb1102dd61173d0f8d64d569/

[2] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366673/

также с первого числа месяца после списания (пп. «б» п. 33 ФСБУ 6/2020).

Следует подчеркнуть, что первоначальная стоимость основного средства и сумма накопленной амортизации регистрируются на различных счетах бухгалтерского учета — соответственно на счетах 01 и 02 — при этом амортизация не влияет на исходную балансовую стоимость актива [7; 8].

Организация не обязана производить ежемесячное начисление амортизации; при использовании иной отчетной периодики, установленной внутренней политикой предприятия, расчет осуществляется по окончании соответствующего периода [9].

Важно отметить, что результаты деятельности организации за отчетный период не оказывают влияния на обязательность начисления амортизации (п. 29 ФСБУ 6/2020). Даже при наличии убытков в отчетном периоде обязательство по начислению амортизационных отчислений сохраняется.

При расчете амортизации необходимо учитывать условие о том, что по истечении срока полезного использования (СПИ) балансовая стоимость объекта должна быть равна его ликвидационной стоимости (п. 32 ФСБУ 6/2020). Это предполагает равномерное распределение разницы между первоначальной стоимостью и ликвидационной ценой на весь срок службы объекта.

При достижении балансовой стоимости ОС уровня или ниже ликвидационной стоимости временно прекращается начисление амортизации. В случае же увеличения ликвидационной стоимости выше текущей балансовой величины необходимо возобновить процесс амортизации (п. 30 ФСБУ 6/2020) [10].

Цель исследования заключается в формировании и развитии методики судебно-экономической экспертизы начисления амортизации на основные средства, раскрытии теоретических и практических положений и рекомендаций по исследовании информации.

Задачи исследования: наиболее актуальной и важной задачей в настоящее время является определение механизмов и процессов судебно-экономической экспертизы.

Материалы, методы и условия проведения исследования. Изучены мнение российских ученных и практиков в области учета, оценки, анализа, организации и управления. Исследование проводилось на основе анализа, синтеза и абстрагирования имеющейся информации.

Результаты исследования и их обсуждение.

Судебно-экономическая экспертиза амортизации основных средств — это часть вида судебно-экономической экспертизы, направленная на исследование правильности и обоснованности начисления амортизации по основным средствам организации с целью установления фактов нарушений законодательства, нормативных актов и учетной политики, которые могли повлиять на финансовые результаты деятельности и налоговые обязательства [12; 13].

Цель такой экспертизы определение достоверности и соответствия законодательству отражения в бухгалтерском и налоговом учете операций по начислению амортизации основных средств.

Задачами судебно-экономической экспертизы являются:

- проверка правильности классификации объектов основных средств и определения их первоначальной стоимости;
- анализ применяемых методов начисления амортизации и их соответствия учетной политике организации и требованиям законодательства;
- оценка обоснованности установленных сроков полезного использования объектов основных средств;
- выявление фактов завышения или занижения сумм начисленной амортизации;
- определение влияния выявленных нарушений на финансовые результаты деятельности и налоговые обязательства организации.

Предметом судебно-экономической экспертизы являются фактические данные, содержащиеся в бухгалтерских и налоговых документах, учетных регистрах, первичных документах, договорах, технической документации, учетной политике организации и других материалах, относящихся к начислению амортизации основных средств.

К объектам судебно-экономической экспертизы относятся: основные средства организации; первичные учетные документы (акты ввода в эксплуатацию, инвентарные карточки и др.); регистры бухгалтерского учета (оборотно-сальдовые ведомости, карточки учета основных средств и др.); налоговые декларации по налогу на прибыль и имущество; учетная политика организации; договоры купли-продажи, аренды и другие документы, связанные с основными средствами; техническая документация на основные средства.

Организации осуществляют выбор метода начисления амортизации исходя из характеристик срока получения экономической выгоды от использования объекта основных средств, ликвидационной стоимости, а также иных специфических аспектов, обусловливающих особенности эксплуатации активов. В случае объединения нескольких объектов основных средств в единую группу, к ней применяется единый метод начисления амортизации, что обеспечивает унифицированный подход и облегчает сопоставимость показателей в бухгалтерской отчетности.

В соответствии с п. 35 и 36 ФСБУ 6/2020, выделяются три основных метода начисления амортизации: линейный, уменьшаемого остатка и пропорционально

объему продукции (или выполненных работ). Первый и второй методы применимы в случаях, когда возможно определить срок полезного использования объекта в календарных или натуральных единицах измерения. Третий метод предназначен для ситуаций, когда срок полезного использования выражается в натуральных показателях (например, килограммах, штуках), что позволяет учитывать износ активов на основе объема произведенной продукции.

При выборе метода для группы объектов основных средств предполагается его последовательное применение на протяжении всего отчетного периода. Такой подход способствует обеспечению сопоставимости данных в бухгалтерской отчетности. Однако при изменении ожидаемых экономических выгод или иных существенных обстоятельствах, влияющих на показатели СПИ или ликвидационной стоимости, организация обязана пересматривать выбранный способ начисления амортизации (пп. «б» п. 34 ФСБУ 6/2020).

Регулярный пересмотр методов и параметров амортизации рекомендуется осуществлять ежегодно по окончании отчетного периода, а также при возникновении обстоятельств, существенно влияющих на оценку срок полезного использования или ликвидационной стоимости. В качестве примера таких обстоятельств можно привести модернизацию или капитальный ремонт оборудования (п. 37 ФСБУ 6/2020).

Линейный метод предполагает равномерное списание стоимости актива за весь срок его полезного использования. Формула расчета амортизации за отчетный период выглядит следующим образом:

$$А_{отч} = (Б_{ст} - Л_{ст}) / СПИ_{ост}, \text{ где:}$$

$А_{отч}$ — амортизации за отчетный период;

$Б_{ст}$ — балансовая стоимость объекта на начало отчетного периода;

$Л_{ст}$ — ликвидационная стоимость объекта;

$СПИ_{ост}$ — оставшийся срок полезного использования на начало периода.

Данный метод целесообразен при наличии возможности точно определить СПИ в календарных или натуральных единицах измерения.

Метод уменьшаемого остатка характеризуется неравномерным списанием стоимости актива: большая часть амортизации приходится на начальные годы эксплуатации, а по мере приближения к окончанию срока она снижается. В конце СПИ балансовая стоимость должна быть равна ликвидационной стоимости (п. 32 ФСБУ 6/2020). Такой подход отражает ускоренный износ активов в первые годы их эксплуатации.

Метод пропорционально количеству продукции применяется в случаях невозможности определения СПИ по времени, однако имеется возможность установить объем произведенной продукции за отчетный период. Расчет амортизации осуществляется по формуле:

$$А_{отч} = (Б_{ст} - Л_{ст}) \times$$
$$\textit{Количество продукции /}$$
$$\textit{Оставшееся к выпуску количество продукции,}$$

где:

- **количество продукции** — количество продукции, изготовленной за текущий отчетный период;
- **оставшееся к выпуску количество продукции** — прогнозируемое количество продукции до окончания срока службы актива.

При этом использование выручки от реализации продукции или иных косвенных показателей для определения суммы амортизации недопустимо (п. 36 ФСБУ 6/2020), поскольку данный метод основывается исключительно на натуральных показателях производства.

Таким образом, выбор метода начисления амортизации должен базироваться на характеристиках объекта и условиях его эксплуатации, обеспечивая достоверное отражение износа активов и соблюдение принципа соответствия затрат с полученными доходами.

Методы и приемы судебно-экономической экспертизы представляют собой совокупность специализированных процедур и техник, предназначенных для систематического анализа экономической информации, выявления фактических обстоятельств, установления причинно-следственных связей и формирования обоснованных экспертных заключений в рамках судебного разбирательства.

Ключевые методы судебно-экономической экспертизы включают:

- аналитические методы — сравнительный анализ, системный подход, структурный анализ и моделирование экономических процессов, позволяющие выявлять закономерности и взаимосвязи в исследуемых данных;
- расчетные методы, основанные на применении математических и статистических инструментов для определения стоимости имущества, оценки убытков, доходов и иных экономических показателей с целью получения объективных количественных характеристик исследуемых объектов;
- критический анализ документов, включающий проверку подлинности, полноты и достоверности финансовых отчетных документов, бухгалтерских регистров и иных источников информации с целью исключения ошибок и фальсификаций;
- экономико-статистические методы, предусматривающие обработку данных с помощью ста-

тистических методов для выявления тенденций, аномалий и отклонений от нормативных показателей;
- методы экспертных оценок, основанные на профессиональных знаниях и опыте эксперта для интерпретации полученных данных, формулирования выводов и обоснования заключений.

Приемы судебно-экономической экспертизы включают конкретные практические действия и техники, реализуемые экспертами в ходе исследования, такие как: анализ бухгалтерской документации; восстановление бухгалтерского учета; расчет экономических убытков или прибыли; оценка стоимости имущественных комплексов или бизнеса; проверка соответствия финансовых операций действующему законодательству.

Использование указанных методов и приемов обеспечивает объективность исследования, позволяет установить фактические обстоятельства дела, провести комплексную оценку экономических аспектов ситуации и подготовить научно обоснованное заключение для судебного разбирательства.

Ключевые методы и приемы судебно-экономической экспертизы амортизации основных средств представлены в таблице 1.

Методы и приемы судебно-экономической экспертизы, отраженные в таблице 1, позволяют установить соответствие применяемых методов амортизации установленным стандартам и нормативам, а также определить возможные искажения финансовой отчетности и налоговой базы вследствие неправильного учета амортизируемых активов. Кроме того, способствуют выявлению нарушений нормативных актов, учетной политики или законодательства, которые могли повлиять на финансовые показатели организации и налоговые обязательства.

Выбор конкретных методов и приемов проверки зависит от поставленных перед экспертом задач, объема и характера представленных материалов, а также от специфики деятельности организации.

Порядок проведения судебно-экономической экспертизы амортизации основных средств регламентируется действующим законодательством, нормативными актами и внутренними методическими рекомендациями экспертных учреждений. Основной целью данного порядка является обеспечение объективности, полноты и достоверности исследования, а также соблюдение процессуальных требований, гарантирующих законность и обоснованность полученных результатов.

Этапы проведения экспертизы.

1. Назначение экспертизы и формирование задания. На данном этапе суд или иной уполномоченный орган формулирует конкретные вопросы, требующие разрешения, определяет объем исследуемых материалов и устанавливает сроки выполнения экспертизы.

2. Изучение исходных материалов. Эксперт на основании предоставленной информации собирает и систематизирует все необходимые документы (бухгалтерские регистры, первичные учетные документы, налоговые декларации, техническую документацию, договоры и учетную политику организации).

3. Аналитическая и расчетная проверка. Экспертом проводится документальная проверка с использованием методов арифметической проверки, нормативно-правовой оценки и логического анализа для выявления ошибок, противоречий или нарушений законодательства.

4. Восстановление бухгалтерского учета (при необходимости). Если обнаружены существенные расхождения или утраты данных, эксперт осуществляет восстановление учетных записей на основе доступных источников информации.

5. Проведение расчетов и моделирование. На базе собранных данных эксперт применяет расчетные методы для определения правильности начисленной амортизации, оценки срока полезного использования объектов и их стоимости.

6. Формирование выводов и подготовка заключения. На основании проведенного анализа эксперт формулирует выводы о соответствии или нарушениях в отражении амортизации в бухгалтерских и налоговых документах.

7. Представление результатов экспертизы в суде или ином органе. Заключение оформляется в виде официального документа с приложениями (таблицами, графиками, расчетными листами — подтверждающими сделанные выводы).

К ключевым особенностям порядка осуществления судебно-экономической экспертизы амортизации основных средств относят: объективность и независимость; комплексность анализа; прозрачность процедуры; использование современных информационных технологий.

В ходе экспертизы, эксперт действует независимо от сторон процесса, основываясь только на фактических данных и нормативных требованиях (объективность и независимость).

В процессе осуществления экспертизы эксперт может применять различные методы исследования, позволяющие получить всестороннюю оценку ситуации (комплексность анализа).

При осуществлении экспертизы все этапы работы документируются, что обеспечивает возможность проверки правильности проведенных расчетов (прозрачность процедуры).

Автоматизированные системы обработки данных позволяют повысить точность и эффективность анализа.

Таблица 1

Методы и приемы судебно-экономической экспертизы амортизации основных средств

№ п/п	*Метод/Прием проверки*	*Описание*	*Пояснения*
1	Документальная проверка	Исследование документов с целью установления соответствия отраженных в них данных требованиям законодательства, нормативных актов и учетной политики.	Включает в себя проверку правильности оформления первичных документов, регистров учета, налоговых деклараций и других документов.
2	Арифметическая проверка	Пересчет показателей, отраженных в документах, с целью выявления арифметических ошибок и неточностей.	Проверяется правильность суммирования, вычитания, умножения, деления и других математических операций.
3	Нормативно-правовая проверка	Оценка соответствия применяемых организацией методов учета и начисления амортизации требованиям законодательства и нормативных актов.	Проверяется соответствие учетной политики организации требованиям ФСБУ 6/2020 «Основные средства», ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль», Налогового кодекса РФ и других нормативных актов.
4	Логическая проверка	Анализ взаимосвязей между различными показателями и документами с целью выявления противоречий и несоответствий.	К примеру, проверяется соответствие сумм начисленной амортизации данным о первоначальной стоимости и сроках полезного использования объектов основных средств.
5	Сравнительный анализ	Сопоставление данных об амортизации основных средств с данными за предыдущие периоды, с данными других организаций отрасли, с данными, содержащимися в технической документации, и др.	Позволяет выявить отклонения от нормальных значений и установить причины таких отклонений.
6	Финансовый анализ	Анализ влияния амортизационных отчислений на финансовые результаты деятельности организации и налоговые обязательства.	Позволяет оценить экономическую обоснованность применяемых методов начисления амортизации и выявить факты завышения или занижения прибыли и налога на прибыль.
7	Инвентаризация	Фактическая проверка наличия и состояния основных средств с целью установления соответствия учетным данным.	Позволяет выявить неучтенные объекты, объекты, пришедшие в негодность, и другие отклонения от учетных данных.
8	Экспертная оценка	Привлечение специалистов в области технической экспертизы для определения технического состояния основных средств и оценки их рыночной стоимости.	Может потребоваться в случаях, когда необходимо установить фактический износ объектов основных средств или оценить их рыночную стоимость для целей переоценки.

К примеру, осуществляется судебно-экономическая экспертиза по вопросу правильности начисления амортизации основных средств организации ОvОО «Ариана». В качестве исходных данных использованы электронные таблицы бухгалтерской программы, содержащие сведения о стоимости объектов основных средств, сроках полезного использования, начисленной амортизации за отчетный период.

Таблица 2

Сведения о стоимости объектов основных средств, сроках полезного использования, начисленной амортизации за отчетный период

№ п/п	*Наименование объекта*	*Первоначальная стоимость (руб.)*	*Дата ввода в эксплуатацию*	*Срок полезного использования (лет)*	*Начисленная амортизация (руб.)*	*Остаточная стоимость (руб.)*
1	Основной станок для обработки древесины	1 200 000	1 января 2022	10	600 000	600 000
2	Компьютерное оборудование	300 000	15 июня 2024	3	100 000	200 000
3	Производственный цех (здание)	5 000 000	1 января 2018	20	1 500 000	3 500 000
4	Транспортное средство (автомобиль)	1 500 000	1июля 2020	5	900 000	600 000

Эксперт анализирует данные по формуле линейного метода начисления амортизации:

Годовая амортизация = Первоначальная стоимость / Срок полезного использования

Для объекта № 1.

1 200 000 / 10 = 120 000 руб./год

За три года (2022–2024):

120 000 × 3 = 360 000 руб.

Однако в таблице указана сумма начисленной амортизации — 600 000 руб., что превышает расчетное значение за три года при линейном методе. Это свидетельствует о возможных нарушениях либо использовании иных методов учета амортизации (ускоренного или нелинейного), либо ошибках в данных. Кроме того, необходимо проверить правильность определения срока полезного использования объекта основных средств, наличие переоценки или корректировок стоимости.

Объект № 2.

300 000 / 3 = 100 000 руб./год

За период с середины июня по конец отчетного периода (например, за полгода).

100 000 / 2 = 50 000 руб.

В таблице указана амортизация — 100 000 руб., что соответствует полугодовому начислению при полном году.

Амортизация начислена правильно при использовании линейного метода.

Объект № 3.

5 000 000 / 20 = 250 000 руб./год

За период с января 2018 г. по декабрь 2020 г.:

251 000 × 3 = 750 000 руб.

В таблице указана амортизация — 1 500 000 руб., что в два раза превышает расчет за три года.

Возможно, применялась двойная ставка или использовался другой метод учета (ускоренный). Требуется проверить: метод учета; возможные переоценки или корректировки стоимости.

Объект № 4.

000 / 5 = 300 000 руб./год

За два года (2020 – 2022):

000 × 2 = 600 000 руб.

В таблице указано — 900 000 руб., что превышает расчет за два года.

Возможно, применялась ускоренная амортизация или были сделаны корректировки стоимости.

Дальнейший анализ включает проверку соответствия выбранного метода учетной политике организации, сопоставление с нормативными требованиями (ФСБУ №6/2020), а также оценку корректности определения срока полезного использования исходя из технических характеристик оборудования.

В результате эксперт формирует заключение о соответствии или нарушениях при отражении амортизации в бухгалтерских документах ООО «Ариана», что может повлиять на налоговые обязательства и финансовую отчетность.

Несоответствие начисленной амортизации расчетным значениям для объектов № 1, 3 и 4 свидетельствует о возможном использовании методов ускоренной амортизации или ошибках в данных. Следовательно, необходимо проверить: указание методов учета амортизации в учетной политике организации; соответствие выбранных методов требованиям нормативных актов (ФСБУ № 6/2020); правильность определения срока полезного использования исходя из технических характеристик объектов; наличие переоценки стоимости или корректировок стоимости объектов. Выявленные факты могут свидетельствовать о нарушениях нормативных требований либо о целенаправленных действиях по оптимизации налоговых обязательств.

В случае выявленных нарушений эксперт готовит соответствующие выводы для суда о возможных искажениях налоговой базы и финансовой отчетности.

На основании проведенного анализа установлено, что организация ООО «Ариана» применяет различные методы начисления амортизации для своих основных средств. Это свидетельствует о целенаправленных действиях по оптимизации налоговых обязательств.

Заключение

Таким образом, порядок осуществления судебно-экономической экспертизы по вопросам амортизации основных средств предполагает системный подход к сбору и анализу документов с использованием комплекса методов — аналитических, расчетных, нормативных и экспертных — что обеспечивает высокую степень объективности исследования. Важным аспектом является применение современных информационных технологий для обработки цифровых данных и автоматизации расчетов, что повышает точность выводов и способствует принятию обоснованных судебных решений.

Список источников

1. Алборов Р. А., Ардашева Г. Н., Алборов Г. Р., Хоружий В. И. Инвентаризация активов и обязательств в соответствии с ФСБУ 28/2023 «Инвентаризация» // Бухучет в сельском хозяйстве. 2024. № 2. С. 85–93.
2. Козменкова С. В., Игилик У. Бухгалтерский баланс как информационная база финансово-экономической экспертизы в России и Монголии // Дайджест-финансы. 2024. Т. 29. № 1 (269). С. 57–71.
3. Костюкова Е. И., Сытник О. Е., Фролов А. В.

Информационное обеспечение учетной системы субъектов агробизнеса в части обесценения объектов основных средств // Современная экономика: проблемы и решения. 2024. № 8 (176). С. 107–123.
4. Остаев Г. Я., Козменкова С. В., Захарова Е. В. и др. Особенности организации и методики экономической экспертизы биологических активов // Международный бухгалтерский учет. 2025. Т. 28. № 1. С. 100–118.
5. Остаев Г. Я., Кондратьев Д. В., Хосиев Б. Н. и др. Исследования причинно-следственных связей в системе бухгалтерского учета // Бухучет в сельском хозяйстве. 2023. № 6. С. 336–350.
6. Остаев Г. Я., Хосиев Б. Н., Алборов Г. Р., Семенов П. Н. Несудебная экономическая экспертиза: сбор доказательств и их систематизация // Бухучет в сельском хозяйстве. 2025. Т. 22. № 1 (257). С. 17–26.
7. Селезнева И. П., Шляпникова Е. А., Селезнева И. А., Остаев Г. Я. Актуальные вопросы планирования аудита амортизации стоимости и затрат на ремонт основных средств // Исследование проблем экономики и финансов. 2024. № 2.
8. Селезнева И. П., Селезнева И. А., Шляпникова Е. А., Джикия К. А. Выбор элементов и учет амортизации основных средств // Бухучет в сельском хозяйстве. 2021. № 5. С. 6–19.
9. Селезнева И. П., Селезнева И. А., Шляпникова Е. А., Джикия К. А. Совершенствование учета амортизации основных средств в источниках их воспроизводства // Бухучет в сельском хозяйстве. 2021. № 9. С. 6–15.
10. Селезнева И. П., Селезнева И. А., Шляпникова Е. А. и др. Планирование экономической экспертизы соблюдения заемщиком принципов кредитования // Бухучет в сельском хозяйстве. 2024. № 12. С. 879–888.
11. Хоружий Л. И., Головач В. М. Анализ и тенденции воспроизводства и эффективности использования основных средств в сельскохозяйственной организации // Бухучет в сельском хозяйстве. 2024. № 12. С. 868–878.
12. Хосиев Б. Н., Семенов П. Н. [и др.] Судебная экономическая экспертиза использования государственных и местных бюджетных средств // Вестник профессиональных бухгалтеров. 2024. № 6. С. 16–24.
13. Эриашвили Н. Д., Колесникова Е. Н. Учетно-аналитическое обеспечение производства судебных бухгалтерских экспертиз операций с цифровыми валютами и электронными денежными средствами // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 2 (44). С. 133–140.

References

1. Alborov R. A., Ardasheva G. N., Alborov G. R., Khoruzhiy V. I. Inventory of assets and liabilities in accordance with FSBI 28/2023 «Inventory» // Accounting in agriculture. 2024. No. 2. P. 85–93.
2. Kozmenkova S. V., Igilik U. The balance sheet as an information base for financial and economic expertise in Russia and Mongolia // Digest-finance. 2024. Vol. 29. No. 1 (269). P. 57–71.
3. Kostyukova E. I., Sytnik O. E., Frolov A. V. Information support of the accounting system of agribusiness entities in terms of depreciation of fixed assets // Modern economics: problems and solutions. 2024. No. 8 (176). P. 107–123.
4. Ostaev G. Ya., Kozmenkova S. V., Zakharova E. V. et al. Features of the organization and methods of economic expertise of biological assets // International accounting. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 100–118.
5. Ostaev G. Ya., Kondratiev D. V., Khosiev B. N. et al. Studies of causal relationships in the accounting system // Accounting in agriculture. 2023. No. 6. P. 336–350.
6. Ostaev G. Ya., Khosiev B. N., Alborov G. R., Semenov P. N. Non-judicial economic expertise: collection of evidence and their systematization // Accounting in agriculture. 2025. Vol. 22. No. 1 (257). P. 17–26.
7. Selezneva I. P., Shlyapnikova E. A., Selezneva I. A., Ostaev G. Ya. Actual issues of planning an audit of depreciation of the cost and repair costs of fixed assets // Research of problems of economics and finance. 2024. No. 2.
8. Selezneva I. P., Selezneva I. A., Shlyapnikova E. A., Dzhikiya K. A. Selection of elements and accounting for depreciation of fixed assets // Accounting in agriculture. 2021. No. 5. P. 6–19.
9. Selezneva I. P., Selezneva I. A., Shlyapnikova E. A., Dzhikiya K. A. Improving the depreciation of fixed assets in the sources of their reproduction // Accounting in agriculture. 2021. No. 9. P. 6–15.
10. Selezneva I. P., Selezneva I. A., Shlyapnikova E. A. et al. Planning an economic examination of the borrower's compliance with the principles of lending // Accounting in agriculture. 2024. No. 12. P. 879–888.
11. Khoruzhiy L. I., Golovach V. M. Analysis and trends of reproduction and efficiency of use of fixed assets in an agricultural organization // Accounting in agriculture. 2024. No. 12. P. 868–878.

12. Khosiev B. N., Semenov P. N. [et al.] Judicial economic examination of the use of state and local budgetary funds // Bulletin of Professional Accountants. 2024. No. 6. P. 16–24.
13. Eriashvili N. D., Kolesnikova E. N. Accounting and analytical support for the production of judicial accounting examinations of operations with digital currencies and electronic money // Investigation of crimes: problems and solutions. 2024. No. 2 (44). P. 133–140.

Информация об авторах

Г. Я. Остаев — декан экономического факультета, доцент кафедры бухгалтерского учета, финансов и аудита Удмуртского государственного аграрного университета, кандидат экономических наук, доцент;

Б. Н. Хосиев — доцент кафедры экономики и экономической безопасности Горского государственного аграрного университета, кандидат экономических наук, доцент;

Э. Б. Хосиев — студент кафедры экономики и экономической безопасности факультета экономики и менеджмента Горского государственного аграрного университета.

Information about the authors

G. Ya. Ostaev — Dean of the Faculty of Economics, Associate Professor of the Department of Accounting, Finance and Audit of the Udmurt State Agricultural University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

B. N. Khosiev — Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

E. B. Khosiev — student of the Department of Economics and Economic Security of the Faculty of Economics and Management of the Gorsky State Agrarian University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 28.08.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 11.09.2025.

Научная статья
УДК 004.8+343.2/.7
EDN: https://elibrary.ru/ELAKYA
NIION: 2007-0083-1/26-794
MOSURED: 77/27-005-2026-01-994

Противодействие киберпреступности на основе применения технологий искусственного интеллекта

Владимир Александрович Минаев[1], Константин Михайлович Бондарь[2]
[1] Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, m1va@yandex.ru
[2] Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова, Хабаровск, Россия, bondar_km@mail.ru

Аннотация. Отмечается разнонаправленность в развитии практических приложений искусственного интеллекта (ИИ) в сфере эволюции киберпреступности. Одна, отражая негативную сторону современных технологий, нашла активное применение в активизации криминальной деятельности, обеспечивая проникновение достижений ИИ в сфере подготовки и совершения киберпреступлений. Другая — позитивная тенденция — способствует совершенствованию работы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию киберпреступлений, их предотвращению. Из многообразия имеющихся при этом аспектов выделяется направление обоснования криминологических, управленческих и нормативно-технологических решений, учета их особенностей, обусловленных развивающейся практикой применения ИИ для снижения остроты проявлений киберпреступности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберпреступность, управление, криминогенная обстановка, предупреждение, раскрытие, расследование преступлений

Для цитирования: Минаев В. А., Бондарь К. М. Противодействие киберпреступности на основе применения технологий искусственного интеллекта // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 241–245. EDN: ELAKYA.

Original article

Countering cybercrime through the use of artificial intelligence technologies

Vladimir A. Minaev[1], Konstantin M. Bondar[2]
[1] Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, m1va@yandex.ru
[2] Far Eastern Law Institute of the Internal Affairs Ministry of Russia named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russia, bondar_km@mail.ru

Abstract. There is a multidirectional trend in the development of practical applications of artificial intelligence (AI) in the field of cybercrime evolution. One, reflecting the negative side of modern technologies, has found active application in the intensification of criminal activity, ensuring the penetration of AI achievements in the field of preparation and realization of cybercrimes. Another positive trend contributes to improving the work of law enforcement agencies in uncovering, investigating and preventing cybercrimes. From the variety of available aspects, the direction of substantiating criminological, managerial, and regulatory-technological solutions is highlighted, taking into account their features due to the developing practice of using AI to reduce the severity of cybercrime.

Keywords: artificial intelligence, cybercrime, management, criminal situation, prevention, detection, investigation of crimes

For citation: Minaev V. A., Bondar K. M. Countering cybercrime through the use of artificial intelligence technologies. Criminological Journal. 2026;(1):241–245. (In Russ.). EDN: ELAKYA.

© Минаев В. А., Бондарь К. М., 2026

Введение.

Предметная область статьи связана с применением искусственного интеллекта (ИИ, AI — *Artificial intelligence*) в сфере противодействия киберпреступности. Указанная область влечет необходимость оценки тех противоречивых тенденций, которые возникают в системе управления правоохранительных структур при принятии решений относительно новых криминальных тенденций. Рассмотрим их основные особенности.

В современный период становления и последовательного осуществления этапов промышленной революции создание прорывных технологий в жизнедеятельности общества, в первую очередь, направлено на позитивные цели. Но, вместе с тем, находят свое проявление и разнообразные негативные эффекты. Они, обладая активными свойствами взаимообусловленности, взаимодействия, определяют объективную основу формирования названных противоречий.

Позитивная сторона развития ИИ многогранна и довольно хорошо известна своими возможностями по оказанию помощи правоохранительным органам в противодействии киберпреступности. В то же время, негативная сторона достижений в распространении достижений ИИ создает поле интереса для преступного сообщества. Подробный анализ указанных противоречивых процессов приведен авторами в недавно появившейся монографической работе [1].

Криминологические особенности совершения киберпреступлений

Укажем на некоторые криминологические характеристики и особенности применения технологий ИИ при совершении киберпреступлений в новых реалиях:

- они в основном носят дистанционный и информационный характер воздействия на потенциальных жертв, что резко изменило тактику противоборства с ними;
- возникли ранее неизвестные возможности и способы криминального обогащения, незаконного получения финансовых средств;
- появились разнообразные условия для дополнительного обеспечения скрытности осуществления преступлений, значимо затрудняющего деанонимизацию их организаторов, исполнителей, сообщников. Это обусловливает сложность раскрытия киберпреступлений, сбора и фиксации требуемой доказательственной информации;
- использование преступным сообществом новейших программно-технических разработок по поиску пробелов в организационной и технологической защите от киберпреступлений обусловливает быструю смену тактических подходов в совершении кибермошенничеств, создании новых проблем для правоохранительных органов в их раскрытии и расследовании. Так, например, в августе прошедшего года в России появилась новая схема мошенничества, когда граждан начали шантажировать микро-займами, которых они не брали;
- применение технологий, средств и методов психологической обработки жертв киберворздействия — специально созданные боты, дипфейки с генерированным с помощью ИИ аудио- и видеоконтентом. Это, конечно же, направлено на сокрытие организаторов преступления, затруднение выдвижения следственных версий, обоснование и подтверждение доказательственной базы, а также выработку эффективных мер по предупреждению воздействия данного вида.

Системное применение искусственного интеллекта.

Используя системный подход к решению проблем использования современных технологий ИИ в процессе противодействия киберпреступности, отметим важнейшие его составляющие на современном этапе:

- организация исследований информационных угроз при управлении контролируемыми параметрами кибербезопасности;
- использование методов математического моделирования, в частности — имитационного моделирования для описания процессов подготовки и совершения конкретных видов киберпреступлений преступлений;
- выявление достоинств и недостатков разрабатываемых программно-аппаратных комплексов противодействия существующим и потенциальным киберугрозам;
- интеллектуальный мониторинг изменения криминогенной обстановки, превентивное выявление новых особенностей киберпреступлений;
- внесение концептуальных, нормативно-правовых, технологических и иных изменений для эффективной нейтрализации ожидаемых социальных, финансовых, материальных, репутационных и иных видов ущерба.

Нормативно-правовое регулирование в сфере искусственного интеллекта.

Отметим, что в эпоху идущей промышленной революции на ее 4-м уровне, когда общество трансформируется в глобальную киберфизическую систему, существует определенное отставание нормативно-правового регулирования от развития новых технологий.

Обратимся к сегодняшнему уровню международно-правовых отношений, упомянув о том, что в начале 2024 г. появилось сообщение Европейского парламента об одобрении первого в мировой практике закона комплексного регулирования в области ИИ [2]. Основная цель закона состояла в регламентировании

требований и практической эксплуатации технологий ИИ на основе четкой системы критериев, отражающей гарантированный контроль, выполнение перед обществом обязательств недискриминационного характера и соблюдения мер в области защиты окружающей среды. Закон определил ряд аспектов разработки, эксплуатации, прав и ответственности, финансирования применения, противодействия как угрозам технологиям ИИ, так и криминальному интересу к их противоправному использованию.

Сделан также акцент на сути угроз, запрещаемых в системах ИИ из-за неприемлемых рисков для безопасности людей. Это — системы с применением техники манипулирования людьми, в законе приведена классификация, которая разделяет все системы и инструменты, основанные на ИИ, по уровню риска — от низкого до неприемлемого.

В законе нашли закрепление нормы, ограничивающие применение ИИ для удаленной идентификации на основе биометрических технологий, осуществляемой в публичных местах в режиме реального времени. Ограничивается сбор биометрических данных в социальных сетях, а также в системах видеонаблюдения, которые могут собирать сведения для формирования баз данных, ориентированных на распознавание лиц или распознавание эмоций.

В рамках реализации закона, например, полиции запрещается применять системы предиктивной аналитики для профилактики правонарушений. Исключением является угроза теракта, поиск жертв, раскрытие и расследование тяжких преступлений.

При стратегическом планировании в Российской Федерации реализуется Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3]. Кроме того, применяется Федеральный проект «Искусственный интеллект» [4], координирующийся Министерством экономического развития России.

Регулятором также выступает Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, с 2022 г. ставший площадкой отбора ИИ-решений для бизнеса, науки и государственных органов.

Интерес с этой точки зрения представляет Ассоциация «Альянс в сфере искусственного интеллекта». Среди ее крупных игроков выступает Яндекс, Сбербанк, МТС, Газпромнефть, Русагро, Самолет, Сибур, Северсталь. Ассоциация создает центры развития ИИ в стране, обеспечивая ее технологическое лидерство на глобальном рынке.

В то же время в сфере общего регулирования в стране отсутствует закон, посвященный ИИ. Начиная с 2016 г., для преодоления этого правового недостатка сделано несколько попыток.

В этом плане отметим принятие в 2020 г. Федерального закона № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». В нем принято правовое определение понятия ИИ — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Технологические решения комплекса включают в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Сходной по трактовке является редакция данного определения, данная позднее в Указе Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124, определившем обновление Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. В нем даны и дефиниции «технологии искусственного интеллекта», «перспективные методы искусственного интеллекта».

Кроме этого, укажем на действие в стране с 2020 г. Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [5]. С 2021 г. также действует Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [6]. Им регламентированы правовые режимы по таким направлениям ИИ, как беспилотные такси, оказание услуг медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Следующий аспект относится к функционированию Технического комитета по стандартизации № 164 «Искусственный интеллект» (ТК 164), который создан на основании Приказа Росстандарта от 25 июля 2019 г. № 1732 и объединяет более 120 профильных организаций. По существу, данный комитет «зеркально» отражает международный подкомитет SC 42 *Artificial Intelligence объединенного технического комитета ISO/IEC JTC 1 Information Technologies*, выполняя функции постоянно действующего национального органа в ISO.

Заключение.

В последние годы состояние криминогенной остановки свидетельствует о том, что в стране наблюдается устойчивый рост киберпреступности. Изменилась и тактика киберпреступников: если ранее основными были потери при операциях граждан с использовани-

ем карт, то сейчас — через манипуляции с онлайн-банкингом и переводами.

На основании решений в сфере применения ИИ по противодействию киберпреступности отметим основные, обеспечивающие наиболее значимый профилактический аспект.

1. Проведение предупредительной работы в традиционной форме — разъяснение среди населения тактических приемов и наиболее распространенных схем поведения кибермошенников. Информационными средствами ведения этой работы являются СМИ, включая Интернет, специальные листовки, проведение занятий в школах и на предприятиях.

2. Организация профилактических мероприятий на уровне государственного регулирования и оказания эмоциональной помощи и поддержки жертвам кибернападений. Основой противоправных деяний в сфере киберпреступности является эмоциональная дестабилизация жертвы, запуск психологического механизма ее поражения. Следовательно, задачей инструментария ИИ, при оказании своевременной помощи, является недопущение длительного нахождения потенциальной жертвы в условиях стресса и возможной потери финансовых средств. Такой инструментарий реализуют крупные организации страны (СБЕР, ВТБ, мобильные операторы МТС, Мегафон).

3. Интересны программные интеллектуальные продукты по фиксации цифровых следов проводимых воздействий криминального характера. Их целями выступают сбор криминалистически значимой информации, отслеживание признаков «серийности» кибератак, осуществление деанонимизации исполнителей, их истинных характеристик, выявление статуса подозреваемых в совершении киберпреступлений [7; 8].

4. Нормативно-правовое регулирование ситуации. Эту задачу выполняет, в частности, недавний Федеральный закон [9] с регламентацией противодействия современным видам киберпреступлений. Его возможности, связанные с анализом криминогенной обстановки, заложены в государственной информационной системе противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий.

5. Разъяснения специалистов в области кибербезопасности, что, следует исключать диалоги по неизвестным телефонным номерам, обращение к файлам из сомнительных источников, подозрительным ссылкам. Названные специалисты призывают также к эксплуатации только приложений и платформ с официальным обновлением; сделать обязательными процедуры защиты информации на основе уникальных паролей с включением, как минимум, двухфакторной аутентификации, использования на электронных устройствах надежных антивирусных решений.

Список источников

1. Минаев В. А., Бондарь К. М., Дунин В. С., Толпыгин А. С., Федорович В. Ю. Искусственный интеллект: противодействие киберпреступности: Монография / под ред. В. А. Минаева, К. М. Бондаря // Хабаровск : ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова, 2025.
2. Миклашевская А. ИИ разложили по юридическим полочкам // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6394442
3. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. (ред. от 15 февраля 2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27 августа 2020 г. № 17 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Kuptsov M. I., Minaev V. A., Yablochnikov S. L., Dzobelova V. B., Sharopatova A. V. Some Statistical Features of Information Exchange in Social Networks / В сборнике: 2020 Systems of Signal Synchronization, Generating and Processing in Telecommunications, SYNCHROINFO 2020. 2020.
8. Минаев В. А., Сычев М. П., Вайц Е. В., Бондарь К. М. Системно-динамическое моделирование сетевых информационных операций // Инженерные технологии и системы. 2019. Т. 29. № 1. С. 20–39.
9. Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Minaev V. A., Bondar K. M., Dunin V. S., Tolpygin A. S., Fedorovich V. Yu. Artificial intelligence: countering cybercrime: A monograph / edited by V. A. Minaev, K. M. Bondar // Khabarovsk : I.F. Shilov Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025.
2. Miklashevskaya A. I. laid out on legal shelves // URL: https://www.kommersant.ru/doc/6394442
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 (as amended on February 15, 2024) «On the development of artificial Intelligence in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
4. Passport of the federal project «Artificial Intelligence» of the national program «Digital Economy of the Russian Federation»: Appendix No. 3 to the Protocol of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to improve the quality of life and business conditions dated August 27, 2020 No. 17 // LRS «ConsultantPlus».
5. Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020 (as amended on July 31, 2025) «On Experimental Legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
6. Federal Law No. 331-FZ of July 2, 2021 (as amended on December 29, 2022) «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law «On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
7. Kuptsov M. I., Minaev V. A., Yablechnikov S. L., Dzobelova V. B., Sha-ropatova A.V. Some Statistical Features of Information Exchange in Social Networks / In the collection: 2020 Systems of Signal Synchronization, Generating and Processing in Telecommunications, SYNCHROINFO 2020. 2020.
8. Minaev V. A., Sychev M. P., Vaits E. V., Bondar K. M. System-dynamic modeling of network information operations // Engineering technologies and systems. 2019. Vol. 29. No. 1. P. 20–39.
9. Federal Law No. 41-FZ of April 1, 2025 «On the Creation of a State information system for Countering Offenses Committed using Information and Communication Technologies and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

В. А. Минаев — профессор кафедры специальных информационных технологий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор технических наук, профессор;

К. М. Бондарь — профессор кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат технических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Minaev — Professor of the Special Information Technologies Department of the Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia named after V. Ya. Kikot, Doctor of Technical Sciences, Professor;

K. M. Bondar — Professor of the Information and Technical Support Department of Internal Affairs Bodies of the I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Internal Affairs Ministry of Russia, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 04.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.